

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2019 Том 19 № 4

В номере: Исламский фактор в мировой политике

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабазга,

доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев,

кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, Россия
degtere-da@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук
старший преподаватель,
РУДН, Россия
chikrizova-os@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», г. Москва, Российская Федерация

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Алекс Дж. Беллами, директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Амитав Ачарья, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Навнита Чадха Бехера, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Патрик Бонд, профессор Университета Квазулу-Натал, ЮАР

Раффаэле Маркетти, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Ричард Саква, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «Глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политический портрет», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2020 г. следующий:

№ 1 2020	Деколонизация, неокOLONиализм и реколонизация: к 60-летию «Года Африки»	До 15 января 2020 г.
№ 2 2020	Региональное измерение в международных отношениях	До 1 марта 2020 г.
№ 3 2020	Внешняя политика России в XXI веке: итоги двадцатилетия	До 15 мая 2020 г.
№ 4 2020	Международное миротворчество в XXI веке: новые вызовы, новые акторы, новые форматы	До 15 августа 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

**Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Е.П. Довголевская**

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2019. Выход в свет 30.12.2019.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1851. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2019 VOLUME 19 No. 4

In this issue: Islamic Factor in World Politics

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor Dr. Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Voskressenski Alexei Dmitrievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO University, Editor-in-Chief of the Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor of the Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE, Moscow, Russian Federation

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor of Economics, Editor-in-Chief of Far Eastern Affairs Journal (Russia), Moscow, Russian Federation

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Chugrov Sergey Vladislavovich, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor-in-Chief of the Journal "Polis. Political Studies", Moscow, Russian Federation

Alex J. Bellamy, Director of the Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of Kwazulu-Natal, South Africa

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor at the University of Kent, Canterbury, Great Britain

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portrait", "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

# 1 2020	Decolonization, Neocolonialism and Recolonization: 60th Anniversary of the Year of Africa	By January 15, 2020
# 2 2020	Regional Dimension in International Relations	By March 1, 2020
# 3 2020	Russian Foreign Policy in the 21st Century: Results of the Last 20 Years	By May 15, 2020
# 4 2020	International Peace-Keeping in the 21st Century: New Challenges, New Actors, New Formats	By August 15, 2020

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova
Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Исламский фактор в мировой политике

- Крашенинникова Е.А.** Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения 533
- Чикризова О.С.** Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения 545
- Бартенев В.И.** Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние 566
- Лашхия Ю.В.** Роль университета Аль-Азхар в событиях «арабской весны» (на примере Египта) 583
- Аватков В.А., Рыженков А.С.** «Правый поворот» в Турции в европейском контексте 597
- Antigegn G.K.** An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia (Антигегн Г.К. Оценка религиозной ситуации, мира и конфликта в Эфиопии после 1991 г.) 607
- Геворгян А.Г.** Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса 615

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Malik Z.A., He Zhilong, Rafay M.** War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps (Малик З.А., Хе Джилонг, Рафай М. Война с терроризмом в Пакистане: вызовы и стратегические шаги) 625
- Яшлавский А.Э.** Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма 632
- Бокерия С.А., Данилов В.В.** Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе 643

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Басангов Л.Л., Игнатов А.А.** О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году 654

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Трунов Ф.О.** Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе 663
- Атрашкевич А.Н.** Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999—2017 гг.) 675

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

- Морозова Н.Н.** Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет 690

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- «Религия выполняет очень важную миссию...». *Интервью с ДАМИРОМ ВАЙСОВИЧЕМ МУХЕТДИНОВЫМ, первым заместителем председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ)* 702

РЕЦЕНЗИИ

- Юртаев В.И.** Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. — М.: ИАФр, 2018. — 376 с. 713
- Савичева Е.М.** Ислам в мировой политике в начале XXI века: учебное пособие / под ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 346 с. 715
- Богатуров А.Д.** Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 608 с. 718
- Агазде М.М.** Global Governance and Muslim Organizations / Ed. by L.A. Pal, M.E. Tok. Palgrave Macmillan, 2019. 388 p. 721
- Филин Н.А., Ходунов А.С.** Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 2019. 364 p. 724
- Куприянов А.В.** Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër. Oxford University Press, 2017. 304 p. 728
- Соков И.А.** Bacon T. Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. 345 p. 731

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Islamic Factor in World Politics

- Krashennnikova E.A.** Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan Conflict: Opportunities and Limitations 533
- Chikrizova O.S.** Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits 545
- Bartenev V.I.** The Gulf States' Assistance to Egypt after the 2011 Revolution: Logic, Dynamics, Systemic Impact 566
- Lashkhia Yu.V.** Al-Azhar University in the Events of the Arab Spring (Case of Egypt) 583
- Avatkov V.A., Ryzhenkov A.S.** "Right Turn" in Turkey in the European Context 597
- Antigegn G.K.** An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia 607
- Gevorgyan A.G.** The Kurdish Issue in Turkish—Syrian Relations in the Context of the Syrian Crisis 615

PEACE AND SECURITY

- Malik Z.A., He Zhilong, Rafay M.** War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps 625
- Yashlavskii A.E.** Myths and Reality of "Lone Wolf" Terrorism in the Context of Islamist Extremism 632
- Bokeriya S.A., Danilov V.V.** Cultural Diplomacy of Italy within the EU Cultural Strategy 643

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Basangov L.L., Ignatov A.A.** Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020 654

BILATERAL RELATIONS

- Trunov Ph.O.** Bilateral Relations between Germany and Saudi Arabia: Military-Political Dimension 663
- Atrashkevich A.N.** Turkey and Greece: Political and Economic Relations within the Conflict Circumstances (1999—2017) 675

POLITICAL PORTRAIT

- Morozova N.N.** King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II: Political Portrait 690

SCIENTIFIC SCHOOLS

- "Religion Carries Out a Very Important Mission...". *Interview with DAMIR MUKHETDINOV, First Vice-Chairman of the Spiritual Administration of Muslims (SAM) of the Russian Federation* 702

BOOK REVIEWS

- Yurtaev V.I.** Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2018). Islam, Global Governance and the New World Order. Moscow: IAfr publ., 376 p. (In Russian) 713
- Savicheva E.M.** Efimova, L.M. & Saprionova, M.A. (Eds.). (2016). Islam in World Politics at the Beginning of the 21st Century: A Textbook. Moscow: MGIMO-University publ., 346 p. (In Russian) 715
- Bogaturov A.D.** Alekseeva, T.A. (2019). Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science. Moscow: Aspect Press publ. 608 p. (In Russian) 718
- Agazade M.M.** Pal, L.A. & Tok, M.E. (Eds.). (2019). Global Governance and Muslim Organizations. Palgrave Macmillan, 388 p. 721
- Filin N.A., Khodunov A.S.** Grinin, L., Korotayev, A. & Tausch, A. (2019). Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 364 p. 724
- Kupriyanov A.V.** Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017). Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf. Oxford University Press, 304 p. 728
- Sokov I.A.** Bacon, T. (2018). Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 345 p. 731

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Исламский фактор в мировой политике THEMATIC DOSSIER: Islamic Factor in World Politics

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Научная статья

Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения

Е.А. Крашенинникова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Research article

Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan Conflict: Opportunities and Limitations

E.A. Krasheninnikova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

В статье анализируется потенциал религиозной дипломатии в урегулировании афганского конфликта. В российском и зарубежном исследовательском дискурсах освещаются значимость и примеры использования религиозных каналов в качестве инструмента по снижению напряженности и урегулированию конфликтов. Однако акцент делается преимущественно на западной практике работы специализированных институтов (преимущественно христианских) по предотвращению эскалации существующих конфликтов. Настоящая статья, в свою очередь, ориентирована на анализ ранее подробно не изученных в литературе примеров внешнеполитических инициатив исламских религиозных деятелей в современном Афганистане.

Рассматриваются актуальные примеры деятельности афганских богословов в национальном и международном форматах по мобилизации международного осуждения силовых методов борьбы движения «Талибан» (ДТ) (запрещено в РФ) против правительства Исламской Республики Афганистан (ИРА). На основе анализа аналитических докладов и публикаций в средствах массовой информации делается вывод о том, что цели правительства в Кабуле по привлечению поддержки со стороны мусульманского мира с помощью использования влияния афганских религиозных кругов были достигнуты лишь частично, так как не удалось добиться единогласного осуждения деятельности ДТ. Религиозная дипломатия официального афганского духовенства вынуждена конкурировать с религиозными деятелями ДТ, которые поддерживают самостоятельные контакты с исламскими общинами других стран. Однако при оценке перспектив дальнейшего использования религиозных каналов для снижения недоверия и международной напряженности делается вывод о востребованности данного инструмента в налаживании конструктивного диалога с обществами стран исламского мира, преодолении кризиса доверия и подготовке благоприятной среды для будущего политического диалога.

Автор утверждает, что использование миротворческого потенциала ислама в урегулировании афганского конфликта имеет как возможности, так и ограничения в силу сложившейся международно-политической ситуации вокруг Афганистана.

Ключевые слова: религиозная дипломатия, Исламская Республика Афганистан, движение «Талибан», международные исламские конференции, урегулирование афганского конфликта, публичная дипломатия

© Крашенинникова Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Крашенинникова Е.А. Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 533—544. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Abstract. The article analyzes the potential of religious diplomacy in the settlement of the Afghan conflict. The Russian and foreign research discourses highlight the importance and examples of using religious channels as a tool of reducing tensions and resolving conflicts. However, the emphasis is mainly done on the Western practice of specialized (mainly Christian) institutions in preventing the escalation of existing conflicts. This article, in turn, is focused on the analysis of the latest, previously not studied examples of foreign policy initiatives of Islamic religious leaders in post-conflict Afghanistan.

Current examples of the activity of Afghan theologians in national and international formats in mobilizing international condemnation of the methods of force against the government of the IRA are discussed. Based on the analysis of expert comments and reports of the media, it is concluded that the main task of the Afghan religious diplomacy to attract the support of the official Afghan authorities in Kabul from the Muslim world was only partially reached, since it was not possible to achieve a unanimous condemnation of the Taliban movement activities. However, in assessing the prospects for further use of religious channels to reduce mistrust and international tension, the author concludes that this tool is in demand in establishing a constructive dialogue with the societies of the Islamic world, overcoming the crisis of trust and preparing a favorable environment for future political dialogue.

The author argues that the use of the peacekeeping potential of Islam in the settlement of the Afghan conflict has both potential and limitations due to the current international political situation around Afghanistan.

Key words: religious diplomacy, Islamic Republic of Afghanistan, Taliban movement, international Islamic conferences, Afghan conflict resolution, public diplomacy

For citation: Krashennnikova, E.A. (2019). Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan Conflict: Opportunities and Limitations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 533—544. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Религиозная дипломатия — недостающее измерение государственного управления; существует настоятельная необходимость вовлечения религиозных лидеров в дипломатию, особенно когда религия воспринимается как источник проблемы.

Д-р Бава Джайн,
Генеральный секретарь
Всемирного совета религиозных лидеров

Процессы глобализации и расширение круга участников афганского конфликта, который длится уже почти сорок лет с 1970-х гг., продемонстрировали, что механизмы классической дипломатии в сложившихся мирополитических условиях не выполняют свои функции, что открывает новые возможности для участия негосударственных акторов в процессах урегулирования.

Инкорпорация религии во всем многообразии ее проявлений во внешнеполитической деятельности государства в англоязычном исследовательском дискурсе была описана двумя терминами: «дипломатия, основанная на вере» (*faith-based diplomacy*) и менее частотный вариант «религиозная дипломатия» (*religious diplomacy*). Если термин «религиозная дипломатия» относится к инициативам религиозных институтов, то «дипломатия на основе веры» описывает посредничество религиозных институтов, а также частных лиц между враждующими сторонами [Корний-

чук 2016]. Представляется, что религиозная дипломатия может быть отнесена к сфере дипломатии «второго трека» (*track two diplomacy*), которая предполагает участие религиозных, политических, племенных лидеров и обладает влиянием на лиц, принимающих решения [Mapendere 77], или экспертной дипломатии [Генюш 2012], представляющей собой неформальное взаимодействие негосударственных акторов, неправительственных НПО, частных лиц в международной сфере. Экспертная дипломатия коррелирует с целями и задачами официальной дипломатии, которая делегирует отдельные задачи и формулирует «повестку дня» на «втором треке» [Никитина 2017: 112—127]. Таким образом, религиозная дипломатия может быть обозначена как набор механизмов, с помощью которых государство задействует международные связи религиозных институтов и акторов для достижения прагматичного национального интереса [Ciganovic 2012].

Прообразом современной дипломатии «второго трека» на территориях современной Центральной Азии и Афганистана являлись исламские школы и суфийские ордены, распространившие свое влияние в крупных городах региона, которые с XV в. находились под контролем империй Великих Моголов, Сефевидов и Узбекского ханства. Суфии и улемы из Герата, Кабула, Кандгары и Мазари-Шарифа свободно перемещались по религиозным центрам Бухары, Дели и Мешхеда и за их пределами, группы верующих совершали паломничество в Мекку, Стамбул и Иерусалим [Green 2017]. В эпоху Центральноазиатского ренессанса велось активное строительство мечетей, мавзолеев и мазаров, посвященных почитаемым исламским деятелям, что, в свою очередь, служило объединяющим культурным началом для исламского населения региона. По мере закрепления исламских норм в регионе современной Центральной Азии духовенство, занимающее официальные должности, распространило влияние на все слои населения, включая правителей: в частности, эмиры Бухары принимали решения, утвержденные религиозными декретами и одобрением улемов [Lipovsky 1996].

Институциональные основы понятия «религиозная дипломатия» были заложены гораздо позднее, когда в последней четверти XX в. на смену традиционным представлениям о классической межгосударственной дипломатии по образцу Вестфали пришли идеи о существовании альтернативных форм дипломатии, ее *многоуровневом* характере, включающем в себя внешнеполитические инициативы бизнеса, средств массовой информации, неправительственных организаций, а также религиозных организаций и деятелей [McDonald 2003].

Осознание важности религиозного фактора в политике усилилось после событий 11 сентября 2001 г., востребованность ресурсов религии в регулировании конфликтов постепенно повышалась, увеличилась доля присутствия религиозных НПО и транснациональных религиозных организаций (например, Римско-Католической церкви) в зонах конфликта. В США был учрежден международный Центр религии и дипломатии (*International Center for Religion & Diplomacy*), специализирующийся на религиозном образовании государственных служащих и превентивной дипломатии в регионах, где религия является фактором кон-

фликта (Кашмир, Пакистан, Судан, Сирия, Афганистан). Центр работает на низовом уровне по противодействию религиозному и политическому экстремизму путем развертывания межрелигиозных групп действий в зонах потенциального конфликта [Корнийчук 2016].

Российский исследователь афганской проблематики Р.Р. Сикоев отмечает, что заметная роль мусульманского духовенства в общественно-политической жизни Афганистана обусловлена высокой интеграцией «религиозно-политических лидеров моджахедов» и чиновников с религиозным прошлым в афганский парламент, провинциальные советы и состав официального духовенства. Странники консервативного ортодоксального ислама и умеренная часть духовенства вступают в конкуренцию повсеместно в афганском обществе, катализируя обострение конфликта и фрагментацию общества. Консервативное духовенство обладает значительным влиянием на общество, опираясь на результаты «полевой» работы с населением в религиозных и светских школах, в мечетях в удаленных от центра страны районах [Сикоев 2006].

Основатель Центра религии и дипломатии и исследователь роли религии в международных отношениях Д. Джонстон полагает, что миротворческий потенциал, лежащий в основе всех основных мировых религий, может быть успешно использован для примирения сторон конфликта. Д. Джонстон и Б. Кокс выделяют четыре вида конфликтных ситуаций, в которых религиозная дипломатия может быть эффективной:

- 1) конфликты, «в которых религия является важным фактором идентичности конфликтующих сторон»;
- 2) в конфликтных ситуациях, «в которых религиозные лидеры могут быть мобилизованы для содействия миру»;
- 3) в ситуациях, в которых «две основные религиозные традиции [находятся] в конфликте и это выходит за рамки национальных границ»;
- 4) в «посредничестве третьей стороны в конфликте, где нет никакого конкретного религиозного измерения» [цит. по: Jodok 2008].

Эти же авторы выделяют четыре характеристики, определяющие возможности религии в контексте публичной дипломатии:

- 1) прочно утвердившееся и всепроникающее влияние в обществе;

2) наличие репутации аполитичной силы, направленной на преобразования;

3) наличие рычагов для примирения конфликтующих сторон;

4) способность религии мобилизовать поддержку мирного процесса на общинном, национальном и международном уровнях [цит. по: Religion and Public Diplomacy 2013: 1].

Упомянутые факторы говорят о значительном конфликторегулирующем потенциале религиозной дипломатии, ресурсы которой, по мнению российского исследователя Д.А. Леви, особенно значимы в тех обществах, где религия традиционно играет важную роль, конкурируя с государством в области пропаганды ценностей [Леви 2017]. В этом контексте Афганистан представляет собой интересный и актуальный пример влияния религиозной традиции на проведение внутренней и внешней политики.

Применение приведенной выше характеристики потенциала религиозной дипломатии к афганскому конфликту выявляет перспективность такого ее направления, как мобилизация религиозных деятелей для содействия налаживанию диалога между конфликтующими сторонами и привлечения поддержки мирного процесса в исламском мире. Представляется, что в контексте современной ситуации вокруг афганского урегулирования, когда инструменты и ресурсы классической дипломатии оказываются по ряду причин ограниченными/исчерпанными¹, использование альтернативных моделей внешнеполитического взаимодействия в виде «дипломатии улемов» становится перспективным направлением, заслуживающим отдельного изучения.

Политизация религии и предпосылки формирования «дипломатии веры» в Афганистане

В Афганистане ислам — неотъемлемый элемент жизни для подавляющего большинства населения — 80% афганцев являются суннитами ханафитского толка (наиболее либерального направления из четырех направлений суннизма), отдельные пуштунские племена относят себя к суфийским орденам *кадирийя* и *накишбандийя*. Шиизм распространен среди хазарейцев, несколь-

ких таджикских кланов и некоторых пуштунских племен [Рашид 2003: 118]. По Конституции 2004 г. ислам признан государственной религией, обладающей главенствующей ролью в сферах законодательства², образования и идеологической работы с населением [Сикоев 2006]. Большая часть религиозных институтов в Афганистане не имеет официального статуса, они существуют в виде традиционных организационных форм. Местные советы (шуры и джирги), религиозные (образовательные) учреждения (мечети, медресе) и религиозные лидеры (муллы и улемы) и по сей день являются влиятельными силами в афганском обществе, претерпев меньшие потрясения в период гражданской войны, чем официальные государственные структуры.

Авторитет ислама, отсутствие доверия к политической власти и закрепившиеся в обществе традиционные нормы обусловили высокий уровень политизации ислама в Афганистане. Религиозные деятели традиционно использовали мечети и медресе в качестве трибун для политической пропаганды, мобилизации молодежи на участие в вооруженных действиях и комментирования социально-политических вопросов [Malaiz 2014]. В этих условиях, когда в упомянутых местах регулярного сбора населения можно было использовать влияние умеренных религиозных деятелей, первенство зачастую принадлежит радикальным экстремистским группировкам и их сторонникам в среде духовенства [Бахриев 2018].

Высокий уровень проникновения политики в сферу религии также отражается и в многообразии религиозных групп, которые подразделяются на сторонников реформ, проправительственных умеренных, консервативных традиционалистов и радикальных фундаменталистов. Так, муллы-наставники, «сопровождавшие афганца от рождения до смерти», в удаленных афганских селениях могли вести пропаганду нетерпимости и насилия, используя конфликтогенный потенциал политического ислама. Еще в начале XX в. английский исследователь А. Гамильтон на основе «полевых» исследований в Афганистане отмечал, что ислам и муллы — «единственный очаг, откуда могут подняться мятежные элементы» [цит. по:

¹ См.: Rafalovich I. Religion in Global Diplomacy // Diplomat. 05.08.2018. URL: <http://www.diplomatmagazine.nl/2018/08/05/42260/> (accessed: 22.01.2019).

² The Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan. (Ratified) January 26, 2004. URL: <http://www.afghanembassy.com.pl/afg/images/pliki/TheConstitution.pdf> (accessed: 18.04.2019).

Сикоев 2004: 47]. В период активной фазы вооруженного конфликта в 1990-е гг. религиозные столкновения между суннитами-пуштунами и составляющими религиозное меньшинство шиитами катализировали процессы фрагментации общества. Таким образом, если в мирное время религиозные круги оставались в тени, то в периоды кризиса они становились силой, способной консолидировать общество против интервентов и «безбожного» правительства страны [Сикоев 2004: 47].

Особым авторитетом в афганском обществе обладают улемы, занимающие высшую ступень в иерархии религиозного духовенства. Их авторитет и привилегированное положение подкреплено дипломами медресе и ведущих исламских университетов. Изначально, будучи далекими от ассоциаций с политикой, улемы представляли собой круг специалистов в области религии, обладающих знаниями в сфере толкования священных текстов Корана и посланий Пророка (хадисов), а также интерпретации исламских законов (шариата). Исследователи вопроса отмечают, что отношения афганских правителей и улемов всегда испытывали на себе влияние зависимости и соперничества. Официальная власть стремилась укрепить собственную легитимность посредством религиозных декретов, издаваемых улемами. Национальный совет улемов, учрежденный в 1931 г., в свою очередь стал играть роль «группы давления» на государственную власть, продвигая собственные интересы и в то же время находясь в зависимости от правящего режима [Borchgrevink 2007: 29]. Институт улемов не является исключительно афганским явлением, подобные формы религиозной власти существуют и в других исламских культурах. Отдельные группы исламского духовенства (центральноазиатские ишаны и суфии) являются сторонниками *квитизма* — нормы поведения, предполагающей аполитичность, отрешенность от социальной жизни [Lacroix 2012].

Сегодня Совет улемов ИРА представляет собой влиятельный околоправительственный институт, обладающий полномочиями на издание декретов (фетв) по религиозным и общественно-политическим вопросам; среди недавних отмечают запреты на культивацию мака, террористические акты, использование алкогольной продукции и ряд других [Borchgrevink 2007: 28]. Совет также поддерживает контакты с исламскими общинами за рубежом и обладает полномочиями

на заключение межгосударственных соглашений с исламскими организациями других стран. В 2011 г. Совет муфтиев России и Совет улемов Афганистана заключили договор о сотрудничестве в области противодействия наркотрафику [Дьяконова 2013], такие соглашения на уровне неофициальной дипломатии способствуют укреплению двусторонних отношений Афганистана и Российской Федерации.

Влияние улемов распространяется также на сферы законотворчества и судопроизводства, они выступают в роли посредников между конфликтующими сторонами, опираясь на религиозные нормы в разрешении споров [Malaiz 2014]. Однако, по мнению исследователей афганского аналитического портала Afghanistan Analysts Network, деятельность афганских улемов характеризуется большей разобщенностью по сравнению с деятельностью их индонезийских и марокканских коллег; виной этому теологические различия и сложности выстраивания отношений между деобандийской, салафитской и шиитской школами. Кроме того, исследователи указывают на нехватку «институциональных возможностей», в связи с которыми миротворческие действия афганских улемов не получают должного освещения в СМИ и не известны населению [Kazemi Reza 2012].

Тем не менее, значимость религиозного фактора и проникновение религии во все сферы жизни афганского общества создает предпосылки для более активного привлечения афганских религиозных деятелей к реализации ключевых внутри- и внешнеполитических задач.

Непрекращающиеся боевые действия ДТ, направленные в том числе против гражданского населения и исламского духовенства, постепенно культивируют назревающий социальный протест внутри афганского общества, вспышки которого приводят к резонансным акциям. Так, в июне 2018 г. состоялась массовая кампания Совета афганских улемов, собравшая под своей эгидой около 3000 религиозных ученых, представляющих как суннитские, так и шиитские исламские школы³. Массовый характер данной акции в поддержку мирных переговоров между Кабулом и ДТ

³ См.: Yusufzai A. Taliban Fears Exposed as Afghan, Pakistani Ulema Plan Peace Conference // Saalam Times. 02.10.2018. URL: http://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2018/10/02/feature-01 (accessed: 18.04.2019).

продемонстрировал пример скоординированной деятельности правящей власти и Совета улемов по прекращению огня. Вскоре после завершения кампании президент ИРА Ашраф Гани и «Талибан» объявили временное перемирие (трехдневное прекращение огня в честь праздника *Ид аль-Фитр*)⁴.

Деятельность Совета улемов по продвижению мирного процесса в ИРА не ограничилась акциями в пределах страны; параллельно афганские религиозные ученые выступили в качестве проводников курса афганского правительства на укрепление своих позиций в борьбе с ДТ в исламском мире.

В феврале 2018 г. на втором заседании Кабульского процесса⁵ президент ИРА А. Гани выступил с новым предложением о мире, включавшем предложение об открытии представительства ДТ в Кабуле и реабилитации умеренных талибов [Крашенинникова 2019], однако представители ДТ оставили данное предложение без официального ответа. Кабул, в свою очередь, инициировал поиск потенциальных международных посредников по достижению мирных переговоров с оппозицией. Контакты Совета улемов Афганистана с исламскими общинами Пакистана, Саудовской Аравии и Индонезии были призваны укрепить позиции официального Кабула, добиться единогласного осуждения деятельности талибов мировой исламской уммой. Удалось ли достигнуть поставленных задач афганскому правительству? На этот вопрос мы ответим далее.

Запретить джихад — возможно ли?

Общие идеологические истоки происхождения афганских и пакистанских религиозных учебных заведений, берущие начало в философии

⁴ См.: Kakar P.L. Afghanistan's Imams Helped Achieve a Surprise Truce // United States Institute of Peace. June 14, 2018. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/afghanistans-imams-helped-achieve-surprise-truce> (accessed: 18.04.2019).

⁵ Кабульский процесс (КП) — международный формат сотрудничества по урегулированию кризиса, организуется Афганистаном с 2017 г. См.: The Kabul Process for Peace & Security Cooperation in Afghanistan Declaration. February 28, 2018 // The Embassy of Afghanistan in Washington, DC. URL: <https://www.afghanembassy.us/news/the-kabul-process-for-peace-security-cooperation-in-afghanistan-declaration/> (accessed: 14.03.2018).

деобандийской школы, заложили основу для налаженной системы взаимодействия улемов двух стран. Афганские религиозные ученые поддерживают контакты с пакистанскими улемами по широкому кругу вопросов в сфере культуры, образования и религии. Официальное правительство в Кабуле воспользовалось данной ситуацией с целью преодоления барьеров в процессе политического сближения с Пакистаном и поиска рычагов воздействия на ДТ извне. Вопрос, поднятый на повестку дня по инициативе Кабула, касался издания Высшим советом улемов Пакистана религиозного указа, посредством которого террористическая деятельность ДТ против легитимной власти была бы запрещена⁶. Предысторией данной инициативы является тот факт, что глава Совета улемов Пакистана Алам Тахир Ашрафи в 2013 г. издал фетву о законности террористической деятельности и джихада в Афганистане. Таким образом, афганское правительство через религиозный канал предприняло попытку убедить пакистанских улемов отказаться от религиозно-политической поддержки афганских талибов и лишить действия ДТ легитимности с точки зрения исламского права [Искандаров 2013].

Однако легитимизация деятельности ДТ с точки зрения религии является лишь одним аспектом проблемы афгано-пакистанских отношений [Hussain 2011: 11]. Остро стоит вопрос о поддержке Исламабадом и пакистанской разведкой (ISI) афганского подразделения ДТ и «Сети Хаккани», руководимых Шурой (верховный совет ДТ) в Кветте⁷. Тренировочные лагеря на афгано-пакистанской границе и пакистанские медресе многие годы являются идеологическими «кузницами» ДТ, пополняющими состав движения новыми кадрами [Mufti, Lamb 2012: 60]. Афганские талибы пользуются поддержкой среди своих пакистанских единомышленников. Так, например, религиозно-политическая партия «Джамият Улема-э-Ислам» (*Jamiat Ulema-e-Islam — JUI-F*)⁸ является последовательным сторонником

⁶ См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

⁷ Город в провинции Белуджистан (Пакистан), в котором находится штаб-квартира верховного совета (Шуры) движения «Талибан».

⁸ Партия исламских религиозных ученых Пакистана.

афганского ДТ. Лидер партии Фазл ур-Рахман неоднократно обвинялся в словесной поддержке джихада в Афганистане⁹.

Высший совет улемов Пакистана отказался от категоричных формулировок в отношении соседнего Афганистана, издав религиозный указ (Пайгам-и-Пакистан), носящий более общий характер антитеррористической направленности. Текст данной фетвы был подготовлен Международным исламским университетом и подписан 1800 учеными различных исламских школ. Фетва Пайгам-и-Пакистан определила джихад как сферу деятельности государства и внесла запрет на исполнение исламских законов с помощью применения силы кем-либо, кроме легитимной государственной власти¹⁰. Данная фетва не касалась напрямую деятельности афганских талибов¹¹.

С целью оказания давления на Пакистан и пакистанских богословов Афганистан активировал дипломатические каналы связи с другими мусульманскими странами для получения более категоричного религиозного декрета. По результатам Индонезия и Саудовская Аравия заявили о своей готовности инициировать более широкий религиозно-дипломатический процесс с участием афганских улемов для достижения консенсуса между религиозными учеными различных мусульманских стран.

Международные исламские конференции по Афганистану

Активное участие в налаживании религиозных связей приняла Индонезия, выступив посредником между политическим офисом ДТ в Дохе и Кабулом¹². При поддержке индонезийского правительства в мае 2018 г. в Джакарте состоялась международная исламская конференция с участи-

ем афганских, пакистанских и индонезийских улемов. По результатам трехсторонней конференции в Джакарте религиозные лидеры опубликовали совместную декларацию, в которой выразили поддержку предложению о мире, объявленному в феврале 2018 г. А. Гани, и настоятельно призвали талибов заключить мирное соглашение с афганским правительством¹³.

Однако необходимо отметить, что и при посредничестве Джакарты афганским улемам не удалось добиться согласия с пакистанскими религиозными деятелями по поводу оценки деятельности ДТ. «Талибан», в свою очередь, негативно отреагировал на попытки Кабула задействовать религиозные круги в кампании, направленной на дискредитацию его деятельности. В частности, в одном из заявлений, сделанных ДТ по поводу конференции в Индонезии, говорится: «Исламский эмират в очередной раз призывает истинных, независимых религиоведов Афганистана и Пакистана воздержаться от подобных встреч, чтобы не стать жертвой махинаций американских стражей и их спецслужб»¹⁴.

В июле 2018 г. при поддержке Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Саудовской Аравии состоялась международная исламская конференция «Мир и стабильность в Афганистане», участие в которой приняли 200 делегатов из 57 государств, в том числе 108 улемов из 32 стран¹⁵. Афганистан представляла делегация из 36 улемов, которую возглавил Киямуддин Кашаф, председатель Совета улемов Афганистана.

По результатам двухдневного заседания, проходившего в Джидде и Мекке, участники приняли декларацию, призывающую участников афганского конфликта заключить перемирие и начать переговоры¹⁶. В декларации говорится: «Афгани-

⁹ См.: Ansar M. Anti-Terror Fatwa in Pakistan A Result of US Pressure // Tolonews, 17.01.2018.

URL: <https://www.tolonews.com/afghanistan/anti-terror-fatwa-pakistan-result-us-pressure-mps> (accessed: 18.04.2019).

¹⁰ См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

¹¹ Ibid.

¹² См.: Kakar P.L. Afghanistan's Imams Helped Achieve a Surprise Truce // United States Institute of Peace. June 14, 2018. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/afghanistans-imams-helped-achieve-surprise-truce> (accessed: 18.04.2019).

¹³ См.: Habib Khan Y. Religious Diplomacy // The Nation. October 10, 2018. URL: <https://nation.com.pk/10-Oct-2018/religious-diplomacy> (accessed: 11.01.2019).

¹⁴ Yusufzai A. Taliban Fears Exposed as Afghan, Pakistani Ulema Plan Peace Conference // Saalam Times. 02.10.2018. URL: http://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2018/10/02/feature-01 (accessed: 18.04.2019).

¹⁵ См.: Langari S.Z. Ulema at Saudi Summit Call on Taliban to End the War // TOLO news. July 11, 2018. URL: <https://www.tolonews.com/afghanistan/ulema-saudi-summit-call-taliban-end-war> (accessed: 11.01.2019).

¹⁶ Ibid.

стан — мусульманское государство. Его гражданами являются мусульмане, чья жизнь неприкосновенна... а акты терроризма... противоречат принципам и формальным учениям ислама»¹⁷. Президент А. Гани, в свою очередь, приветствовал усилия, предпринятые на конференции в Саудовской Аравии, и заявление улемов о том, что «война в Афганистане утратила свою легитимность»¹⁸. Конференция, однако, состоялась в отсутствие пакистанской делегации улемов, которые воздержались от участия под давлением ДТ, призвавшего религиозных ученых «воздерживаться от сотрудничества с американскими захватчиками»¹⁹.

Характеризуя инициативу Саудовской Аравии по проведению конференции исламских ученых, необходимо отметить, что ранее Эр-Рияд выступал в поддержку талибов, в 1992 г. признав провозглашенный ДТ «Исламский эмират Афганистан». Сегодня же Саудовская Аравия на официальном уровне поддерживает власть в Кабуле²⁰ и является одним из перспективных посредников между сторонами конфликта в силу наличия военных и дипломатических рычагов давления на ДТ²¹ и стабильного характера отношений с Исламабадом. В то же время инициативы Эр-Рияда обусловлены прагматичным характером его интересов в Афганистане — региональное противостояние и конкуренция с Ираном и Катаром, поддерживающими связи с афганским ДТ, являются

значимыми факторами для укрепления отношений с Кабулом.

Оценивая итоги конференции в Саудовской Аравии, пакистанские аналитики отмечают, что итоговая декларация конференции не содержала прямого упоминания ДТ²². По всей видимости, афганской делегации не удалось убедить участников конференции занять единую позицию по отношению к деятельности «Талибана». Соответственно, несмотря на позитивные оценки итогов конференции, цель, преследуемая афганским правительством, снова не была достигнута.

С октября 2018 г. по сентябрь 2019 г. состоялось девять раундов переговоров между представителями ДТ и американской делегацией во главе со спецпредставителем Вашингтона З. Халилзадом. Параллельно «прорывами» стали встречи талибской стороны с представителями Верховного совета мира в рамках московского формата в ноябре 2018 г. и в рамках неформальной конференции «Межафганский диалог» в феврале 2019 г.

Афганские улемы также принимали участие в переговорном процессе в составе группы представителей гражданского общества ИРА в рамках межафганского диалога, организованного при содействии Германии в Катаре в июле 2019 г. В состав делегации на переговорах с ДТ вошли 50 человек, включая высокопоставленных служащих, представителей гражданского общества, правозащитных организаций и членов политических партий. Присутствующие в составе делегации немногочисленные улемы представляли Высший совет мира — маулави Шифиулла Наристани, маулави Ата-ур-Рахман Салим и Национальный совет улемов — маулави Энайатулла Балик²³. По требованию ДТ участники делегации выступали в качестве частных лиц, а не как посланники афганского правительства²⁴. По словам одного

¹⁷ Saudi Conference and the Future of Peace in Afghanistan // Center for Strategic and Regional Studies. 14.07.2018. URL: <http://csrskabul.com/en/blog/saudi-conference-and-the-future-of-peace-in-afghanistan/> (accessed: 12.01.2019).

¹⁸ Danishjo K.M. Regional Efforts Grow for Afghan Peace // Institute for War & Peace Reporting. July 25, 2018. URL: <https://iwpr.net/global-voices/regional-efforts-grow-afghan-peace> (accessed: 11.01.2019).

¹⁹ Gul A. Taliban Urges Clerics Not to Attend Anti-Jihad Meeting // VoA News. 29.09.2018. URL: <https://www.voanews.com/a/taliban-urge-clerics-not-to-attend-anti-jihad-meeting/4592825.html> (accessed: 11.01.2019).

²⁰ См.: Danishjo K.M. Regional Efforts Grow for Afghan Peace // Institute for War & Peace Reporting. July 25, 2018. URL: <https://iwpr.net/global-voices/regional-efforts-grow-afghan-peace> (accessed: 11.01.2019).

²¹ См.: Шоде Д. Война в Йемене: почему Афганистан поддерживает Саудовскую Аравию // ИноСМИ.ру. 17.04.2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20150417/227564270.html> (дата обращения: 27.01.2019).

²² См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

²³ См.: Ruttig E. What Came Out of the Doha intra-Afghan Conference? // Afghanistan Analysts Network. 11.07.2019. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/aan-qa-what-came-out-of-the-doha-intra-afghan-conference/> (accessed: 25.11.2019).

²⁴ См.: Афганское правительство определило состав делегации для переговоров с «Талибаном» // Afghanistan.ru. 31.07.2019. URL: <http://afghanistan.ru/doc/131184.html> (дата обращения: 25.11.2019).

из участников переговоров, Халида Нура, религиозные деятели, представлявшие Высший совет мира, в ходе переговоров выразили осуждение тактики талибов и подчеркнули необходимость двустороннего диалога с целью обсуждения разницы в понимании норм ислама²⁵.

Ограничения и возможности религиозной дипломатии в Афганистане

Заключительный период пребывания правительства А. Гани у власти перед президентскими выборами 2019 г. ознаменовался активным привлечением улемов к участию в международных мероприятиях по достижению мира в Афганистане. Религиозная дипломатия в Афганистане является одним из возможных инструментов «мягкосилового» решения афганского конфликта. Анализ возможностей прикладного применения данного феномена в контексте Афганистана выявил не только объективные ограничения, но и его потенциальные возможности и востребованность в будущем.

Во-первых, религиозные декреты, принятые на международных исламских конференциях в Индонезии и Саудовской Аравии, опирающиеся на идеи умеренного ислама и общечеловеческие ценности, не являются безусловно значимыми для радикальных сил. «Талибан» и «Сеть Хаккани» в определении своей позиции опираются на руководство Шуры в Кветте и собственные трактовки исламского вероучения. Они не признают авторитет фетв, составленных при прямом или косвенном содействии правительств, преследующих собственные интересы²⁶.

Во-вторых, несмотря на предпринятые афганским правительством усилия по организации исламских конференций, ключевая цель по достижению единодушного осуждения деятельности «Талибан» в исламском мире так и не была достигнута. Напротив, к 2018 г. позиции ДТ как одного из ключевых «переговорщиков» в афган-

ском урегулировании значительно окрепли, в то время как официальный Кабул, несмотря на предпринимаемые усилия, оказался фактически исключенным из переговорного процесса между США и «Талибаном» в Катаре, что негативно повлияло на его имидж накануне президентских выборов (сентябрь 2019 г.).

В-третьих, неурегулированные проблемы афгано-пакистанских отношений в целом негативно повлияли на результаты взаимодействия по религиозным каналам. Отсутствие готовности к компромиссам и открытому диалогу на уровне правительств Пакистана и Афганистана проявляется и на уровне нетрадиционной дипломатии. Рекомендательный характер религиозных декретов призван сблизить позиции сторон, обозначить точки соприкосновения исламских общин по ключевым вопросам, однако принятые религиозные декреты не могут обеспечить политические гарантии соблюдения границ и невмешательства в дела соседнего государства.

Вместе с тем, несмотря на декларативный характер религиозных декретов, использование религиозных каналов применительно к афганскому конфликту высветило ряд позитивных моментов, среди которых можно отметить благотворное влияние миротворческих инициатив на общественное сознание.

Во-первых, участие авторитетных, обладающих личностной харизмой религиозных деятелей в продвижении идей умеренного ислама в перспективе может содействовать снижению притока новобранцев в ряды радикальных сил, выступающих за продолжение «священной войны» против правительства ИРА²⁷. Деятельность афганских улемов в поддержку мира в целом способствовала снижению уровня напряженности и взаимного недоверия вокруг Афганистана. В настоящее время ситуация вокруг афганского урегулирования постоянно меняется. Так, в частности, еще в апреле 2019 г. появилась перспектива включения делегации, представляющей официальный Кабул, в процесс мирных консультаций в Дохе²⁸, которые проходили при участии афган-

²⁵ См.: Mohibi A. Exclusive Interview with Khalid Noor on Doha Peace Conference // Rise to Peace. URL: <https://www.risetopeace.org/2019/07/17/exclusive-interview-with-khalid-noor-on-doha-peace-conference/shah1505/> (accessed: 25.07.2019).

²⁶ См.: Botobekov U. Islam between Fatwa and Suicide Attack // Modern Diplomacy. 22.01.2018. URL: <https://modern diplomacy.eu/2018/01/22/islam-fatwa-suicide-attack/> (accessed: 12.03.2019).

²⁷ Ibid.

²⁸ См.: Afghan Delegation's Visit to Qatar Postponed, Likely Due to Taliban's Opposition // The Khaama Press. 18.04.2019. URL: <https://www.khaama.com/afghan-delegations-visit-to-qatar-postponed-likely-due-to-talibans-opposition-03746/> (accessed: 25.04.2019).

ского ДТ и США²⁹. Но в настоящее время меж-афганские переговоры в Катаре отложены на неопределенный срок. Что касается пакистанского вектора, то премьер-министр Пакистана Имран Хан заявил о всесторонней поддержке афганского мирного процесса и намерении Исламабада воздерживаться от участия во внутриафганском конфликте³⁰.

Во-вторых, фетвы, осуждающие террористические методы борьбы, провоцируют дискуссии между сторонниками умеренного ислама и радикальными силами, что в дальнейшем может повысить привлекательность политических, а не силовых форм борьбы за власть. Эволюция взглядов афганских радикальных сил может в дальнейшем способствовать превращению умеренного крыла движения «Талибан» в политическую партию по модели пакистанских религиозных партий. Подобный вариант развития событий является желаемым исходом для стран западной коалиции и США, однако тактические шаги «Талибан» являются сложно прогнозируемыми, поэтому перспектива появления ДТ на политическом ландшафте ИРА видится на данный момент отдаленной. Тем не менее позитивным шагом в сторону перемен служат первые встречи и обмена мнениями представителей ДТ и афганских улемов в рамках меж-афганских переговоров в Москве и Катаре.

В-третьих, участие в работе международных религиозных форумов призвано повысить ответственность стран — соседей ИРА за результаты борьбы против идеологии радикального исламизма, в частности прекратить практику скрытой

поддержки и финансирования вооруженных групп на афганской территории.

Заключение

Название одной из работ идеолога «дипломатии веры», американского дипломата Д. Джонстона гласит: «Религия является недостающим элементом управления государством». Данный принцип был взят на вооружение правительством Ашрафа Гани в целях достижения прагматичного национального интереса и обеспечения выживания политического режима. Исторически сложившаяся взаимозависимость института улемов и правящих режимов в Афганистане предопределили возможности для их сотрудничества в условиях кризиса.

Религиозная дипломатия в условиях афганского урегулирования представляется перспективным инструментом по «разрядке» международной напряженности и атмосферы недоверия вокруг Афганистана. Несмотря на ряд объективных ограничений, сдерживающих миротворческие инициативы афганских богословов, сотрудничество по религиозным каналам позволяет проецировать альтернативные варианты развития ситуации в Афганистане с отказом от вооруженных действий и закладывает основы для нового этапа политических шагов в сторону мирного переговорного процесса.

Разумеется, религиозная дипломатия не может одновременно разрешить все противоречия афганского конфликта, однако миротворческий потенциал религии должен и может быть успешно реализован в процессе мирного урегулирования. Представляется, что активность религиозных лидеров Афганистана по привлечению поддержки мировой афганской уммы является позитивным шагом в сторону большей «узнаваемости» Афганистана, афганской неофициальной дипломатии на международной арене, способствует укреплению международных связей ИРА и формированию позитивного имиджа страны в исламском мире и регионах.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Бахриев Б.Х.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 189—194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194
- Генюш С.В.* Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 5 (25). С. 14—25.

- Дьяконова М.А. Конфессиональный фактор во внешней политике государства (на примере Афганистана) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 364—368.
- Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 3. С. 96—111.
- Корнійчук Ю.Ю. Релігійна дипломатія: передумови становлення й теоретичні засади розвитку // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 7: Релігієзнавство. Культурологія. Філософія. 2016. Вип. 36 (49). С. 20—27.
- Крашенинникова Е. А. Афганистан: политика bitarafi уже не актуальна? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 58—63. DOI: 10.31857/S032150750003345-1
- Леви Д.А. «Дипломатия веры» как традиционный и новейший метод дипломатии // Scientific Vector of the Balkans. 2017. № 1. С. 31—34.
- Никитина Ю.А. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 112—127.
- Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион — Русская книга, 2003.
- Сиколев Р.Р. Мусульманское духовенство в общественно-политической жизни Афганистана // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2 (44). С. 147—153.
- Сиколев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2004.
- Borchgrevink K. Religious Actors and Civil Society in post-2001 Afghanistan. International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). November 2007. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=425&type=publicationfile> (accessed: 30.04.2019).
- Curanovic A. The Religious Diplomacy of the Russian Federation. IFRI Russia — NIS Center. 2012. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr12curanovicreligiousdiplomacyjune2012.pdf> (accessed: 23.03.2019).
- Green N. Afghanistan's Islam: from Conversion to the Taliban. Oakland: University of California Press, 2017.
- Hussain Z. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: A Regional Perspective. CIDOB Policy Research Project. December 2011. URL: [http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN\[1\].pdf](http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN[1].pdf) (accessed: 23.03.2019).
- Jodok T. Faith-Based Diplomacy under Examination // The Hague Journal of Diplomacy. 2008. No. 3. P. 209—231.
- Kazemi Reza S. The Challenge of Effectiveness: 'Pro-Peace' Ulama in Afghanistan // Afghanistan Analysts Network. July 2012. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/the-challenge-of-effectiveness-pro-peace-ulama-in-afghanistan/> (accessed: 23.07.2019).
- Lacroix S. Islamism and the Question of Religious Authority. Danish Institute for International Studies (DIIS). June 2012. URL: https://tuxdoc.com/download/543iteratu-and-the-question-of-religious-authority_pdf (accessed: 23.03.2019).
- Lipovsky I. The Awakening of Central Asian Islam // Middle Eastern Studies. 1996. Vol. 32. No. 3. P. 1—21.
- Malaiz D. The Political Landscape of Afghanistan and the Presidential Election of 2014. CIDOB Policy Research Project. February 2014. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/stap_rp/policy_research_papers/the_political_landscape_of_afghanistan_and_the_presidential_election_of_2014 (accessed: 23.03.2019).
- Mapendere J. Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks // Culture of Peace Online Journal. 2005. Vol. 2. No. 1. P. 66—81. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed: 12.04.2019).
- McDonald John W. Multi-Track Diplomacy // *Beyond Intractability*. Ed. by G. Burgess, H. Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, Colorado. September 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/multi-track-diplomacy> (accessed: 23.03.2019).
- Mufti M., Lamb R. Religion and Militancy in Pakistan and Afghanistan. A Literature Review. Report of the CSIS Program on Crisis, Conflict and Cooperation. June 2012. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120709_Mufti_ReligionMilitancy_Web.pdf (accessed: 23.03.2019).
- Religion and Public Diplomacy* / Ed. by P. Seib. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

References

- Bakhriev, B.Kh. (2018). Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia. *Izvestiya of Saratov University (New Series), Series: Sociology. Politology*, 18 (2), 189—194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194 (In Russian).
- Borchgrevink, K. (2007). *Religious Actors and Civil Society in post-2001 Afghanistan*. International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). November. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=425&type=publicationfile> (accessed: 30.04.2019).
- Curanovic, A. (2012). The Religious Diplomacy of the Russian Federation. IFRI Russia — NIS Center. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr12curanovicreligiousdiplomacyjune2012.pdf> (accessed: 23.03.2019).

- Dyakonova, M.A. (2013). Confessional Factor in a State's Foreign Policy (Based on the Example of Afghanistan). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (1), 364—368. (In Russian).
- Geniush, S.V. (2012). Expert Diplomacy: Civil Society Serving the Foreign Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 5 (25), 14—25. (In Russian).
- Green, N. (2017). *Afghanistan's Islam: from Conversion to the Taliban*. Oakland: University of California Press.
- Hussain, Z. (2011). *Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: A Regional Perspective*. CIDOB Policy Research Project. December. URL: [http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN\[1\].pdf](http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN[1].pdf) (accessed: 23.03.2019).
- Iskandarov, K. (2013). The Pakistani Factor in the Afghan Conflict. *Central Asia and the Caucasus*, 14 (3), 83—96.
- Jodok, T. (2008). Faith-Based Diplomacy under Examination. *The Hague Journal of Diplomacy*, 3, 209—231.
- Kazemi Reza, S. (2012). *The Challenge of Effectiveness: 'Pro-Peace' Ulama in Afghanistan*. Afghanistan Analysts Network. July. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/the-challenge-of-effectiveness-pro-peace-ulama-in-afghanistan/> (accessed: 23.07.2019).
- Korniichuk, Iu. (2016). Religious Diplomacy: Prerequisites to Development and Theoretical Foundations. *Scientific Journal of National Pedagogical Dragomanov University. Series 7: Religious Studies. Culturology, Philosophy*, 36 (49), 20—27. (In Ukrainian).
- Krasheninnikova, E.A. (2019). Afghanistan: Bitarafi Policy Is No Longer Relevant? *Asia and Africa today*, (1), 58—63. DOI: 10.31857/S032150750003345-1 (In Russian).
- Lacroix, S. (2012). *Islamism and the Question of Religious Authority*. Danish Institute for International Studies (DIIS). June. URL: https://tuxdoc.com/download/544iteratu-and-the-question-of-religious-authority_pdf (accessed: 23.03.2019).
- Levi, D.A. (2017). Faith Diplomacy: Finding Space for Traditional and New Methods for Diplomacy, *Scientific Vector of the Balkans*, 1, 31—34. (In Russian).
- Lipovsky, I. (1996). The Awakening of Central Asian Islam. *Middle Eastern Studies*, 32 (3), 1—21.
- Malaiz, D. (2014). *The Political Landscape of Afghanistan and the Presidential Election of 2014*. CIDOB Policy Research Project. February. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/stap_rp/policy_research_papers/the_political_landscape_of_afghanistan_and_the_presidential_election_of_2014 (accessed: 23.03.2019).
- Mapendere, J. (2005). Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks. *Culture of Peace Online Journal*, 2 (1), 66—81. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed: 12.04.2019).
- McDonald, John W. (2003). Multi-Track Diplomacy. In: Burgess, G. & Burgess, H. (Eds.). *Beyond Intractability*. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, Colorado. September. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/multi-track-diplomacy> (accessed: 23.03.2019).
- Mufti, M. & Lamb, R. (2012). *Religion and Militancy in Pakistan and Afghanistan. A Literature Review*. Report of the CSIS Program on Crisis, Conflict and Cooperation. June. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120709_Mufti_ReligionMilitancy_Web.pdf (accessed: 23.03.2019).
- Nikitina, Y.A. (2017). Public Diplomacy in the Activity of Intergovernmental Organizations: CSTO and SCO. In: Lebedeva, M.M. (Eds.). *Public Diplomacy: Theory and Practice*. Moscow: Aspect Press publ. P. 112—127. (In Russian).
- Rashid, A. (2003). *Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia*. Moscow: Biblion — Russian book publ. (In Russian).
- Seib, P. (Eds.). (2013). *Religion and Public Diplomacy*. NY: Palgrave Macmillan.
- Sikoev, R.R. (2004). *Taliban: Religious and Political Portrait*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, "Kraft+" publ. (In Russian).
- Sikoev, R.R. (2006). Muslim Clergy in the Social and Political Life of Afghanistan. *Central Asia and the Caucasus*, 2 (44), 147—153. (In Russian).

Сведения об авторе: Крашенинникова Елена Андреевна — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: eakrasheninnikova@gmail.com).

About the author: Krasheninnikova Elena Andreevna — postgraduate student, World Politics Department, MGIMO University (e-mail: eakrasheninnikova@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

Научная статья

Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits

O.S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Статья посвящена анализу саудовской модели развития для «мира ислама», которую Эр-Рияд начал активно продвигать после событий «арабской весны». Народные протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки, приведшие к сменам правящих режимов, открыли для государств региона перспективы трансформации собственных моделей государственности, и в этой связи такие крупные региональные игроки, как Саудовская Аравия, Иран и Турция, предложили собственные модели как образец для изменения политических систем и внешнеполитических курсов стран, охваченных народными волнениями.

Актуальность темы данного исследования определяется тем, что в настоящее время борьба за лидерство в регионе Ближнего и Среднего Востока, развернувшаяся между Саудовской Аравией и Ираном, достигла того уровня, когда соперники могут повлиять на выбор пути развития, в частности, Сирии, Ливана и Йемена. В этой связи чрезвычайно важно оценить предлагаемые Эр-Риядом и Тегераном модели, определить перспективы их имплементации.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей модели развития для «мира ислама», предлагаемой Саудовской Аравией, а также в оценке ограничений данной модели.

Автор использует как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), так и методы исторической науки (конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы) и религиоведения (каузальный анализ). Кроме того, с целью составления рейтинга государств — получателей помощи со стороны Эр-Рияда автор обратился к методологическому аппарату политических и экономических наук, в частности — к количественному анализу объемов помощи, направленной Саудовской Аравией на реализацию различных проектов в странах «мира ислама» в рамках программ содействия международному развитию. Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, что обусловлено многоаспектным характером предмета и задач исследования, а также кругом и характером привлеченных к работе источников.

В результате автор приходит к выводу, что Саудовская Аравия проводит прагматичную внешнюю политику, фактически не опираясь на исламские принципы. Однако Эр-Рияд направляет значительные финансовые ресурсы на реализацию программ содействия развитию государств «мира ислама» и религиозной дипломатии, в рамках которой важную роль играет продвижение собственной «версии» ислама — ваххабитской, а точнее — салафитской.

Среди главных ограничений саудовской модели автором выявлена нефть как основа модернизации, поскольку далеко не все государства обладают данным ресурсом и могут на его основе развивать собственную экономику; ваххабизм как «местечковое» учение, которое вряд ли может быть заимствовано странами «мира ислама», в которых традиционно господствовали более умеренные религиозно-правовые школы; абсолютную монархию как форму правления, даже с элементами демократии.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, саудовская модель развития, «мир ислама», ваххабизм, внешняя политика, Мухаммад бин Сальман, хадж, политика «мягкой силы», религиозная дипломатия, Всемирная мусульманская лига, содействие международному развитию

© Чикризова О.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545—565. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Saudi model of development for the Islamic world, which Riyadh started actively promoting after the “Arab Spring”. The popular protests in the Middle East and North Africa countries, which led to the changes in the ruling regimes, opened up prospects for the states of the region to transform their own models of statehood. In this regard large regional actors such as Saudi Arabia, Iran and Turkey proposed their own models as an example for possible changing political systems and foreign policy of countries affected by unrest.

The relevance of the topic of this study is determined by the fact that the current struggle for leadership in the Middle East, unfolding between Saudi Arabia and Iran, has reached a level where the rivals could influence the choice of development path of other countries, such as Syria, Lebanon and Yemen. In this regard, it is extremely important to assess the models proposed by Riyadh and Tehran, to determine the prospects for their implementation.

The purpose of the article is to identify the features of the development model for the Islamic world proposed by Saudi Arabia, as well as to assess the limitations of this model.

The author used both general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and methods of historical science (concrete historical, comparative historical, historical genetic methods) and religion studies (causal analysis). In addition, the methodology of political science and economics was widely used. A special focus was done on the quantitative analysis of the amount of aid sent by Saudi Arabia to implement various projects in the countries of the Islamic world as part of international development assistance programs, with the aim of forming a ranking of recipient states from Riyadh.

As a result of the study, the author came to the conclusion that Saudi Arabia pursues a pragmatic foreign policy strategy, in fact, not relying on Islamic principles. However, Riyadh is devoting significant financial resources to implementing programs to promote the development of the Islamic world and religious diplomacy, in which the promotion of its own “version” of Islam — Wahhabism, and more precisely Salafism, plays an important role.

Among the main limitations of the Saudi model the author identified oil as the basis for modernization, since not all states have this resource and can develop their own economy on its basis; Wahhabism as a “small-town” doctrine, which can hardly be borrowed by the countries of the Islamic world, in which more moderate religious schools have traditionally dominated; absolute monarchy as a form of government, even with elements of democracy.

Key words: Kingdom of Saudi Arabia, Saudi model of development, Islamic world, Wahhabism, foreign policy, Muhammad bin Salman, Hajj, “soft power”, religious diplomacy, World Muslim League, international development assistance

For citation: Chikrizova, O.S. (2019). Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 545—565. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-545-565

«Арабская весна», охватившая «пожаром» переворотов, революций и гражданских войн регион Ближнего Востока и Северной Африки в конце 2010 г., создала плодородную почву для начала соперничества региональных держав, таких как Саудовская Аравия, Турция и Иран, за лидерство в «мире ислама» и реализацию собственных моделей развития для этого геостратегического пространства. Эти модели основаны на совершенно разных политических системах, предусматривают различные внешнеполитические курсы, но — что важнее — различное сочетание религии и политики, а также разные «версии» ислама — ваххабитскую суннитскую, умеренную суннитскую и шиитскую. От того, какая из моделей (или ни одна из них) одержит верх над остальными, будет зависеть и конфигурация трансформирующегося в настоящее время ближневосточного порядка. В этой связи тема данной статьи представляется чрезвычайно актуальной.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей и ограничений саудовской модели развития для «мира ислама». Это представляется важным в связи с тем, что именно эта модель сейчас, во-первых, наиболее активно продвигается, поскольку у Саудовской Аравии есть на это материальные ресурсы и политическая воля руководства; во-вторых, Королевство представляет собой экономически развитое государство, что не может не привлекать страны, стремящиеся к экономическому процветанию; наконец, вследствие доминирования суннитов в «мире ислама» именно суннитские модели развития в настоящее время наиболее интересны для изучения и оценки перспектив их имплементации.

Саудовская модель развития для «мира ислама» является слабо изученной темой и в российской, и в зарубежной историографии. Пожалуй, одним из единичных трудов на эту тему является статья турецких исследователей Б. Ду-

рана и Н. Йылмаза [2013], в которой рассмотрены некоторые черты моделей, продвигаемых Саудовской Аравией, Турцией, Ираном и — в перспективе — Египтом на Ближнем Востоке.

Более широко в российской и зарубежной историографии освещены особенности политической системы Королевства. В частности, они изложены и проанализированы в работах А.М. Васильева [1999], А.И. Яковлева [2011], Г.Г. Косача [2013b], М. аль-Рашид [Al-Rasheed 2007, 2010; Salman's Legacy... 2018]. Особенности внешней политики Королевства посвящены труды Г.Г. Косача [2013a] и Е.С. Мелкумян [Косач, Мелкумян 2003], Х.И. Аль-Али [Al-Ali 1998].

Исторические события, в ходе которых зародилось ваххабитское течение, ставшее впоследствии государственной религией Саудовской Аравии и легшее в основу саудовской модели развития для «мира ислама», а также направления современного ваххабизма анализируются в работах В.В. Наумкина [2018], Г.Н. Валиахметовой [2013], Н. Делонг-Ба [2010], М. аль-Рашид [Al-Rasheed 2007].

Проблема политизации хаджа изучается в работах Р. Бианчи [Bianchi 2004], Р. Эхтиари Амири, Х. Бинти Ку Самсу и Х.Г. Фереидуни [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011].

Политика «мягкой силы» и религиозная дипломатия Саудовской Аравии анализируется такими исследователями, как Дж. Галларотти и И.Й. аль-Филали [Gallarotti, Al-Filali 2012], П. Конеса [Conesa 2018] и С. Амгар [Amghar 2012].

Содействие международному развитию, осуществляемое Саудовской Аравией, является предметом исследования таких ученых, как Юи Ли [Yi Li 2019], Дж. Дорси [Dorsey 2018], Т. Ванг и С. Лин [Wang, Lin 2000] и К. Смит Диван [Smith Diwan 2009].

Особенности политической системы Саудовской Аравии

Королевство Саудовская Аравия является абсолютной монархией, где король принимает (или утверждает) все важнейшие политические решения, а члены правящей династии занимают ключевые посты в государстве.

Еще одним важным элементом политической системы Королевства являются улемы, среди которых выделяется клан Аль аш-Шейх — потомки

основателя ваххабитского религиозно-политического течения в исламе Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба.

Как отмечает А.И. Яковлев, в политической системе Саудовской Аравии существуют элементы демократизма, однако они иного рода, чем привычные нам западные: саудовский демократизм основывается на традициях племенной демократии и воле государства к построению более справедливого общества (исламский принцип *аль-‘адль*) с учетом реалий современного мира [Яковлев 2011: 51]. В этой связи примечательно, что в октябре 2006 г. в Саудовской Аравии был создан новый государственный орган — Комитет по принесению клятвы, фактически — совет влиятельных представителей различных кланов внутри семьи Аль Сауд, функция которого состоит в определении кандидата на трон (наподобие системы выборщиков в США). То есть, как отмечает Г.Г. Косач, «существовавшая ранее исключительная прерогатива правящего монарха самостоятельно назначать вторую фигуру национального политического истеблишмента перешла к коллективному органу — Комитету по принесению клятвы, состоящему из живых сыновей короля-основателя Ибн Сауда или представителей их семей»¹.

Важно подчеркнуть, что клятва верности (*аль-байя*) правителю, а также наследному принцу является традиционным для Королевства инструментом демонстрации поддержки и уважения избранному правителю со стороны остальных членов правящей семьи, а также религиозных и племенных вождей, поддержка которых служит важной опорой для существующего политического режима.

Конечно, механизм определения наследного принца никак нельзя назвать «выборами короля», но это, на наш взгляд, демонстрирует явный отказ от принципа абсолютизма, от самовластного решения правящего монарха. Это подтверждение всеохватывающего, тотального характера модернизации, которая затронула своими переменами все сферы жизни саудовского общества [Яковлев 2011: 54]. По нашему мнению, это также «реве-

¹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: устав Комитета по принесению клятвы // Институт Ближнего Востока. 11 октября 2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6304> (дата обращения: 18.08.2019).

ранс» в адрес стран Запада и США, которые, несмотря на тесные партнерские отношения с Эр-Риядом, не гнушаются иногда напоминать саудовскому руководству о недостаточном уровне развития демократии в стране. Кроме того, данная система делает отсылку к суннитскому принципу избираемости халифа из числа наиболее достойных членов племени курайш: как гласит п. 2 ст. 5 Основного Низама (Положения) Саудовской Аравии, «и присягает наиболее благочестивый из них, вступая на престол, на Книге Всевышнего Аллаха и Сунне Его Пророка, да благословит его Аллах»².

23 января 2015 г. королем Саудовской Аравии стал Сальман бин Абдель Азиз Аль Сауд, сменивший на этом посту своего брата, короля Абдаллу. Не проведя на королевском троне и года, король Сальман начал проводить серьезные реформы в политической системе страны и осуществлять перестановки в государственном аппарате.

Самой важной реформой стал пересмотр принципа и порядка престолонаследия. 29 апреля 2015 г. вместо 69-летнего принца Мукрина бин Абдель Азиза, самого младшего из сыновей короля — основателя государства, наследным принцем был назначен племянник короля Сальмана, 55-летний принц Мухаммад бин Наиф. Прежний наследный принц был очень близок с покойным королем Абдаллой, однако его назначение в свое время вызвало внутриклановое противостояние в королевской семье: противники принца Мукрина апеллировали к его йеменскому происхождению по материнской линии и тем самым не считали его равным другим потенциальным наследникам престола³.

Наследником (заместителем) наследного принца король Сальман назначил своего сына Мухаммада бин Сальмана, который к тому времени уже занимал посты второго заместителя председателя Совета министров, главы Высшего комитета по делам экономики и развития, а также министра обороны страны и считался одним

из главных вдохновителей и разработчиков военной кампании Саудовской Аравии против хуситов в Йемене. Примечательным является тот факт, что впервые в истории королевства глава государства включил в порядок престолонаследия своего сына⁴. Данное решение монарха было поддержано большинством голосов членов Комитета по принесению клятвы (28 — «за», 4 — «против», 2 — «воздержался») ⁵.

Смена порядка престолонаследия вызвала неоднозначность оценок обстановки внутри семьи Аль Сауд. Во-первых, назначение наследным принцем внука основателя государства, короля Абдель Азиза Аль Сауда, усилило межклановое противостояние в королевской династии. Во-вторых, данное назначение, а также то, что заместителем наследного принца стал сын короля Сальмана, укрепило позиции правящего клана Судейри (скорее, вернуло ему власть, утраченную с приходом к власти короля Абдаллы из клана Шаммар) и еще больше обострило внутреннее противостояние, оставляя мало шансов на безболезненность последствий проведенных реформ.

Однако на этом перемены, инициированные королем Сальманом, не закончились. 21 июня 2017 г. было объявлено о лишении принца Мухаммада бин Наифа статуса наследника престола и назначении наследником Мухаммада бин Сальмана, более молодого принца, который уже фактически и является центральной фигурой в процессе принятия внутри- и внешнеполитических решений. Более того, Мухаммад бин Наиф также был отстранен от руководства Министерством внутренних дел, и на этот пост назначен племянник Мухаммада бин Наифа, принц Абдель Азиз бин Сауд бин Наиф.

Российский исследователь А.А. Кузнецов отмечает, что назначение наследника престола было «утверждено» Комитетом по принесению клятвы. «Именно утверждено, а не подготовлено, так как,

² Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия. Принят в 1992 г. URL: https://saudianews.ru/?page_id=2589 (дата обращения: 17.08.2019).

³ См.: Riedel B. Saudi palace intrigue sparks speculation // Al-Monitor, May 1, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/saudi-salman-succession-saudi-abdullah.html#> (accessed: 10.08.2019).

⁴ См.: Reforms or reset in Saudi Arabia? // Al-Jazeera, 03 May, 2015. URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/insidestory/2015/05/reforms-reset-saudi-arabia-150501205300896.html> (accessed: 10.08.2019).

⁵ Saudi deputy crown prince gets 82% of allegiance council votes // Al-Arabiya, 30 April, 2015. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2015/04/30/New-Deputy-Crown-Prince-got-28-out-of-35-at-the-Saudi-Allegiance-Council-.html> (accessed: 10.08.2019).

скорее всего, его члены узнали о воле короля в последний момент. Из 34 членов этого органа, состоящего из членов правящей семьи, против проголосовали трое»⁶, однако их имена неизвестны.

На протяжении 2015—2017 гг. Мухаммад бин Сальман проводил политику по снижению влияния улемов в Королевстве с тем, чтобы устранить главное препятствие на пути к дальнейшей либерализации в стране. Одной из мер в рамках данной кампании стало ограничение полномочий религиозной полиции. В свою очередь, улемы уже довольно серьезно дискредитировали себя связями с глобальным джихадистским движением.

В качестве следующего важного шага было проведено выделение государственной нефтедобывающей компании Saudi Aramco из структуры Министерства нефти и природных ресурсов. Управляет компанией Высший совет — орган в составе 10 человек, возглавляемый сыном короля, наследным принцем Мухаммадом бин Сальманом. Данное решение, направленное на то, чтобы компания могла действовать независимо от министерства и проводить более гибкую и эффективную политику, было одобрено Советом по вопросам экономики и развития, возглавляемым также Мухаммадом бин Сальманом.

Как известно, в Саудовской Аравии процессы модернизации основывались на доходах от добычи и продажи нефти, которая до сих пор является стержнем саудовской экономики. При этом экономическая система Королевства, являясь достаточно открытой, сильно зависима от колебаний цен на мировом рынке углеводородов, взаимоотношений с другими странами-экспортерами и от их действий, а также от изменяющихся потребностей стран — импортеров нефти.

Реализация исламского принципа справедливости *аль-‘адль* осуществляется в Саудовской Аравии посредством функционирования фонда будущих поколений, в который ежегодно перечисляется порядка 30% доходов бюджета. Данные средства покрывают расходы на образование молодых саудовцев, причем не имеет значения, обучаются они на родине или за рубежом.

⁶ Кузнецов А.А. О назначении нового наследника престола Саудовской Аравии // Институт Ближнего Востока. 25 июня 2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=35902> (дата обращения: 18.08.2019).

Таким образом, среди основных особенностей саудовской «модели» государственности можно выделить следующие:

— ведущую роль в политических процессах играет правящая династия Аль Сауд, насчитывающая более тысячи потомков основателя государства — Абдель Азиза Ибн Сауда. Представители королевской семьи занимают все ключевые посты в государстве; именно от них зависит процесс принятия политических решений, определение внутри- и внешнеполитического курса Королевства;

— значима роль улемов в управлении Саудовской Аравией, и здесь особняком стоит династия потомков основателя ваххабитской идеологии — семья Аль аш-Шейх, связанная с семьей Аль Сауд политическими, религиозными и династическими узлами (подробнее об этом говорится в следующем разделе статьи);

— стремясь сохранить суннитскую традицию общинного принципа передачи власти, а также создать видимость демократии, чтобы удовлетворить своих западных партнеров, в Саудовской Аравии организован Комитет по принесению клятвы — орган, уполномоченный определять кандидатуру будущего монарха. Однако, как показывает случай с назначением Мухаммада бин Сальмана наследным принцем в обход установленных принципов престолонаследия и без предварительных консультаций с Комитетом по принесению клятвы, позиция данного органа также может легко игнорироваться;

— справедливое распределение национального дохода соблюдается саудовским руководством в рамках реализации исламского принципа справедливости *аль-‘адль*.

Ваххабизм

Ваххабитская версия ханбалитского мазхаба является гарантией стабильности и выживания саудовского правящего режима, а также идеологией, на которой базируется саудовская модель развития для «мира ислама».

В конце XVIII в. Мухаммад бин Сауд, глава клана Сауд и султан Неджда, заключил пакт с проповедником Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (1703—1792), подкрепив политический альянс династическим браком. Данный пакт, с одной стороны, «освящал» власть Мухаммада бин

Сауда, доходы которого неуклонно возрастали за счет поступления закята, и обосновывал с позиции религии необходимость полного подчинения воле политического лидера, а также возможность ведения завоевательной политики под лозунгом «священной войны». Выступление против режима династии Аль Сауд провозглашалось грехом, попранием принципа единобожия (*ат-таухид*) [Al-Rasheed 2007: 64]. С другой стороны, пакт гарантировал, что основатель ваххабизма получит политическую поддержку для ведения прозелитской деятельности; это фактически означало, что ваххабизм становится государственной религией Саудовского государства. Впоследствии признание ваххабизма государственной религией было закреплено в Основном законе Королевства.

Автор убежден, что провозглашенный М. ибн Абд аль-Ваххабом запрет на выступления против режима династии Аль Сауд можно рассматривать как идолопоклонство (*аш-ширк*), поскольку лишь *обожествление* кого-либо помимо Аллаха может являться нарушением принципа *ат-таухид*. Что касается повиновения земному правителю, то оно предписано Кораном: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас. Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху и посланнику, если вы веруете в Аллаха и в последний день. Это — лучше и прекраснее по исходу» (Коран, сура «Женщины», аят 62 (59)⁷). Однако нарушение данного предписания не может рассматриваться как попрание принципа единобожия.

Таким образом, сложилась система, при которой изначально немногочисленный и не самый могущественный арабийский клан получил идеологическую поддержку в лице ваххабитского движения, которое, в свою очередь, получало в лице первого Саудовского государства⁸ мощного и быстро процветающего союзника. Друг без друга они не смогли бы так широко распространить свою власть — светскую и духовную соответственно. Так, клану Аль Сауд не доставало финансовых ресурсов и племенного или религиозного авторитета, чтобы расширить границы своего влияния за пределы крошечного анклава Ди-

рийя и обрести легитимность на территории Неджда. В свою очередь, Абд аль-Ваххабу не хватало политического авторитета, при помощи которого он мог бы безопасно распространять свое религиозное учение. Его предыдущая попытка получить в союзники шейха своего родного города, Унайзы, не увенчалась успехом: после разрушения сторонниками Абд аль-Ваххаба могилы Зайда ибн аль-Хаттаба, одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, жители Унайзы отвернулись от зарождающегося ваххабитского движения, поскольку в то время почитание гробниц асхабов и мухаджиров было одной из важных форм религиозной практики мусульман Аравийского полуострова [Al-Rasheed 2010: 16—17].

На наш взгляд, именно альянс — политический, религиозный и родственник — семей Аль Сауд и Аль аш-Шейх цементирует существующую в Саудовской Аравии абсолютную монархию, делая правящую династию незыблемой, а ее власть — «освященной» самим основателем ваххабизма. Можно утверждать, что ваххабизм заменил в данном случае племенную лояльность, на которой раньше строились государственные образования и которая позволяла собирать многочисленные армии для осуществления завоеваний.

Однако важно отметить, что если в условиях существования первого Саудовского государства такой династический пакт позволял Мухаммаду бин Сауду и Абд аль-Ваххабу проводить военную и духовную экспансию на Аравийском полуострове, то в настоящее время, на наш взгляд, он обуславливает «местечковость» ваххабизма и узость его «социальной базы». Фактически ваххабизм актуален только для жителей Саудовской Аравии (и, возможно, Катара, который вскоре после заключения исторического союза стал объектом притязаний династии Аль Сауд), которые понимают и принимают условия данного пакта, верят в сакральность власти семьи Аль Сауд, без чего ваххабизм становится не чем иным, как классическим ханбалитским мазхабом. В этой связи автор убежден, что Саудовской Аравии чрезвычайно сложно заставить «мир ислама» поверить в универсальный характер ваххабитского учения.

Также автор уверен, что все прочие идеологии, базирующиеся на исламском фундамента-

⁷ Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986. С. 86—87.

⁸ Существовало с 1744 по 1818 г.

лизме и буквалистской трактовке ислама, следует называть салафизмом, который имеет множество «оттенков» — от умеренного до радикального [Валиахметова 2013: 32—35], но не ваххабизмом. В противном случае мы попадаем в круговорот ложных трактовок понятия «ваххабизм», идя на поводу у журналистов, которые уже длительное время вторгаются в пространство востоковедной терминологии и порождают те дискурсы, которые вводят всех в заблуждение и засоряют научные изыскания. Называя все салафитские и джихадистские течения «ваххабизмом», мы постепенно забываем о тех исторических условиях, в которых зародилось и окрепло это религиозно-политическое течение. При этом, разумеется, автор не оправдывает деятельность Саудовской Аравии по финансированию различных экстремистских группировок, о чем будет сказано далее. Но, на наш взгляд, уточнение терминологии и приведение ее к единообразию лишь послужит на пользу востоковедению и отграничит подлинные научные изыскания от политизированной публицистики.

После провозглашения светской Турецкой Республики и ликвидации халифата Мустафой Кемалем Ататюрком шериф Мекки Хусейн ибн Али из династии Хашимитов объявил себя новым халифом, на короткое время вернув этот титул арабам — потомкам пророка Мухаммада. Однако после захвата Хиджаза Ибн Саудом в 1925 г. халифат хиджазских шерифов был ликвидирован. Поскольку Ибн Сауд был главой малочисленной и не самой могущественной группировки ваххабитов, а династия Аль Сауд не имела родственных связей с пророком Мухаммадом, Абдель Азиз Ибн Сауд не мог претендовать на титул халифа. Но в 1926 г. он созвал Всемумульманский конгресс, где смог добиться поддержки «мира ислама» и признания своей власти над Хиджазом и Недждом. Фактически это также означало закрепление за Ибн Саудом роли защитника двух мусульманских Святынь — Мекки и Медины [Наумкин 2018: 191], хотя официально титул «Хранителя Двух Святынь» был принят только королем Фейсалом, а король Фахд заменил этим титулом титул «Его Величество» только в 1986 г.

Таким образом, изучение исторических условий, при которых зародилось и окрепло ваххабитское учение, позволило автору доказать свой тезис о том, что ваххабизм является одной из главных опор современного саудовского государства.

Ниже мы обоснуем свой тезис о том, что ваххабизм является значимым элементом модели развития, предлагаемой Эр-Риядом в качестве примера развития для стран «мира ислама».

Особенности внешней политики Саудовской Аравии

Во внешней политике Саудовская Аравия также исходит из постулатов Корана и Сунны, «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите, опираясь на мирные и отвечающие духу современной эпохи методы» [Al-Ali 1998: 56]. При этом любопытно, что в официальных документах Королевства кораническая лексика встречается крайне редко, особенно если сравнивать частотность употребления данной лексики в документах оппонента Саудовской Аравии — Исламской Республики Иран. Во внешнеполитических документах Королевства встречаются термины, описывающие общечеловеческие ценности (справедливость, благочестие, равенство, солидарность исламской нации (уммы)), а также по одному разу такие исламские понятия, как «призыв» (*ад-да'ава*), «содействие дозволенному и отвращение от отрицаемого» (*аль-амр биль-ма'аруф ва ан-нахи ан аль-мункар*).

По нашему мнению, это свидетельствует о том, что Королевство выстраивает свою внешнюю политику не на основе «духа и буквы» исламской религии, а руководствуясь исключительно прагматическими интересами. Ислам для Саудовской Аравии выполняет прикладную функцию: правящему монарху очень удобно и выгодно, пользуясь статусом «Хранителя Двух Святынь», апеллировать к исламской идентичности государств, в которых на самом деле сосредоточены все внешнеполитические интересы Эр-Рияда, и обосновывать свои претензии на лидерство на Ближнем Востоке и в «мире ислама» тем, что исламское вероучение зародилось именно на территории Центральной Аравии, поэтому именно Саудовская Аравия обязана «защищать исламское вероучение»⁹.

Еще одним аргументом в пользу вышеозначенного тезиса автора является то, что ни в коми-

⁹ Статья 23 Основного Низама (Положения) Королевства Саудовская Аравия. Принят в 1992 г. URL: https://saudianews.ru/?page_id=2589 (дата обращения: 13.08.2019).

тете по внешней политике, ни в комитете по безопасности Консультативного совета (*Маджлис аш-шуро*) Саудовской Аравии нет ни одного улема ни в текущем созыве, ни в ряде прошлых созывов. Только один из членов комитета по безопасности текущего созыва имеет степень магистра исламского права — Абдалла Фахри аль-Ансари¹⁰. Таким образом, мы делаем вывод о том, что саудовское внешнеполитическое руководство не считает нужным советоваться с улемами относительно соответствия государственной внешней политики канонам исламского вероучения.

Однако власти обращаются к улемам тогда, когда необходимо найти исламское обоснование тем или иным непопулярным среди общественности шагам на международной арене. Так, например, в 2010 г. богослов Маджид бин Мухаммад аль-Мирсаль опубликовал труд «Увещающий» (*Ан-Назир*), в котором опровергал аргументы саудовской антисистемной оппозиции, в том числе касающиеся «противоречащей исламу» внешней политики Королевства, находя часто весьма натянутые оправдания тем внешнеполитическим решениям саудовского руководства, которые вызывали наибольший гнев у внутренней оппозиции [Косач 2013а].

Главной особенностью саудовского внешнеполитического курса является то, что в его основе лежит совокупность «неизменных принципов и норм» деятельности, начало которым было положено основателем современного саудовского государства [Косач, Мелкумян 2003: 9]. Исходя из этого, российские исследователи Г.Г. Косач и Е.С. Мелкумян выделяют следующие принципы внешней политики королевства:

- 1) достижение максимально возможного единства арабских и мусульманских стран («реализация мира между государствами ислама»);
- 2) солидарность с мусульманскими и арабскими государствами;
- 3) отказ от силового вмешательства во внутренние дела других государств [Косач, Мелкумян 2003: 10—17].

Внешняя политика Саудовской Аравии действительно носит охранительный характер, по-

скольку главной своей задачей Эр-Рияд провозглашает поддержание безопасности и стабильности — своей собственной, соседних государств и «мира ислама» в целом. Однако после усиления влияния Мухаммада бин Сальмана Королевство в своей внешней политике стало более непредсказуемым. Об этом свидетельствует вмешательство в гражданскую войну в Йемене и провоцирование дипломатического кризиса вокруг Катара — соперника Саудовской Аравии в регионе Залива и в суннитской части «мира ислама».

В основе соперничества между Саудовской Аравией и Катаром за региональное лидерство лежат принципиально разные стратегии сохранения статус-кво в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Для достижения конечной цели страны используют различный «инструментарий» в диапазоне от прямого военного вмешательства до ведения информационной войны. Что касается последней, то она проявляется в борьбе за «умы и сердца» жителей региона, которую ведут между собой катарская «Аль-Джазира» и канал «Аль-Арабийя», базирующийся в ОАЭ, но финансируемый Саудовской Аравией. Эти каналы, находящиеся в прямой конкуренции друг с другом, поддерживают политику своих покровителей, но выявить лидера противостояния пока очень сложно.

Внешнюю политику Саудовской Аравии также можно охарактеризовать как зависимую от обязательств Эр-Рияда перед стратегическими партнерами и ограниченную рамками членства в различных блоках типа Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Однако самое большое влияние на внешнеполитический курс Королевства оказывают Соединенные Штаты Америки, которые выступают гарантом безопасности региона Залива: Вашингтон обеспечивает спокойствие правящих в арабских монархиях режимов посредством базирования Пятого флота ВМС США в Персидском заливе, сети военных баз, а также посредством регулярных поставок передового оружия в страны региона. За свое содействие в деле обеспечения региональной безопасности США требуют безоговорочной поддержки своей ближневосточной политики. Более того, тесное сотрудничество с США, на наш взгляд, фактически парализует антиизраильскую борьбу целого ряда

¹⁰ Abdullah F. Ansari — CV // The Shura Council. URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/ShuraEn/internet/cv/Abdullah+F.+Ansary/> (accessed: 11.08.2019).

арабских государств, которые только на словах защищают право палестинского народа на свое государство, а на деле давно ведут тайные переговоры с Израилем и имеют с ним деловые контакты.

Из вышесказанного также проистекает, что Саудовская Аравия практически без ограничений сотрудничает на международной арене с немусульманскими государствами, что часто вызывает недовольство и даже гнев внутренней оппозиции. Более того, в 1991 г. саудовское руководство допустило высадку американских военных на свою землю в ходе операции против Ирака, после чего в адрес правящей семьи последовали обвинения в том, что она позволила «ноге неверного» коснуться священной земли ислама.

Таким образом, мы приходим к выводу, что саудовская модель взаимодействия с международными акторами отличается прагматизмом, консервативно-охранительным характером внешнеполитической риторики, а также неограниченным исламскими принципами сотрудничеством с «неверными».

Политика «мягкой силы» и религиозная дипломатия Саудовской Аравии

Ошибочно полагать, что источником мощи и влияния Саудовской Аравии является исключительно экономическое могущество, основанное на нефти. Нельзя забывать о таком мощном ресурсе «мягкой силы», как информационное, культурное и религиозное наследие Королевства, являющегося одним из центральных как в арабском мире, так и — более широко — в «мире ислама».

«Аль-Арабийя» — один из ведущих СМИ, вещающих для арабоязычной аудитории Ближнего Востока. Как отмечают Дж. Галларотти и И.Я. аль-Филали, «канал ведет настойчивую кампанию в рамках публичной дипломатии, поскольку является частью согласованных усилий по доминированию в мире кабельного и спутникового телевидения в арабском мире» [Gallarotti, Al-Filali 2012: 248]. Этот канал также охватывает своим вещанием арабские общины по всему миру и передается по сети Dish и Direct TV в Соединенных Штатах. Таким образом, можно утверждать, что Саудовская Аравия обладает информационными инструментами продвижения своей модели развития в арабоязычном мире.

Однако самым главным инструментом политики «мягкой силы» Королевства является так называемая *религиозная дипломатия*, под которой, согласно мнению автора данной статьи, понимается деятельность государства по продвижению своих национальных интересов посредством распространения собственных религиозных ценностей. В данную деятельность вовлекаются различные религиозные институты либо организации, созданные с целью осуществления прозелитской или экуменической деятельности либо поддержки единоверцев, проживающих в странах с инорелигиозным большинством населения.

Среди задач религиозной дипломатии автор выделяет следующие:

- поиск мирного решения международных конфликтов и путей их предотвращения;
- развитие межрелигиозного и межконфессионального сотрудничества на глобальном уровне;
- развитие диалога между людьми разных вероисповеданий с целью устранения вражды между ними, преодоления «религиофобии» во всех ее проявлениях.

В рамках вышеуказанных задач в 2005 г. Саудовская Аравия предложила создать платформу для глобального межрелигиозного взаимодействия. Данная идея была воплощена в 2012 г., когда был образован Международный центр межрелигиозного и межкультурного диалога короля Абдаллы бин Абдель Азиза (King Abdullah Bin Abdulaziz International Center for Interreligious and Intercultural Dialogue, KAICIID¹¹) — межправительственная организация, целью которой является установление «диалога между людьми разных вероисповеданий и культур, что устраняет вражду, уменьшает страх и прививает взаимное уважение», а также «помогает бороться против предвзятости, укрепляет социальную сплоченность, поддерживает предотвращение конфликтов и может служить делу сохранения мира»¹².

Руководство KAICIID осуществляет совет, в который входят представители ведущих конфессий мира. Организация реализует программы содействия урегулированию конфликтов и достижению мира в Центральноафриканской Респуб-

¹¹ KAICIID official website. URL: <https://www.kaiciid.org> (accessed: 12.09.2019).

¹² Who we are // KAICIID official website. URL: <https://www.kaiciid.org/about-us> (accessed: 12.09.2019).

лике, Нигерии, арабских странах, помогает диалогу между различными конфессиональными группами в Мьянме, а также реализует меры по социальной адаптации беженцев-мусульман, бежавших от войны в страны Европы. Среди партнеров КАИСПД — Организация исламского сотрудничества (ОИС) и Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО).

Однако у религиозной дипломатии, как и у политики «мягкой силы» в целом, есть и обратная сторона — это стремление распространить влияние своей религии на как можно большую территорию. Для этого Саудовская Аравия применяет различный инструментарий, тратя значительные средства на достижение собственных целей.

Во-первых, это строительство и содержание мечетей во всем мире. На эту деятельность Эр-Рияд тратит около 3 млрд долл. США в год¹³. Особенно активно данное направление развивалось в 1980—1990-е гг., но в последнее время в связи с ростом числа обвинений в поддержке, оказываемой саудовским руководством различным радикальным исламистским организациям, Эр-Рияд постепенно сворачивает подобную деятельность (главным образом в странах ЕС), передавая управление мечетями представителям местных мусульманских общин.

Во-вторых, в рамках политики «мягкой силы» Саудовская Аравия широко использует политику привлечения мусульман со всего мира в свои университеты, в первую очередь — с целью «воспитания» новых поколений мулл и имамов. В саудовских университетах также ведется преподавание светских дисциплин.

Университеты Королевства занимают высокие позиции в международных рейтингах высших учебных заведений. Так, британский QS World University Ranking, в рамках которого существуют также рейтинги вузов в отдельно взятых регионах, в 2019 г. включил три саудовских университета в ТОП-10 университетов Арабского Востока (1-е место — Университет нефти и минералов короля Фахда, 3-е место — Университет короля

Абдель Азиза, 4-е место — Университет короля Сауда)¹⁴.

Кроме того, Эр-Рияд финансирует исламские образовательные учреждения в различных регионах мира, в частности в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Филиппины). Выбор данных государств обусловлен тем, что их исламские учебные заведения имеют незапятнанную репутацию, в отличие от исламских университетов Саудовской Аравии или египетского Аль-Азхара, которые неоднократно обвинялись в подготовке радикально настроенных улемов. В подобные учебные заведения бесплатно поставляется литература, содержащая фундаменталистскую версию ислама, местные преподаватели направляются на повышение квалификации в духовные учебные заведения Королевства для изучения арабского языка и основ исламского вероучения. Однако платой за такое спонсорство является преподавание саудовского, то есть ваххабитского, ислама как единственно верного. Наказанием за отступление от желания спонсора может быть увольнение из университета, и автору знакомы реальные примеры представителей академического сообщества, пострадавших от влияния саудовских нефтедолларов на образовательную сферу развивающихся стран.

В-третьих, Саудовская Аравия финансирует различные мусульманские партии и движения в Европе и других регионах посредством неправительственных фондов и организаций типа Всемирной мусульманской лиги (создана в 1962 г.), признанной ООН неправительственной организацией, о деятельности, составе и финансировании которой, однако, мало что известно. Всемирная мусульманская лига присутствует в 120 странах и контролирует около 50 основных мест отправления культа в Европе [Conesa 2018: 66] и зачастую выступает в качестве представительства Саудовской Аравии в странах, где отсутствуют дипломатические миссии Королевства. Всемирная мусульманская лига, как и все саудовские «гуманитарные» фонды, находится под контролем наследного принца, а великий муфтий Королевства возглавляет Учредительный совет данной организации [Conesa 2018: 68].

¹³ Amirah A. Diblumasiat al-masjid: bina' al-jawamie khidmatan lil-siyasa [Mosque Diplomacy: Building Mosques in the Service of Politics] // Noon Post. 10.05.2019. URL: <https://www.noonpost.com/content/27709> (accessed: 12.09.2019). (In Arabic).

¹⁴ QS University Rankings: Arab Region. 2019 // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/arab-region-university-rankings/2019> (accessed: 12.09.2019).

Наконец, важным инструментом религиозной дипломатии Саудовской Аравии является ее контроль над хаджем, ежегодным паломничеством мусульман, предписанным Кораном. Вопросам использования хаджа в интересах внешней политики посвящен следующий раздел данной статьи.

Таким образом, можно согласиться с мнением французского эксперта П. Конесы, который отмечает, что «религиозная дипломатия в Саудовской Аравии является механизмом, поддерживаемым политической системой, управляемой религиозной группой с планетарными амбициями — ваххабитскими улемами — и наделенной жесткой, но всегда приспособляемой идеологией, когда речь идет о спасении режима» [Conesa 2018: 14]. Королевство направляет ресурсы, сопоставимые с затратами на покупку современного оружия, на реализацию мероприятий в рамках политики «мягкой силы», главным образом посредством инструментария религиозной дипломатии, причем география распространения данной деятельности выходит далеко за границы «мира ислама».

Хадж

Кааба — самое сакральное место для мусульман всего мира, расположено в Мекке. Вокруг Каабы построена Запретная мечеть, которая сделала всю Мекку священным городом. Ежегодно около 1 млн 230 тыс. мусульман [Gallarotti, Al-Filali 2012: 239] со всего мира посещают Саудовскую Аравию с целью свершения хаджа — религиозного паломничества. В этой связи хадж — второй по объемам источник доходов для Саудовской Аравии: ежегодно паломники приносят в казну Королевства около 8 млрд долл. США¹⁵.

Саудовская Аравия использует хадж и свое право распределять квоты для паломников из разных стран мира как инструмент внешней политики и оказания давления на своих оппонентов на мировой арене, в первую очередь — на Иран. Однако поскольку нашей задачей является не ана-

лиз саудовско-иранских отношений в контексте хаджа, приведем лишь несколько примеров использования Эр-Риядом своей роли организатора хаджа для реализации внешнеполитических целей.

Иранские паломники составляют значительную часть людей, посещающих Саудовскую Аравию с целью совершения хаджа. При этом считается, что иранцы — одни из самых щедрых — даже «расточительных» — паломников [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 682].

Первый случай, когда хадж стал причиной обострения саудовско-иранских отношений, произошел в 1943 г., когда иранский паломник Абу Талиб Язди был казнен по обвинению в осквернении священной Каабы. Тогда произошел и первый в современной истории серьезный кризис в двусторонних отношениях, и паломникам из Ирана было запрещено посещать Саудовскую Аравию. Запрет действовал несколько лет [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 679].

В ноябре 1979 г., после победы исламской революции и провозглашения Исламской Республики Иран, во время хаджа иранские паломники организовали демонстрацию против «врагов ислама», в число которых входили США и Израиль [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 680]. Это заложило основы сначала тайного, а затем открытого противостояния между Эр-Риядом и Тегераном, которое продолжается до сих пор.

В 1984 г. аятолла Р.М. Хомейни бросил вызов властям Саудовской Аравии, призвав к общеисламскому суверенитету над святыми местами Мекки и Медины [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 680].

В 1987 г. произошел очередной скандал между Ираном и Саудовской Аравией по причине хаджа. 31 июля 1987 г. в результате столкновений между демонстрантами, возглавляемыми Ираном, и силами безопасности Саудовской Аравии погибло 275 и было ранено 303 иранских паломника [Ekhtiari Amiri, Soltani 2011]. Во время вспышки насилия Эр-Рияд обвинил Тегеран в том, что иранцы попытались захватить Запретную мечеть, чтобы объявить аятоллу Хомейни лидером мусульманского мира. Это стало худшим в своем роде инцидентом со времени исламской революции и привело к замораживанию двусторонних отношений, а затем и к полному их разрыву в 1988 г.

¹⁵ См.: Saudi Arabia: \$8.5 billion income from hajj expected // Al-Arabiya. August 26, 2014. URL: <https://english.alarabiya.net/en/business/economy/2014/08/26/-9-billion-income-from-hajj-expected.html> (accessed: 12.09.2019); The economics of the hajj // ACCA. July 01, 2018. URL: <https://www.accaglobal.com/an/en/member/member/accounting-business/2018/07/insights/economics-hajj.html> (accessed: 12.09.2019).

В свете вышеупомянутых столкновений между иранскими демонстрантами и силами безопасности Саудовской Аравии в марте 1988 г. Королевство прибегло к ограничению квоты на хадж для иранских паломников (1000 чел. на миллион жителей страны), что фактически сократило квоту Ирана до 45 тыс. чел. [Lunn 2003].

После восстановления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном в 1991 г., которое стало возможным благодаря смягчению внешнеполитической риторики Тегерана, Эр-Рияд допустил к участию в хадже 115 тыс. иранских паломников, что было близко к установленному принципу распределения квот. Также в 1991 г. 3 тыс. иранских паломников было разрешено совершить умру («малый хадж») по святым местам, расположенным в Саудовской Аравии [Ekhtiari Amiri, Binti Ku Samsu, Fereidouni 2011: 683].

За последние годы саудовско-иранские отношения в очередной раз обострились по причине хаджа в 2016 г. Тогда в Саудовской Аравии был казнен шиитский проповедник Нимр ан-Нимр, вслед за чем на посольство Королевства в Тегеране было осуществлено нападение. По инициативе Эр-Рияда дипломатические отношения между странами были разорваны, и Саудовская Аравия вновь запретила иранским паломникам совершать хадж.

В ответ на действия Королевства Иран в очередной раз призвал мусульман по всему миру поддержать введение международного режима управления святыми местами Мекки и Медины¹⁶, однако данная инициатива пока не имеет других сторонников, кроме Тегерана. Более того, в 2018 г. Саудовская Аравия при поддержке Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) предприняла попытку оспорить у Иордании статус хранителя исламских святынь Иерусалима, главным образом — мечети Аль-Акса. Неслучайно, что это произошло после объявления о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим и заявления о заключении «сделки века», которая якобы положит конец палестино-израильскому противостоянию.

¹⁶ См.: Свешникова Ю.В. Хадж 2016: еще одна арена ирано-саудовского противостояния // Институт Ближнего Востока. 3 июля 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=28951> (дата обращения: 13.08.2019).

На наш взгляд, подобные действия Эр-Рияда только усугубят раскол внутри «мира ислама», главным образом внутри его суннитской части, что является очередным свидетельством непредсказуемости политики наследного принца Мухаммада бин Сальмана, за которую Ближневосточный регион может поплатиться очередным усилением нестабильности. Однако этот вопрос уже выходит за рамки данной статьи и требует отдельного рассмотрения.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что хадж используется Саудовской Аравией не только в целях религиозной дипломатии, но также для экономического обогащения, а также оказания давления на своих политических оппонентов, в первую очередь на Иран.

Содействие международному развитию

Саудовская Аравия имеет прекрасную основу для оказания содействия развитию, поскольку она обладает большими запасами углеводородов, прежде всего нефти. Но при этом Королевство вынуждено обращаться к экономическим инструментам и политике «мягкой силы», с тем чтобы компенсировать недостаток военной мощи.

Эр-Рияд начал использовать доходы от продажи нефти на содействие развитию еще в 1970-е гг., и с тех сложилась система помощи, состоящая из двух элементов — официальной и неофициальной помощи развитию. В свою очередь, сформировались и группы стран, которым Саудовская Аравия направляет самые значительные объемы помощи: во-первых, это страны, граничащие с государствами Персидского залива, во-вторых, остальные арабские страны и, наконец, страны с мусульманским большинством. Таким образом, программы содействия развитию, реализуемые Саудовской Аравией, представляют собой сотрудничество по линии Юг—Юг.

Главными мотивами направления Эр-Риядом финансовой помощи развивающимся странам являются гуманитарные, религиозные соображения, внешнеполитические или дипломатические интересы, факторы, способствующие обеспечению национальной безопасности и внутренней стабильности, исламская солидарность, а также

интересы продвижения и развития собственного бизнеса. Таким образом, выделяются политические, экономические и религиозные цели проведения Эр-Риядом политики содействия развитию.

Политические цели Саудовской Аравии состоят в поддержке арабских стран, а также поддержании безопасности и стабильности в соседних регионах. Этими соображениями объяснялась помощь, оказываемая, например, Египту как одной из ключевых стран арабского мира. Только за период 1973—1979 гг. Эр-Рияд направил 7 млрд долл. США на восстановление экономики и армии Египта после «войны Судного дня» [Yi Li 2019: 117]. Саудовской Аравии было важно, чтобы Египет боролся с проявлениями радикального исламизма, который угрожал в том числе и стабильности саудовского режима. Кроме того, в 1970-е гг., вплоть до подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, Египет играл ключевую роль в противостоянии Израилю, обеспечивая тем самым интересы арабских стран, в том числе Королевства.

Помощь, оказываемая в 1970-х гг. таким странам, как Алжир и Сирия, должна была содействовать укреплению двусторонних отношений с Эр-Риядом, усилить позиции ислама в этих странах, а также сделать правящие режимы в Алжире и Дамаске более гибкими и «сговорчивыми» в вопросах, касающихся внешней политики.

Ключевую роль в рамках реализации политики содействия развитию для Эр-Рияда играет Пакистан. Помимо давних культурных, экономических, военных, разведывательных связей и широких контактов в сфере безопасности Саудовская Аравия уделяет значительное внимание Пакистану в основном потому, что обе страны являются суннитскими и могут совместно противостоять шиитскому Ирану, который оспаривает первенство в «мире ислама» у Саудовской Аравии. В саудовско-иранском противостоянии Исламабад занимает особое место, поскольку Пакистан граничит с Ираном, разделяет с ним общие проблемы белуджского сепаратизма и нестабильности в Афганистане. Кроме того, в Пакистане проживает многочисленная шиитская община, которая рассматривается Эр-Риядом в качестве «пятой колонны» Ирана. Чтобы противостоять потенциальному влиянию Ирана, Саудовская Аравия потратила миллиарды долларов на поддержку ультраконсервативных сил в Пакистане [Dorsey 2018: 66].

В 1970-х и 1980-х гг. Пакистан получал больше помощи от Саудовской Аравии, чем от любой другой страны. В качестве ответного жеста в 1976 г. Пакистан пообещал Саудовской Аравии включить шариат в свою судебную систему.

За пределами арабского мира Саудовская Аравия проявляет особый интерес к странам Центральной Азии. Проникновение Эр-Рияда в данный регион стало возможным после распада Советского Союза; именно тогда Королевство начало проводить «панисламскую дипломатию» [Yi Li 2019: 117] в постсоветских республиках, главным образом посредством направления туда своих исламских деятелей и волонтеров для ведения образовательной и проповеднической деятельности. Саудовская Аравия финансировала строительство в центральноазиатских республиках мечетей и школ, через которые планировала распространять ханбалитский мазхаб и фундаменталистский ислам, базирующийся на учении М. ибн Абд аль-Ваххаба.

Здесь стоит подчеркнуть, что в странах Центральной Азии распространен ханафитский мазхаб, считающийся самым «мягким» и умеренным среди всех суннитских религиозно-правовых школ. По мнению автора, навязывание Саудовской Аравией чуждого странам региона ханбалитского мазхаба, а также проникновение в Центральную Азию турецких религиозных организаций («Хизмет», «Нурджулар»), «таблигизма» из Пакистана, шиизма из Ирана (главным образом это касается Таджикистана) приводит к изменению религиозного ландшафта региона, а также расколу внутри мусульманского сообщества на сторонников той или иной модели развития для Центральной Азии. Свое традиционное влияние утрачивает суфизм; внешние силы создают на свои средства новые «джамааты», которые призваны распространять религиозные воззрения своих спонсоров. Это также влечет за собой дальнейшее ослабление и без того неразвитой системы исламского образования в центральноазиатских республиках, делая местные муфтияты зависимыми от иностранных государств.

Согласно данным ежегодного отчета Саудовского фонда развития за 2018 г., на реализацию различных инфраструктурных проектов в Киргизии было направлено 393,75 млн риалов, в Таджикистане — 557,63 млн риалов, в Узбекистане —

349,5 млн риалов, в Казахстане — 45 млн риалов, в Туркменистане — 37,5 млн риалов¹⁷. Можно утверждать, что эти займы и инвестиции не только способствовали исламскому возрождению в Центральной Азии и национальному экономическому строительству, но также значительно усилили влияние Саудовской Аравии в Центральной Азии.

Экономические цели, которые преследует Саудовская Аравия, проводя политику содействия развитию, состоят, главным образом, в поддержке своей национальной валюты, поскольку займы выплачиваются и возвращаются только в саудовских риалах. Это, как отмечает Юи Ли, позволяет «уменьшить и избежать валютных потерь и рисков при конвертации иностранной валюты», «снизить инфляцию в Саудовской Аравии», а также способствует увеличению доли риала в международной системе резервных валют [Yi Li 2019: 118].

Еще одним важным фактором, делающим содействие развитию привлекательным для Эр-Рияда, является то, что, помимо финансирования развития частных предприятий в странах — реципиентах помощи, Саудовская Аравия также использует фонды помощи для поощрения инвестиций своих малых и средних предприятий в развивающиеся страны. Положения о поощрении экспорта включены в статьи устава Саудовского фонда развития, особенно в том, что касается финансирования и гарантий для несырьевого экспорта. Кроме того, поскольку Саудовская Аравия способна обеспечивать свою продовольственную безопасность за счет собственной продукции только на 20%, она заинтересована в содействии развитию в первую очередь тех стран, чьи экономики способны дополнить саудовскую экономику и помочь Королевству восполнить нехватку собственной сельскохозяйственной продукции.

Что касается *религиозных целей*, то Саудовская Аравия стремится закрепиться в роли лидера «мира ислама», используя для этого все свои ресурсы, в первую очередь нефтедоллары. Политика поддержки исламского фундаментализма в глобальном масштабе была взята на вооружение Саудовской Аравией в 1970-х гг., сразу же после

колоссального роста доходов от продажи нефти, начавшегося в результате «нефтяного шока» 1973 г. В рамках содействия развитию Королевство финансировало строительство мечетей и исламских центров по всему миру, о чем уже было сказано выше. Эти центры, руководимые проповедниками — фундаменталистами, становились «ретрансляторами» идей радикального исламизма, вдохновленного саудовским ваххабизмом.

С тех пор Саудовская Аравия не прекращала проводить политику поддержки глобального движения исламского фундаментализма, осуществляя финансирование различных исламистских группировок через многочисленные негосударственные фонды, которые зачастую даже невозможно связать с Саудовской Аравией. Здесь в качестве яркого примера вновь выступает Центральная Азия, где идеология ваххабизма (разумеется, без включения в нее веры в священность союза между династиями Аль Сауд и аль-Ваххаб) служит религиозным прикрытием для экстремистских организаций. Не случайно первые исламисты Узбекистана появились в стране именно в Ферганской долине, где очень сильные позиции долгое время занимают сторонники ваххабитского учения [Khalid 2014: 165].

Основой официальной помощи развитию является Организация экономического сотрудничества и развития, инструменты которой использует и Саудовская Аравия, что позволяет Эр-Рияду поддерживать дружественные отношения со странами Запада, взаимодействуя с ними в рамках содействия международному развитию. Однако в данной организации Эр-Рияд не может полностью реализовать свои цели и интересы, о которых было сказано выше, поэтому королевская семья активно прибегает к неофициальным каналам помощи.

Средства, направляемые Саудовской Аравией на содействие развитию, идут напрямую в страны Азии и Африки. Китайский исследователь Юи Ли (Шанхайский университет) отмечает, что, согласно имеющимся данным, в период с 2010 по 2015 г. более 13,1 млрд долл. США поступило из Саудовской Аравии в страны Азии, что составляет около 91% всей иностранной помощи Королевства; 2% средств было направлено в африканские страны, остальные деньги пошли в развивающиеся страны других регионов [Yi Li 2019: 113]. Средства

¹⁷ 2018 Annual Report // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/documents/20143/84927/2018-EN-AnnualReport.pdf/cc7c9d4b-3903-0bf4-3a7c-67f68d7b0cee> (accessed: 04.09.2019).

направляются главным образом на развитие социальной и экономической инфраструктуры, списание долгов, развитие производств и сферы услуг, а также на гуманитарную помощь.

Саудовская Аравия не имеет единой четко разработанной стратегии оказания содействия развитию. Все инициативы, как правило, исходят от королевской семьи и поручаются для реализации правительственным учреждениям, часто возглавляемым представителями той же правящей фамилии.

Координирует программы содействия развитию уже упоминавшийся Саудовский фонд развития (Saudi Fund for Development, SFD)¹⁸, созданный в 1974 г. Данный фонд, являясь единственным официальным учреждением по предоставлению помощи развитию, ежегодно публикует отчеты о своей деятельности. Его основные обязанности заключаются в реализации проектов Саудовской Аравии в области содействия развитию в форме ссудных субсидий, кредитов и гарантий экспорта саудовских нефтепродуктов путем предоставления кредитов проектам в развивающихся странах, а также финансовых и страховых услуг. Это также должно содействовать продвижению собственного нефтепродукта Королевства. Фонд сотрудничает напрямую с правительствами развивающихся стран.

Согласно опубликованным данным, за все время своего существования Саудовский фонд развития предоставил 665 займов на общую сумму 55 млрд риалов, профинансировав 692 проекта развития в 82 развивающихся странах¹⁹. Особое внимание фонд уделяет развитию энергетики развивающихся стран: так, в 2008 г., в разгар международного экономического кризиса, Саудовская Аравия учредила фонд в размере 1 млрд долл. США для смягчения кризиса в развивающихся странах, связанного с колебанием цен на нефть, предоставив бедным странам 50 млн долл. США в виде льготных кредитов для финансирования их проектов развития новых технологий в энергетике [Yi Li 2019: 115].

В табл. 1 приведены совокупные размеры займов странам «мира ислама» за период с 1975 по 2018 г.

Приведенные в табл. 1 данные подтверждают, что в течение нескольких десятилетий Египет был бесспорным лидером по объемам помощи, направляемой Королевством в рамках программ содействия развитию. Мы также видим в верхней части «рейтинга» страны, представляющие приоритет для Саудовской Аравии с точки зрения обеспечения региональной безопасности, продовольственной безопасности (Судан), а также государства, являющиеся главными партнерами Эр-Рияда по противодействию Израилю (Египет, Тунис, Марокко) и Ирану (Пакистан).

Выдача займов Саудовским фондом развития осуществляется при соблюдении следующих условий: проект, финансируемый за счет займа, должен приносить экономические или социальные выгоды стране-получателю; кредит выплачивается и погашается в саудовских риалах; сумма кредита не должна превышать 5% от общего капитала фонда; общая сумма кредитов, предоставленных одной и той же стране в течение того же периода времени, не должна превышать 10% общего бюджета фонда²⁰.

Хотя в Уставе Саудовского фонда развития четко указано, что оказание помощи развитию осуществляется независимо от географической близости страны-реципиента и вероисповедания ее населения, по крайней мере три четверти списка получателей саудовской помощи составляют страны с мусульманским большинством. В 1975 г. Саудовская Аравия и другие мусульманские страны создали Исламский банк развития (ИБР) со штаб-квартирой в Джидде, предоставляющий беспроцентные займы и безвозмездную финансовую поддержку мусульманским странам мира. Саудовская Аравия взяла на себя более 90% первоначального фонда банка, что составило порядка 900 млн долл. США [Wang, Lin 2000: 178]. Это послужило прекрасным стимулом для развития институтов исламской экономики по всему миру. С тех пор Саудовская Аравия постепенно вкладывает в нее крупные суммы денег, что делает Королевство важным каналом влияния на мусульманские страны по всему миру.

¹⁸ Saudi Fund for Development official website. URL: <http://www.sfd.gov.sa> (accessed: 04.09.2019).

¹⁹ SFD Activity Summary // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/web/guest/countries> (accessed: 04.09.2019).

²⁰ Statutory Framework // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/en/web/guest/sfd-information> (accessed: 04.09.2019).

Таблица 1 / Table 1

**Размеры помощи, осуществляемой Саудовской Аравией странам «мира ислама»
в рамках содействия развитию (1975—2018 гг.) /
Amount of assistance provided by Saudi Arabia to countries of the Islamic world
in the framework of development assistance (1975—2018)**

№ п/п	Страна / Country	Сумма, млн риалов / Amount, SR mln
1	Египет / Egypt	8 862,53
2	Тунис / Tunisia	4 127,8
3	Судан / Sudan	3 068,15
4	Марокко / Morocco	2 608,00
5	Пакистан / Pakistan	2 590,41
6	Сирия / Syria	2 303,84
7	Йемен / Yemen	2 140,09
8	Мавритания / Mauritania	1 969,85
9	Иордания / Jordan	1 777,38
10	Алжир / Algeria	1 270,97
11	Узбекистан* / Uzbekistan	1 035,85
12	Джибути / Djibouti	1 031,48
13	Ливан / Lebanon	1 020,00
14	Бахрейн / Bahrain	623,76
15	Таджикистан* / Tajikistan	557,63
16	Афганистан / Afghanistan	442,50
17	Киргизия* / Kyrgyzstan	393,75
18	Азербайджан* / Azerbaijan	376,95
19	Сомали / Somalia	352,60
20	Оман / Oman	274,18
21	Коморские о-ва / Comoros	220,25
22	Казахстан* / Kazakhstan	45,00
23	Туркменистан* / Turkmenistan	37,50

* Данным странам помощь в рамках программ содействия развитию начала осуществляться позднее, с 1991 г., после распада СССР, поэтому объемы их финансирования существенно меньше.

Источник / Source: составлено автором по данным ежегодного отчета Саудовского фонда развития (2018 г.). 2018 Annual Report // Saudi Fund for Development official website. URL: <https://www.sfd.gov.sa/documents/20143/84927/2018-EN-AnnualReport.pdf/cc7c9d4b-3903-0bf4-3a7c-67f68d7b0cee> (accessed: 04.09.2019).

Среди учреждений, принимающих решения по вопросам помощи развитию, также необходимо выделить Министерство иностранных дел, Министерство финансов (в частности, его Департамент международного сотрудничества в целях развития) и Кабинет министров, который, как отмечает Юи Ли, уполномочен «выдавать лицензионные платежи для управления помощью развитию в соответствии со статьей 7 Королевского указа № М / 48» [Yi Li 2019: 114].

В процесс оказания помощи развитию вовлечено также саудовское Управление Красного Полумесяца, имеющее тесные связи с правительством Королевства и, в отличие от Международного Комитета Красного Креста, не являющееся независимым от государства, в котором базируется. Фактически Управление Красного Полумесяца является квазигосударственной структурой.

Помощь развитию реализуется также через государственные сектора экономики и комитет по оказанию помощи, которые осуществляют благотворительную деятельность на основании королевских указов.

Существует также Королевский фонд, который управляется непосредственно королевским двором. Помимо этого многие отдельные члены правящей династии Аль Сауд открывают свои благотворительные фонды, такие как, например, Фонд аль-Валида (Al-Waleed Foundation), официально учрежденный в 2015 г. и возглавляемый Валидом бин Талалом. К основным сферам деятельности данного фонда относятся искоренение бедности, развитие межкультурной коммуникации, помощь женщинам и молодежи в поиске работы, помощь по преодолению последствий стихийных бедствий, развитие здравоохранения и т.д.

**Саудовские фонды, вовлеченные в программы содействия развитию /
Saudi funds involved in Development Assistance programs**

№ п/п	Название фонда / Name of the fund	Заявленный тип фонда / Declared type of fund	Сферы деятельности / Areas of activity	Веб-сайт / Website
1	Abdulrehman Saleh Al Rajhi & Family Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, образование, религия, семья, финансовая помощь, здоровье, население, развитие навыков, социальная сфера / Development, Education, Faith-Based, Family, Funding, Health, Skills Development, Social	http://alrajhicharity.org
2	Al-Waleed bin Talal Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Культура, развитие, борьба с последствиями бедствий, религия, образование, финансовая помощь, здоровье, гуманитарная помощь, население, социальная сфера / Cultural, Development, Disaster, Education, Faith-Based, Funding, Health, Humanitarian, People, Social	http://www.alwaleedphilanthropies.org
3	Arab Gulf Program for United Nations Development Organizations	Неправительственный / Non-Governmental	Дети, культура, развитие, образование, население, развитие навыков, женщины, молодежь / Children, Cultural, Development, Education, People, Skills Development, Women, Youth	http://www.agfund.org
4	King Faisal Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, социальная сфера / Development, Social	http://www.kff.com
5	MiSK Foundation	Неправительственный / Non-Governmental	Защита прав человека, культура, развитие, образование, СМИ, развитие навыков, социальная сфера / Advocacy, Cultural, Development, Education, Media, Skills Development, Social	http://misk.org.sa
6	Saudi Arabian Red Crescent Society	Неправительственный / Non-Governmental	Развитие, работа с людьми с ограниченными возможностями, преодоление последствий эпидемий и бедствий, образование, здоровье, медицинская помощь, поддержка пациентов, развитие навыков, устойчивое развитие / Development, Disabilities, Diseases and Disorders, Education, Health, Medical, Patient Support, Skills Development, Sustainability	http://www.srca.org.sa
7	Saudi Fund for Development	Правительственный / Governmental	Развитие, финансовая помощь, торговля / Development, Funding, Trade	http://www.sfd.gov.sa
8	World Assembly of Muslim Youth	Неправительственный / Non-Governmental	Культура, развитие, религия, население, развитие навыков, молодежь / Cultural, Development, Faith-Based, People, Skills Development, Youth	http://www.wamy.org/

Источник / Source: составлено автором

В табл. 2 приведен полный список фондов Саудовской Аравии, занимающихся помощью развитию с акцентом на различные проблемы.

Важно отметить, что автором были выделены только те фонды, информация о которых достаточно прозрачна и которые публично заявляют о своем участии в финансировании различных проектов за рубежом. Из списка исключены неправительственные организации, создание которых было инициировано или поддержано Саудовской Аравией (например, Организация исламских столиц и городов, оказывающая содействие развитию городской инфраструктуры в различных странах «мира ислама»), а также неправительственные организации типа Всемирной мусульманской лиги, информация о финансировании которой не поддается никакой проверке.

Из табл. 2 ясно, что все организации, кроме Саудовского фонда развития, заявлены как негосударственные, хотя выше мы отметили, что создание каждой из них было инициировано либо членом правящей династии, либо влиятельным человеком, приближенным ко двору, и закреплено соответствующим указом короля. Деятельность же всех фондов координирует Саудовский фонд развития и непосредственно основатель конкретного фонда.

Таким образом, мы приходим к выводу, что содействие международному развитию, осуществляемое Саудовской Аравией в рамках политики «мягкой силы», направлено не только на реализацию исламского принципа справедливости и равномерного распределения благ, но, в первую очередь, на усиление собственного авторитета в различных регионах мира, возрастание влияния на внутренние дела ключевых для Эр-Рияда государств, а также на препятствование деятельности конкурентов (главным образом Ирана, а также Турции) по укреплению собственных позиций в «мире ислама».

Ограничения саудовской модели развития для «мира ислама»

Исходя из вышесказанного, к основным достоинствам саудовской модели развития для «мира ислама» можно отнести, во-первых, успешность модернизации, естественным источником которой послужила нефть; во-вторых, привлекательность саудовского охранительного (в отно-

шении арабских монархий) или умеренного и прагматичного (в глобальном масштабе) внешнеполитического курса; в-третьих, строгое следование Саудовской Аравией исламской традиции в общественно-политической жизни.

Однако у саудовской модели есть и существенные недостатки, которые представляются непреодолимыми. Все они, можно сказать, являются оборотной стороной указанных достоинств. Так, «нефтяной» тип модернизации ограничивает круг стран, которые могут прибегнуть к адаптации саудовского опыта экономического развития. Внешнеполитический курс Эр-Рияда страдает увлеченностью двойными стандартами и предвзятым отношением к целому ряду государств, имеющих недостаточно близкие (по меркам саудовского руководства) отношения с США. Наконец, ваххабитский толк суннитского ислама, столь активно продвигаемый Королевством, отталкивает многие государства от обращения к саудовской модели функционирования государства своей чрезмерной суровостью и фанатичностью методов его имплементации.

С целью преодоления указанных ограничений наследный принц Мухаммад бин Сальман инициировал целый ряд реформ, представленных в документе «Видение Королевства Саудовская Аравия 2030» (Vision 2030). Главным результатом реформ должно стать лидирующее положение Королевства в мире. План предусматривает диверсификацию экономики за счет развития сферы обслуживания, банковских услуг и финансового консалтинга, туризма, возобновляемых источников энергии, а также горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. В общественной жизни предлагается развивать «живое общество» и «амбициозную нацию», продолжая курс на либерализацию общественной жизни в стране²¹.

Что касается ислама, то в рамках «Видения 2030» его роль не умалается, однако акцент делается на исламе «умеренности, терпимости, величия, дисциплины, справедливости и прозрачности»²². Это означает, что государство стремится

²¹ Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/node> (accessed: 05.09.2019).

²² Saudi Vision 2030. P. 15. URL: https://www.vision2030.gov.sa/sites/default/files/report/Saudi_Vision2030_EN_2017.pdf (accessed: 05.09.2019).

контролировать религию, не допуская радикализации взглядов улемов и рядовых мусульман.

Мухаммад бин Сальман отрицает ваххабитскую природу саудовского государства, позиционируя ваххабизм как идеологию, стоящую на службе экстремистски настроенной оппозиции правящему режиму. Кроме того, Эр-Рияд сократил поддержку таким группировкам, как «Джабхат ан-нусра». Однако на этот счет не стоит обольщаться, поскольку данный шаг был осуществлен для того, чтобы, во-первых, улучшить имидж Королевства в глазах мирового сообщества, и главным образом — Соединенных Штатов, а во-вторых, «сбросить балласт» в лице нежелательных союзников после того, как они потерпели поражение в Сирии и не помогли в реализации саудовских интересов в этой стране.

Таким образом, мы наблюдаем две стратегии в отношении ваххабизма. Первая — для «внутреннего пользования», служит для сдерживания влияния улемов на правящий режим, ведь именно улемы являются той силой, которая может препятствовать реализации шагов по дальнейшей модернизации саудовского общества. При этом важно, что в рамках данной стратегии не происходит коренных изменений в системе исламского образования в стране, то есть в учебных заведениях, как и раньше, преподается ваххабитская трактовка ислама, что позволяет сохранить базовые ценностные установки саудовцев в их традиционном виде.

Вторая стратегия — «экспортная»: Саудовская Аравия по-прежнему распространяет исламский фундаментализм и ханбалитский мазхаб, которые насаждаются даже там, где традиционно распространен умеренный ханафитский мазхаб, например, в Центральноазиатском регионе. И мы убеждены, что если судьба «внутренней стратегии» полностью зависит от того, останется ли у власти Мухаммад бин Сальман после смерти короля Сальмана, то «экспортная стратегия» сохранится в арсенале внешнеполитических инструментов Эр-Рияда в долгосрочной перспективе, поскольку она отвечает интересам Королевства и позволяет контролировать «мир ислама» в политическом, духовном и интеллектуальном плане.

«Перестройка» в Саудовской Аравии, начатая Мухаммадом бин Сальманом, как и в целом политика и личность наследного принца, была

неоднозначно воспринята населением Королевства. Молодежь, составляющая порядка 60% саудовских подданных, преимущественно поддерживает изменения, направленные на расширение доступа к достижениям западной цивилизации, таким как кинематограф и музыка. Этого не скажешь о старшем поколении, которое с настороженностью относится к изменению положения улемов в стране и принятым мерам по либерализации общества. При этом большинство населения разочаровалось в Мухаммаде бин Сальмане как военном руководителе после неудачной операции против йеменских хуситов, а также усмотрело в нем наклонности диктатора после убийства журналиста Дж. Хашогги, которое вызвало серьезный общественный резонанс.

Исходя из вышесказанного, автор видит два возможных сценария развития событий в Королевстве.

Первый сценарий предусматривает сохранение у власти Мухаммада бин Сальмана и восшествие его на саудовский трон после смерти короля Сальмана. Это будет означать продолжение курса на либерализацию Королевства, но только до тех пор, пока это выгодно и позволяет улучшать международный имидж Саудовской Аравии. Данный сценарий представляется менее вероятным, так как целый ряд влиятельных саудовских принцев уже объединились против наследного принца и заявляют о намерении свергнуть его, но только после кончины нынешнего правителя. Кроме того, курс наследного принца не получает абсолютной поддержки у населения страны.

Второй сценарий как раз предполагает свержение Мухаммада бин Сальмана, что приведет к свертыванию его внутривосточного курса и возвращению к традиционным взаимоотношениям между правящей династией и улемами. Сохранятся только те нововведения, которые направлены на диверсификацию саудовской экономики и развитие тех сфер, которые позволят Королевству как можно скорее «слезть с нефтяной иглы», поскольку данные планы имелись у саудовского руководства и до возвышения Мухаммада бин Сальмана. Подобный сценарий представляется автору более реальным.

В Саудовской Аравии легитимность королевской власти основывается на личном авторитете монарха, на традиции и ваххабизме, который,

обеспечив успех объединительной политики основателя государства Абдель Азиза Аль Сауда, из идеологии трансформировался в элемент политического механизма государственной политики. Именно ваххабизм является основным условием выживания политического режима в Саудовской Аравии, он освящает именем Аллаха и придает законную силу решениям правящей династии. В общественно-политической сфере для ваххабизма характерны социальная гармония, братство и единство мусульман, осуждение стяжательства. Однако в борьбе со своими политическими противниками ваххабиты проявляют крайний фанатизм.

Хотя исламистские фундаменталистские организации — пока они не провозглашают борьбу против правящего режима Саудовской Аравии — продолжают получать помощь из Эр-Рияда, мож-

но наблюдать, как внешняя политика Саудовской Аравии после событий «арабской весны» стала более прагматичной и менее зависимой от ислама. В политике содействия международному развитию, на первый взгляд, также сместились акценты — с помощи исламистским организациям (религиозные цели) на содействие преодолению разрыва между богатыми и бедными странами (экономические цели). Однако обольщаться здесь не стоит, потому что ряд внешнеполитических шагов, предпринятых наследным принцем Мухаммадом бин Сальманом, может нивелировать все положительные последствия указанных изменений. Более того, деятельность наследника саудовского престола уже привела к росту конфликтности (главным образом вокруг Катара и Йемена) и напряженности в «мире ислама» и обострению гонки за региональное лидерство.

Поступила в редакцию / Received: 06.09.2019

Принята к публикации / Accepted: 03.10.2019

Библиографический список

- Валиахметова Г.Н.* Исламский фактор в мировой политике. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М.: Классика плюс, 1999.
- Делонг-Ба Н.* Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад. М.: Ладомир, 2010.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013а. № 1 (247). С. 127—158.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х — 2000-х гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2013б.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. М.: ИИИиБВ, 2003.
- Наумкин В.В.* Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Яковлев А.И.* Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011: Экономика и политика стран Востока. М.: ИВ РАН, 2011. С. 48—58.
- Al-Ali H.I.* Mabadia wa akhdaf al-siyasa al-kharijiya al-saudiya. Al-mustawa al-khalijiy, al-islamiy, al-duwaliy// Al-Siyasa al-kharijiya lil-mamlaka al-arabiya al-saudiya fi miat amm [Principles and Goals of Saudi Foreign Policy: Gulf Region, Islamic World, International Community // Kingdom of Saudi Arabia's Foreign Policy for a Hundred Years]. Riyadh, 1419 H. / 1998. (На араб. яз.).
- Al-Rasheed M.* A History of Saudi Arabia. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Al-Rasheed M.* Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Amghar S.* The Muslim World League in Europe: An Islamic Organization to Serve the Saudi Strategic Interests? // Journal of Muslims in Europe. 2012. No. 1. P. 127—141. DOI: 10.1163/22117954-12341234
- Bianchi R.R.* Guests of God. Pilgrimage and Politics in Islamic World. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Cones P.* The Saudi Terror Machine. The Truth about Radical Islam and Saudi Arabia Revealed. Delaware: Skyhorse Publishing, 2018.
- Dorsey J.* Pakistan's Lurch towards Ultra-Conservatism Abetted by Saudi-Inspired Pyramid Scheme // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2018. Vol. 12. No. 1. P. 66—88. DOI: 10.1080/25765949.2018.1439618
- Ekhtiari Amiri R., Binti Ku Samsu K.H., Fereidouni H.G.* The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia // Journal of Asian and African Studies. 2011. Vol. 46. No. 6. P. 678—690. DOI: 10.1177/0021909611417546
- Ekhtiari Amiri R., Soltani F.* Iraqi Invasion of Kuwait as Turning Point in Iran-Saudi Relationship // Journal of Politics and Law. 2011. Vol. 4. No. 3. P. 188—195. DOI:10.5539/jpl.v4n1p188
- Gallarotti G., Al-Filali I.Y.* Saudi Arabia's Soft Power // International Studies. 2012. Vol. 49. No. 3—4. P. 233—261. DOI: 10.1177/0020881714532707
- Khalid A.* Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia. University of California Press, 2014.

- Lunn J. History // The Middle East and North Africa. 49th Edition. London: Routledge, 2003. P. 943—979.
- Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia / Ed. by M. Al-Rasheed. Oxford University Press, 2018.
- Smith Diwan K. Sovereign Dilemmas: Saudi Arabia and Sovereign Wealth Funds // Geopolitics. 2009. Vol. 14. No. 2. P. 345—359. DOI: 10.1080/14650040902827831
- Wang T., Lin S. General History of the Middle East: Saudi Arabia. Beijing: The Commercial Press, 2000.
- Yi Li. Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 110—122. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1586367>

References

- Al-Ali, H.I. (1998). Mabadia wa akhdaf al-siyasa al-kharijiyi al-saudiya. Al-mustawa al-khalijiy, al-islamiy, al-duwaliy. In: *Al-Siyasa al-kharijiyi lil-mamlaka al-arabiya al-saudiya fi miat amm* [Principles and Goals of Saudi Foreign Policy: Gulf Region, Islamic World, International Community. In: *Kingdom of Saudi Arabia's Foreign Policy for a Hundred Years*]. Riyadh. (In Arabic).
- Al-Rasheed, M. (2007). *Contesting the Saudi State: Islamic Voices from a New Generation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Al-Rasheed, M. (2010). *A History of Saudi Arabia*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Al-Rasheed, M. (Eds.). (2018). *Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia*. Oxford University Press.
- Amghar, S. (2012). The Muslim World League in Europe: An Islamic Organization to Serve the Saudi Strategic Interests? *Journal of Muslims in Europe*, 1, 127—141. DOI: 10.1163/22117954-12341234
- Bianchi, R.R. (2004). *Guests of God. Pilgrimage and Politics in Islamic World*. Oxford: Oxford University Press.
- Conesa, P. (2018). *The Saudi Terror Machine. The Truth about Radical Islam and Saudi Arabia Revealed*. Delaware: Skyhorse Publishing.
- Delong-Bas, N. (2010). *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad*. Moscow: Ladomir publ. (In Russian).
- Dorsey, J. (2018). Pakistan's Lurch towards Ultra-Conservatism Abetted by Saudi-Inspired Pyramid Scheme. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 12 (1), 66—88. DOI: 10.1080/25765949.2018.1439618
- Ekhtiari Amiri, R. & Soltani, F. (2011). Iraqi Invasion of Kuwait as Turning Point in Iran-Saudi Relationship. *Journal of Politics and Law*, 4 (3), 188—195. DOI:10.5539/jpl.v4n1p188
- Ekhtiari Amiri, R., Binti Ku Samsu, K.H. & Fereidouni, H.G. (2011). The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia. *Journal of Asian and African Studies*, 46 (6), 678—690. DOI: 10.1177/0021909611417546
- Gallarotti, G. & Al-Filali, I.Y. (2012). Saudi Arabia's Soft Power. *International Studies*, 49 (3—4), 233—261. DOI: 10.1177/0020881714532707
- Khalid, A. (2014). *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. University of California Press.
- Kosach, G.G. & Melkumyan, E.S. (2003). *Foreign Policy of Saudi Arabia*. Moscow: IIIiBV publ. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2013a). Saudi Arabia: Power, Ulama and Anti-Systemic Opposition (Theological and Political Response to Opponents of the Regime). *Russia and the Muslim World*, 1 (247), 127—158. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2013b). *Saudi Arabia: Political Processes of the 1990s — 2000s*. Moscow: Institut Blijnego Vostoka publ. (In Russian).
- Lunn, J. (2003). History. In: *The Middle East and North Africa*. 49th Edition. London: Routledge. P. 943—979.
- Naumkin, V.V. (2018). *Failed Partnership. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between World Wars*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Smith Diwan, K. (2009). Sovereign Dilemmas: Saudi Arabia and Sovereign Wealth Funds. *Geopolitics*, 14 (2), 345—359. DOI: 10.1080/14650040902827831
- Valiakhetova, G.N. (2013). *Islamic Factor in World Politics*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet publ. (In Russian).
- Vassiliev, A.M. (1999). *The History of Saudi Arabia (1745 — End of 20th Century)*. Moscow: Klassika plus publ. (In Russian).
- Wang, T. & Lin, S. (2000). *General History of the Middle East: Saudi Arabia*. Beijing: The Commercial Press.
- Yakovlev, A.I. (2011). Modernization of Saudi Arabia: Results and Prospects at the Beginning of the 21st Century. In: *Eastern Analytics. Yearbook 2011: Economics and Politics of the East*. Moscow: IV RAN publ. P. 48—58. (In Russian).
- Yi Li. (2019). Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13 (1), 110—122. DOI: <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1586367>

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

About the author: Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-566-582

Научная статья

Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние

В.И. Бартнев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Research article

The Gulf States' Assistance to Egypt after the 2011 Revolution: Logic, Dynamics, Systemic Impact

V.I. Bartenev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Исследователям, отслеживающим изменения в глобальной архитектуре международной помощи, 2010-е гг. запомнятся резким укреплением позиций стран Персидского залива (Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта и Катара), произошедшим на фоне «Арабского пробуждения». Наибольшие объемы помощи эти государства предоставляли Египту, чье политическое развитие — в том числе под влиянием исламского фактора — пошло по особенно извилистому пути. В статье исследованы логика, динамика и роль поддержки стран — членов ССАГПЗ в этом процессе, начиная с 2011 г. до текущего момента. В структурном плане статья состоит из четырех частей, каждая из которых соответствует определенному этапу постреволюционной истории Египта и содержит анализ логики и взаимовлияния донорских инициатив стран Персидского залива и их воздействия на внутреннюю и внешнюю политику египетских властей и поведение внерегиональных акторов. Сделан вывод о том, что на всех четырех этапах донорская активность стран ССАГПЗ играла в турбулентном развитии Египта центральную роль. При этом, вопреки расхожему тезису о преобладании в политике арабских доноров мотивов культурной и религиозной солидарности, они настолько же искусно использовали помощь в качестве инструмента обеспечения политических и экономических интересов, как и «традиционные» доноры, корректируя ее структуру, исходя из изменений «на земле» и экономической конъюнктуры. Усиление роли монархий Залива в судьбе Египта стало следствием не только роста их собственных амбиций и возможностей, но и чрезмерной осторожности стран Запада, на фоне которых арабские доноры, не требовавшие от египетских властей повышения качества государственного управления и действовавшие решительно и оперативно, выглядели как более надежные партнеры. Их усиление, в свою очередь, заставляло западные государства закрывать глаза на те или иные дефекты политической системы или экономики Египта, дабы не потерять свое влияние окончательно. Такое взаимовлияние поведения западных и незападных доноров обозначает тенденцию, которая заслуживает подробного изучения на более широкой выборке страновых кейсов.

Ключевые слова: Египет, страны Персидского залива, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, ССАГПЗ, «Арабское пробуждение», Ближний Восток, Северная Африка, международная помощь, гранты, кредиты, инвестиции

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

Для цитирования: Бартнев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 566—582. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-566-582

© Бартнев В.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The current decade has seen a growing role of the Gulf States (Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Kuwait and Qatar) in global aid architecture as a result of the Arab Awakening. The largest packages of assistance have been provided by this group of donors to Egypt, which followed an especially tortuous path, shaped by the factor of political Islam. This paper examines the logic, dynamics and the role of such assistance in Egypt's tumultuous history after 2011. It consists of four sections — each depicting a particular phase of the post-revolutionary period and containing an in-depth study of the logic of and linkages between the GCC members' donor initiatives as well as an assessment of their influence on the domestic and external policies of consecutive Egyptian administrations and the behavior of extraregional actors. The general conclusion is drawn that during each of four stages the Gulf States' actions played a pivotal role in Egypt's turbulent development. Contrary to a widespread belief in predominance of cultural and religious solidarity in Arab donors' aid-giving, they mastered foreign assistance as a tool of statecraft as aptly as established donors, while often restructuring it in response to the changes on the ground and/or economic environment. An increased role of the GCC members in Egypt's fate is explained not only by their growing ambitions and capabilities but also by an excessive cautiousness of the Western countries. In comparison with the latter group — the Arab donors, which did not demand any improvements in quality of governance from the Egyptian authorities and acted very swiftly and decisively, looked as much more reliable partners. Their growing impact forced the established donors to turn a blind eye to the defects of Egypt's political system or economic governance in order to avoid a complete loss of influence. This interdependence between the behavior of the Western and Arab donors reveals a trend, which deserves a more scrupulous examination on a wider selection of country cases.

Key words: Egypt, Gulf States, Saudi Arabia, UAE, Kuwait, Qatar, GCC, Arab Awakening, Middle East, North Africa, foreign assistance, investments, loans, grants

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project 17-37-01018-OGN.

For citation: Bartenev, V.I. (2019). The Gulf States' Assistance to Egypt after the 2011 Revolution: Logic, Dynamics, Systemic Impact. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 566—582. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-566-582

В XXI в. в глобальной архитектуре международной помощи происходит заметное укрепление позиций незападных доноров, в том числе и стран Персидского залива — Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта и Катара, чья донорская активность в текущем десятилетии вышла на качественно иной уровень¹. Поводом для этого послужили события «Арабского пробуждения», оказавшие дестабилизирующее воздействие на многие государства Ближнего Востока и Северной Африки (далее — БВСА) и сформировавшие для указанных акторов комплекс новых рисков и возможностей (см. подробнее: [The Struggle for Influence in the Middle East... 2016; Ulrichsen 2019]). Несомненно, лучше всего логику деятельности стран — членов ССАГПЗ как доноров в условиях радикальных изменений региональ-

ного политического ландшафта можно проиллюстрировать на примере их помощи Египту. С одной стороны, политическое развитие крупнейшей страны арабского мира в текущем десятилетии шло по особенно тернистому пути, в котором, пожалуй, ключевую роль сыграл именно исламский фактор в лице движения «Братьев-мусульман»². С другой стороны, именно Египту монархии Персидского залива все последние годы предоставляли наибольшие объемы финансовой помощи, оттеснив на второй план не только отдельные западные страны, в первую очередь США, но и Бреттон-Вудские институты.

Цель данной статьи — обозначить логику, динамику и системное влияние помощи стран — членов ССАГПЗ на политическое и экономическое развитие Арабской Республики Египет после революции 2011 г. С одной стороны, это поможет расширить представление о дилеммах оказания помощи постреволюционному Египту, исследованных в России пока обстоятельно только на примере ЕС [Кузнецов, Оганисян 2018]. С другой — предоставит новый эмпирический материал для изучения концептуальных вопросов влияния внешней помощи на качество государственного управления и выбора между различными формами помощи

¹ Совокупная доля помощи со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта от объемов помощи «традиционных» доноров (стран — членов Комитета содействия развитию ОЭСР, куда входят почти все развитые государства), увеличилась с 2,8% в 2008—2010 гг. до 7,5% в 2011—2015 гг., и это не считая Катара, объемы помощи которого также исчисляются миллиардами долларов (см.: World Bank. Arab Aid on the Rise 2011—2016. Washington, D.C. // World Bank Group. 2018. P. 1. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29398/123735-BRI-PUBLIC-QN-163.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 01.11.2019)).

² Организация запрещена в РФ.

государствам, временно утратившим устойчивость [Баргенов 2018].

Новизну исследования определяют полное отсутствие специальных трудов по данной проблематике в отечественной литературе, сохраняющееся, несмотря на повышение интереса к деятельности стран Залива как доноров [Мелкумян 2018; Almezaini 2018], а также оригинальность подхода к достижению поставленной цели в сравнении с разработками зарубежных ученых [Amin 2014; Farouk 2014; Sons, Wiese 2015; Young 2017 и др.].

Во-первых, в статье сделан выбор в пользу хронологического принципа изложения материала и рассмотрения пакетов помощи Египту от отдельных стран Персидского залива не изолированно, а в связке друг с другом — с целью отразить взаимовлияние их действий.

Во-вторых, в ней производится оценка воздействия помощи от членов ССАГПЗ не только на развитие самого Египта, но и на политику внерегиональных акторов и многосторонних институтов.

Наконец, в-третьих, в отличие от большинства зарубежных исследований, опубликованных преимущественно в первой половине 2010-х гг., изложение будет доведено до текущего момента, что позволит отразить важные и в прикладном, и в теоретическом планах изменения в политике арабских доноров в отношении Египта, произошедшие после 2015 г.

Ввиду неполноты информации, содержащейся в отчетности, предоставляемой ОАЭ и Кувейтом в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и непредставления ее КСА и Катаром вовсе, мы лишены возможности сопоставления стандартизированных статистических данных, доступных при анализе потоков от «традиционных» доноров. По этой причине выполнение поставленных задач будет осуществляться с привлечением разнообразных источников — официальных документов, средств массовой информации и материалов аналитических центров.

Первый переходный период

25 января 2011 г. в Каире и ряде других городов Египта начались масштабные антиправительственные протесты, которые грозили сверже-

нием режима Хосни Мубарака, управлявшего страной в течение трех десятилетий. Важную роль на этом этапе развития политического кризиса сыграла позиция США. 28 января Б. Обама призвал Х. Мубарака воздержаться от применения насилия и провести реформы, допустив пересмотр вопроса об оказании помощи Египту в зависимости, в частности, от того, как поведет себя египетская армия³.

Такая позиция главы Белого дома вызвала незамедлительную реакцию властей Саудовской Аравии. В тот же день Б. Обама позвонил король Абдалла и пообещал поддержать Х. Мубарака в случае, если США заморозят помощь Египту⁴. Однако до этого дело не дошло — 11 февраля 2011 г. египетский лидер сложил с себя полномочия, открыв длительный переходный период, в котором решающую роль играл Высший совет Вооруженных сил (ВСВС) во главе с бывшим министром обороны фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном Тантави, но параллельно в стране шло усиление позиций исламистов, в первую очередь «Братьев-мусульман».

Дестабилизация политической обстановки привела к резкому ухудшению состояния экономики Египта. Темпы роста снизились за год с 5,1 до 1,8%, а золотовалютные резервы страны, где дефицит бюджета и платежного баланса и так носил хронический характер [Hesari 2016: 772—773], сократились к январю 2012 г. более чем вдвое — с 36 млрд долл. США до 16,3 млрд долл. США. Большая часть средств была потрачена на поддержание курса национальной валюты, который ослаб на фоне революционных событий, сокращения турпотока и иностранных инвестиций⁵.

Египет был вынужден обратиться за внешней помощью в ликвидации дефицита платежного

³ McGreal Ch. White House Warns \$1.5bn Aid to Egypt Could Be Withdrawn // *The Guardian*. January 29, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/29/white-house-aid-egypt> (accessed: 01.10.2019).

⁴ Saudi King Told Obama He'd Fund Mubarak if U.S. Halted Egypt Aid // *Haaretz*. February 10, 2011. URL: [Saudi King Told Obama He'd Fund Mubarak if U.S. Halted Egypt Aid](http://www.haaretz.com/News-Detail.aspx?articleId=1.369634) (accessed: 01.10.2019).

⁵ См.: Kirkpatrick D. Struggling, Egypt Seeks Loan From I.M.F. // *New York Times*. January 16, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/17/world/middleeast/egypt-seeks-3-2-billion-loan-from-imf.html> (accessed: 01.10.2019).

баланса, который в новом финансовом году (начинаясь 1 июля 2011 г.) должен был составить порядка 10—12 млрд долл. США⁶. Первоначально власти страны рассчитывали получить кредит Международного валютного фонда (МВФ) и послать тем самым позитивный сигнал другим донорам и инвесторам. Проект соглашения о займе на сумму 3 млрд долл. США был согласован уже в июне 2011 г., однако ВСВС в итоге отказался от его заключения, опасаясь, по мнению турецкого ученого М. Хекана, того, что «предусмотренные им меры экономии ударят по бедным слоям населения, вызовут социальную нестабильность и снизят популярность армии в обществе» [Hesap 2016: 773]. В этой ситуации новым египетским властям оставалось надеяться лишь на отдельных доноров, причем тех, которые были готовы рисковать своими средствами в отсутствие сделки с МВФ.

Хотя первыми 19 мая 2011 г. конкретные обязательства по помощи Египту озвучили США⁷, лидерами по объемам обещанных средств стали именно монархии Персидского залива. На протяжении десятилетий оказывавшие поддержку режиму Х. Мубарака Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт изначально поддерживали ВСВС. Эти государства стремились не только и не столько защитить свои инвестиции, как это бывает в условиях любой смены режима, но, главным образом, не допустить усиления в стране позиций исламистов, которых рассматривали в качестве экзистенциальной угрозы [Sailer 2016: 2], обеспечить сохранение Египтом прежнего внешнеполитического вектора и, в частности, предотвратить возможное сближение Каира с Тегераном. Отдельные специалисты склонны подчеркивать, что и на этом, и на последующих этапах постреволюционного развития Египта власти страны — члены ССАГПЗ старались, в первую очередь, предотвратить разрастание политического кризиса в АРЕ, делая ставку на армию как на единственную силу, способную удержать ситуацию под контролем.

⁶ См.: Qatar Plans \$10 bln in Egypt Projects // Reuters. May 24, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/egypt-qatar-assistance-idAFLDE74N0SI20110524> (accessed: 01.10.2019)

⁷ Они среди прочего включали списание долга Египту и предоставление АРЕ гарантий по кредитам на сумму 1 млрд долл. США.

В итоге Саудовская Аравия пообещала выделить Египту 4 млрд долл. США, включая 1 млрд долл. США — в виде прямого перевода на счет Центрального банка Египта (далее — ЦБЕ), а также покупку египетских гособлигаций на сумму 500 млн долл. США⁸, а ОАЭ — 3 млрд долл. США (1,5 млрд долл. США — на создание новых рабочих мест через специально учрежденный Фонд Халифы ибн Зайда для поддержки малых и средних предприятий, 750 млн долл. США — в виде гранта на реализацию проектов в сфере жилищного строительства и инфраструктуры и еще 750 млн долл. США — в виде кредитов на иные нужды [Sons, Wiese 2015: 33]).

Свою готовность помочь постреволюционному Египту обозначил и Катар, который давно поддерживал тесные отношения с «Братьями-мусульманами» и другими исламистскими организациями и для которого свержение режима Мубарака открыло широкое окно возможностей. Стремясь обозначить свое внимание к судьбе Египта в переходный период, в мае 2011 г. шейх Хамад бин Халифа Аль Тани нанес визит в Каир, где пообещал обеспечить приток инвестиций на сумму до 10 млрд долл. США и рассмотреть возможность закупки облигаций ЦБЕ⁹.

Однако объем выделенных Египту средств оказался значительно меньше заявленного. В первые полтора года после революции Египет получил от КСА только 500 млн долл. США (покупка гособлигаций), а также займ в размере 1 млрд долл. США (сроком на 8 лет) в мае 2012 г.¹⁰ ОАЭ и вовсе потратили в Египте в 2011 г., по официальным данным¹¹, лишь 22,8 млн долл. США на реализацию согласованных еще до революции проектов (строительство дешевого жилья, закупку медикаментов и оборудования для онкологической клиники, поддержку сирот через Красный Полумесяц ОАЭ), при этом не взяв новых обяза-

⁸ См.: Qatar Plans \$10 bln in Egypt Projects // Reuters. May 24, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/egypt-qatar-assistance-idAFLDE74N0SI20110524> (accessed: 01.10.2019)

⁹ Ibid.

¹⁰ Saudi Mulls Funding Egyptian Projects Worth \$230m: Ambassador // Ahram Online. June 08, 2012. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/0/44220/Business/0/Saudi-mulls-funding-Egyptian-projects-worth-m-Amba.aspx> (accessed: 01.10.2019)

¹¹ UAE Foreign Aid 2011 // UAE — Office for the Coordination of Foreign Aid. Abu Dhabi, 2012. P. 36.

тельств. В 2012 г. различные структуры ОАЭ выделили Египту 81,5 млн дирхамов ОАЭ (на те же цели) и взяли обязательства на сумму 42,6 млн долл. США (табл. 1).

Оба года Египет занимал лишь 15-е место среди реципиентов помощи ОАЭ (для сравнения: Иордания получила в 2011 г. порядка 206 млн долл. США, а в 2012 г. — 341 млн долл. США¹²) и упоминался в официальных отчетах в числе других стран Северной Африки (без выделения особого подраздела). По собранной экспертам Германского совета по международным отношениям С. Сонсом и И. Визе информации, задержка с доведением обещанных ОАЭ в мае 2011 г. средств была связана с разногласиями относительно механизма их трансфера через Фонд Халифы ибн Зайда, неурегулированностью спора о защите инвестиций частных компаний из ОАЭ, а также озабоченностью решением египетских властей отказаться от заключения соглашения с МВФ [Sons, Wiese 2015: 14].

¹² UAE Foreign Aid 2012 // UAE — Ministry of International Cooperation and Development (MICAD). Abu Dhabi, 2013. P. 31.

Весьма осторожно на этом этапе вел себя и Кувейт — так, по линии Кувейтского фонда арабского экономического развития (далее — КФАЭР) в 2011/2012 фин. г. был выделен лишь один займ (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Объемы официальной помощи Египту со стороны ОАЭ (млрд долл. США, в текущих ценах, 2010—2016 гг.) / UAE's official assistance to Egypt (US bln, current prices, 2010—2016)

Год / Year	Распределенная помощь / Funds Disbursed	Новые обязательства / Funds Committed
2010	0,03	0,05
2011	0,02	0
2012	0,02	0,04
2013	4,63	6,20
2014	3,21	0,45
2015	6,34	0
2016	2,42	0

Источник / Source: UAE Foreign Aid Reports, 2010—2016.

Таблица 2 / Table 2

Займы, предоставленные Египту по линии КФАЭР (2010/2011 — 2018/2019 фин. гг.) / KFAED Loans to Egypt (FY2010/2011 — 2018/2019)

Фин. г. / FY	Кол-во займов, выданных Египту / Overall number of loans to Egypt	Общее число займов, выданных арабским странам / Overall number of loans to Arab countries	Доля Египта в общем числе займов, выданных арабским странам (%) / Egypt's share in overall number of loans to Arab countries	Объем портфеля займов, выданных Египту (в млн кувейтских динаров) / Portfolio value of loans to Egypt (KD mln)	Общий объем портфеля займов, выданных арабским странам (в млн кувейтских динаров) / Portfolio value of loans to Arab countries (KD mln)	Доля Египта в общем портфеле проектов Фонда в арабских странах (%) / Egypt's share in portfolio of loans to Arab countries (%)
2010/2011	34	304	11,2%	554	2 480	22,3%
2011/2012	35	311	11,3%	584	2 640	22,1%
2012/2013	36	319	11,3%	600	2 752	21,8%
2013/2014	38	327	11,6%	661	2 917	22,7%
2014/2015	39	336	11,6%	690	3 012	22,9%
2015/2016	41	341	12,0%	751	3 119	24,1%
2016/2017	44	347	12,7%	833	3 260	25,6%
2017/2018	47	355	13,2%	923	3 417	27,0%
2018/2019	50	361	13,9%	1 013	3 562	28,4%

Источник / Source: Kuwait Fund for Development. Annual Reports 2010/2011 — 2018/2019.

Схожее поведение трех стран имело веские причины. С одной стороны, их не могла не беспокоить внешняя политика новых египетских властей, в частности, их готовность к сближению с Тегераном и стремление примирить ФАТХ и ХАМАС [Talbot 2011: 102]. С другой стороны, еще большие опасения вызывало усиление позиций «Братьев-мусульман» в Египте, поддерживавшихся Катаром, который стал единственным членом ССАГПЗ, выделившим новым властям крупные средства — грант объемом 500 млн долл. США в октябре 2011 г.¹³ В скором времени политическое крыло «Братьев-мусульман» — «Партия свободы и справедливости», возглавляемая Мухаммедом Мурси, одержала убедительную победу на парламентских выборах, прошедших в три этапа в ноябре 2011 — январе 2012 г. Выдвижение к власти исламистов предопределило также курс Саудовской Аравии [Косач 2015: 2] и ОАЭ, увидевших в новом президенте Египта стратегическую угрозу своим интересам.

Исходя из этого, в действиях властей КСА и ОАЭ на первом этапе можно увидеть выделенную старшим научным сотрудником Института изучения арабских государств Персидского залива в Вашингтоне К. Янг такую специфическую черту помощи стран — членов ССАГПЗ, как невыполнение взятых на себя обещаний или резкая смена курса в случае отсутствия быстрого прогресса в достижении политических или коммерческих целей в стране-реципиенте [Young 2017: 116].

Пожалуй, именно склонностью к максимально прагматичному использованию внешней помощи в качестве инструмента государственной политики стоит объяснять и не очень вписывающееся в общую канву поведение Саудовской Аравии в ходе президентских выборов в Египте. В скором времени после подсчета результатов первого тура, в котором с минимальным перевесом победил М. Мурси, власти КСА внезапно 2 июня разместили в Центральном Банке Египта 1 млрд долл. США, 4 июня выкупили гособлигации на сумму 500 млн долл. США, а 9 июня объявили о выделении 230 млн долл. США на три проекта — доставку питьевой воды в район

Наср-Сити в Каире (60 млн долл. США), замену ирригационных насосов (80 млн долл. США) и строительство новых зернохранилищ (90 млн долл. США), 200 млн долл. США в виде займа на оказание помощи египетским малым и средним предприятиям, и, наконец, 750 млн долл. США в виде займа на импорт нефтепродуктов из КСА — через Саудовский фонд развития¹⁴.

С нашей точки зрения, за этими действиями КСА могло проглядывать стремление продемонстрировать египетским избирателям, что их выбор не в пользу М. Мурси даст возможность рассчитывать на щедрую поддержку со стороны Эр-Рияда. Однако предотвратить неблагоприятный для себя исход властям Королевства не удалось — по итогам второго тура выборов (16—17 июня 2012 г.) победил именно М. Мурси, открыв новый этап в развитии Египта и его взаимодействия со странами — членами ССАГПЗ.

Президентство Мухаммеда Мурси

М. Мурси прекрасно осознавал роль внешней помощи в поддержании политической стабильности. Не случайно первой страной, которую он посетил в статусе президента, стала Саудовская Аравия, а не Катар. Однако власти КСА его визит в Джидду не убедил¹⁵, и они предпочли ограничиться использованием многосторонних каналов во взаимодействии с Каиром. В начале июля 2012 г. Исламским банком развития, в котором КСА принадлежит крупнейший пакет акций, было подписано соглашение о выделении Египту 1 млрд долл. США на поддержку продовольственного и энергетического секторов. Кроме того, власти Королевства выделили 500 млн долл. США в рамках Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН в Египте на реализацию различных проектов [Talbot 2012: 4]. Такого рода шаги не должны вводить в заблуждение: отсутствие значимой прямой поддержки вполне можно расценивать как стремление властей КСА осла-

¹³ Qatari PM Says Won't Let Egypt Go Bankrupt // *Ahram Online*, January 16, 2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/62603/Business/Economy/Qatari-PM-says-wont-let-Egypt-go-bankrupt.aspx> (accessed: 01.10.2019).

¹⁴ См.: Saudi Arabia Approves \$430 mln in New Aid to Egypt // *Reuters*. 08.06.2012. URL: <https://www.reuters.com/article/ozabs-egypt-saudi-aid-idAFJ0E8570CW20120608> (accessed: 01.10.2019).

¹⁵ См.: Hope B. Egypt's Morsi to Visit Saudi Arabia in Bid for Aid // *The National*. July 10, 2012. URL: <https://www.thenational.ae/uae/egypt-s-morsi-to-visit-saudi-arabia-in-bid-for-aid-1.357943> (accessed: 01.10.2019).

бить позиции неугодного им нового режима¹⁶, руководитель которого к тому же счел возможным нанести в августе первый с момента Исламской революции в Иране визит в Тегеран, восстановить дипломатические отношения с Исламской Республикой и принять ее президента Хасана Роухани в Каире.

ОАЭ и Кувейт, со своей стороны, также предпочли дистанцироваться от Египта. По линии КФАЭР, к примеру, вновь был выдан лишь один займ на сумму 16 млн кувейтских динаров, в результате чего доля Египта в общем портфеле займов Фонда арабским странам снизилась до минимума (см. табл. 2).

Однако место ключевых арабских доноров с готовностью занял Катар. Уже в августе 2012 г. власти эмирата дали обещание предоставить Египту 2 млрд долл. США в виде прямой поддержки бюджета, исполненное в полном объеме в конце 2012 г.¹⁷ В сентябре состоялся визит в Каир премьер-министра и министра иностранных дел Катара Хамада бин Джасима Аль Тани, в ходе которого было обещано инвестировать в Египет в течение 5 лет до 18 млрд долл. США, из которых 10 млрд должны были пойти на строительство «гигантского туристического кластера на побережье Средиземного моря» и 8 млрд — на строительство газоперерабатывающих заводов, ГЭС и металлургических комбинатов¹⁸. Кроме того, Аль Тани обозначил готовность оказывать властям Египта неограниченную поддержку в их стремлении сбалансировать бюджет.

Вопросы бюджетного дефицита и привлечения иностранных инвестиций, действительно, оставались ключевыми для правительства Египта в тот момент, и поэтому М. Мурси дал добро на разработку проекта нового соглашения с МВФ — уже на сумму 4,8 млрд долл. США. Соответствующие предварительные договоренно-

сти были достигнуты в декабре 2012 г., но на фоне роста общественного недовольства египетский президент по тем же причинам, что и ВСВС за полтора года до этого, решил не подписывать соглашения. Это стало возможным исключительно благодаря поддержке Дохи. В январе 2013 г. в ходе очередного визита в Каир премьер-министр Катара объявил о выделении нового пакета помощи в размере 2,5 млрд долл. США (2 млрд — в виде займа и 500 млн в виде гранта¹⁹).

Спустя 3 месяца, в апреле 2013 г., Катар пообещал предоставить Египту новый кредит на сумму 3 млрд долл. США под 5% годовых²⁰. Кроме того, в июне 2013 г. шейх Тамим бин Хамад Аль Тани поручил компании Qatagas организовать серию поставок СПГ для обеспечения бесперебойного функционирования египетского ТЭК до середины 2014 г.²¹ Во всех указанных инициативах читалось явное стремление Катара добиться сохранения у власти «Братьев-мусульман», служившее источником разногласий внутри ССАППЗ (в том же направлении, кстати, работала и Турция, предоставившая правительству М. Мурси займ в размере 2 млрд долл. США).

Впрочем, общественная реакция в Египте на такую активность катарских властей (включавшую, помимо прочего, и учреждение «Аль-Джазирой» специального спутникового канала «Мубашир Мыср», достаточно ангажированно освещавшего внутреннюю политику Египта) была неоднозначной. Светски ориентированная элита страны воспринимала ее крайне настороженно. Так, например, Хамдин Сабахи, лидер Фронта национального спасения, занявший третье место на президентских выборах 2012 г., в одном из интервью прямо заявил: «Египтяне чувствуют, что Катар поддерживает не их, а [исключительно]

¹⁶ См.: Worth R. Egypt Is Arena for Influence of Arab Rivals // *The New York Times*. July 09, 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/07/11/world/middleeast/egypt-is-arena-for-influence-of-arab-rivals.html> (accessed: 01.10.2019).

¹⁷ См.: Qatar Says to Invest \$18 Billion in Egypt Economy // *Reuters*. September 06, 2012. <https://www.reuters.com/article/us-egypt-qatar-investment/qatar-says-to-invest-18-billion-in-egypt-economy-idUSBRE8850YK20120906> (accessed: 01.10.2019).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ См.: Qatari PM Says Won't Let Egypt Go Bankrupt // *Ahram Online*. January 16, 2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/62603/Business/Economy/Qatari-PM-says-wont-let-Egypt-go-bankrupt.aspx> (accessed: 01.10.2019).

²⁰ Переговоры в итоге завершились ничем. См.: [Sons, Wiese 2015: 41].

²¹ См.: Ulrichsen K.C. Egypt—Gulf Ties and a Changing Balance of Regional Security // *The Cairo Review of Global Affairs*. January 12, 2015. URL: <https://www.thecairoreview.com/tahrir-forum/egypt-gulf-ties-and-a-changing-balance-of-regional-security/> (accessed: 01.10.2019).

„Братьев-мусульман“»²². Недовольство выражалось и в куда более радикальных формах, в частности в актах сожжения флага эмирата в ходе майских антикатарских протестов, которые прошли также в Ливии, Тунисе и Палестине²³.

Такого рода действия стали лишь одним из проявлений общего нарастания напряженности в стране, кульминация которого наступила 3 июля 2013 г., когда египетские ВС под предводительством генерала Абдель Фатеха ас-Сиси сместили М. Мурси и назначили и. о. президента главного судью Верховного Конституционного суда Адли Махмуда Мансура. Важнейшая стадия политической трансформации в крупнейшей стране арабского мира подошла к концу и начался новый этап, на котором монархии Персидского залива вновь поменялись ролями.

Второй переходный период

До сих пор не ясно, заручались ли египетские военные поддержкой властей КСА, ОАЭ и Кувейта перед осуществлением переворота [Коротаяев, Исаев 2014: 96], но достоверно известно, что король Саудовской Аравии Абдалла без промедления выразил безоговорочную поддержку их действиям, направив поздравительную телеграмму А.Ф. ас-Сиси²⁴. В течение нескольких дней все ключевые доноры Персидского залива (кроме Катара) пообещали предоставить Египту крупные пакеты помощи, превосходившие по объемам те, о которых речь шла в мае 2011 г.

Первыми выступили власти ОАЭ. Уже 5 июля 2013 г. советник президента ОАЭ по национальной безопасности шейх Хазза бин Зайд Аль Нахайан на встрече с А.М. Мансуром объявил о выделении Египту 3 млрд долл. США (1 млрд в виде гранта и 2 млрд в виде безвозмездного займа)²⁵. На следующий день — 6 июля 2013 г. —

помощь Каиру на сумму 5 млрд долл. США пообещали предоставить власти КСА. В указанную сумму вошли перевод на счет ЦБЕ 2 млрд долл. США (беспроцентный займ сроком на 5 лет), грант наличными в размере 1 млрд долл. США, а также кредит на импорт нефтепродуктов — 2 млрд долл. США²⁶. Подобная щедрость резко контрастировала с действиями Эр-Рияда до переворота.

Решил не отставать от своих соседей и Кувейт, пообещав выделить Египту 4 млрд долл. США, включая 2 млрд в виде прямой финансовой помощи, 1 млрд в виде гранта и 1 млрд в виде кредита на импорт нефти и нефтепродуктов²⁷. Указанные обязательства были взяты руководством КСА и Кувейта на следующий день после убийства десятков членов «Братьев-мусульман» в ходе протестов против свержения М. Мурси²⁸, что весьма недвусмысленно обозначило политическую позицию монархий Залива и их очевидное невнимание к вопросам защиты демократии и прав человека, которые в тот момент вышли на первый план в политике стран Запада, и в первую очередь США, в отношении Египта.

Напротив, при наличии такой мощной поддержки со стороны монархий Персидского залива египетские власти готовы были подавлять сопротивление сторонников М. Мурси еще более жестко. 14 августа 2013 г. масштабные столкновения с ними привели к гибели более 800 человек, в ответ на что почти все западные страны обрушились на новые власти Египта с критикой и обозначили готовность пересмотреть свой подход к взаимодействию с Каиром. В этих условиях 19 августа 2013 г. министром иностранных дел КСА принцем Фейсалом было сделано важнейшее заявление: «Я обращаюсь ко всем странам, заявившим о прекращении помощи Египту или угрожающим прекратить ее. Арабские и мусульманские страны

²² Qatar's Aid to Egypt Raises Fears on Motives // The Wall Street Journal. May 17, 2013. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324031404578480771040838046> (accessed: 01.10.2019).

²³ Ibid.

²⁴ См.: Knickmeyer E. Saudis Gain amid Islamist Setbacks // The Wall Street Journal. 08.07.2013. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324867904578591851561360238> (accessed: 01.10.2019).

²⁵ См.: UAE Leads Egypt Aid Pledge // Khaleej Times. July 10, 2013. URL: <https://www.khaleejtimes.com/article/20130710/ARTICLE/307109902/1002> (accessed: 01.10.2019).

²⁶ Ibid.

²⁷ См. также: Saudi Arabia and UAE Prop Up Egypt Regime with Offer of \$8 bin in Aid // Financial Times. 10.07.2013. URL: <https://www.ft.com/content/7e066bdc-e8a2-11e2-8e9e-00144feabdc0> (accessed: 01.10.2019).

²⁸ См.: Worth R. Egypt is Arena for Influence of Arab Rivals // The New York Times. July 09, 2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/07/11/world/middleeast/egypt-is-arena-for-influence-of-arab-rivals.html> (accessed: 01.10.2019).

богаты людьми и ресурсами и ничто не помешает им протянуть Египту руку помощи»²⁹.

Важным представляется и то, что помощь от стран — членов ССАГПЗ поступала в максимально сжатые сроки — значительно быстрее, чем то, на что могли бы рассчитывать власти Египта, сделай они ставку на взаимодействие с международными организациями или западными донорами. Так, уже 18 июля 2013 г. управляющий ЦБЕ отчитался о поступлении средств от ОАЭ в полном объеме и скором поступлении средств от КСА³⁰. Средства от Кувейта в размере 2 млрд долл. США поступили на счет ЦБЕ уже 24 сентября 2013 г. В общей сложности к сентябрю ЦБЕ мог распоряжаться уже 7 из обещанных 12 млрд долл. США — суммой, которая более чем в 10 раз превышала объемы займа, предоставленного в тот момент Всемирным банком на строительство электростанции и систем очистки (610 млн долл. США)³¹. Эти масштабные финансовые вливания позволили властям Египта уже в августе принять пакет мер по оздоровлению экономики (на сумму 4,1 млрд долл. США [Hesari 2016: 786], не обращаясь к МВФ³², — заявка на получение соответствующего займа Каиром была отозвана.

Второй раунд оказания помощи странами Залива Египту пришелся на январь 2014 г. Саудовская Аравия обязалась предоставить 4 млрд долл. США³³, а ОАЭ — кредит на импорт нефтепродуктов на сумму 1,8 млрд долл. США. К этому моменту в египетскую казну поступил и грант на 1 млрд долл. США, обещанный Кувейтом. Средства вновь поступали очень быстро: согласно отчету ЦБЕ, к маю 2014 г. Египет получил около 18 млрд долл. США [Hesari 2016: 785]. Кроме того,

в апреле 2014 г. КФАЭР был предоставлен крупный заем на строительство новой электростанции³⁴. Помощь со стороны стран Залива позволила властям Египта принять второй пакет мер стимулирования экономики объемом 4,9 млрд долл. США, снизив уровень общественного недовольства и создав позитивный имидж нового режима [Hesari 2016: 786], в чем, несомненно, были заинтересованы его покровители.

Подобные масштабные вливания обеспечили радикальное изменение роли Египта в структуре международной помощи, оказываемой монархиями Персидского залива, особенно заметное в случае с ОАЭ. Объемы помощи Египту от ОАЭ в 2013 г. одновременно возросли почти в 150 (!) раз и составили 4,62 млрд долл. США, что позволило АРЕ стать крупнейшим получателем помощи от ОАЭ в мире. Более того, в том же году ОАЭ обязались предоставить еще 6,196 млрд долл. США Египту. Ситуация повторилась и в 2014 г.: помощь ОАЭ Египту составила порядка 3,21 млрд долл. США (52% от всего объема их внешней помощи³⁵) (см. табл. 1).

Безусловно, выход на такие объемы стал возможным, главным образом, благодаря выделению колоссальных средств на поддержку платежного баланса и поставкам нефтепродуктов. Эти виды помощи составляли основу взаимодействия монархий Залива с Египтом в указанный период. Однако для ОАЭ сохранял значение и проектный подход. По линии Фонда содействия развитию Абу-Даби в Египте были реализованы несколько крупных проектов в сфере развития: построено дешевое жилье для молодежи, больницы, организованы процедуры вакцинации, оснащены 100 школ, построены зернохранилища емкостью 1,5 млн т с целью обеспечения продовольственной безопасности Египта и ОАЭ как одного из главных импортеров египетского зерна³⁶. Реализация подобных проектов отражала в том числе

²⁹ Western Donors Will Not Cut Aid to Egypt: Saudi FM // Ahram Online. September 01, 2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/80523.aspx> (accessed: 01.10.2019).

³⁰ См.: UAE Transferred \$3 Billion in Aid to Egypt, Saudi to Follow Shortly // Reuters. July 18, 2013. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-gulf-aid/uae-transferred-3-billion-in-aid-to-egypt-saudi-to-follow-shortly-idUSBRE96H0ZE20130718> (accessed: 01.10.2019).

³¹ См.: Report: Egypt Delays IMF Loan Decision // VOANews. December 3, 2013. URL: <https://www.voanews.com/world-news/middle-east-dont-use/report-egypt-delays-imf-loan-decision> (accessed: 01.10.2019).

³² Ibid.

³³ UAE Foreign Aid Report 2013 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2014. P. 32

³⁴ См.: Egypt to Receive \$1Bn Grant from Kuwait: Ambassador // Ahram Online. April 03, 2014. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/0/98230/Business/0/Egypt-to-receive--bn-grant-from-Kuwait-Ambassador.aspx> (accessed: 01.10.2019).

³⁵ UAE Foreign Aid Report 2014 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2016. P. 27.

³⁶ UAE Foreign Aid Report 2013 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2015. P. 38

и стремление властей ОАЭ использовать ресурсы помощи для поддержки своих государственных и частных компаний [подробнее об этом см.: Young 2017]. В 2014 г. 12 структурами ОАЭ было реализовано 66 проектов в тех же приоритетных сферах³⁷. Кувейт — через КФАЭР — также в этот момент выдал ряд весьма крупных займов, что позволило переломить тенденцию к снижению доли Египта в общем портфеле Фонда (см. табл. 2).

Некоторые зарубежные специалисты, в частности испанская исследовательница Б. Азаола Пьяцца, указывали на «конвергенцию интересов» египетских военных, с одной стороны, и Саудовской Аравии и ОАЭ — с другой. Новым властям Египта срочно требовалась финансовая помощь для поддержки слабеющей экономики и борьбы с «Братьями-мусульманами», а монархии Залива, в свою очередь, готовы были ее предоставлять, чтобы нанести поражение «Братьям-мусульманам» и тем самым предотвратить экспансию движения [Azaola Piazza 2019: 416]. М. Райбман из Кембриджского университета, в свою очередь, шел еще дальше, указывая, что помощь монархий Залива носила обусловленный характер и предоставлялась в обмен на подавление египетскими властями «Братьев-мусульман», что заставляло эксперта сомневаться в способности Египта проводить подлинно независимую политику³⁸.

В 2013—2014 гг. степень «конвергенции» внешнеполитических целей рассматриваемых акторов действительно была высока. В рамках президентской кампании 2014 г. А.Ф. ас-Сиси даже заявлял о том, что военная интервенция в целях защиты стран Персидского залива является элементом египетской военной доктрины [Azaola Piazza 2019: 416].

Взаимоотношения новых властей Египта с Катаром между тем закономерно начали ухудшаться. Уже в сентябре 2013 г. египетское правительство выплатило Катару 2 из 3 млрд долл. США, выделенных Дохой в виде кредита под покупку трехлетних гособлигаций Египта³⁹.

Оставшаяся часть долга была выплачена Каиром до конца 2014 г. Отметим, что Катар не стал делать ответных демонстративных шагов и осенью 2013 г. осуществил несколько поставок СПГ в Египет, выполнив обязательства, взятые ранее. Хотя сторонами был подписан меморандум о взаимопонимании в данной сфере, переговоров о новых поставках СПГ из Катара в Египет не проводилось [Sons, Wiese 2015: 41].

Тем не менее политика Катара на египетском направлении продолжала служить яблоком раздора между членами ССАГПЗ. Так, в марте 2014 г. Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Дохи из-за того, что Катар продолжал помогать египтянам — членам движения «Братья-мусульмане», нашедшим убежище в Эмирате после военного переворота⁴⁰. К концу 2014 г. власти Катара изменили свою позицию, принудив нескольких высокопоставленных представителей «Братьев-мусульман» покинуть страну, что, несомненно, было на руку режиму А.Ф. ас-Сиси [Sailer 2016: 2].

Как бы то ни было, помощь монархий Персидского залива сыграла ключевую роль в обеспечении макроэкономической стабильности на решающем этапе становления нового режима в Египте во главе с А.Ф. ас-Сиси и способствовала его безоговорочной победе на президентских выборах в мае 2014 г. с результатом 97% голосов. Эта победа стала кульминационным моментом «контрреволюционного марша» и предопределила определенную трансформацию политики оказания помощи Каиру монархиями Залива — своего рода эксперименты со сменой тональности, заслуживающие особого внимания.

Президентство Абдель Фаттаха ас-Сиси

На фоне завершения этапа консолидации режима А.Ф. ас-Сиси в Египте и резкого падения цен на нефть (со 107 долл. США за баррель в июне 2014 г. до 27 долл. США за баррель в феврале 2016 г.) его главные спонсоры начали ставить

³⁷ UAE Foreign Aid Report 2014 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2016. P. 27.

³⁸ Reibman M. The IMF in Egypt. Act Two. April 24, 2014. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/55425> (accessed: 01.10.2019).

³⁹ Egypt Returns \$2bn to Qatar in Sign of Worsening Bilateral Ties // Financial Times. September 19, 2013.

URL: <https://www.ft.com/content/194eb1f0-214a-11e3-a92a-00144feab7de> (accessed: 01.10.2019).

⁴⁰ См.: Ulrichsen K.C. Egypt — Gulf Ties and a Changing Balance of Regional Security // The Cairo Review of Global Affairs. January 12, 2015. URL: <https://www.thecaireview.com/tahrir-forum/egypt-gulf-ties-and-a-changing-balance-of-regional-security/> (accessed: 01.10.2019).

вопрос о более справедливом распределении бремени с другими донорами.

Первым в этом ключе высказался тогдашний король КСА Абдалла, вскоре после инаугурации А.Ф. ас-Сиси посетивший Каир, где призвал провести международную конференцию по вопросам оказания экономической и финансовой помощи Египту [Vicchi 2016: 124]. В том же направлении мыслили и в ОАЭ. Выразив надежду на дальнейшую стабилизацию обстановки в стране после выборов и готовность продолжать оказывать финансовую поддержку Каиру, шейх Абдалла бин Зайд заявил: «Мы рассчитываем на вовлечение партнеров со всего мира, будь то Германия или международные институты, такие как Всемирный банк и МВФ»⁴¹. Уже в июне 2014 г. ОАЭ начали прорабатывать перенос акцента с поддержки платежного баланса на иные инструменты, такие как проекты развития, поддержка экспорта, выдача гарантий по кредитам и т.д.⁴²

В рамках реализации этого нового подхода в ноябре 2014 г. Фондом развития предпринимательства имени шейха Халифы (Khalifa Fund for Enterprise Development — KFED) было подписано соглашение о выделении правительству Египта займа в размере 200 млн долл. США для поддержки микропредприятий через Социальный фонд развития⁴³. Займ выдавался на очень мягких условиях — на 15 лет с 6-летним льготным периодом — с целью предоставления микрозаймов в удаленных и беднейших районах, обеспечения социальной инклюзивности и укрепления позиций египетских женщин. На средства займа предполагалось создать более 120 000 рабочих мест к 2020 г.⁴⁴ Кроме того, чиновники из ОАЭ начали

помогать египтянам в проведении экономических реформ и управлении объектами, построенными за счет инвестиций эмиратских компаний, хотя темпы преобразований их не удовлетворяли [Sailer 2016: 7].

Однако базовые мотивы, предопределившие оказание помощи А.Ф. ас-Сиси, в первую очередь противодействие «Братьям-мусульманам», в ноябре 2014 г. официально причисленным ОАЭ к террористическим организациям, обеспечивали сохранение общего модуса взаимодействия. В ноябре 2014 г. 1 млрд долл. США в виде гранта поступили в Каир и от Кувейта⁴⁵.

В середине марта 2015 г. в Шарм-эль-Шейхе прошла крупная Конференция по экономическому развитию Египта, в ходе которой КСА, ОАЭ, Кувейт пообещали предоставить Каиру по 4 млрд долл. США, а Оман — еще 500 млн долл. США. При этом представители КСА уточнили, что из этой суммы на сей раз только 1 млрд долл. США будет предоставлен в виде поддержки платежного баланса. ОАЭ же выделили на эти цели 2 млрд долл. США, зарезервировав еще 2 млрд для финансирования проектов развития. При этом шейх Мухаммед бин Рашид, премьер-министр и эмир Дубая, отметил: «Мы все должны помогать Египту, потому что его безопасность и стабильность имеет основополагающее значение для обеспечения безопасности и стабильности всего региона», — добавив, что вклад его страны по-прежнему наполовину будет состоять из перечислений средств напрямую в ЦБЕ⁴⁶. Кувейт никак не обозначил своих намерений относительно структуры помощи, а Оман обещал распределить сумму поровну между грантом и инвестиционными проектами.

Позиция монархий Залива резко контрастировала с позицией администрации Б. Обамы (представленной на конференции госсекретарем Дж. Керри), который предпочел воздержаться от выделения помощи Каиру на фоне расширения

⁴¹ UAE to Continue Aid to Egypt, Sees More Stability After Sisi Win // Reuters. May 31, 2014. URL: <https://www.reuters.com/article/us-emirates-egypt-support/uae-to-continue-aid-to-egypt-sees-more-stability-after-sisi-win-idUSKBN0EB0GH20140531> (accessed: 01.10.2019).

⁴² См.: UAE Focuses on Economic Reform in Egypt in Battle against Islamism // Financial Times. June 19, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/fa674ef0-f187-11e3-9161-00144feabdc0> (accessed: 01.10.2019).

⁴³ См.: Khalifa Fund Extends \$200m Loan to Egypt's Micro-Entrepreneurial Sector // Khaleej Times. November 24, 2014. URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/local/khalifa-fund-extends-200m-loan-to-egypt-s-micro-entrepreneurial-sector> (accessed: 01.10.2019).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Government Source: Egypt Receives \$1bn Grant from Kuwait // Egypt Independent. 06.11.2014. URL: <https://egyptindependent.com/government-source-egypt-receives-1bn-grant-kuwait/> (accessed: 01.10.2019).

⁴⁶ UAE Allocates \$4bn in Assistance to Egypt // The National. April 23, 2016. URL: <https://www.thenational.ae/world/uae-allocates-4bn-in-assistance-to-egypt-1.140135> (accessed: 01.10.2019).

списка требований к египетским властям по части демократизации и защиты прав человека. При этом обещанные странами Залива средства вновь были доведены до получателей очень быстро — к апрелю 2015 г. из 12,5 млрд долл. США в египетскую казну поступила почти половина [Hesari 2016: 785].

Вместе с тем динамика взаимодействия Египта с отдельными странами различалась. Что касается Саудовской Аравии, то в ее взаимоотношениях с Каиром в тот момент наблюдались существенные изменения, предопределенные смертью короля Абдаллы в январе 2015 г. При новом короле Сальмане власти КСА предприняли целый ряд шагов, которые демонстрировали их готовность к пересмотру курса в отношении «Братьев-мусульман», по-прежнему служивших главным внутренним врагом для властей Египта [Sailer 2016: 3]. Кроме того, в марте 2015 г. Саудовская Аравия начала военную интервенцию в Йемен, рассчитывая на помощь со стороны А.Ф. ас-Сиси, однако египетский лидер постарался всеми силами избежать масштабного вовлечения в данный конфликт. Именно в этот момент представители КСА заявили, что помощь отныне будет оказываться преимущественно в виде возвратных кредитов.

После того как Египет согласился на присоединение к военной коалиции, созданной в декабре 2015 г. Саудовской Аравией для борьбы с терроризмом, Эр-Рияд объявил в январе 2016 г. о выделении Каиру очередного пакета помощи. Он состоял из кредита в размере 1,5 млрд долл. США на развитие Синайского полуострова, кредита на оплату поставок нефти в размере 1,2 млрд долл. США и экспортного кредита в размере 0,5 млрд долл. США на оплату закупок товаров и услуг в КСА⁴⁷.

Наиболее знаковые решения были приняты в ходе 5-дневного визита короля Сальмана в Египет в апреле 2016 г. Тогда было подписано 21 соглашение, в том числе об инвестировании 8 млрд долл. США в экономику Египта (в том числе 3,3 млрд долл. США в промышленную

зону на Синайском полуострове и 2,2 млрд долл. США — в строительство электростанции), а также о гарантированном снабжении Египта нефтепродуктами из КСА. Эр-Рияд обязался поставлять Каиру 700 тыс. т нефтепродуктов ежемесячно в течение пяти лет в счет кредита под 2% годовых с отсрочкой платежа на три года; общая сумма контракта составила 23 млрд долл. США.

Был заключен также ряд договоренностей по развитию Синая (строительство различных инфраструктурных объектов, электростанций, развитие сельского хозяйства, учреждение Университета имени короля Сальмана). Полуостров предполагалось связать с территорией КСА мостом над Тиранским проливом, что дало Эр-Рияду повод поставить перед Каиром вопрос о возвращении под саудовскую юрисдикцию островов Тиран и Санафир, расположенных у входа в Акабский залив. Сторонами было подписано соглашение о делимитации границ, которое вызвало бурю возмущения в Египте. После масштабных акций протеста (15 и 25 апреля 2016 г.), в ходе которых демонстранты обвиняли власти в торговле суверенитетом, в административный суд Каира был подан иск против передачи островов, который 21 июня 2016 г. признал «делку» недействительной. Правительство подало апелляцию, но 8 ноября 2016 г. Высший административный суд Египта ее отклонил.

Как пишет ведущий российский специалист по внутренней и внешней политике Саудовской Аравии Г.Г. Косач, «чтобы изменить положение, Эр-Рияд использовал мощные рычаги давления, включая и отказ Саудовской компании Saudi Aramco от поставок нефтепродуктов, возобновленных только после того, как египетский парламент начал обсуждение вопроса о ратификации» [Косач 2017]. Как бы то ни было, 2 апреля 2017 г. каирский суд по рассмотрению срочных дел признал легитимность договора между Египтом и Саудовской Аравией, а 14 июня 2017 г. парламент АРЕ одобрил передачу островов.

Уступка территорий дала повод вновь заговорить о превращении Египта в «младшего партнера» КСА. К таким рассуждениям предрасполагало участие Египта в военных учениях, носивших откровенно антииранский характер, поддержка им коммюнике ОИС, осудившего вмешательство Тегерана во внутренние дела ряда

⁴⁷ См.: Feteha A., Wahba A.L. Saudi Arabia to Support Egypt with \$3 Billion of Loans, Grants // Bloomberg. January 04, 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-04/saudi-arabia-to-support-egypt-with-3-billion-of-loans-grants> (accessed: 01.10.2019).

стран региона⁴⁸, ужесточение позиции в отношении ХАМАС и «Хезболлы», а также присоединение к инициированной КСА кампании против Катара. Несмотря на сокращение безвозмездной помощи, объем накопленных инвестиций КСА в Египте (около 7,2 млрд долл. США к декабрю 2016 г. [Косач 2017]) позволял саудовцам оказывать давление на египтян в значимых для них вопросах.

Вместе с тем именно из-за усиления внутреннего общественного недовольства чрезмерной ориентацией на доноров Залива, и в первую очередь КСА, лидер Египта все-таки согласился на заключение столько раз срывавшегося ранее соглашения с МВФ о предоставлении займа в размере 12 млрд долл. США в обмен на проведение экономических реформ, предусматривавших меры достаточно жесткой экономии, включая либерализацию курса национальной валюты, введение НДС и сокращение субсидирования энергетического сектора⁴⁹. Предварительные договоренности были заключены еще в августе 2016 г., но Египту было поставлено условие обеспечить поступление порядка 5—6 млрд долл. США до одобрения займа Советом директоров МВФ⁵⁰. Тут снова потребовалась помощь арабских доноров — первыми кредит в размере 1 млрд долл. США (сроком на 6 лет) Египту предоставили ОАЭ, а затем 2 млрд долл. США — Саудовская Аравия⁵¹. Подписание соглашения с МВФ (первый транш — в размере 2,75 млрд — поступил уже в ноябре 2016 г.) позволило А.Ф. ас-Сиси начать проводить более многовекторную внешнюю политику — свернуть участие в возглавляемой КСА коалиции в Йемене, укреплять политические контакты с правительством Б. Асада, развивать сотрудничество с Российской Федерацией, что негативно воспринималось в Эр-Рияде [Azaola Piazza 2019].

⁴⁸ См.: UAE Allocates \$4bn in Assistance to Egypt // The National. April 23, 2016. URL: <https://www.thenational.ae/world/uae-allocates-4bn-in-assistance-to-egypt-1.140135> (accessed: 01.10.2019).

⁴⁹ Ефимова М. Бегство Египта // Коммерсантъ «Власть». 05.12.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3156719> (дата обращения: 01.10.2019).

⁵⁰ См.: UPDATE 1-Egypt's \$2 Bln Deposit from Saudi Arabia Showed in September Reserves // Reuters. October 13, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/egypt-saudi-aid-idUSL8N1CJ1A7> (accessed: 01.10.2019).

⁵¹ Ibid.

Вместе с тем дефицит платежного баланса в Египте сохранялся, и поэтому в 2017 г. властям страны пришлось договариваться с Саудовской Аравией и ОАЭ о переносе сроков выплаты займов, предоставленных в 2013 г. — на общую сумму 4 млрд долл. США⁵²; в 2018 г. идентичные договоренности были достигнуты с Кувейтом. Наконец, зимой 2018—2019 гг. ЦБЕ удалось договориться с КСА о переносе сроков выплаты по займам, выданным в 2013—2015 гг.: по первым двум беспроцентным займам (2,6 млрд долл. США) сроки погашения были отложены в обмен на выплату 3%, а по траншу 2015 г. (с процентной ставкой 2,5%) срок был продлен «бесплатно»⁵³.

Заключение такого рода договоренностей одновременно обозначало и сохранение финансовой зависимости Египта от стран Залива, и заинтересованность последних в поддержании конструктивных отношений с Каиром. В этом плане показательным стал визит наследного принца Мухаммеда бен Сальмана в Каир в марте 2018 г. В совместной итоговой декларации Саудовская Аравия заявила о полной поддержке проводимой египетскими властями масштабной антитеррористической операции «Синай—2018» и признании за Египтом права на использование вод Нила, потребовав от других государств учитывать это и не угрожать безопасности Египта.

Египет же, в свою очередь, заявил о «полной солидарности с Саудовской Аравией перед лицом любых угроз ее безопасности», в том числе о безоговорочной поддержке Саудовской Аравии в конфликте в Йемене и готовности совместно противостоять «вмешательству Ирана во внутренние дела арабских стран»⁵⁴. Такие заявления гипотетически могли проложить путь к получе-

⁵² Kuwait Postpones Maturity of \$4bn Loans to Egypt // Middle East Monitor. April 30, 2018. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180430-kuwait-postpones-maturity-of-4bn-loans-to-egypt/> (accessed: 01.10.2019).

⁵³ Egypt Postpones \$6.6bn Repayment to Saudi Arabia // Middle East Monitor. January 23, 2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20190123-egypt-postpones-6-6bn-repayment-to-saudi-arabia/> (accessed: 01.10.2019).

⁵⁴ Эр-Рияд и Каир заявили, что поддержат друг друга в региональных конфликтах // РИА Новости. 06.03.2018. URL: <https://ria.ru/20180306/1515897592.html> (дата обращения: 01.10.2019).

нию новых пакетов помощи от КСА, однако в последние годы известий об их предоставлении не поступало.

Что касается взаимоотношений между ОАЭ и Египтом, то они в этот период развивались менее проблемно — в том числе из-за явно более негативного отношения ОАЭ к «Братьям-мусульманам». В 2015 г. Египет третий год подряд стал главным бенефициаром помощи от ОАЭ, получив 72% от всего ее объема — 6,34 млрд долл. США, что почти вдвое превышало показатели предыдущего года. При этом 5,87 млрд долл. США были предоставлены в виде льготных кредитов⁵⁵, более 60% средств — в форме кредитов на импорт нефтепродуктов в течение 6 месяцев и льготного займа ЦБЕ на сумму 2 млрд долл. США⁵⁶. Практика предоставления крупных грантов Каиру осталась, однако, в прошлом. В апреле 2016 г. шейх Мохаммед бен Зайд, наследный принц Абу-Даби и заместитель верховного главнокомандующего ВС ОАЭ, нанес визит в Каир, где объявил о выделении Египту дополнительных 4 млрд долл. США, половину из которых должны были составить инвестиции, а половину — очередной депозит в ЦБЕ⁵⁷. Кроме того, обсуждалась также и помощь Каиру в области противодействия терроризму — в первую очередь на Синайском полуострове. В общей сложности ОАЭ предоставили Египту в 2016 г. 2,42 млрд долл. США — преимущественно в виде поддержки платежного баланса (83% всех средств), а также финансирования для реализации 17 многолетних проектов Фонда развития Абу-Даби⁵⁸ — в тех же областях, что и в предыдущие годы (строительство жилья, зернохранилищ, школ, больниц, систем канализации и т.д.).

В последние годы ОАЭ стали также оказывать Египту помощь, которую можно квалифицировать как программно-ориентированный подход. В апреле 2018 г. они заключили с правительством

АРЕ соглашение об укреплении потенциала государственных структур в достижении целей, установленных в принятой в 2016 г. стратегии «Видение Египта 2030»⁵⁹. В то же время объемы этой помощи не идут ни в какое сравнение с объемами инвестиций. Так, в ноябре 2019 г. во время визита А.Ф. ас-Сиси в Абу-Даби было объявлено об учреждении совместной инвестиционной программы в объеме 20 млрд долл. США для реализации экономических и социальных проектов новым суверенным фондом Египта и Abu Dhabi Development Holding Company⁶⁰, но доли КСА и Египта пока неизвестны.

Наконец, что касается Кувейта, то на последнем этапе можно было наблюдать существенное увеличение объемов средств, выделяемых через КФАЭР. В общей сложности с 2013/2014 по 2018/2019 финансовые годы. Фонд начал выдавать Египту по 2—3 займа в год. Совокупно его египетский портфель увеличился с 661 млн кувейтских динаров до 1013 млн, что позволило Египту оставаться единоличным крупнейшим бенефициаром помощи по линии КФАЭР в мире (на втором месте идет Марокко с показателем в 403 млн кувейтских динаров); более того, доля Египта в общем объеме портфеля займов странам арабского мира выросла с 22,7 до 28,4%.

В сентябре 2019 г. КФАЭР подписал с правительством Египта очередное кредитное соглашение о выделении 15 млн кувейтских динаров на строительство четырех станций по опреснению воды на Синайском полуострове⁶¹. В конце октября 2019 г. состоялось подписание соглашения о финансировании второго этапа Программы развития Синайского полуострова в объеме 1,09 млрд долл. США, которые будут потрачены в течение трех лет до 2022 г., в частности на раз-

⁵⁵ UAE Foreign Aid Report 2015 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2016. P. 43.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ UAE Allocates \$4bn in Assistance to Egypt // The National. April 23, 2016. URL: <https://www.thenational.ae/world/uae-allocates-4bn-in-assistance-to-egypt-1.140135> (accessed: 01.10.2019).

⁵⁸ UAE Foreign Aid Report 2016 // UAE — MICAD. Abu Dhabi, 2018. P. 89—90.

⁵⁹ См.: Al Sherbini R. UAE to Help Egypt Upgrade Government Services // Gulf News. April 18, 2018. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/uae-to-help-egypt-upgrade-government-services-1.2207420> (accessed: 01.10.2019).

⁶⁰ См.: UAE, Egypt Set Up Joint Investment Programme // The Arab Weekly. November 15, 2019. URL: <https://theArabweekly.com/uae-egypt-set-joint-investment-programme> (accessed: 01.10.2019).

⁶¹ См.: Sisi Ratifies Loan to Build 4 Desalination Plants South Sinai // Egypt Today. September 19, 2019. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/1/74971/Sisi-ratifies-loan-to-build-4-desalination-plants-South-Sinai> (accessed: 01.10.2019).

витие дорожной инфраструктуры, а также меморандума о взаимопонимании, направленного на поощрение прямых инвестиций.

Анализ событий последних лет, таким образом, позволяет увидеть явный перенос акцента странами Персидского залива с предоставления поддержки платежного баланса на содействие реализации инвестиционных проектов — в первую очередь на Синайском полуострове. С одной стороны, это связано с появлением нового крупного кредитора АРЕ в лице МВФ, а с другой — с важностью содействия развитию именно этой территории — как с экономической точки зрения, так и с точки зрения противодействия джихадистским группировкам, деятельность которых угрожает национальной безопасности стран Залива. В этом можно увидеть новое измерение сочетания политических и экономических мотивов, которое предопределяло характер оказания помощи Египту членами ССАГПЗ с самых первых дней «Арабского пробуждения».

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов, одна часть которых относится непосредственно к рассмотренному египетскому примеру — принципиально важному для понимания дилемм оказания помощи государствам БВСА после «Арабского пробуждения», а другая — к более общим проблемам трансформации архитектуры международной помощи.

Помощь монархий Персидского залива, несомненно, играла ключевую роль на всех этапах пройденного Египтом после 2011 г. сложного пути политической трансформации. Именно многочисленные перечисления средств напрямую в ЦБЕ и кредиты на поставки нефтепродуктов со стороны стран — членов ССАГПЗ обеспечивали столь необходимый египетской казне приток дополнительных ресурсов. Они содействовали не только макроэкономической стабилизации, но и выполнению жизненно важных функций государства, помогая — благодаря свободному перераспределению средств между статьями бюджета (*aid fungibility*) — властям Египта изыскивать средства на поддержание внутренней стабильности, закупку вооружений у Франции и России и противодействие джихадистским группировкам на Синайском полуострове.

При этом вопреки расхожему тезису о преобладании в политике арабских доноров мотивов культурной и религиозной солидарности они настолько же искусно использовали помощь в качестве инструмента обеспечения политических и экономических интересов. Более того, как и «традиционные» доноры, арабские доноры корректировали ее структуру, исходя из изменений «на земле» и экономической конъюнктуры.

Усиление роли монархий Залива в судьбе Египта, впрочем, было обусловлено не только их возросшими амбициями и возможностями, но и чрезмерной осторожностью стран Запада, в первую очередь США. Если последние в ключевые моменты начинали манипулировать инструментами помощи или брали время на размышление, монархии Залива — будь то Саудовская Аравия, ОАЭ или Катар (на разных этапах) — действовали решительно и максимально оперативно. Это объяснялось не только принципиально иным механизмом принятия решений в данных странах, но и качественно более высокой важностью взаимодействия с Египтом для обеспечения их национальных интересов, но в итоге создавало образ более надежных партнеров.

Помощь из стран Залива не была обусловлена какими-либо требованиями по части качества государственного управления, но оказывала прямое воздействие на политическое развитие Египта. Миллиардные транши раз за разом позволяли египетским властям оттягивать подписание соглашения с МВФ, сопряженного с проведением социально и политически неудобных реформ, и игнорировать требования по части демократизации и защиты прав человека со стороны США и стран Западной Европы, что в целом вело к сокращению возможностей стран Запада по оказанию воздействия на Египет [Несан 2016: 790].

В этом плане можно с полной уверенностью говорить о том, что укрепление позиций стран Персидского залива в глобальной архитектуре международной помощи производит эффект, отчасти похожий на эффект многократного увеличения объемов помощи со стороны Китая. Предоставляя развивающимся странам помощь в объемах, зачастую в разы превосходящих объемы поддержки со стороны государств Запада, арабские доноры деформируют логику международного взаимодействия в этой сфере. Сталки-

ваясь с укреплением их позиций, «традиционные» доноры становятся в большей степени склонны закрывать глаза на те или иные недостатки политических систем или экономического управления в странах-реципиентах, дабы не по-

терять свое уменьшающееся влияние. Случай с Египтом иллюстрирует тенденцию, заслуживающую подробного изучения на более широкой выборке страновых кейсов.

Поступила в редакцию / Received: 06.10.2019

Принята к публикации / Accepted: 17.11.2019

Библиографический список

- Бартенев В.И.* Помощь «хрупким государствам» сквозь призму риск-менеджмента: лабиринт объяснительных гипотез // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 20—41. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.2
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Анатомия египетской контрреволюции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 8. С. 91—100.
- Косач Г.Г.* Морские шахматы Египта и Саудовской Аравии // *Российский совет по международным делам*. 20.06.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskie-shakhmaty-egipta-i-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 01.12.2019).
- Косач Г.Г.* Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 3. С. 50—62.
- Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д.* Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения // *Современная Европа*. 2018. № 5. С. 25—36. DOI: 10.15211/soveurope520182536
- Мелкумян Е.С.* Гуманитарная политика арабских монархий Персидского залива // *Пути к миру и безопасности*. 2018. № 1 (54). С. 299—307. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-299-307
- Almezaini K.* Implementing Global Strategy in the UAE Foreign Aid: from Arab Solidarity to South—South Cooperation // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 3. С. 579—594. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594
- Amin K.* International Assistance to Egypt after the 2011 and 2013 Uprisings: More Politics and Less Development // *Mediterranean Politics*. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 392—412. DOI: 10.1080/13629395.2014.966989
- Azaola Piazza B.* The Foreign Policy of Post-Mubarak Egypt and the Strengthening of Relations with Saudi Arabia: Balancing Between Economic Vulnerability and Regional and Regime Security // *The Journal of North African Studies*. 2019. Vol. 24. P. 401—425. DOI: 10.1080/13629387.2018.1454650
- Farouk Y.* More than Money: Post-Mubarak Egypt, Saudi Arabia, and the Gulf. Gulf Research Center. Gulf Paper. April, 2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/179860/Egypt_Money_new_29-4-14_2576.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Hecan M.* Comparative Political Economy of the IMF Arrangements after the Arab Uprisings: Egypt and Tunisia // *The Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 765—793. DOI: 10.1080/13629387.2016.1195268
- Sailer M.* Changed Priorities in the Gulf. Saudi Arabia and the Emirates Rethink Their Relationship with Egypt. SWP Comment. January 8, 2016. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C08_sil.pdf (accessed: 01.11.2019).
- Sons S., Wiese I.* The Engagement of Arab Gulf States in Egypt and Tunisia since 2011: Rationale and Impact. DGAPanalyse. No. 9. 2015. URL: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/2015-09g.pdf (accessed: 01.11.2019).
- Talbot V.* The Gulf Monarchies in a Changing MENA Region. ISPI 139. October 2012. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2011/Talbot_en.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Talbot V.* The Gulf States' Political and Economic Role in the Mediterranean. ISPI. Med. 2011. Dossier. P. 101—104. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2011/Talbot_en.pdf (accessed: 01.11.2019)
- The Struggle for Influence in the Middle East. The Arab Uprisings and Foreign Assistance* / Ed. by F. Bicchì, B. Chailland, S. Heydemann. Milton Park, Abingdon and NY: Routledge, 2016.
- Ulrichsen K.C.* GCC Foreign Policy: Struggle for Consensus // *Routledge Handbook of International Relations in the Middle East* / Ed. by S. Akbarzadeh. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2019.
- Young K.E.* A New Politics of GCC Economic Statecraft: The Case of UAE Aid and Financial Intervention in Egypt // *Journal of Arabian Studies*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 113—136. DOI: 10.1080/21534764.2017.1316051

References

- Almezaini, K. (2018). Implementing Global Strategy in the UAE Foreign Aid: from Arab Solidarity to South—South Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 579—594. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594
- Amin, K. (2014). International Assistance to Egypt after the 2011 and 2013 Uprisings: More Politics and Less Development. *Mediterranean Politics*, 19 (3), 392—412. DOI: 10.1080/13629395.2014.966989

- Azaola Piazza, B. (2019). The Foreign Policy of Post-Mubarak Egypt and the Strengthening of Relations with Saudi Arabia: Balancing Between Economic Vulnerability and Regional and Regime Security. *The Journal of North African Studies*, 24 (3), 401—425. DOI: 10.1080/13629387.2018.1454650
- Bartenev, V.I. (2018). Aiding Fragile States through the Lens of Risk-Management: Labyrinth of Explanatory Hypotheses. *International Trends*, 10 (4), 20—41. DOI 10.17994/IT.2018.16.4.55.2 (In Russian).
- Bicchi, F., Chailland, B. & Heydemann, S. (Eds.). (2016). *The Struggle for Influence in the Middle East. The Arab Uprisings and Foreign Assistance*. Milton Park, Abingdon and NY: Routledge.
- Farouk, Y. (2014). *More than Money: Post-Mubarak Egypt, Saudi Arabia, and the Gulf*. Gulf Research Center. Gulf Paper. April 2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/179860/Egypt_Money_new_29-4-14_2576.pdf accessed: 01.11.2019
- Hecan, M. (2016). Comparative Political Economy of the IMF Arrangements after the Arab Uprisings: Egypt and Tunisia. *The Journal of North African Studies*, 21 (5), 765—793. DOI: 10.1080/13629387.2016.1195268
- Korotaev, A.V. & Isaev, L.M. (2014). Anatomy of the Egyptian Counterrevolution. *World Economy and International Relations*, 8, 91—100. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2015). The Evolution of Saudi Arabia's Foreign Policy after the "Arab Spring". *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 50—62. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2017). Game of Naval Chess between Egypt and Saudi Arabia. *Russian International Affairs Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/morskije-shakhmaty-egipta-i-saudojskoy-aravii/> (accessed: 01.12.2019). (In Russian).
- Kuznetsov, V.A. & Oganisyan, L.D. (2018). Dilemmas of Democracy Promotion: the EU Policies in Tunisia and Egypt after the Arab Awakening. *Contemporary Europe*, 5, 25—36. DOI: 10.15211/soveurope520182536 (In Russian).
- Melkumyan, E.S. (2018). Humanitarian Policies of the Arab Monarchies of the Persian Gulf. *Pathways to Peace and Security*, 1(54), 299—307. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-299-307 (In Russian).
- Sailer, M. (2016). *Changed Priorities in the Gulf. Saudi Arabia and the Emirates Rethink Their Relationship with Egypt*. SWP Comment, January 8. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C08_sil.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Sons, S. & Wiese, I. (2015). *The Engagement of Arab Gulf States in Egypt and Tunisia since 2011: Rationale and Impact*. DGAPanalyse, 9. URL: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/2015-09g.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Talbot, V. (2011). *The Gulf States' Political and Economic Role in the Mediterranean*. ISPI. Dossier. P. 101—104. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2011/Talbot_en.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Talbot, V. (2012). *The Gulf Monarchies in a Changing MENA Region*. ISPI 139, October. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2011/Talbot_en.pdf (accessed: 01.11.2019)
- Ulrichsen, K.C. (2019). GCC Foreign Policy: Struggle for Consensus. In: Akbarzadeh, S. (Eds.). *Routledge Handbook of International Relations in the Middle East*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
- Young, K.E. (2017). A New Politics of GCC Economic Statecraft: The Case of UAE Aid and Financial Intervention in Egypt. *Journal of Arabian Studies*, 7 (1), 113—136. DOI: 10.1080/21534764.2017.1316051

Сведения об авторе: Барте́нев Влади́мир Иго́ревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

About the author: *Bartenev Vladimir Igorevich* — PhD in History, Associate Professor, Director of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-583-596

Научная статья

Роль университета Аль-Азхар в событиях «арабской весны» (на примере Египта)

Ю.В. Лашхия

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Al-Azhar University in the Events of the Arab Spring (Case of Egypt)

Yu.V. Lashkhia

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Вследствие всеохватности ислама роль «исламского фактора» в социально-политических процессах на Ближнем Востоке и Северной Африке достаточно велика, в то время как характер его проявлений во многом зависит от текущего состояния современных религиозных учебных заведений, в том числе служащих кузницей кадров ислама сегодня. Одним из наиболее престижных университетов в исламской ойкумене является аль-Азхар аш-Шариф (чаще встречается более короткое «Аль-Азхар»), который популярен у мусульман всего мира, стремящихся получить религиозное образование. Именно здесь учились в том числе некоторые известные мыслители, внесшие существенный вклад в развитие так называемого «политического ислама».

Настоящее исследование посвящено роли университета Аль-Азхар и связанных с ним исламских ученых в общественно-политических процессах стран Ближнего Востока и Северной Африки. При исследовании автор обращался к таким материалам, как первоисточники исламской религии (Коран, хадисы), богословские тексты ряда мыслителей (например, толкование Корана Рашида Риды), религиозные полемические труды (работа шейха Усамы аль-Азхари против «Братьев-мусульман» (организация запрещена в РФ) и др. «исламистских» течений), документы, составленные руководством Аль-Азхара; академическая литература по близкой проблематике.

В ходе исследования автор пришел к выводу, что «исламский фактор» не играл ключевой роли в начале событий «арабской весны», но ярко проявился впоследствии. Фактическое подавление ислама многими режимами создавало благоприятную почву для острого недовольства верующих граждан и активистов различных движений, отстаивающих ту или иную версию исламской политической альтернативы. Самый авторитетный университет в исламском мире Аль-Азхар в официальном документе «Арабская весна» обозначил возможность смещения деспотической власти, в то же время подчеркивая недопустимость насильственного подавления мирного протеста. Отдельные богословы-азхариты принимали непосредственное участие в событиях «арабской весны», в частности, пассионарный ученый Юсуф аль-Кардави, связанный с движением «Братьев-мусульман» и закончивший Аль-Азхар, а также шейх Эмад Эффат, погибший в ходе подавления безоружного выступления 15 декабря 2011 г. Такая активность различных исламских сил в политической сфере в первую очередь объясняется самим характером исламской традиции, не разделяющей «сакральное» и «профанное».

Ключевые слова: Аль-Азхар, «арабская весна», Ахмад ат-Тайеб, Ахмад ибн Таймийя, байа, Ближний Восток, «Братья-мусульмане», «исланизм», «исламский фактор», Юсри Рухди, Эмад Эффат, Юсуф аль-Кардави

Для цитирования: Лашхия Ю.В. Роль университета Аль-Азхар в событиях «арабской весны» (на примере Египта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 583—596. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-583-596

© Лашхия Ю.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. Due to the comprehensiveness of Islam, the role of the “Islamic factor” in political processes in the Middle East and North Africa is great, while the nature of the manifestations of the “Islamic factor” largely depends among other things on the current state of modern religious educational institutions, including those serving as a forge of Islamic personnel today. One of the most prestigious universities in Islamic oikumene, giving religious education for Muslims from all over the world, is Al-Azhar al-Sharif (the shorter Al-Azhar is more common). It was here that some famous thinkers studied, who further significantly contributed to the development of the so-called “political Islam”. This study is an attempt to clarify the role of Al-Azhar University and related Islamic scholars in the socio-political processes of the Middle East and North Africa. Conducting the research, the author largely turned to the sources of the Islamic religion (the Qur’an, Hadith), theological texts of a number of thinkers (for example, the interpretation of the Qur’an Rashid Rida), religious polemical works (the work of Sheikh Osama al-Azhari against the “Muslim Brotherhood” and other “Islamist” trends), documents compiled by the leadership of Al-Azhar; academic literature on related issues. The author came to the conclusion that the “Islamic factor” did not play a crucial role at the beginning of events, but vividly manifested itself subsequently. The actual suppression of Islam by secular dictators created a fertile ground for the acute discontent of believing citizens and activists of various movements who uphold a particular version of the Islamic political alternative. The most influential university in the Islamic world, Al-Azhar, in an official document, “Arab Spring”, indicated the possibility of a shift in despotic power, while emphasizing at the same time the inadmissibility of violent suppression of peaceful protest. Certain Azharite theologians were directly involved in the events of the “Arab Spring”, in particular, the passionate scholar Yusuf al-Qaradawi, associated with the Muslim Brotherhood movement and graduated from Al-Azhar, as well as Sheikh Emad Effat, who died during the suppression of an unarmed speech 15 December 2011. Such activity of various Islamic forces in the political sphere is primarily due to the very nature of the Islamic tradition, which does not separate the “sacred” and “profane”.

Key words: Al-Azhar, Arab spring, Islamic factor

For citation: Lashkhia, Yu.V. (2019). Al-Azhar University in the Events of the Arab Spring (Case of Egypt). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 583—596. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-583-596

Термин «арабская весна» применяется для обозначения сложных общественных и политических процессов, начало которых приходится на декабрь 2010 г. Тогда в Тунисе происходит серия протестов, в результате которых президент страны Зин аль-Абидин бен Али вынужденно покидает страну, оставшись без поддержки вооруженных сил.

Первым звеном в цепи антиправительственных демонстраций стало самосожжение молодого торговца фруктами Мухаммеда Буазизи, уроженца г. Сиди-Бузид. Всего через 11 дней, 25 января 2011 г., протесты происходят в Египте. 28 января они перешли в массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами, поджогами и стычками демонстрантов с полицией, в результате чего погибли сотни протестующих. 11 февраля вице-президент Омар Сулейман, выйдя в эфир государственного телевидения, зачитал заявление Хосни Мубарака об отставке. Покидая пост главы государства, Хосни Мубарак передал власть Высшему совету вооруженных сил, который возглавлял фельдмаршал Мухаммед Хусейн Тантауи.

Современная история университета Аль-Азхар

Современную историю Аль-Азхара принято отсчитывать с середины 1950-х гг., с момента прихода к власти в стране националистов панарабского и социалистического толка во главе

с Гамалем Абдель Насером [Царегородцева 2012: 482]. «Свободные офицеры», положившие конец египетской монархии летом 1952 г., планировали осуществить вмешательство с целью кардинальных изменений во все сферы жизни общества. Власти необходимо было установить над исламом контроль, чтобы религия не препятствовала взятой ими на вооружение идеологии светского социалистического национализма.

В 1955 г. новый режим положил конец существованию как мусульманских, так и христианских и иудейских религиозных судов. Коммунитарно-правовой плюрализм сменился светскими государственными судами. Несколько позже, в 1956 г., реализовав левую социалистическую линию в экономике, Г.А. Насер экспроприировал собственность религиозных учреждений и передал ее государственному Министерству вакфов, вследствие чего оказалась подорвана традиционная экономическая система, позволявшая мечетям существовать в значительной степени автономно. Деятельность же религиозных ученых попала под финансовый и административный контроль государства. Государство ввело единый для мечетей страны текст пятничной проповеди (хутба), который составляли сотрудники Министерства вакфов [Шарипова 1972: 78—79].

Что касается должностей, важных для функционирования религии, то на них нужные люди также назначались государством. При этом

фактически формировался клир, интегрированный в бюрократический аппарат (напомним, что в исламе, по крайней мере суннитского толка, духовенство отсутствует как феномен). Но основного внимания политической элиты удостоился самый престижный в Египте и мире исламский университет аль-Азхар аш-Шариф.

Секуляристы рассчитывали превратить Аль-Азхар в инструмент пропаганды идеологии насеризма в Египте и — чему должен был способствовать международный статус Университета — в остальных мусульманских странах. Для этого необходимо было не только централизовать вуз, но и трансформировать его структуру. Закон № 103 «О реформировании Аль-Азхара» регулировал взаимоотношения Аль-Азхара с органами государственной власти и его внутреннее устройство.

Но, надо сказать, и до реформ Г.А. Насера независимость Аль-Азхара была безусловной, ибо еще при правлении паши — реформатора Мухаммада Али контроль над вакфами перешел к политической верхушке. Мухаммад Али определял сюда людей, восприимчивых к насаждаемым пашой европейским порядкам в образовании. Таким образом, достигшие высот благодаря милости правителя улемы во многом оказывались отчуждены от коллег. Оформившееся неформальное разделение между учеными негативно воспринималось и широкими слоями населения, в глазах значительной части которого Мухаммад Али выглядел угнетателем [Gesink 2014]. Кроме того, учебный процесс в университете, к примеру составление учебных программ и порядок проведения экзаменов, — перешел под контроль властей благодаря закону от 1872 г. «Этот закон был первым практическим шагом в организации упорядоченного и контролируемого процесса в Аль-Азхаре», — утверждает Р.М. Шарипова [1972: 44].

В 1888 и 1896 гг. государственными указами в учебную программу университета были введены новые предметы, а в соответствии с законом 1936 г. ректор Аль-Азхара стал назначаться королем из числа наиболее влиятельных улемов [Царегородцева 2012: 483]. Иными словами, Аль-Азхар находился в состоянии существенной зависимости, административной и финансовой, от власть предержащих со второй половины XIX в. Закон от 1936 г. регулировал отношения Аль-Азхара и монархического государства. С уста-

новлением республики новые власти также сочли нужным юридически закрепить существовавшее зависимое положение Аль-Азхара от режима. В итоге был издан закон «Об организации Аль-Азхара». По сравнению с предыдущими нормативными актами этот ввергал Аль-Азхар в наибольшую степень зависимости. С данного момента не только ректор, но и другие важные в структуре Университета должности занимались нужными людьми по указу президента Арабской Республики Египет [Царегородцева 2012: 484].

В отличие от короля Фуада, Г.А. Насер желал не только контроля над религиозными институтами, ему было нужно поставить их на службу государственной идеологии. В итоге при Г.А. Насере улемы Аль-Азхара издавали фетвы о совместности ценностей ислама и идеологии арабского социализма, а бывший ректор Аль-Азхара, знаменитый своей фетвой о шиизме как «пятом мазхабе», Махмуд Шальтут (1958—1963) и вовсе заявил, что все противники социализма не могут считаться настоящими мусульманами [Шарипова 1972: 99]. Чтобы узаконить свою политику в отношении Аль-Азхара и контроль над улемами со стороны государства, режим конструировал для общественности образ ученых ислама как традиционной социальной группы, которую необходимо преобразовать путем радикальных реформ, дабы они смогли жить в современном обществе [Zeghal 1999]. Согласно пропаганде режима Г.А. Насера они не могли ни модернизировать свой институт самостоятельно, ни принять предварительные реформы государства, равно как и малочисленных азхаритских модернистов XIX в. [Zeghal 1999].

Но, на наш взгляд, рвение богословов-азхаритов при отстаивании секулярных идей, с которыми они познакомились едва ли раньше прихода к власти Г.А. Насера и «Свободных офицеров», не стоит объяснять только давлением со стороны республиканских властей. Среди ученых университета были и те, кто придерживался реформистских взглядов в духе Мухаммада Абдо и Рашида Риды. Для подобных модернистов революция «Свободных офицеров» ознаменовала наступление желаемых реформ, включая преобразования в религии.

Однако когда идеология панарабизма стала терять свою былую популярность, тогда прояви-

лись и первые признаки недовольства государственной политикой; среди представителей оппозиционных религиозно-политических кругов все чаще стало звучать недовольство зависимостью религиозных институтов от государства. Например, «Братья-мусульмане»¹ неоднократно обвиняли азхаритских улемов в потворстве государству, которое те осуществляли в ущерб интересам ислама и мусульман.

При президенте Анваре Садате государство продолжило сохранять административный и финансовый контроль над университетом. Но отличие от эпохи президентства Г.А. Насера состояло в том, что в 1970-е гг. режим чаще стал нуждаться в религиозной легитимации своих политических шагов, ибо произошли существенные трансформации в идеологии государства, так как насеризм сменился идеологией исламского единства (пан-исламизма), а во внешней политике произошел поворот в сторону укрепления отношений с государствами Запада.

Помимо этого А. Садату было важно, чтобы как можно более значительное число улемов Аль-Азхара поддерживало именно его, ибо он осознавал возможность смены их предпочтений в пользу оппозиционных организаций, провозглашавших исламский характер своих политических идеологий. Ярчайшим примером, иллюстрирующим использование Анваром Садатом Аль-Азхара в политических целях, следует назвать фетву тогдашнего верховного шейха (ректора) Аль-Азхара Гад аль-Хакка, изданную 10 мая 1979 г. по воле египетского президента, за год до этого заключившего Кэмп-Дэвидские соглашения с Израилем, выйдя с соседним государством из состояния войны. Содержание фетвы таково: «Вопросы войны и мира находятся в компетенции правителя (*вали аль-амр*), а Коран повелевает нам заключать перемирие с нашими врагами, если имам посчитает, что это соответствует интересам мусульман. Египетско-израильский договор не переходит границы ислама» [цит. по: Alianak 2007: 185].

Идентичные по смыслу фетвы издали ряд других азхаритов и Верховный муфтий Египта [Skovgaard-Petersen 1997: 233]. Это вызвало критику среди активистов различных организаций, отстаивающих то или иное видение ислама в политике, например, «Братев-мусульман». Все они

считали, что только война с Израилем может расцениваться как приемлемый и доступный путь к освобождению Палестины от сионистов.

В конечном счете 8 октября 1980 г. в годовщину Октябрьской войны А. Садат был застрелен Халедом аль-Исламбули в ходе совместной операции группировок «Египетский исламский джихад» и «Аль-Гамаа аль-исламийя». Исполнение обязанностей президента перешло к занимавшему должность вице-президента АРЕ Хосни Мубараку, который впоследствии стал президентом страны.

Конец карьеры и жизни своего предшественника на посту президента был воспринят Х. Мубараком как указание на необходимость скорейшего подавления деятельности военизированных религиозно-политических организаций в Египте и их маргинализации. Для осуществления борьбы на идеологическом поле с вооруженными группировками Х. Мубараку ожидаемо потребовались ученые из ведущего исламского университета. Для успеха, в свою очередь, было необходимо ослабление государственного давления на Аль-Азхар и другие религиозные инстанции страны.

В соответствии с законом № 102 от 1985 г. Аль-Азхар получил статус официального цензора исламской литературы. На практике полномочия университета значительно расширились, ибо входящая в состав Аль-Азхара Академия мусульманских исследований (АМИ) начала контролировать академические издания по истории и философии [Ваets 2002: 191—198]. Также Академия стала привлекаться к сотрудничеству с иными органами для цензуры произведений художественной культуры [Jasquetmond 2008: 56]. Официальное руководство Аль-Азхара стало более тесно осуществлять взаимодействие с силами безопасности АРЕ на ниве борьбы с «исламистской» оппозицией. Совместно с ними Аль-Азхар принимал участие в формировании особых конвоев (кавафиль), имевших целью контрпропаганду против молодых активистов запрещенных организаций в различных городах и провинциях Египта [Al-Awadi 2004: 59].

Далее, уже в середине 1990-х гг., режим Х. Мубарака юридически утвердил передачу АМИ функции цензора над всеми проявлениями культуры, имеющими или вероятно имеющими отношение к исламу. Правда, право изымать их Х. Мубарак оставил за другими органами. Сам указ № 58/63 получил законную силу в феврале 1994 г. [Ismail 2006: 75—76]. Х. Мубарак таким образом

¹ Организация запрещена в РФ.

преследовал две цели: победу над набиравшими вес в социуме сторонниками так называемого «политического ислама» и усиление государственной цензуры. При этом Аль-Азхар был достаточно интегрирован в государственный аппарат, о чем не следует забывать.

В отличие от Анвара Садата Хосни Мубарак проводил несколько более мягкую политику в отношении религиозных ученых и институтов, стремясь заработать имидж сравнительно либерального президента. К тому же Х. Мубарака более заботило подавление низовой активности членов «исламистских» организаций, тогда как не вполне конформистски настроенные представители легальных институтов типа Аль-Азхара волновали его в меньшей степени.

В период руководства Аль-Азхаром шейха Гад аль-Хакка была надежда, что университет получит больше самостоятельности. После гибели А. Садата Гад аль-Хакк позволял себе публично выражать взгляды, расходившиеся с позицией властей. Например, он критиковал призыв совершать поездки в Израиль египетским гражданам, а также заступался за практику женского обрезания. Но приход на место верховного шейха в 1996 г. Мухаммада Сейида Тантави обнажил иллюзорность подобных ожиданий и надежд. Как выразился канадский ученый Р. Хиршл, «назначение Тантави, безусловно, было лишь одним из эпизодов долгого и глубокого институционального и исторического процесса «национализации» Аль-Азхара государственными элитами в постколониальном Египте» [Hirschl 2010: 52].

Занимая должность верховного муфтия (1986—1996), М.С. Тантави проявил себя как очень лояльный государству ученый. Например, в конце 1980-х гг. в Египте усилилась критика западного банкинга из-за несовместимости его с принципами исламского права. Х. Мубарак же не желал краха данной системы, поскольку в таком случае возникала угроза экономическим основам его режима, очень тесно связанного с западным капиталом. В 1989 г. М.С. Тантави издал фетву в интересах режима Х. Мубарака, которая легализовала западную банковскую систему. Главный довод шейха Аль-Азхара в пользу западного банкинга состоял в том, что современные отношения между банком и депозитором являют пример принципа «мудароба», который присутствует в исламском банкинге [El-Gamal 2006: 139—144].

Фетву аналогичного содержания М.С. Тантави издал снова в 2002 г. уже в качестве ректора Аль-Азхара. Остальные его фетвы обычно тоже совпадали с политическими устремлениями режима. Правительственный курс заключался в создании имиджа Египта как демократизирующейся страны, принимающей участие в мировых процессах, а в области религии придерживающейся «облегченной» версии ислама.

По причине поддержки государственной политики имам Тантави заработал репутацию одного из самых либеральных улемов современности, хотя вряд ли шейх имел возможность проведения какой-то другой политики на посту ректора Аль-Азхара. В своих фетвах он рассуждал о допустимости обучения мусульманок в учебных заведениях Франции при несоблюдении предписанного исламом дресс-кода (2003); издал фетву об увеличении количества условий, при которых женщина имеет право на аборт (2004); наконец, он выразил официальную поддержку решению Х. Мубарака о возведении стены между территорией Египта и оккупированным Израилем сектором Газа (2010).

Характер выносимых М.С. Тантави религиозно-правовых решений свидетельствует о том, что ислам вообще и университет Аль-Азхар в частности оставались под контролем государства и действовали в фарватере его политики, при Х. Мубараке направленной на укрепление отношений со странами Запада.

Последнее обстоятельство часто служило причиной недовольства представителей сравнительно более консервативных кругов, не соглашавшихся с вестернизацией Египта. И если прежде «огосударствление» Аль-Азхара им просто не нравилось, то со временем ситуация стала накаляться. Возникли новые движения, не только обличавшие подневольное положение Аль-Азхара и оспаривавшие фетвы его официальных шейхов на словах, но также предлагавшие альтернативные религиозно-правовые решения. Прежде всего, из мощных оппозиционных Х. Мубараку организаций следует назвать международное движение «Братья-мусульмане», организацию «Сторонники традиции пророческих преданий» (Ансар ас-сунна), а также «Шариатское общество» (Аль-гам‘ийа аш-шар‘ийа).

Критики официального Аль-Азхара внутри самого института также активизировались.

В 1980-х гг. возобновил свою работу основанный еще в 1946 г. «Фронт улемов Аль-Азхара» (Гибхат 'улама' аль-азхар), в который вошли наиболее оппозиционные ученые-азхариты [Kienle 2001: 113—114]. Одолеть вышеперечисленные организации только с помощью силы было невозможно, что отличало ситуацию от предыдущих лет. Смерть шейха Тантави в марте 2010 г. вновь подняла вопрос о необходимости введения свободных выборов верховного шейха в Аль-Азхаре и разграничении государственной и религиозной деятельности. Однако дискуссии по этому вопросу так и не переросли в какую-либо общественно-политическую инициативу, и своим указом президент АРЕ Хосни Мубарак назначил главой Аль-Азхара 46-летнего Ахмада ат-Тайеба — члена правящей Национал-демократической партии (до 11 апреля 2010 г.) и верховного муфтия АРЕ.

Аль-Азхар и «арабская весна»

После нашумевших терактов 11 сентября 2001 г. и последовавшего за ними бурного развития исламофобии на Западе оппозиционеры — «исламисты» в Египте полностью разуверились в возможности реализации американских замыслов о демократическом переустройстве стран Ближнего Востока, утратив надежду на уничтожение светских авторитарных режимов с помощью внешних игроков. Теперь речь шла только о вооруженной борьбе. Однако нельзя приписывать подобные установки всему спектру «исламистских» движений и организаций. В частности, «Братья-мусульмане» к тому моменту произвели значительную ревизию применявшихся ими методов политической борьбы, трансформировавшись в довольно умеренную, правда *de jure* не признанную, политическую организацию, которая пыталась, пользуясь прикрытием парламентских партий, влиять на общественно-политическую жизнь страны, хотя и не всегда успешно.

Но, несмотря на это, конфронтация режима Х. Мубарака и «ихванов», равно как и других приверженцев «политического ислама», продолжалась вплоть до низложения президента Египта в 2011 г. Президент Х. Мубарак сурово подавлял малейшие проявления исламской политической активности. Эта линия распространялась на все

оппозиционные религиозно-политические силы, от «Братьев-мусульман» до салафитских групп.

Суфии, подобно ключевым фигурам Аль-Азхара, также находились полностью под контролем государства. Например, в 2009 г. Х. Мубарак непосредственно вмешался в выборы главы суфийского совета, способствуя победе шейха, считавшегося им более лояльным [Бриллев 2015]. Власть, возможно не вполне осознанно, увязывала серьезные трансформации светской политической системы с повышением вероятности прихода к власти сторонников «политического ислама». Ссылаясь на указанный более чем спорный довод, реформы по демократизации социально-политического устройства Египта отодвигались ею на неопределенный срок. Таким образом, «исламский фактор» играл в случае Египта не на руку власти, как в арабских монархиях, а против режима.

Однако в Египте, как и в иных арабских странах, «исламский фактор» не стал основной причиной антиправительственных выступлений. Их спровоцировали, в первую очередь, социально-экономические проблемы. Но «исламисты» типа египетских «Братьев-мусульман, тем не менее, сумели вовремя поддержать протесты и влиться в сопротивление широких масс авторитарным режимам.

Что касается теологов из университета Аль-Азхар, то заметное количество известных религиозных активистов лично принимали участие в народных протестах. 21 июня 2011 г. руководство Аль-Азхара издало документ под названием «О будущем Египта», в котором нашла отражение официальная позиция вуза относительно основ взаимоотношений между исламом и государством. Документ содержал 10 пунктов, в которых читается солидаризация с ключевыми аспектами либеральной политической системы — демократией, свободой совести и вероисповедания, правами женщин и детей. Демократия отождествлена с традиционным исламским принципом совещательности (*аш-шура*) и декларируется в качестве единственно верного метода принятия решений. В данном документе Аль-Азхар фактически выступил на стороне создания современного либерально-демократического государства, основанного на разделении властей. Немаловажным моментом является призыв документа к восста-

новлению автономии Университета Аль-Азхар и отделению его от государства².

В то же время 31 октября 2011 г. Аль-Азхаром был издан документ «Арабская весна», где раскрывается тема отношений между политическим лидером и рядовыми гражданами. В документе было осуждено силовое подавление любого мирного протеста, а также утверждалось, что тиранию можно свергнуть вооруженным путем. Кровопролитие, с точки зрения Аль-Азхара, дискредитирует правящий режим и лишает его законности. «Если власть упорствует в тирании... то угнетенные слои обретают право свергнуть деспотичных правителей, призвать их к ответу и, при необходимости, изменить систему власти в целом»³.

В январе 2012 г. университет издал третий документ под названием «Система исламских свобод». Здесь руководство Аль-Азхара признало право на четыре свободы — вероисповедания, выражения собственного мнения, научных исследований и художественного творчества. «Такфир», к которому часто апеллируют приверженцы радикального фундаментализма в целях обвинения в вероотступничестве любого не придерживающегося их взглядов человека, в данном документе подвергается существенной критике.

Наконец, очередной, четвертый документ «Отказ от насилия» вышел 31 января 2013 г. Его подписали сторонники различных политических сил, включая представителей движения «Братья-мусульмане». Этот текст имел целью прекращение насилия, унесшего по меньшей мере десятки жизней.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что крупнейший исламский университет официально поддержал свержение диктатур, однако замену им видел в установлении либеральной демократии западного образца, пусть и отождествленной с исламским политическим принципом «аш-шура».

Что касается непосредственного присутствия «исламского фактора» в лице знаменитых ученых ислама в событиях «арабской весны», то ярчай-

шим случаем стало появление на главной площади Каира ат-Тахрир одного из самых именитых современных богословов, факиха и проповедника Юсуфа аль-Кардави. Когда антиправительственные демонстрации достигли апогея, Ю. аль-Кардави встал на сторону восставших и прочитал несколько проповедей, помимо прочего обосновав с исламских позиций революцию и необходимость низложения действующего президента Египта. Считается, что сделанный именитым египетским теологом шаг в значительной мере повлиял на исход «арабской весны» в стране в пользу митингующих и отстранение от должности Х. Мубарака.

Личность Юсуфа аль-Кардави заслуживает отдельного рассмотрения. Юсуф аль-Кардафи (род. 9 сентября 1926) происходит из деревушки Сафт Тураб в Западном Египте. В два года будущий богослов лишился отца; рос и воспитывался в религиозной среде, в частности, глубоко верующим был его дядя. Родные хотели, чтобы он стал плотником, однако его более привлекала религия, и он принял решение стать имамом. В возрасте четырех лет он начал посещение коранической школы, к десяти годам выучил Коран наизусть. Получив обязательное школьное образование, Ю. аль-Кардави продолжил свое образование в Институте религиоведения в Танте, обучаясь там в течение девяти лет. В восемнадцать лет он поступил в Аль-Азхар на факультет основ религии.

Изучая теологию в Аль-Азхаре, он проявил себя как пассионарная личность, принимая участие в студенческих забастовках и демонстрациях. Например, если верить его словам, он участвовал в освободительной борьбе против англичан в составе батальона студентов-азхаритов в районе Суэцкого канала. В 1953 г. он основал в стенах университета молодежную организацию, имея целью модернизировать университет, в частности, речь шла о приеме девушек на учебу и введении английского языка в учебную программу. Будучи активистом, он стремился интегрировать радикальный деятельный настрой в студенческую жизнь Аль-Азхара. Этот замысел стал впоследствии главной темой программы «Ваша миссия, сыновья Аль-Азхара!», которую Юсуф аль-Кардави разработал, будучи воодушевленным своим наставником, известным богословом из Аль-Аз-

² Wathaik al-azhar wa al-rabi' al-arabi [Документы Аль-Азхара и «арабская весна»] // Anbaa. 15.05.2012. URL: <https://archive.anbaaonline.com/?p=9696> (accessed: 06.09.2019) (На арабском яз.).

³ Ibid.

хара, реформистским мыслителем Мухаммадом аль-Газали.

Мировоззрение Ю. аль-Кардави в существенной степени является также продуктом влияния ректора Аль-Азхара Мустафы аль-Мараги — ученика и друга знаменитого модернистского философа, преподавателя из Аль-Азхара Мухаммада Абдо. Для Ю. аль-Кардави типично цитирование салафитов, таких как Мухаммад Абдо, Мухаммад Хизр аль-Хусейн, Абд аль-Маджид ас-Салим и, конечно, упомянутый Мустафа аль-Мараги⁴.

Первые месяцы 2011 г., безусловно, продемонстрировали нечто гораздо большее, нежели свидетельство просто авторитета и популярности Ю. аль-Кардави. После отставки египетского президента Хосни Мубарака он не только триумфально вернулся в Каир, что было тогда широко разрекламировано, ради выступления со своей знаменитой «проповедью на площади Тахрир» 18 февраля 2011 г. перед толпой, насчитывавшей примерно 2 млн чел.⁵, а всего через три дня во время интервью «Аль-Джазире», длившегося около двадцати трех минут, Юсуф аль-Кардави выпустил фетву, призывающую к убийству ливийского лидера Муаммара Каддафи.

Представляя свой собственный перевод этой фетвы, бельгийский исламовед Яхья Михот подчеркивает некоторые аспекты авторитета и популярности, которые, несомненно, наличествуют у данного богослова: «Шейх аль-Кардави дает замечательную иллюстрацию того, как работает юриспруденция в современном суннитском исламе. Халифата нет. Нет государства, которое пользуется всеобщим, неоспоримым лидерством в исламских вопросах... Голоса, которые Умма часто предпочитает слушать, слышатся из других

кругов: харизматичные ученые и активисты, независимые от установленных политических полномочий, транснациональных духовных сетей и движений, международных организаций. Шейх аль-Кардави в некотором смысле воплощает эти три измерения в силу своих личных качеств, близости к „Братьям-мусульманам“ и роли председателя Международного союза мусульманских ученых. Таким образом, мнения шейха по религиозным вопросам имеют особый вес. Для многих мусульман во всем мире его фетвы представляют собой точную, законную, ортодоксальную актуализацию в наше время учения ислама... Призывая к убийству Каддафи, шейх аль-Кардави фактически просто выполнял свои обязательства как известного муфтия и отвечал ожиданиям большого числа верующих»⁶.

Другими словами, считаться улемом означает не просто обладать почетным титулом, выданным выпускникам признанных центров исламского образования. Скорее, как считает Я. Михот в вышеуказанном отрывке, это сложный социальный феномен, становящийся возможным благодаря многочисленным факторам, которые делают Ю. аль-Кардави признанным очень многими верующими. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что быть уважаемым ученым — это одно, но совсем другое — оказывать влияние на международном уровне, что требует и политической поддержки, а также проницательного использования современных медиатехнологий, и это всего лишь два требования для успешной международной деятельности. То, что Юсуф аль-Кардави является выпускником Аль-Азхара, для него, несомненно, является одним из наиболее важных элементов собственной идентичности, что ясно подтверждается его стилем одежды и манерами⁷.

Хотя упомянутая выше фетва не имела общеобязательной юридической силы, издавший ее Ю. аль-Кардави утверждал, что «говорит во имя Бога». Он расширил юридическое обоснование фетвы против М. Каддафи в очередной пятничной

⁴ Wathaik al-azhar wa al-rabi' al-arabi [Документы Аль-Азхара и «арабская весна»] // Anbaa. 15.05.2012. URL: <https://archive.anbaaonline.com/?p=9696> (accessed: 06.09.2019) (На арабском яз.).

⁵ Milyunaan mutazahir bi maydan al-tahrir [Два миллиона демонстрантов на площади Тахрир] // Al-Jazeera. 18.02.2011. URL: <http://www.aljazeera.net/news/pages/c3b14752-8169-466e-86f0-529d87fca4e2> (accessed: 30.09.2013) (На арабском яз.); Kirkpatrick D. After Long Exile, Sunni Cleric Takes Role in Egypt // New York Times. February 18, 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/19/world/middleeast/19egypt.html?pagewanted=all&_r=0 (accessed: 15.10.2013).

⁶ The fatwa of Shaykh Yusuf al-Qaradawi against Gaddafi. March 15, 2011. URL: <http://www.scribd.com/doc/51219918/The-fatwa-of-Shaykh-Yusuf-al-Qaradawi-against-Gaddafi> (accessed: 30.09.2018).

⁷ Al-Qaradawi Yu. Risalat al-Azhar bayna al-ams wa al-youth wa al-ghad [Послание «Аль-Азхар вчера, сегодня, завтра»]. Cairo: Maktabat wahba, 1984. (На арабском яз.).

проповеди, где говорилось, что допустимо пожертвовать одним человеком во имя спасения народа. Также Ю. аль-Кардави сделал заявление о том, что подчинение приказам ливийской армии является актом непослушания Богу [Warren 2014].

В данном случае Юсуф аль-Кардави обходится без исторических прецедентов и проявляет свое творчество. Он прояснил свои юридические суждения в проповеди, заявив: «Это из фикха уравнивания (*фикх аль-мувазанат*), фикха последовательных результатов (*фикх аль-ма'алат*) и фикха приоритетов (*фикх аль-аулауиййат*), то, что мы жертвуем одним человеком ради спасения народа»⁸.

Несмотря на неиспользование Ю. аль-Кардави исторических примеров, то есть проведения аналогии (*кыйяс*), в своем заявлении о том, что подчинение приказам ливийской армии является актом «непослушания» Богу он, однако, прибегает к известному хадису о непокорности Богу: «Нет покорности творениям в непослушании Творцу, воистину, послушание — это то, что хорошо», переданному Ибн Джубайром. Интересны, вне всяких сомнений, и звучавшие от имама суждения о восстании, относящиеся к действиям не оппозиции, но ливийского вождя, которого Ю. аль-Кардави рассматривал как повстанца. Они, как представляется, по большей части опираются не на материалы классических дискуссий о легитимности восстания против правителя, но, скорее, на знаменитое толкование Корана «Тафсир аль-Манар» авторства египетского мыслителя-реформатора Рашида Риды. В своей герменевтике Рашид Рида трактует стихи о восстании против правителя в соответствии с историческим прецедентом, так, будто речь идет о правителе, который на самом деле является повстанцем.

Воззрения Ю. аль-Кардави, на наш взгляд, иллюстрируют существенный сдвиг в исламской политико-правовой культуре, который наметился еще в начале XX в., когда впервые внутри мусульманской среды зашла речь о роли «масс» в политической жизни. Дело в том, что в первые столетия ислама превалировала точка зрения, со-

гласно которой верующие разделяются на «*хасса*» (элита) и «*амма*» (массы). Как следствие, считалось, что каждый из этих сегментов общины правоверных обладает знанием, подобающим его уровню. Здесь узнается известная с античности концепция «двойственной истины», однако в этом случае обосновывалась она следующим хадисом: «Тот, кто предлагает знание неподготовленному, подобен тому, кто возлагает ожерелье из драгоценных камней и жемчужин на свинью» [Фролова 2006].

Идея «двойственной истины» раскрывает себя в трудах крупнейшего мусульманского мыслителя эпохи Аббасидов, факиха шафиитского мазхаба Абу-ль-Хасана аль-Маварди, который разработал теорию Халифата в ее классическом виде. Непосредственно Коран и Сунна содержат лишь самые общие основы социально-политического порядка, на чем исламская мысль традиционно акцентировала внимание, считая, что пророк Мухаммед намеренно оставил широкий простор для правового и политического творчества сообразно конкретным историческим обстоятельствам [Сюкияйнен 2016].

Основываясь на немногочисленных общественно-политических принципах первоисточников ислама и изучая сведения о политической практике пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов, А.Х. аль-Маварди в своем трактате «Аль-ахкам ас-султанийя ва-ль-вилаят ад-динийя» («Властные нормы и религиозные полномочия») отталкивается от представления о Боге как обладателе абсолютного суверенитета. От имени и во имя Бога земную власть осуществляет Умма. Суверенные права общины верующих, главным образом, выражаются в ее праве и возможности выбирать верховного правителя, которому мусульмане только делегируют право управлять собой. Поскольку порядок транзита верховной власти жестко не определен ни Кораном, ни пророческими хадисами, факихи в массе своей придерживались взгляда, в соответствии с которым титул халифа должен принадлежать тому претенденту на халифат, с которым Умма заключит в конечном счете «байа» (договор). По договору правитель должен нести персональную ответственность перед Уммой и имеет право требовать от нее безусловного подчинения, которое, однако, подкрепляется его приверженностью нормам шариата.

⁸ Al-Qaradawi Yu. Fi fikhi al-awlawiyat: dirasa jadida fi dawī al-Qur'an wa al-Sunnah [О фикхе приоритетов: новое исследование призыва Корана и Сунны]. Cairo: Maktabat wahba, 1995. (На арабском яз.).

Политико-правовая доктрина, предлагаемая А.Х. аль-Маварди и другими суннитскими правоведами в работах по фикху правления, имплицитно содержит идею о возможности выступления против власти. Однако правом заключения договора с правителем и требования от него выполнять его условия, равно как и правом свержения халифа, пренебрегающего шариатом, наделена лишь элита (хасса). Основная масса (амма) мусульман не имеет ни малейшего права вторгаться в сферу политики⁹.

Вышеизложенное, как представляется, позволяет нам говорить о поддержке шейхом Ю. аль-Кардави массовых протестов «арабской весны» как следствия отхода от реализации принципа «двойственной истины» в результате вестернизации политической жизни в регионе и создании национальных государств современного типа, требующих так или иначе гомогенности.

Большинство исламских ученых считают, что к массовым протестам применим традиционный термин «фитна», под которым понимается возмущение, сбивающее мусульман с прямого пути [Зеленев 2016]. Массовые акции такие улемы призывают запрещать в соответствии с «*sadd az-zarai*» — принципом заграждения путей, ведущим к запрещенному нормами шариата [Сюкияйнен 2013].

Но существует меньшинство ученых, которые рассматривают подобные явления в качестве нововведения, пришедшего с Запада, а не формы традиционной и запретной фитны. Сторонники этой «теории заимствования» также не едины и разделены на две не согласные друг с другом группы. Первая группа считает, что это допустимое новшество при условии мирного характера массовых шествий [Сюкияйнен 2013], тогда как вторая видит в подобных протестах «бид'а», т.е. греховное нововведение. Шейх Юсуф аль-Кардави относится к ученым, придерживающимся первой точки зрения и даже может рассматриваться как стоящий у основания нового направления в исламском праве — «фикхе революции» [Зеленев 2016]. В то же время радикальное непри-

ятие фигуры М. Каддафи Юсуфом аль-Кардави, С. аль-Гарьяни и другими религиозными учеными из-за взглядов полковника тождественно воззрениям классиков фикха на отступившего от ислама правителя.

Интересно и совмещение азхаритского бэкграунда с участием в деятельности движения ихванов. Исходя из официальной позиции Аль-Азхара относительно «ихванизма», излагаемой в книгах ведущих богословов университета¹⁰, это довольно необычно, ибо там «Братья-мусульмане» решительно критикуются. Между тем случай Ю. аль-Кардави отнюдь не единичный. Так, исламское религиозное образование получил в университетах Египта — Дар аль-Улюме и Аль-Азхаре — Такиюддин ан-Набхани, один из известнейших идеологов «политического ислама». Со временем он начал развивать собственную политическую философию, основанную на специфическом понимании ислама, восходящем к движению «Братьев-мусульман». В Аль-Азхаре учился и непосредственный основатель движения «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность, подобной двойственной ситуации может быть найдено объяснение.

К примеру, шейх Юсри Рушди ас-Сейид Джабр, выпускник Аль-Азхара и преподаватель в мечети при университете, считает, что виной тому попытки реформировать образование в Аль-Азхаре на западный манер, что, с его точки зрения, способствует деградации учебного процесса. Из ответов шейха исламскому видеопорталу «Хамим медиа» можно узнать, что традиционно в Аль-Азхаре обучали вероубеждению имама аль-Ашари, фикху четырех суннитских мазхабов и тасаввуфу (суфизму), а также применяли в ходе учебного процесса специальную программу, в рамках которой сперва изучались грамматика, морфология, риторика, стилистика, позднее осуществлялся переход к логике, а далее к науке аль-усуль.

⁹ Al-Mawardi A.H. Al-ahkam al-sultaniya wa al-wilayat al-diniya [Законы власти и религиозное правление]. Dar al-kutub al-'ilmiyya. URL: <https://archive.org/details/FP171606> (accessed: 06.09.2019) (На арабском яз.).

¹⁰ См., к примеру: Al-Azhari U. Al-hakk al-mubin fi al-radd 'ala man tala'aba bi al-din (min al-ikhwan ila DAESH) [Право, открываемое в ответ тем, кто злоупотребляет религией (от «Братьев-мусульман» до ДАИШ)]. URL: <https://darul-kutub.com/uploads/books/3d33a257236f9d06cc40a17f4464a26f5b5834cd.pdf> (accessed: 06.09.2019). (На арабском яз.).

Традиционной основой религиозного образования в Аль-Азхаре шейх Юсури Рушди называет студента, шейха и книгу. Но позднее, по мнению устаза, все стало меняться в худшую сторону из-за модернизации образования в университете. Например, Ю. Рушди критикует создание больших учебных аудиторий современного типа, называя их причиной ослабления личной связи между наставником и учеником. Также в числе сторон обучения, квалифицируемых им как негативные, в современном Аль-Азхаре он называет распространение ваххабитских книг из Саудовской Аравии, выбор студентом учебных курсов по желанию и поверхностное изучение традиционных источников, откуда на данный момент, по его свидетельству, зачастую проходятся только отрывки¹¹.

Помимо вышеназванного влияние в Аль-Азхаре сторонников «Братьев-мусульман», салафитов и прочих возросло по причине помощи малообеспеченным студентам со стороны активистов «исламистских» организаций в обеспечении дешевым жильем и деньгами. Также «исламисты» активно вели пропаганду своих взглядов в землячествах иностранных студентов. К тому же, как мы выяснили, многие сторонники тех или иных современных религиозно-политических проектов окончили Аль-Азхар, а кто-то, вероятно, и остался преподавать здесь, что тоже способствует распространению различных идеологий среди студентов¹².

Следует также добавить, что Аль-Азхар испытывает своего рода кризис авторитета с 1961 г., когда университет был национализирован. Как отмечают Хеллер и Браун, «многие из таких учреждений страдают от общего снижения легитимности» [Hellyer, Brown 2015]. Обращаясь к примеру Аль-Азхара, они замечают, что имидж Аль-Азхара как независимого заведения понижен, «особенно среди тех, кто считает его рупором государства». Комментируя события после «арабской весны», исследователи отмечают, что ука-

зание президента А.Ф. ас-Сиси ученым Аль-Азхара начать «религиозную революцию» по борьбе с экстремизмом не помогло повысить имидж учреждения. Кроме того, шейху Тайебу «не хватает авторитетного голоса», он «подвергается критике внутри учреждения за то, что он изолирован или отчужден от других ученых Аль-Азхара» [Hellyer, Brown 2015].

Одним из важнейших обстоятельств, подрывающих авторитет данного учреждения, является критика, которую вынужден был терпеть из-за своего союза с А.Ф. ас-Сиси от ведущих суннитских ученых глава университета шейх Ахмад ат-Тайеб. К примеру, упоминавшийся выше шейх Юсуф аль-Кардави публично раскритиковал решение ат-Тайеба поддержать генерала Абд аль-Фаттаха Халила ас-Сиси против «Братьев-мусульман». По мнению Ю. аль-Кардави, своей позицией шейху-ль-Азхар (официальный титул ректора) подрывает доверие к собственной персоне, и 150 других суннитских ученых выразили солидарность с улемом, подписав петицию, в которой выступили против режима генерала ас-Сиси. Оценка шейху-ль-Азхару дана в 8 пункте, гласящем следующее: «Воистину, присутствие шейху-ль-Азхара на месте переворота и его молчание об их (военных. — Ю.Л.) преступлениях есть шариаатское преступление, сводящее на нет его легитимность, попирающее его статус и делающее соучастником преступников во всем содеянном ими, бросая тень на славную историю Аль-Азхара, портя его настоящее и разрушая будущее»¹³.

Безусловно, сам Ю. аль-Кардави связан с «Братьями-мусульманами», и его позиция может на основании данного факта считаться предвзятой, однако его популярность или популярность 150 ученых, подписавших петицию, не ограничивается членами ассоциации «Братьев-мусульман». Кроме того, составившие петицию улемы относились к Аль-Азхару с большим уважением, о чем также указывают в документе¹⁴. Таким образом, они не желали выразить свое неуважение к традициям Аль-Азхара, но, напротив, обвинили шейха ат-Тайеба в измене им.

¹¹ Рушди Ю. Салафиты, ихваны, суфии, шииты, аль-Азхар, таблиги... кто они? // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AVKYjz0qxhc> (дата обращения: 06.09.2019).

¹² Аль-Азхар и арабская весна // Восточная аналитика. URL: <http://va.ivran.ru/articles?artid=7273> (дата обращения: 06.09.2019).

¹³ Hudhayfah A. Call of Egypt — More than 150 Muslim Scholars Issue Statement against the Sisi Regime // DOAM — Documenting Oppression Against Muslims. May 27, 2015. URL: <http://www.doamuslims.org/?p=3356> (accessed: 01.05.2019).

¹⁴ Ibid.

В 2014 г. многие молодые египтяне, включая студентов и недавних выпускников аль-Азхара, выразили сходное разочарование решением имама ат-Тайеба поддержать А.Ф. ас-Сиси [Bano 2018]. Протесты студентов в кампусе Аль-Азхара против решения руководства поддержать А.Ф. ас-Сиси широко освещались в средствах массовой информации¹⁵. Даже если предположить, что многие протестующие студенты сочувствовали движению «Братья-мусульмане», это не отменяет проблем. К сожалению, честность руководства аль-Азхара все чаще ставится под сомнение его собственным студенческим сообществом и некоторыми преподавателями.

Последнее обстоятельство привело к появлению двух новых исламских институтов, которые родились в период арабской весны: Шейха аль-Умуда и Дар эль-Имада. Оба учреждения были открыты недавними выпускниками или учеными аль-Азхари; покойный аль-Азхари Эмад Эффат, ставший революционной иконой после того, как он умер в мирном протесте 15 декабря 2011 г., в ходе которого вооруженные силы убили по меньшей мере 17 человек, поддержал создание обоих.

Как видно из вышеприведенного, процессы «арабской весны» были спровоцированы внутренними проблемами арабского мира, такими как сложная демография и откровенно репрессивный характер правящих режимов. «Исламский фактор»,

не будучи в числе основных причин событий, тем не менее, ярко проявился. Антиисламская политика секулярных режимов способствовала росту напряженности и вынуждала сторонников исламских политических движений работать на их крах, а также портила имидж данных режимов в глазах простых граждан, часто верующих. Самый авторитетный университет в исламском (суннитском) мире Аль-Азхар аш-Шариф фактически поддержал протесты в одном из официальных документов, но сам по себе не может рассматриваться как неконформистское учреждение, что иллюстрирует поведение действующего шейху-ль-Азхара, становящееся объектом критики выпускников и студентов.

В то же время отдельные улемы, связанные с Аль-Азхаром, приняли непосредственное участие в процессах «арабской весны», например, шейх Юсуф аль-Кардави и шейх Эмад Эффат. Такая активность различных исламских сил в политической сфере объясняется самим характером исламской традиции, не разделяющей «духовное» и «мирское», хотя современные попытки сформулировать исламскую альтернативу чаще всего находятся в зависимости от исторически сравнительно более поздних интеллектуальных наработок богословов-реформистов рубежа XIX—XX вв.¹⁶

¹⁶ См., напр.: Abd al-Razzak A. Al-Islam wa usul al-hikam [Ислам и основы правления]. Algiers, 1988 (In Arabic); Abdo M. Al-amal al-kamilat [Полная надежда]. Cairo: Dar al-shurook, 1993 (На арабском яз.); Abdo M. Risalat al-tawhid [Послание единобожия]. Beirut: Dar al-kutub al-'ilmiyya, 1997 (На арабском яз.).

Поступила в редакцию / Received: 12.09.2019

Принята к публикации / Accepted: 02.11.2019

Библиографический список

- Брилев Д.В. Политизация суфизма в контексте Арабской весны // Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015.
- Зеленев Е.И. Фитна как форма и метод политического протеста // Арабский кризис: Угрозы большой войны / под общ. ред. А.М. Васильева. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. 2016. № 3. С. 139—154.
- Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 16—37.
- Фролова Е.А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М.: Институт философии РАН, 2006.
- Царегородцева И.А. Аль-Азхар и государственная власть в Египте: развитие отношений во второй половине XX — начале XXI в. // Pax Islamica. 2012. № 1—2 (8—9). С. 480—491.

- Шарипова Р.М. Роль университета «Аль-Азхар» в общественно-политической и идеологической жизни ОАР (АРЕ) на современном этапе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1972.
- Al-Awadi H. In Pursuit of Legitimacy: the Muslim Brothers and Mubarak, 1982—2000. London; NY: Tauris Academic Studies, 2004.
- Alianak S. Middle Eastern Leaders and Islam: A Precarious Equilibrium. NY: Peter Lang, 2007.
- Baets A. Censorship of Historical Thought: A World Guide, 1945—2000. Greenwood Publishing Group, 2002.
- Bano M. At the Tipping Point? Al-Azhar's Growing Crisis of Moral Authority // International Journal of Middle East Studies. 2018. Vol. 50 (4). P. 715—734. DOI: 10.1017/S0020743818000867
- El-Gamal M. Islamic Finance: Law, Economics and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Gesink I. Islamic Reform and Conservatism: al-Azhar and the Evolution of Modern Sunni Islam. London: I.B. Tauris, 2014.
- Hellyer H.A., Brown N.J. Leading From Everywhere. The History of Centralized Islamic Religious Authority // Foreign Affairs. June 15, 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-06-15/leading-everywhere> (accessed: 06.09.2019).
- Hirschl R. Constitutional Theocracy. Harvard University Press, 2010.
- Ismail S. Rethinking Islamist Politics: Culture, the State and Islamism. London: I.B. Tauris, 2006.
- Jacquemond R. Conscience of the Nation: Writers, State and Society in Modern Egypt. Cairo: The American University on Cairo, 2008.
- Kienle E. A Grand Delusion: Democracy and Economic Reform in Egypt. London: I.B. Tauris, 2001.
- Skovgaard-Petersen J. Defining Islam for the Egyptian State: Muftis and Fatwas of the Dar al-Ifta. Brill Academic Publishers, 1997.
- Warren D. The 'Ulama' and the Arab Uprisings 2011—13: Considering Yusuf al-Qaradawi, the 'Global Mufti,' between the Muslim Brotherhood, the Islamic Legal Tradition, and Qatari Foreign Policy // New Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 4. P. 1—32. DOI: 10.29311/nmes.v4i0.2649
- Zeghal M. Religion and Politics in Egypt: The Ulema of Al-Azhar, Radical Islam, and the State (1952—94). Cambridge University Press, 1999.

References

- Al-Awadi, H. (2004). *In Pursuit of Legitimacy: the Muslim Brothers and Mubarak, 1982—2000*. London; NY: Tauris Academic Studies.
- Alianak, S. (2007). *Middle Eastern Leaders and Islam: A Precarious Equilibrium*. NY: Peter Lang.
- Baets, A. (2002). *Censorship of Historical Thought: A World Guide, 1945—2000*. Greenwood Publishing Group.
- Bano, M. (2018). At the Tipping Point? Al-Azhar's Growing Crisis of Moral Authority. *International Journal of Middle East Studies*, 50 (4), 715—734. DOI: 10.1017/S0020743818000867
- Brilyov, D.V. (2015). The Politisation of Sufism in the Context of the “Arab Spring”. In: Knysh, A., Brilyov, D. & Yarosh O. (Eds.). *Sufism and Muslim Spiritual Tradition: Texts, Institutions, Ideas and Interpretations*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies publ. (In Russian).
- El-Gamal, M. (2006). *Islamic Finance: Law, Economics and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gesink, I. (2014). *Islamic Reform and Conservatism: al-Azhar and the Evolution of Modern Sunni Islam*. London: IB Tauris.
- Hellyer, H.A. & Brown, N.J. Leading From Everywhere. The History of Centralized Islamic Religious Authority. *Foreign Affairs*. June 15. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-06-15/leading-everywhere> (accessed: 06.09.2019).
- Hirschl, R. (2010). *Constitutional Theocracy*. Harvard University Press.
- Ismail, S. (2006). *Rethinking Islamist Politics: Culture, the State and Islamism*. London: I.B. Tauris.
- Jacquemond, R. (2008). *Conscience of the Nation: Writers, State and Society in Modern Egypt*. Cairo: The American University on Cairo.
- Kienle, E. (2001). *A Grand Delusion: Democracy and Economic Reform in Egypt*. London: I.B. Tauris.
- Sharipova, R.M. (1972). The Role of Al-Azhar University in the Socio-Political and Ideological Life of the Oar (AR) at the Present Stage [PhD thesis]. Moscow. (In Russian).
- Skovgaard-Petersen, J. (1997). *Defining Islam for the Egyptian State: Muftis and Fatwas of the Dar al-Ifta*. Brill Academic Publishers.
- Syukiyainen, L.R. (2013). “Arab Spring” and Islamic Legal Thought. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 16—37. (In Russian).
- Syukiyainen, L.R. (2016). The Islamic Concept of the Caliphate: The Original Beginnings and Modern Interpretation. *Islam in the Modern World*, 3, 139—154. (In Russian).
- Tsaregorodtseva, I.A. (2012). Al-Azhar and State Power in Egypt: Development of Relations in the Second Half of 20th—21st Centuries. *Pax Islamica*, 1—2 (8—9), 480—491. (In Russian).

- Warren, D. (2014). The 'Ulama' and the Arab Uprisings 2011—13: Considering Yusuf al-Qaradawi, the 'Global Mufti,' between the Muslim Brotherhood, the Islamic Legal Tradition, and Qatari Foreign Policy. *New Middle Eastern Studies*, 4, 1—32. DOI: 10.29311/nmes.v4i0.2649
- Zeghal, M. (1999). *Religion and Politics in Egypt: The Ulema of Al-Azhar, Radical Islam, and the State (1952—94)*. Cambridge University Press.
- Zelenev, E.I. (2015). Fitnah Like a Form and Method of the Political Protest in the Arab Countries. In: Vassiliev, A.M. (Eds.). *The Arab Crisis: Threats of the Great War*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Лашхия Юрий Витальевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: george-leo@mail.ru).

About the author: Lashkhia Yuri Vitalevich — postgraduate student, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: george-leo@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

Научная статья

«Правый поворот» в Турции в европейском контексте

В.А. Аватков¹, А.С. Рыженков²

¹Институт мировой экономики и международных отношений РАН;
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Государственный академический университет гуманитарных наук

²Центр востоковедных исследований, международных отношений
и публичной дипломатии

Research article

“Right Turn” in Turkey in the European Context

V.A. Avatkov¹, A.S. Ryzenkov²

¹Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
State Academic University of Humanities

²Center for Oriental Studies, International Relations and Public Diplomacy

Второе десятилетие XXI в. часто характеризуется как время нового подъема правых националистических и правых популистских партий по всему миру. Появление крупных правых фракций в парламентах Европы заставляет специалистов говорить о феномене «правого поворота». Одновременно с этим в Турции, стране, объединяющей в себе как европейские, так и восточные политические и цивилизационные черты, наблюдаются внешне схожие процессы.

В рамках статьи авторы разбирают причины успеха правых партий в Европе и основные предпосылки, обеспечившие им популярность. В первую очередь, такой успех связывается с внутренним структурным кризисом Евросоюза, толчком к осознанию которого широкими массами стал миграционный кризис 2015 г. Далее рассматриваются итоги парламентских выборов 2018 г. в Турции, в результате которых большую часть мест в Национальном собрании получили партии правого или правоцентристского идеологического спектра. Прослеживается история и место национализма в политической системе страны, а также рассматриваются причины, заставившие турецкие политические элиты обратиться к националистической идеологии на современном этапе.

Авторы приходят к выводам, что, несмотря на внешнюю схожесть наблюдаемых политических процессов, а также на буквальное совпадение некоторых исходных причин, обусловивших правый подъем в Европе и в Турции, рассматривать успехи правых партий в Турецкой Республике и Евросоюзе как явления одного глобального процесса нельзя, поскольку эндогенные их факторы различны.

Ключевые слова: Турция, Евросоюз, правые, национализм, «правый поворот», Р.Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, Д. Бахчели, Партия националистического движения, выборы

Для цитирования: Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 597—606. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

© Аватков В.А., Рыженков А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The second decade of the 21st century is often described as the time of a new rise of right nationalist and right populist parties all over the world. The rising presence of big right factions in European parliaments makes experts talk about a “right turn” phenomenon. At the same time Turkey, a country that unites in itself both European and Middle Eastern political and civilizational specifics, is witnessing an apparently similar process to occur.

The authors of the article analyze the reasons of right parties’ success in Europe and conditions that provide popularity for the right wing. Primarily, this success has been associated with an inner structural crisis of the European Union, which was acknowledged by the general public following the 2015 migration crisis. The authors mostly focus on the 2018 parliament elections in Turkey, which gave the majority of seats to right and center-right parties. They also survey the history and the place of nationalism in the country’s political system, and investigate the reasons making the Turkish political elites to turn to the nationalistic ideology at present.

The authors conclude that in spite of a formal similarity in the observed political processes and the literal congruence of some of the reasons that have determined the right rise in Europe and Turkey, we shouldn’t consider the right wing’s successes in the Republic of Turkey and in the European Union to be the parts of the same global process, as their endogenous causes differ.

Key words: Turkey, European Union, right wing, nationalism, right turn, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, D. Bahçeli, Nationalist Movement Party

For citation: Avatkov, V.A. & Ryzhenkov, A.S. (2019). “Right Turn” in Turkey in the European Context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 597—606. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

После развала СССР система международных отношений находится в поисках нового баланса, международно-политическая среда характеризуется резкими колебаниями, налицо — радикализация целого ряда процессов. Наиболее важным представляется рост национализма в различных его формах и правого популизма при укреплении религиозного или консервативного сознания. Идеинный фактор в системе международных отношений расширяет свое поле реализации, в том числе и в рамках попыток интеграции мало совместимых национализма и консервативного сознания. В этом контексте интересен пример Турции, которая, будучи евразийской державой, сочетает в себе и европейское, и азиатское изменения указанных процессов.

Турецкая Республика на протяжении многих лет стремится к вступлению в Европейский союз и, несмотря на усиление консерватизма и национализма в стране, не отказывается от этой идеи по сей день. В этой связи интересен тот факт, что Анкара оказывается — вольно или невольно — вовлеченной в политические процессы в Азии, но при этом и в европейские тенденции, где налицо «правый поворот». Результаты последних парламентских выборов в Турции показали резкое поправление политического спектра. Страна, привычно описываемая как «зажатая» между Востоком и Западом, в этот раз пошла по общеевропейскому пути.

Подъем правых партий в Европе

Представляется верным говорить отдельно о подъеме правых партий в Старой, или Западной, Европе и Европе Восточной. Самыми заметными

и влиятельными из «староевропейских» правопопулистских партий являются «Австрийская партия свободы» (АПС), «Альтернатива для Германии», французское «Национальное объединение» (до 2018 г. «Национальный фронт») и итальянская коалиция из «Движения пяти звезд» и «Лиги» (до 2017 г. «Лига Севера»).

Несмотря на то что общая идеология этих партий схожа, в их структурах и политических платформах присутствуют и определенные различия. Самыми старыми считаются «Национальное объединение», основанное в 1972 г., и «Австрийская партия свободы», созданная в 1956 г. Обе партии изначально были довольно крепко связаны с нацистскими идеологиями середины XX в.: во главе «Национального объединения», прежде называвшегося «Народным фронтом», с момента основания до 2011 г. стоял Жан-Марин Ле Пен, политик, известный своими резкими правыми взглядами и высказываниями, АПС же при своем создании была напрямую связана с австронацизмом, во времена Третьего рейха ее учредители были партийными функционерами НСДАП [Швейцер 2018: 106]. В XXI в. обе партии ожидало преобразование и отход от открытого пропагандирования правых идей. Сменившая отца Марин Ле Пен взяла курс на «дедемонизацию» организации¹. Вставший в 2005 г. во главе АПС Хайнц-Кристиан Штрахе стал уделять больше внимания,

¹ См.: Бунин И. Из второго тура в маргиналы. Останется ли Марин Ле Пен влиятельным политиком // Московский Центр Карнеги. 10.10.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73333> (дата обращения: 01.12.2018).

в первую очередь, сохранению традиционных европейских и австрийских ценностей, критике глобализации [Швейцер 2018: 109—110].

На руку обеим партиям, как и всем правым партиям в Европе, пришелся миграционный кризис, когда правые не побоялись открыто выразить страх своих сограждан перед нашествием представителей иной культуры. В результате «Национальный фронт» по итогам парламентских выборов 2017 г. стал четвертой по популярности партией во Франции, в том же году Марин Ле Пен вышла во второй тур президентских выборов, где проиграла Эммануэлю Макрону. Норберт Хофер, кандидат на пост президента страны от АПС, в 2017 г. во втором туре уступил только 6% голосов кандидату от «Зеленых», вокруг которого объединились почти все представители австрийского истеблишмента. Соперникам «Народного фронта» и АПС даже пришлось прибегнуть к правой и антииммигрантской риторике ради голосов избирателей: во Франции, впрочем, ее использовали в свое время еще Жак Ширак и Николя Саркози [Гришель 2015: 46—47]. В свою очередь, канцлер Австрии Себастьян Курц перенял у АПС лозунги «Австрия превыше всего» и «Свести миграцию до нуля»².

«Альтернативу для Германии» и итальянскую коалицию «Движение пяти звезд» — «Лига» можно назвать «новыми» партиями, которые к тому же выступают с твердых евроскептических позиций. «Альтернатива для Германии» выросла из общественно-политического движения «Альтернативный выбор — 2013», объединявшего критиков правительственного курса по спасению единой европейской валюты и оказанию финансовой помощи южноевропейским странам, находившимся в эпицентре долгового кризиса [Степанов 2013: 229]. «Пять звезд» были основаны итальянским комиком Бeppe Грилло как объединение единомышленников, выступающих против старых местных элит и евробюрократов, а также за выход Италии из зоны объединенной валюты, которая не дает ей правильно развиваться [Маслова 2017: 148—155]. «Лига» же выступала со схожих позиций, но уделяла больше внимания североитальянскому регионализму.

² См.: Добров Д. Правый сдвиг в Австрии // ИноСМИ.ру. 16.10.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171016/240526961.html> (дата обращения: 04.12.2018).

«Альтернатива для Германии» пользуется заметной популярностью среди представителей рабочего класса со средним образованием, недоверчиво относящихся к прежним элитам, испытывающим неудовольствие от размывания системы традиционных ценностей [Степанов 2013: 234—235], фактически обладающих чертами, которые раньше были присущи классическому стороннику социал-демократов³. Как и «старые» партии, «новые» в определенный момент своей истории пережили заметный перелом собственной идеологии. У «Альтернативы» это произошло в марте 2015 г., когда вместе с переменами в руководстве случился переход к более правому курсу, обозначаемый внешними наблюдателями как исламофобский, антииммигрантский и антиамериканский [Степанов 2013: 232]. Но на парламентских выборах 2017 г. «Альтернатива для Германии» получила 12,6% голосов, став третьей по численности партией Бундестага. Главой «Лиги» в 2014 г. стал Маттео Сальвини, и с регионалистских позиций она перешла на правую антииммигрантскую риторику и популистские позиции, а ее лидер стал в глазах европейской прессы лицом, которое толкает страну в новый фашизм⁴. По итогам выборов 2018 г. именно «Движение пяти звезд» и «Лига» сформировали в Италии новое правительство.

Что касается «новой» Европы, то есть стран, прежде входивших в восточный блок, то две страны, которые более всего беспокоят мировое сообщество своими правыми и евроскептическими взглядами, — это Польша и Венгрия.

Правый подъем в Венгрии ассоциируется с партией ФИДЕС и ее лидером Виктором Орбаном. На парламентских выборах 2018 г. 20% голосов смогла набрать ультраправая партия Йоббик, которая оказывает значительное влияние на парламентские инициативы ФИДЕС, получившей, в свою очередь, 44,87% голосов [Найгебавер 2018: 190]. Опытный политик Виктор Орбан в по-

³ Карцев Д. Третья фолькспартай. Почему «Альтернатива для Германии» — это надолго // Московский Центр Карнеги. 17.05.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76183> (дата обращения: 03.12.2018).

⁴ Stille A. How Matteo Salvini Pulled Italy to the Far Right // *The Guardian*. August 9, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/aug/09/how-matteo-salvini-pulled-italy-to-the-far-right> (accessed: 16.12.2018).

следнее время перешел на правые и евроскептические позиции [Лукьянов 2017: 12—13]. Восемь лет правления ФИДЕС — это период постоянного экономического роста страны, сокращения госдолга и аккуратной работы с бизнесом [Лукьянов 2017: 34—38]. В глазах граждан успех начал ассоциироваться с деятельностью правых.

В Польше в 2015 г. к власти в результате президентских и парламентских выборов пришла партия «Право и справедливость» и ее лидер Анджей Дуда, хотя «серым кардиналом» при нем выступает известный польский политик Ярослав Качиньский. «Право и справедливость» получила 37,58% голосов, что дало ей абсолютное большинство в парламенте и позволило сформировать однопартийное правительство. Дуда и представляемая им партия занимают популистскую и «мягкую» евроскептическую позицию, выступая за усиление национальной идентичности и отказ от статуса государства категории «Б» в единой Европе [Майорова 2016: 165]. Философия партии отвечает интересам в большинстве своем консервативного, находящегося под большим влиянием католической церкви польского народа. Одиночно выглядят поддерживаемые правительством шестидесятитысячные марши под лозунгами *white supremacy* [Charnysh 2017], антимигрантские и антисемитские заявления представителей правящей партии [Charnysh 2017] и фактическое нарушение основополагающего для Евросоюза принципа разделения властей, перешедшего в кризис конституционного суда [Мрозек, Следзиньска-Симон 2017: 64—67].

Во многом приход к власти правых в Венгрии и Польше — это результат разочарования населения в политике ЕС в отношении восточноевропейских государств и насаждения либеральных взглядов.

Фактически подъем националистически-популистских движений в Европе есть следствие смыслового и структурного кризиса Евросоюза. Элиты «старых» европейских стран считают, что им приходится за счет передачи собственных экономических и трудовых ресурсов поддерживать малые или «новые» европейские страны, а те, в свою очередь, недовольны тем, что Брюссель отодвигает их на второй план, лишает собственной субъектности, подчиняя ее интересам всего сообщества. Запрос на изменения в Евросоюзе,

исходящий от избирателей, находит отклик только у прежде маргинальных или заново созданных партий, имеющих более широкое поле для маневра, чем прежние партии власти. Одновременно с этим национальная идентичность оказывается сильнее идентичности общеевропейской, которая навязывается излишне стремительно даже для считающихся прогрессивными западных обществ, что вызывает понятную обратную реакцию. Триггером же стал миграционный кризис 2015 г.

Особенности турецкого национализма

Происходящие в Турции процессы частично схожи с европейскими тенденциями и вписываются в общемировую тренд по усилению в политической среде идей, ценностей, национализма и консервативного сознания [Аватков, Каширина 2017: 5—15]. Переход от прозападного курса к более самостоятельной политике осуществляется через усиление консерватизма и национализма, которые находят в турецком политическом сознании возможность для сосуществования, а иногда и симбиоза. Особую роль в укреплении указанных тенденций сыграли сохраняющееся имперское сознание [Дружиловский 2005: 48—61], имеющаяся идейная борьба в стране [Надеин-Раевский 2016: 22—31], поиск нового идейного обоснования внешнеполитического курса страны [Аватков 2014: 71—78], а также развал СССР, в результате которого возникли родственные тюркские государства, в отношении которых Анкара сразу же стала применять все возможные инструменты воздействия [Малышева 2017: 46—58].

В Турции в результате выборов лета 2018 г. с результатом в 42,6% голосов в парламент прошла правящая консервативная Партия справедливости и развития, 22,6% получила оппозиционная социал-демократическая Народно-республиканская партия (НРП), 11,7% — партия меньшинств Демократическая партия народов (ДПН), 11,1% — правая Партия националистического движения (ПНД), 10% — правоцентристская Хорошая партия (ХП). Фактически 1/5 часть голосов получили правые партии — ПНД и Хорошая партия. Следует также упомянуть, что Хорошая партия в 2017 г. выделилась из ПНД, исторически глав-

ной ультранационалистической и пантюркистской партии страны [Внешнеполитический курс... 2015: 29—30].

Правящая Партия справедливости и развития, лидером которой является действующий президент страны Реджеп Тайип Эрдоган, с 2014—2015 г. также стала менять свой внутривнутриполитический дискурс с исламского на националистически-популистский⁵. При этом интересно, что до этого страна проводила курс на евроинтеграцию, выполняя Копенгагенские критерии ЕС, и активно выстраивала отношения с ближневосточными странами в рамках идеологии «неосоманизма» и программы «Ноль проблем с соседями» [Дружиловский, Аватков 2013: 73—88]. Но прежде чем ответить на вопрос о предпосылках правого поворота в Турции, следует разобраться с тем, что же представляет собой турецкий вариант национализма.

Следует отметить, что в турецком политическом дискурсе никаких негативных коннотаций у этого термина нет. Наоборот, национализм является одной из шести «стрел» М.К. Ататюрка, шести сакральных принципов, к которым до сих пор в символическом плане активно обращается турецкое общество. В изначальном своем понимании турецкий национализм был идеологией «нации в границах Турецкой Республики» (а не тюркской этнической нации, как это было у пантюркистов). Кемалистский национализм отвергал исламистский и панисламистский дискурс, присущий младотуркам. Нация понималась М. Кемалем как совокупность всех граждан, а не только этнических тюрков, но на основе турецкого этнического самосознания» [Ягудин 2015: 258].

В современной турецкой системе координат понятие национализма во многом смешивается с понятием патриотизма, что интересным образом совпадает с исламистской трактовкой национализма как синонима патриотизма, любви к родине [Левин 1988: 3—9]. Это сближение заставляет задуматься о том, почему данная идеология в своем светском турецком варианте со временем демонстрирует сближение с ее исламистским

пониманием, связано ли это со все растущим исламским присутствием в политическом пространстве страны или же, наоборот, — с имманентной для Турции включенностью в общественный дискурс исламских представлений, которые в дальнейшем перемалывают под себя уже и изначально светские концепции.

Так или иначе, наряду с национализмом в Турции представлен и ультранационализм, сторонники которого традиционно объединяются вокруг Партии националистического движения, а сейчас и отколовшейся от нее Хорошей партии. Идеология этих партий сейчас может показаться умеренно националистически-кемалистской, однако исторически она плотно связана с идеями пантюркизма/пантуранизма, фактически и с идеями превосходства турецкой расы, в 1930-е гг. активно поддерживаемыми Нихалем Атсызом и Реха Огузом Тюркканом, фактически интеллектуальными отцами основателя ПНД Альпарслана Тюркеша [Ertekin 2009: 345—387].

Причины и специфика правого националистического подъема в Турции

Следует оговорить те причины, которые заставили современную турецкую власть и турецкий общественный дискурс совершить «правый поворот». Ярче всего перемена курса заметна в изменении отношения к курдскому меньшинству в Турции, составляющему около 19% населения страны⁶. Если в 2000-х гг. правительство Р.Т. Эрдогана впервые в истории Турецкой Республики стало предпринимать попытки интегрировать курдов в государственную систему, признать их существование, было разрешено телевидение на диалекте курманджи курдского языка, поддержано создание Демократической партии народов, первой по-настоящему мощной прокурдской партии в легальном политическом поле Турции, то с середины 2010-х гг. начинаются гонения на курдских политиков: лидер партии Селяхаттин Демирташ попадает в тюрьму, снова начинаются столкновения между турецкими силовыми структурами и Рабочей партией Курдистана (РПК).

⁵ См.: Kadercan B. The Year of the Gray Wolf: The Rise of Turkey's New Ultrationalism // War on the Rocks. July 16, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/07/the-year-of-the-gray-wolf-the-rise-of-turkeys-new-ultrationalism/> (accessed: 17.12.2018).

⁶ Turkey // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html> (accessed: 04.04.2019).

Во многом это было обусловлено войной в соседней Сирии, где курдская Партия демократического единства, турецкими властями называемая всего лишь ответвлением террористической, с их точки зрения, РПК, контролирует обширные территории на севере Сирии [Алиева 2018: 799]. Фактически где-то с середины сирийского конфликта проблема курдской автономии у турецкой границы становится самым важным вопросом конфликта для Турции. Педалирование темы турецкого национализма фактически оказывается противоядием против идеи курдского национального государства. Именно на противостоянии курдам сейчас сосредоточены интеллектуальные и политические усилия турецких правых.

Появление еще одной курдской автономии у границ Турции, к тому же построенной на идеях А. Оджалана, пугает турецких националистов, оказывается для них «вопросом выживания нации» (тур. *beka*), поскольку первоочередной задачей является сохранение целостности государства, главной угрозой которой оказывается курдский сепаратизм. Именно этот вопрос, наряду с тяжелым экономическим положением Турции, пока отвлекает внимание турецких националистов от активной работы с зарубежными тюрками, которая активно проводилась в 1990-х и 2000-х гг.

Усиление националистического дискурса в турецком обществе также совпало с военными операциями «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь», проведенными ВС Турции в Сирии. Армия является краеугольным камнем в построении турецкой национальной идентичности. *Her türk asker doğar* (рус. Каждый турок рождается солдатом) — фраза, которой часто описывают себя турки. Именно так они выделяют себя среди других национальностей. Поэтому во время вышеупомянутых операций как у политических элит, так и у обычных граждан резко обострилось восприятие себя как турок, что привело к упомянутым выше неожиданным успехам националистических партий на выборах в парламент.

Также важно отметить, что в 2016—2017 гг. в речах Реджепа Тайипа Эрдогана начали встречаться и «атаки» на Европейский союз. Вступление в Евросоюз в начале XXI в. было одним из главных приоритетов правительства Партии справедливости и развития. Однако Брюссель, хотя Турция преимущественно выполняла Ко-

пенгагенские критерии, не горел желанием содействовать стране на этом пути, не предоставляя ей, например, дорожную карту с перечислением необходимых шагов для вступления в объединение. И хотя на протяжении первого десятилетия XXI в. показатель одобрения населением вступления страны в ЕС постепенно снижался, ключевой перелом произошел после протестов в стамбульском парке Гези в 2013 г., которые Р.Т. Эрдоган воспринял как инспирированную извне попытку поменять турецкий политический строй.

Протесты были быстро и жестоко подавлены, что вызвало понятное возмущение в Европе и Америке. Следующее обострение произошло после попытки военного переворота 2016 г., когда, пользуясь чрезвычайным положением, правительство Р.Т. Эрдогана ослабило оппозиционную прессу в стране, а многие журналисты, в том числе обладавшие двойным гражданством, были помещены под стражу. Ответ со стороны Евросоюза последовал быстро: Нидерланды и Германия запретили проводить на территории своих стран митинги, посвященные референдуму 2017 г. по изменению турецкой конституции, что вызвало возмущение Р.Т. Эрдогана. В 2018 г. он все больше критиковал Евросоюз, в том числе из-за европейской позиции по курдскому вопросу, и даже собирался объявить референдум по вопросу, стоит ли стране вообще пытаться вступить в ЕС⁷. Таким образом, в случае Турции происходит критический пересмотр отношения к европейским интеграционным процессам.

Для того чтобы открыть еще одну причину правого подъема в Турции, следует погрузиться в электоральную аналитику последних турецких выборов. Самым интересным их итогом стал результат Партии националистического движения Девлета Бахчели. Перед выборами партия прошла через внутренний раскол, от нее отделилась вышеупомянутая Хорошая партия, которая сразу перешла в оппозицию и забрала с собой больше половины избирателей ПНД на прошлых выборах⁸.

⁷ Cumhurbaşkanı Erdoğan AB mesajı: 81 milyona gideriz // Milliyet. 04.10.2018. URL: <http://www.milliyet.com.tr/cumhurbaskani-erdogan-dan-onemli-siyaset-2754452/> (accessed: 13.03.2019).

⁸ См.: Haziran 2018 Seçim Analizi ve Oy Geçişleri // Çilek ağacı. URL: <http://cilekagaci.com/2018/06/30/haziran-2018-secim-analizi-ve-oy-gecisleri/> (accessed: 17.12.2018).

ПНД вступила в неоднозначный с точки зрения ее избирателей альянс с ПСР, не проводила активной агитации — всего три митинга (Самсун, Адана и Анкара — за исключением столицы, эти города сложно обозначить как ключевые), хотя для Турции привычна ситуация, когда партийный лидер объезжает практически всю страну. Даже партийная программа ПНД не обновлялась с 2009 г., хотя обычно партии выпускают новые редакции программ перед каждым выборами. Из-за этого многие поспешили списать партию со счетов и увериться в том, что в парламент она пройдет только благодаря альянсу с ПСР. Это мнение подтверждалось также опросами общественного мнения, большая часть которых указывала на то, что ПНД не наберет 10% на выборах [Yegen, Aydin 2018: 1258—1259]. Однако, к удивлению практически всех экспертов, партия смогла набрать 11,1% голосов избирателей, что позволило бы ей пройти в парламент и в одиночку — в Турции для этого необходимо 10% голосов.

ПНД неожиданно для большинства наблюдателей оказалась самой влиятельной и успешной партией этого электорального цикла. Иностранные наблюдатели даже определяют Д. Бахчели как *kingmaker*'а, человека, который обеспечил Р.Т. Эрдогану успех на этих выборах⁹. Действительно, именно поддержка Р.Т. Эрдогана со стороны ПНД на президентских выборах 2018 г. и невыдвижение на них кандидатуры Д. Бахчели, скорее всего, позволили действующему президенту Турции одержать победу уже в первом туре, поскольку 52,6% нельзя считать значительным перевесом. Только благодаря коалиции с ПНД Партия справедливости и развития сейчас может иметь абсолютное большинство в парламенте. Из других представленных в высшем законодательном органе Турции политических объединений никто правящую партию поддерживать не будет.

Главной причиной, по которой партия Д. Бахчели вновь стала столь популярной, стал поворот Реджепа Тайипа Эрдогана к ультранационалистическому дискурсу в 2015 г. Этот дискурс

⁹ См.: Kingmaker brings ultra-nationalism to Erdogan's Islamist mix // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/bb04bb2e-7b91-11e8-bc55-50daf11b720d> (accessed: 17.12.2018).

помог Р.Т. Эрдогану извлечь дивиденды в краткосрочной и среднесрочной перспективе: он принес ПСР победу на осенних перевыборах 2015 г. и помогал консолидировать общество вокруг президента в связи с сирийским конфликтом. Однако удержать националистические призывы в приемлемых для международного сообщества рамках довольно сложно, со временем толпа начинает хотеть большего, а большее им способны дать только профильные партии, то есть ПНД.

Представители ПНД могут позволить себе более резкие высказывания в адрес курдов: ультранационалисты выступают за разрешение курдского вопроса исключительно силовым путем, для них не является запретным высказывать мнение народа по поводу сирийских беженцев¹⁰, и это мнение преимущественно негативное [Özdemir 2017: 123]. Это приводит к росту популярности националистических лозунгов и заставляет задуматься о сходствах между ситуацией в Европе и в Турции, хотя туркам пришлось принять несравнимо больше людей из Сирии — 3,6 млн¹¹.

Таким образом, заметный переход избирателей от ПСР к ПНД¹² может трактоваться либо как радикализация взглядов прежнего электората Р.Т. Эрдогана, либо как вариант в известной степени протестного голосования, когда избиратели отдают свои голоса партнеру ПСР по коалиции, чтобы выразить свое несогласие с политикой прежде поддерживаемой ими партии.

Заключение

Основные причины правого националистического подъема в Турции оказываются связаны, в первую очередь, с сирийским конфликтом и риторикой Реджепа Тайипа Эрдогана, нацеленной на консолидацию населения вокруг сильного

¹⁰ См.: Bahçeli'den 'Suriyelilere vatandaşlık' tepkisi // Posta. July 16, 2018. URL: <https://www.posta.com.tr/bahceliden-suriyelilere-vatandaslik-tepkisi-351780> (accessed: 17.12.2018).

¹¹ Данные Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (дата обращения: 12.03.2019).

¹² См.: Haziran 2018 Seçim Analizi ve Oy Geçişleri // Çilek ağacı. 30.06.2018. URL: <http://cilekagaci.com/2018/06/30/haziran-2018-secim-analizi-ve-oy-gecisleri/> (accessed: 17.12.2018).

авторитарного лидера во времена политической нестабильности. Во многом его настоящая позиция сложилась под воздействием политической конъюнктуры; прежняя идеологическая платформа Партии справедливости и развития, выразившаяся в политике неоосманства и концепции «Ноль проблем с соседями», была заметно трансформирована президентом Турции, если не изменена полностью по содержанию, при сохранении внешней символики и титулатуры. Однако новая повестка попала на уже готовую воспринять ее базу (национализм всегда занимал особое место в турецком идеологическом поле) и в самое подходящее время — военные операции Турции в Сирии заставили турок сильнее почувствовать себя турками.

Разочарование в идее интеграции в Евросоюз произошло во многом из-за осознания турками нежелания европейцев видеть их частью объединения. Это не критика основ, на которых базируется ЕС, не требование его перестройки в соответствии с новыми установками, как то происходит внутри самого союза. Острые же высказывания Р.Т. Эрдогана в адрес Брюсселя и других европейских держав в 2016—2017 гг. — это мероприятия, нацеленные на повышение собственной популярности внутри страны.

Миграционный кризис тоже повлиял на настроения турецкого общества, однако ни одна из внутривнутриполитических сил, даже ПНД, не способна разыгрывать этот «козырь» так, как это делается в Европе по целому ряду причин.

Прежде всего, это первый для современной турецкой нации опыт проживания на одной территории с крупным нетурецким исламским сообществом

(курды остаются за скобками, поскольку им долго отказывали в отличной от турецкой идентичности). Опыт проживания с «чужим» дает лучшее представление о себе, а турки признают сирийцев именно чужими, объединения на основе исламской или османской идеи не происходит [Рыженков 2017: 90—91]. В дальнейшем подобный опыт может повлиять на поведение турецких политиков на международной арене и сместить фокус их концентрации на иные, по их мнению, более цивилизационно близкие сообщества.

Таким образом, Турция оказывается вовлеченной в общемировые и европейские тенденции в рамках «правого поворота», но причины успеха националистических идей среди турок отличны от европейских и базируются большей частью на внутренней и ближневосточной повестке. Важно отметить, что в отличие от Европы в Турции не отмечается появление несистемных партий и политиков, которые и осуществляют этот «правый поворот», он происходит внутри самой системы.

Для России «правый поворот» Турции, с одной стороны, демонстрирует ее отход от сугубо прозападной политики и переход на туркоцентризм, с другой — представляет опасность с точки зрения роста религиозного сознания, потенциального усиления пантюркистских идей, которые затрагивают и поле российских интересов. Очевидно, что «поправление» политического процесса в Турецкой Республике является закономерным этапом ее развития, однако несет много рисков с точки зрения мирового и регионального политического баланса.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Аватков В.А. Неоосманство. Базовая идеология и геостратегия Турции // *Свободная мысль*. 2014. № 3. С. 71—78.
- Аватков В.А., Каширина Т.В. Тенденции развития современных международных отношений // *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2017. № 11 (334). С. 5—15.
- Алиева А.И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805
- Внешинополитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.)* / под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблиц», 2015.
- Гришель А.М. Национальный фронт и проблема иммиграции во Франции // *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2015. № 15 (1). С. 44—51.

- Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. С. 48—61.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002—2012 гг.) // Научно-аналитический журнал *Обозреватель* — *Observer*. 2013. № 6 (281). С. 73—88.
- Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988.
- Лукьянов Ф.Е. Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3 С. 12—39.
- Майорова О.Н. Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г. // Славянский Альманах. 2016. № 1—2. С. 147—163.
- Мальшева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46—58.
- Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 1. С. 141—157.
- Мрозек А., Следзиньска-Симон А. Легитимность конституционных судов и принцип верховенства права: сравнительный взгляд на польский конституционный кризис // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 64—79.
- Надеин-Раевский В.А. Идеинная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 22—31.
- Найгебавер Н.С. Конструирование этноцентризма в деятельности политической партии Йоббик (Венгрия) // Общество и этнополитика. Материалы Девятой и Десятой Международной научно-практической интернет-конференции / под науч. ред. Л.В. Савинова. М.: РАНХиГС, Сиб. ин-т упр., 2018. С. 186—191.
- Рыженков А.С. Сирийские мигранты в современной Турции: особенности сообщества и его социокультурной адаптации // Сборник статей Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова / под ред. В.А. Аваткова. М., 2017. С. 87—93.
- Степанов Г.В. «Альтернатива для Германии» — альтернатива для разочаровавшихся избирателей? // Материалы международного научного семинара «Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: История и современность». Череповец, 2013. С. 229—235.
- Швейцер В.Я. Австрийская партия свободы: путь во власть // Современная Европа. 2018. № 2. С. 105—114.
- Ягудин Б.М. Кемализм и формирование политико-идеологических основ «Третьей республики» в Турции // Нации и национализм на мусульманском востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 257—264.
- Charnysh V. The Rise of Poland's Far Right // *Foreign Affairs*. December 18, 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2017-12-18/rise-polands-far-right> (accessed: 12.12.2018).
- Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları // *Modern Türkiye'de Siyasi Düşence*. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul, 2009. P. 345—387.
- Özdemir E. Suriyeli Mültecilerin Türkiye'deki Algıları // *Savunma Bilimleri Dergisi*. 2017. C. 16. № 1. S. 116—136. DOI: 10.17134/khosbd.405253
- Yegen C., Aydın B.O. Kamuoyu Oluşumu Ve Seçimler: 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Ve 27. Dönem Milletvekili Genel Seçimi Üzerine Bir Ağ Analizi // *Gümüşhane Üniversitesi İletişim Fakültesi Elektronik Dergisi*. 2018. № 2. P. 1248—1276. DOI: 10.19145/e-gifder.429113

References

- Alieva, A.I. (2018). “Syrian Issue” in Turkish—US Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805 (In Russian).
- Avatkov, V.A. & Kashirina, T.V. (2017). International Relations' Trends. *Scientific-analytical journal “Обозреватель—Observer”*, 11 (334), 5—15. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2014). Neoosmanism. Basic Ideology and Geostrategy of the Contemporary Turkey. *Svobodnaya mysl'*, 3, 71—78. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (Eds.). (2015). *Foreign-Policy Discourse of Leading Turkish Political Actors (2010 — summer 2015)*. Moscow: Pablis publ. (In Russian).
- Charnysh, V. (2017). The Rise of Poland's Far Right. *Foreign Affairs*, December 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2017-12-18/rise-polands-far-right> (accessed: 12.12.2018).
- Druzhilovskiy, S.B. & Avatkov, V.A. (2013). Turkish Foreign Policy Ideologems: 2002—2012. *Scientific-analytical journal “Обозреватель—Observer”*, 6 (281), 73—88. (In Russian).
- Druzhilovskiy, S.B. (2005). Turkey: Habit to Rule. *Russia in Global Politics*, 3, 6, 48—61. (In Russian).
- Ertekin, O. (2009). Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları. *Modern Türkiye'de Siyasi Düşence*. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul. P. 345—387. (In Turkish).
- Grishel, A.M. (2015). National Rally and Immigration Problem in France. *Scientific works of Republican Institute of High School*, 15 (1), 44—51. (In Russian).

- Levin, Z.I. (1988). *Islam and a Nationalism in Middle Eastern Countries*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Lukyanov, F.E. (2017). Viktor Orban: from Ultraliberalism to Euroscepticism. Evolution of Political Leader. *Europe's Contemporary Issues*, 3, 12—39. (In Russian).
- Malysheva, D.B. (2017). Central Asian States in International Relations with Turkey and Iran. *Russia and New Eurasian States*, 3 (36), 46—58. (In Russian).
- Maslova, E.A. (2017). Euroscepticism and Populism in Italy: Five Star Movement's case. *Global Transformations' Outlines: Politics, Economics, Law*, 10 (1), 141—157. (In Russian).
- Mayorova, O.N. (2016). The Right Turn in Poland. Presidential and Parliamentary Elections in 2015. *Slavic Almanac*, 1—2, 147—163. (In Russian).
- Mrozek, A. & Sledzinska-Simon, A. (2017). On the Legitimacy of Constitutional Courts and the Rule of Law in a Comparative View on the Polish Constitutional Crisis. *The Comparative Constitutional Review*, 1, 64—79. (In Russian).
- Nadein-Raevskiy, V.A. (2016). The Struggle of Ideas and “The New Turkey”. *Vestnik MGIMO University*, 2 (47), 22—31. (In Russian).
- Neigebaver, N.S. (2018). Designing of ethnocentrism in hungarian Jobbik party activities. In: Savinova, L.V. (Eds). *Society and Ethnopolitics*. Materials of 9th and 10th International academic and research Internet conference. Moscow: RANEPА publ. P. 186—191. (In Russian).
- Özdemir, E. (2017). Suriyeli Mültecilerin Türkiye'deki Algıları. *Savunma Bilimleri Dergisi*, 16 (1), 116—136. DOI: 10.17134/khosbd.405253 (In Turkish).
- Ryzhenkov, A.S. (2017). Syrian Immigrants in Modern Turkey: Specifics of the Community and its Sociocultural Adaptation. In: Avatkov, V.A. (Eds). *Works of the first International Competition of Students' Scientific and Analytical Papers on the Middle East named after E.M. Primakov*. Moscow. P. 87—93. (in Russian).
- Shweizer, V.Y. (2018). Freedom Party of Austria: Way to Power. *Contemporary Europe*, 2, 105—114. (In Russian).
- Stepanov, G.W. (2013). “Alternative for Germany” — Alternative for Disappointed Voters? In: *Conservative, social and liberal trends in political evolution of Germany and Russia: The Past and the Present*. International academic seminar's materials. Cherepovets. P. 229—235. (In Russian).
- Yagudin, B.M. (2015). Kemalism and Shaping of the Political and Ideological Basis of the “Third Republic” in Turkey. In: *Nations and Nationalism in the Muslim East*. Moscow: IV RAN publ. P. 257—264. (In Russian).
- Yegen, C. & Aydın, B.O. (2018). Kamuoyu Oluşumu Ve Seçimler: 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanı Seçimi Ve 27. Dönem Milletvekili Genel Seçimi Üzerine Bir Ağ Analizi. *Gümüşhane Üniversitesi İletişim Fakültesi Elektronik Dergisi*, 2, 1248—1276. DOI: 10.19145/e-gifder.429113 (In Turkish).

Сведения об авторах: *Аватков Владимир Алексеевич* — кандидат политических наук; старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН; доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации; профессор кафедры прикладной политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: vladimir.avatkov@gmail.com).

Рыженков Андрей Сергеевич — младший научный сотрудник Центра востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии.

About the authors: *Avatkov Vladimir Alekseevich* — PhD in Politics; Senior Scientific Associate, Center for Post-Soviet Studies, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science; Associate Professor, the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Professor, Department of Applied Political Science, State Academic University of Humanities (e-mail: vladimir.avatkov@gmail.com).

Ryzhenkov Andrej Sergeevich — Junior Researcher, Center of Oriental Studies, International Relations and Public Diplomacy.

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614

Research article

An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia

G.K. Antiegn

Bahir Dar University, Bahir Dar, Ethiopia

Научная статья

Оценка религиозной ситуации, мира и конфликта в Эфиопии после 1991 г.

Г.К. Антиегн

Университет Бахр-Дара, Бахр-Дар, Эфиопия

Abstract. Religious violence has become increasingly relevant in political and academic discourses. Because of the revival of religions, the contemporary world cannot be understood without accounting for the role of religion and religious organizations in peace and conflict, including the case of Ethiopia. The purpose of this article is to examine the role of religion in peace and conflict in the post 1991 of Ethiopia. Methodologically, the paper employed qualitative research approach by relying on secondary sources of data. The findings of the research revealed that Ethiopia has many positive assets that have to be exploited fully and critically including the role of the Inter-Religious Council. The religious policies of the present Ethiopian government are remarkably different from any of the previous ones with regard to the measure of religious freedom they provide. Paradoxically, one may wonder why is it at this time, where religious freedom and equality of religion are guaranteed, we are witnessing increased tensions and violent religious conflicts in contemporary Ethiopia. Inter-religious relations in Ethiopia have been peaceful and tolerant for long period. However, the rise of inter-religious conflicts in recent decades is taking place. Generally, in contemporary Ethiopia religion is used both as an instrument for producing conflict in certain circumstances and as a powerful resource for peace and transformation of conflict in the society. On the whole, identifying the role of religion in conflict is a very complex task to accomplish, as there are multiple variables to be well-thought-out.

Key words: religion, conflict, peace, violence, inter-religious relations, Ethiopia

For citation: Antiegn, G.K. (2019). An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 607—614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614

Проблематика религиозного насилия становится все более актуальной в политических и академических дискуссиях. Из-за возрождения религиозного фактора современные международные реалии невозможно понять без учета роли религии и религиозных организаций в поддержании мира и урегулировании конфликтов, как, например, в случае с Эфиопией. Целью данной статьи является изучение роли религии в обеспечении мира и урегулирования конфликтов в Эфиопии после 1991 г. Методологически в работе используются качественные методы исследования с опорой на вторичные источники данных. Результаты исследования выявили множество самых разных положительных факторов, качеств и инструментов, которые необходимо использовать в полной мере, но при этом критически, включая роль Межрелигиозного совета. Религиозная политика нынешнего эфиопского правительства заметно отличается от предыдущих в том, что касается объема предоставляемых религиозных свобод. Парадоксально, но в современной Эфиопии при нынешнем гарантировании религиозной свободы и равенства религий происходит заметный рост напряженности и увеличение насильственных религиозных конфликтов. Межрелигиозные отношения в Эфиопии были мирными и отличались терпимостью в течение длительного периода. Однако в последние десятилетия ситуация изменилась из-за роста межрелигиозных конфликтов. В современной Эфиопии религия используется и как инструмент провоцирования конфликтности в определенных условиях, и как мощный ресурс для установления мира и трансформации конфликтов в обществе. В целом определение роли религии в конфликтах является очень сложной задачей, так как необходимо продумывать и учитывать множество переменных.

Ключевые слова: религия, конфликт, мир, насилие, межрелигиозные отношения, Эфиопия

© Antiegn G.K., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Antigegn G.K. An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 607—614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614*

Introduction

In recent years, the issue of religious violence has become increasingly relevant in political and academic discourses [Abbink 1998: 110; 2014: 348; Svensson 2008: 5]. Along similar lines, Tarekegn [2002: 3] has argued against the modernist predictions about the weakening role of religion, the contemporary world has witnessed the revival of religions. Hence, the contemporary world cannot be understood without accounting for the role of religion and religious organizations in peace and conflict. Furthermore, Reychler [1997: 20] has also claimed that in the contemporary world, most of the violent conflicts contain religious elements.

In Africa in general and in the Horn of Africa in particular, religious identities have returned as vigorous constituent elements in communal and political discourse. Thus, a gradual process of people reverting to religion as a frame of reference and often as a direct ideology for political action has become quite evident since [Abbink 2011: 254].

The long history of Ethiopia's robust religious pluralism and peaceful co-existence has been noted by various scholars. According to Levine [1974] for example, Ethiopia is often labeled as a model of religious tolerance despite occasional persecutions of followers of other religions than the Ethiopian Orthodox Church (EOC) which had occupied a privileged status as a state religion up until the 1974 revolution. Nevertheless, irrespective of the constitutionally guaranteed religious freedom and equality of religion, in recent times, we are witnessing increased inter-religious tensions and violent conflicts.

As it is argued by many scholars, religion is most probably a category too broad for meaningful analysis. In an attempt to identify factors that can explain the role of religion¹ in peace making and conflict in the post 1991 Ethiopia, one must acknowledge the fact that peace and conflict are the result of a complex interplay of multiple variables. Hence, religious

factors are embedded in a complex and dynamic setting of other political, social, economic and cultural conditions.

In this respect, Tarekegn stated that “although religions officially advocate peace and reconciliation, there are persistent and widespread allegations that established religions are involved in violent conflicts. The problem is very complex to unravel, as there is a lot of coupling of religion with society's other structures and interests — political, economic, identity, cultural” [Tarekegn 2002: 3].

Accordingly, the general objective of this paper is to examine and analyze the role of religion in conflict and peace in the post 1991 of Ethiopia. In doing so, the paper mainly attempts to understand the nature of inter-religious relationship and seeks to find out how religions and religious institutions can contribute to peace-building efforts in Ethiopia. Methodologically, the paper is both descriptive and interpretative. It does not try to provide an extensive account of the issue at hand, rather it is a desk research that reviews authoritative works in order to understand and analyze the role of religion in conflict and peace in the post 1991 Ethiopia. Relevant publications were identified and reviewed by consulting secondary resources, including books and journal articles.

Debates on the Role of Religion in Peace and Conflict

Today, the relationship between religion, conflict and peace becomes an increasingly important area of debates and discussions among scholars and practitioners. Accordingly, there are three basic theoretical assumptions. The first represents the reductionist view; religions are used as an instrument for achieving some other purposes. As such, religious dimensions can always be reduced to real social tensions, rooted in divergent economic interests or social power structures [Svensson 2008: 7]. Thus, most of the violent conflicts are not necessarily religious, but have other causes in economic and political grievances of various communities [Kubai, Tarekegn 2008: 18; Muhabie 2015: 30]. In this respect, religion is exploited or instrumentalized for some political, economic and other purposes. Furthermore, Niels (see: [Kubai, Tarekegn 2008: 18]) has also ar-

¹ The term religion implies a vast area and, therefore, for the purpose of this paper we will confine ourselves to institutionalized religions commonly known as classical religions. Even in the field of classical religions, our focus will be on Christianity and Islam.

gued that there is a direct link between people's access to state power and the political significance of religion, that is, the more access to state power means the less political importance of religion and the vice-versa. Hence, from the reductionist perspective, a proper analysis would reveal the real economic and social issues that lie underneath religious issues [Svensson 2008: 7].

In contrast to the reductionist perspective, the second perspective, the essentialist position suggests that religion in different forms is an essential and a real part of the dynamics of armed conflicts. The essentialist position would see the religious sentiments, identities and cleavages beneath economic and political tensions. According to this perspective religious beliefs are fixed and represent an important unit of analysis. Accordingly, any analysis of conflicts should, therefore, focus on the religious aspects [Svensson 2008: 7]. In this regard, religion is taken as the driving force of conflict.

The third perspective is conditionalistic. According to Svensson [2008: 7] religious issue could play a role in the dynamics of armed conflict under specific conditions. It does not assume that religious aspects are either irrelevant or the core explanatory factors behind the dynamics of armed conflict. Thus, it does not disregard, nor does it exaggerate, religious dynamics when analyzing armed conflicts.

Moreover, scholars have also spoken about “hard” and “soft” sides of the religions [Tarekegn 2002: 7]. For example, Galtung (see: [Kubai, Tarekegn 2008: 18]) considers religion as a reality, which is dualistic in nature and thus composed of both — the hard and soft sides. Similarly, Boulding [1986] has argued that “most religions have two distinctly contrasting cultures: the holy war and the peaceable kingdom”.

Political Conditions for Religion in Contemporary Ethiopia

The religious policies of the present Ethiopian government are remarkably different from any of the previous ones with regard to the measure of religious freedom they provide. The government introduced policies aimed at recognizing the country's long-standing religious diversity, providing a public arena for religious groups, and maintaining a sharp division between religion and the state [Haustein, Østebo 2011: 755]. The 1995 Federal

Democratic Republic of Ethiopia's constitution provides religious rights. In this regard, Article 11 marks a clear separation of religion and state, rules out a state religion and provides the assurance of no government interference in religious matters and vice versa. While, Article 27 warrants, freedom of religion, belief and opinion, which includes the right of believers to “establish institutions of religious education and administration in order to propagate and organize their religion”. The constitution also opens up the possibility for the recognition of religious marriage ceremonies and of religious courts relating to personal and family issues (Articles 34, 78).

Furthermore, the new policies introduced by EPDRF in 1991 also ended the restrictions on Hajj and on import of religious literature, allowed the construction of mosques and enabled the creation of Islamic organizations, newspapers and magazines [Ahmed 1994: 791; 2006: 12]. In contrast to the previous governments, the EPDRF has sought to accommodate the role of religions in Ethiopian society. It has provided more space for the country's religions, separate from the state and politics, and constitutionally enshrined religious equality and freedom of consciousness.

In addition, organized religious entities cannot be simultaneously eligible to operate as political groupings. Most importantly, the Ethiopian political space does not seem to accommodate faith based parties with clear religious programs. This situation avoids the possibility of stronger connection between religious organizations and political actors and diminishes the possibility of the politicization of religious issues. Paradoxically, one may wonder why is it at this time, where religious freedom and equality of religion are guaranteed, we are witnessing increased tensions and violent conflicts.

Christian-Muslim Relations in Contemporary Ethiopia

Historically, Christians and Muslims relations in Ethiopia have repeatedly been celebrated as peaceful and tolerant. The culture of religious tolerance is deeply rooted in the Ethiopian socio-cultural fabric. Hence, people are friendly to their fellow citizens, regardless of religious differences. Religious public holidays are warmly celebrated at national level. On religious occasions, the adherents of one religion show best wishes for the others. Neighbors

spend the day together in a festive mood. They mix much with their neighbors; people are well known for firmly stand together during good and bad times, irrespective of their religious or other social backgrounds.

Of course, this is not the only defining feature of the relations between the Christian and Muslim societies in Ethiopia. As can be gathered from historical records, there have been some setbacks and incidents that slightly tarnished such exemplary relationship, though, by and large they may be attributed to the reigning rulers who had fought for power and economic reasons. Indeed, one cannot also deny the fact that Orthodox Christianity as the traditional official State religion of the past imperial regimes; it had advantages over other faiths.

However, contrary to this tradition, in recent decades, we are witnessing the hardest of inter-religious boundaries and the rise of violent interfaith conflicts in different parts of the country. Along similar lines, Abbink [2011: 261] has argued that “in Ethiopia, as in other parts of Africa, relations between Christians and Muslims show a new dynamic under the impact of both state policies and global connections”. Thus, religious identities are becoming more dominant as people’s primary public identity.

Numerous whys and wherefores are identified for the worsened inter-religious relations in the contemporary Ethiopia. In this respect, Haustein and Østebo [2011: 767] have stated that tensions between Christians and Muslims have often revolved around the construction of mosques and churches. Moreover, controversies over the celebrations of religious holidays have often been sparked by spatial proximity, like that of Kemissie where a procession of Christians celebrating Epiphany came too close to the Muslims preparing for prayer at the town’s mosque, resulting in skirmishes with casualties on both sides [Haustein, Østebo 2011: 767].

The inter-religious conflict and the high degree of violence that occurred around Jimma and in Beghi (Wollega) in 2006 and in 2010 came as a surprise to many. The conflict erupted in connection with the celebration of Timket in a village outside of Jimma, and gradually spread to the Beghi area. It resulted in casualties on both sides, churches were burned, and unconfirmed reports tell of Christians being forced to convert to Islam [Haustein, Østebo 2011: 767].

Abbink [2011: 254; 2014: 348] on the other hand, recognizes the nature of religious polemics as the main sources of the problem. According to him, religious polemics in Ethiopia have expressed discursive battles about religious ‘truths’, communal identities, and power claims that take on a ‘primordialist’ character and sharpen the boundaries between faith communities and thereby between citizens. The emerging trend of intolerance between followers of different religions can be explained in terms of polemics. In the name of comparative religion some preachers unfairly criticize other religions’ doctrines and deeply held values. Hence, the effects of polemical exchanges in this sense are a redrawing of boundaries, discursive over-confidence if not recklessness, decline of dialogue and toleration, and deep rivalry, extending into the social and even demographic sphere [Abbink 2011: 254; 2014: 348; Endalew 2014].

Along similar lines, Haustein and Østebo [2011: 757] have also argued that the increased religious activism and fragile inter-religious relations have spurred Protestants, Orthodox and Muslims create their own, and largely competing narratives on the meaning of Ethiopia. Drawing upon Ethiopian historiography in a highly selective manner, each of these narratives has generated particular perceptions of the “other” and politics in general.

From the viewpoint of the government, the rise of religious conflicts in post 1991 Ethiopia is explained as the use of religion as a cover by ‘bankrupt’ politicians, especially since the contested May 2005 national election. Here, the underlying causes of the inter-religious conflict are presented as non-religious. This position of the government is expressed by the following speech of the late Prime Minister, Meles Zenawi: “There are destructive forces on both sides that operate under the cover of religion. Among Christians, particularly some followers of the Orthodox Church, there are attempts to interpret Ethiopian history only from a Christian perspective; a perspective which has generated the slogan of ‘Ethiopia is an Island of Christianity’. This position is exclusive and is anathema of religious equality. This is in fact a sick perspective. Similarly, among Muslim circles, there are even forces who want to destroy by force the homegrown Islam [Sufism]” (see: [Ahmed 1994: 791]).

Accordingly, religion is not considered as the essential cause of the inter-religious conflicts in Ethi-

opia. Rather, both the Islamist and Christian extremist groups are regarded as deliberately misinterpreting Ethiopia's current socio-political landscape. Thus, the extremist groups are considered by and large products of 'defeated politics' or 'bankrupt politicians' who use religion as a 'mask' for legitimacy. All in all, in order to achieve some other purposes, extremist people use whatever possible means at their disposal to foment hatred, instigate violence wrapping themselves in the flag of religion.

However, researchers like Østebø [2007: 11] have argued that Islamic religious reform movements in Ethiopia are less inclined to struggle for the inclusion of Islam in politics than assumed. He further stated that "the rhetoric of a political nature is overtly absent among the Salafis in Ethiopia. Rather than politics, the Salafis are focusing on the religious sphere; encouraging a strict adherence to the principle of Tawhid and avoidance of Sufism and indigenous elements within Islam. Although ideologically linked to the Salafi doctrines underscoring the sharia's as the only legitimate law, the Salafis do not advocate a similar system for Ethiopia. Recognizing the religious plurality of Ethiopia, the prevailing view among Ethiopian Salafis is that religious freedom for all could only be secured under a secular government. Although an expansion of the sharia's-court's jurisdiction would be welcomed by most Salafis, and where more radical elements even would include corporal punishments, the Salafis at large realize that the infusion of the sharia's into the governing system would be impossible in Ethiopia" [Østebø 2007: 11].

Yet, such explanations have failed to consider the reality on the ground in which some radicals are claiming the notion of exclusiveness. For example, the violent clashes erupted in Jimma and Beghi in the fall of 1996 was apparently initiated by elements within the Salafi movement, and it is generally assumed that radical segments of the movement have been fuelling other conflicts as well [Abbink 2011: 254; Dereje 2012: 1895]. Furthermore, the resurgence of the Takfir Wal-Hijra² in Jimma around 2005

² Takfir wal-Hijrah first emerged in Egypt in 1977, where its leader, Shukri Mustafa advocated a radical interpretation of Islam, defying any Muslim except his own followers as kafirs. With the appearance of the Takfir wal-Hijrah group in 1994—1995, it seemed that the Salafi-movement would move in a new direction. Introduced by a certain Sheikh Mohammed Amin returning from exile in Sudan 1992, the

pointed to a politicization of Islam. Taking an exclusivist position towards both Salafi and Non-Salafi Muslims, the group has moreover assumed a radical position toward the Ethiopian state, seen among others by their refusal to hold identity cards and to pay taxes. When this was stated publicly in 2009, the government sends the army, leading to violent clashes with the Takfiris and to the imprisonment of allegedly over 1,500 men and women [Haustein, Østebø 2011: 765]. In such circumstances, religion is used to energize a struggle for some other purposes. Yet, the causes of conflicts are often presented as religious, even when the underlying causes are non-religious.

On the other hand, explaining every conflict in terms of a reductionist perspective may involve bias. In this regard, allocations of plots for churches and mosques have produced protests from Muslims and Christians respectively, in some cases leading to clashes between the two communities. For example, since 1992, there have been controversies in the ancient town of Axum over the Muslims' request for permission to construct a mosque there [Østebø 2007: 11; Magesa 2007]. Similar example is also seen in Gondar and Dessie in which there has been a clash between Orthodox Christians and Muslims over land.

There are also critics against the government for not fully succeeded in keeping religions and politics apart. Here, most of the critics against the Ethiopian government commonly condemned the government for supporting Al-Ahbash³ and violating the constitutionally nailed 'separation of state and

movement grew strong in the northern town of Gondar in the years 1994—1997 — before it spread to Addis Ababa, gaining foothold in the mosque in Terro, a northern suburb of the city. The Takfir was soon able to attract quite a number of followers among the young generation, and for a period the issue of Takfir was on everybody's lips. Distancing themselves from the Christians, they also severed their connections to other Muslims, refusing to pray with them. In accordance with the principles of Takfir in general; the criticism of shirk among fellow Muslims, who subsequently are labeled as non-believers (kafirs), the Takfir even refuted other Salafis askafirs, including the leading Salafi ulama of Addis Ababa (see: [Østebø 2007: 7]).

³ Labeling the Salafis and Islamists as deviators from Islam, al-Ahbash views itself as the leading force for moderation (al-i'tidal), advocating religious plurality, stability, and political passivity. It has positive attitudes toward the West; recommending its members to study Western learning and science, which in turn would enable them to "civilize" Islamic society (see: [Østebø 2013: 1045]).

religion and the right to religious freedoms'. Thus, the government is too condemned for using religion as an instrument for political interests. In this respect Østebø indicated that "the EPRDF-regime has consequently taken a more proactive role with regard to religion. It has actively engaged in intra-religious debates, and a highly interesting aspect is how it deliberately has sought to produce its own conceptualization of Ethiopian Islam. The regime's emerging view of Islam is being clearly conceptualized in the Amharic term "nebaru Islimina". Repeatedly reiterated by Prime Minister Meles Zenawi, the term refers to a home-grown, native, or a traditional form of Ethiopian Islam, viewed as pragmatic, flexible, and apolitical, which is currently under attack by the foreign and intolerant Salafis" [Østebø 2013: 1045].

Moreover, the emergence and growth of Islamic reform movements in Ethiopia have also led to increased intra-religious tensions. The one receiving the most attention is the Salafi movement, ideologically and financially affiliated to Saudi Arabia. The Salafis have been the most ardent critics of traditional Islamic practices in Ethiopia. The movement has fiercely attacked what they regard as the inclusion of indigenous elements and Sufi interpretations of Islam⁴.

The second main reform-movement is the Jama'at al-Tabligh⁵. The third movement of the reform is emerging in the early 1990s, which can be labeled as the Intellectualist movement. In contrast

⁴ Particularly the pilgrimages to various shrines and celebrations of Mawlid are the majors. These practices, as well as Sufism in general — the main antagonism to Salafism, has been refuted as shirk; as deviations from the true faith. Moreover, the Salafis have agitated for a stricter observance of Islam, with the inclusion of various aspects of the Sunna as compulsory (wajib), notably the growing of beard, the wearing of trousers above the ankles (isbal) and females covering their faces (niqab). The Salafi-movement in Ethiopia has in general subscribed to the mainstream Salafi doctrines of Saudi Arabia (see: [Østebø 2007: 4]).

⁵ Their activities were facilitated by a certain Sheikh Musa, resulting in the expansion of the movement among the Gurage community in Addis Ababa. In accordance with the movement's general principles, the Tablighin Ethiopia has sought to enhance the Muslims' commitment to Islam, by calling them to attend the prayers in the mosque, to observe the fasting and to uphold the six main principles of Tabligh. The Tabligh has moreover not voiced much criticism towards 'traditional' Islamic practices; rather they are allowed to continue within the movement [Østebø 2007: 4].

to the two other movements, the Intellectualist movement has repeatedly emphasized Islam as a resource for man's life in the temporal and the secular world⁶.

On the other hand, Erlich [2010; Kabha, Erlich 2006] describes that "today, in Ethiopia two varieties of Islam is prevalent. Ethiopian or African Islam, a flexible brand of Islam with a popular set of beliefs, traditions, and customs with the acceptance of Ethiopia and its legitimacy as a land led by a Christian establishment. The second brand of Islam is the fundamentalist and political militant brand which is inspired by and imported from the Middle East. This brand of Islam calls for a boycott of Christian-led Ethiopia and to win Ethiopia for Islam. It is this brand of Islam that was at the forefront in the recent confrontations (2012) between the state and followers of Islam.

According to Abbink [2011: 255] also the 'revivalists' or 'reformists' within the Muslim community rant against the mainstream, Sufist-oriented Islam in Ethiopia, thereby advocating a purist and dogmatic form of Islam tending toward hegemonism and intolerance of others. They are challenging not only the traditional, more Sufist-oriented, Muslim faith and Christianity, but also the secular state.

The Role of Religion in Building Peace in the Contemporary Ethiopia

There is no doubt that religion has continued to play an increasing role in the dynamics of conflicts in Ethiopia. Religion can evoke deep sensitivities and profound historical memories. Combined with political, tribal, regional identities, religious identities can evoke deep divisions, hatreds and enmities that are, in most cases, passed down through generations. Yet, religion can also provide a powerful resource for peace and transformation of conflict in society [Kubai, Tarekegn 2008: 15; Karbo 2013: 45].

Researchers advocating the use of religion as a peace tool are an increasingly important response to the prominent use of religious differences as a basis for waging disruptive conflict and war. In this regard,

⁶ Islam is perceived as a comprehensive religion, being relevant for all aspects of life, and where the Muslim is thus expected to be active in various sectors of societal and political life. The believer should participate in the capacity of being a member of society, where his or her conduct is to be guided by Islam, and whereby the society will be influenced by the Islamic virtues [Østebø 2007: 4].

Appleby [1999] asserted that the ability of religion to inspire violence is intimately related to its equally impressive power as a force for peace. Appleby [1999: 226] draws attention to the number of social and religious locations available to religious peace activists. They include a strong institutional base in a major religion that reaches across many states, a high office in a single state, local offices and those involved in indigenous traditions. In line with this argument Reychler [1997: 20] indicated that in an effort to understand what religions or religious organizations could do to promote a constructive conflict dynamic one could start by investigating systematically which positive or negative roles they play now. According to Reychler's view, religious organizations have a major impact on inter-communal and international conflicts. Furthermore, Reychler [1997: 30; Karbo 2013: 45] perceives that the primary resources offered by religious peace activists to be moral legitimacy, neutrality, ability to advance other's political standing, and ability to reach the world public opinion.

In spite of the increasing presence of inter-religious conflicts in Ethiopia, there are solid grounds that constitute the base for religious co-existence in Ethiopia. For example, the long-standing religious plurality and the tradition of relatively peaceful co-existence in Ethiopia have undoubtedly been contributed in preventing escalation of inter-religious conflicts. The pattern of shared commonality on the grass-root level, a degree of mutual respect and even, in some areas, transgressions of religious boundaries, in the form of cross-religious marriages and even conversions, have served as important resources in preventing conflicts. Moreover, despite the recent extremist discourse in terms of the religious or theological ideas, the mainstream religions in Ethiopia preach love, peace, tolerance and forgiveness and reject violence.

Furthermore, in the Ethiopian context, there is no religious institution that endorses or opposes candidates for election to public office. Such absence of religious involvement in political campaigns and the higher deference in the political sphere contributes to the creation of peaceful and non-polarized religious landscape. Likewise, religious institutions in Ethiopia can also promote the values of tolerance and living in harmony with others. In this regard,

the Inter-Religious Council⁷ of Ethiopia (IRCE) is the leading agency responsible for bringing together, in a collective manner, all faiths and religions to address issues of social exclusion and development in the country. In this regard, Karbo [2013: 50] argues that the establishment of the Inter-religious Dialogue — Ethiopia⁸ by the IRCE is the most progressive development in which interpersonal relationships among the various leaders of member faiths will with develop thorough learning about the cultural, ideological and religious views of each faith.

Conclusion

The study has examined the role of religion in peace and conflict in the post 1991 Ethiopia. Religious relations in contemporary Ethiopia cannot be understood without accounting for the role of religion and religious organizations in peace and conflict; this is because of the revival of religions. Religion becomes one of the debatable issues among scholars and practitioners on its role in peace and conflict. In doing so, three perspectives on the subject under investigation are identified. Accordingly, the reductionist perspective considers religions as an instrument for achieving some other purposes. In contrast to the reductionist perspective, the essentialist position suggests that religious identities are fixed, and represents an important unit of analysis. The other perspective, conditionalistic view, does not assume religious aspects either as irrelevant or the core explanatory factors.

Furthermore the study has examined the current political conditions for religion in Ethiopia. In this respect, the religious policies of the present Ethiopian government are remarkably different from any of the previous ones with regard to the measure of religious freedom they provide. Paradoxically, one may wonder why is it at this time, where religious freedom

⁷ Members of the IRCE include the Ethiopian Orthodox Tewahedo Church, the Ethiopian Catholic Church, the Ethiopian Adventist Church, Evangelical Churches Fellowship of Ethiopia, The Ethiopian Evangelical Church Mekane Yesus (EECMY) and the Supreme Council of Islamic Affairs in Ethiopia.

⁸ The basis of the IRD-E is focused on three main aspects of religious convictions shared by all members of the group. These include: i) The unity of the human race; ii) The fact of religious pluralism; and, iii) The Ethiopian situation (see: [Karbo 2013: 50]).

and equality of religion are guaranteed, we are witnessing increased tensions and violent religious conflicts.

Historically inter-religious relation in Ethiopia is peaceful and tolerant. However, we have correspondingly realized the rise of inter-religious conflicts in recent decades. In this regard, the existing numerous whys and wherefores concerning the worsened inter-religious relations are critically examined in the

study. With regard to this, one can safely argue that in certain circumstances religion is used as an instrument but not in all. In addition, religion can provide a powerful resource for peace and transformation of conflict in society. As regards the potential source of religious peace, Ethiopia has many positive assets that have to be exploited fully and critically including the role of the Inter-Religious Council of Ethiopia.

Received / Поступила в редакцию: 12.07.2019
Accepted / Принята к публикации: 24.09.2019

References / Библиографический список

- Abbink, J. (1998). A Historical-Anthropological Approach to Islam in Ethiopia: Issues of Identity and Politics. *Journal of African Cultural Studies*, 11 (2), 109—124.
- Abbink, J. (2011). Religion in Public Spaces: Emerging Muslim—Christian Polemics in Ethiopia. *African Affairs*, 110 (439), 253—274.
- Abbink, J. (2014). Religious Freedom and the Political Order: The Ethiopian ‘Secular State’ and the Containment of Muslim Identity Politics. *Journal of Eastern African Studies*, 8 (3), 346—365.
- Ahmed, H. (1994). Islam and Islamic Discourse in Ethiopia (1973—1993). In: Marcus, H.G. (Eds.). *New Trends in Ethiopian Studies*. Vol. 1. Lawrenceville, N.J.: Red Sea Press. P. 775—801.
- Ahmed, H. (2006). Coexistence and/or Confrontation? Towards A Reappraisal of Christian-Muslim Encounter in Contemporary Ethiopia. *Journal of Religion in Africa*, 36 (1), 4—22.
- Appleby, R.S. (1999). *The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Boulding, E. (1986). Two Cultures of Religion as Obstacles to Peace. *Zygon*, 21 (4), 501—518.
- Dereje, F. (2012). The Transnational Politics of the Ethiopian Muslim diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (11), 1893—1913.
- Endalew, L. (2014). Ethiopian Customary Dispute Resolution Mechanisms: Forms of Restorative Justice. *African Journal on Conflict Resolution*, 14 (1), 125—154.
- Erlich, H. (2010). *Islam and Christianity in the Horn of Africa: Somalia, Ethiopia, Sudan*. Lynne Rienner Publishers.
- Haustein, J. & Østebø, T. (2011). EPRDF’s Revolutionary Democracy and Religious Plurality: Islam and Christianity in Post-Derg Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 5 (4), 755—772.
- Kabha, M. & Erlich, H. (2006). Al-Ahbash and Wahhabiyya: Interpretations of Islam. *International Journal of Middle East Studies*, 38 (4), 519—538.
- Karbo, T. (2013). Religion and Social Cohesion in Ethiopia. *International Journal of Peace*, 4 (3), 43—52.
- Kubai, A. & Tarekegn, A. (2008). *Striving in Faith: Christians and Muslims in Africa*. Life and peace institute, Uppsala, Sweden.
- Levine, D. N. (1974). *Greater Ethiopia: the Evolution of a Multiethnic Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Magesa, L. (2007). Contemporary Catholic Perspectives on Christian—Muslim Relations in Sub-Saharan Africa: The Case of Tanzania. *Islam—Christian Muslim Relations*, 18 (2), 165—173.
- Muhabie, M. (2015). The Root Causes of Conflicts in the Horn of Africa. *American Journal of Applied Psychology*, 4 (2), 28—34.
- Østebø, T. (2007). The Question of Becoming: Islamic Reform-Movements in Contemporary Ethiopia. *CMI Working Paper*.
- Østebø, T. (2013). Islam and State Relations in Ethiopia: From Containment to the Production of Governmental Islam. *Journal of the American Academy of Religion*, 8 (4), 1029—1060.
- Reychler, L. (1997). Religion and Conflict. *International Journal of Peace Studies*, 2, 16.
- Svensson, I. (2008). *Divine Disputes? Exploring the Religious Dimensions of Armed Conflicts*. Occasional paper, Life and Peace Institute, Uppsala, Sweden.
- Tarekegn, A. (2002). Religion and Culture of Violence. *New Routes: A Journal of Peace Research and Action*, 3—9. Life and Peace Institute, Uppsala, Sweden.

About the author: *Antigeegn Getahun Kumie* — Assistant Professor and Researcher, Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University, Ethiopia (e-mail: getkumie@yahoo.com).

Сведения об авторе: *Антигегн Гетахун Куми* — преподаватель, исследователь, факультет политологии и международных исследований, Университет Бахр-Дар, Эфиопия (e-mail: getkumie@yahoo.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Научная статья

Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса

А.Г. Геворгян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

The Kurdish Issue in Turkish—Syrian Relations in the Context of the Syrian Crisis

A.G. Gevorgyan

RUDN University, Moscow, Russian Federation

В статье анализируется курдский вопрос в контексте отношений между Турцией и Сирией после начала сирийского кризиса 2011 г. Особое внимание уделено роли, которую играет курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях. Рассматриваются особенности турецкой политики по сирийско-курдскому вопросу и место этого вопроса в системе национальных интересов Турции. Изучаются поэтапное развитие сирийско-курдской политики Турции, развитие отношений между Анкарой и Дамаском в контексте усиления курдского национального движения в Сирии. Исследуется деятельность курдских политических партий и организаций на северной и северо-восточной части и перспектива развития курдского вопроса.

Взаимоотношения Турции с соседними государствами, где проживают курды (Сирия, Иран, Ирак), всегда базировались на курдском вопросе. Вопреки разногласиям между курдскими партиями на Ближнем Востоке курдский вопрос носит региональный характер. Курдский вопрос рассматривается Турцией не только как внутривосточная, но и внешнеполитическая проблема. Турция представляет свою борьбу с курдскими силами РПК как борьбу с террористами. Активизацию политической и военной деятельности сирийских курдов Турция определяет в качестве угрозы своей национальной безопасности.

В течение последних лет турецко-сирийские отношения существенно изменились и трансформировались из стратегического партнерства в военно-политическое противостояние. Вопреки существующим противоречиям у Турции и Сирии имеются общие интересы, в том числе курдский вопрос, стабильность региона, предсказуемость развития политических событий в Ближневосточном регионе, экономические отношения. Однако вне зависимости от результатов сирийской войны Турции нужна предсказуемая Сирия без сильного курдского элемента.

Сирийский кризис дал новые возможности курдам Сирии в плане усиления их позиций, но ясно продемонстрировал существующие на пути создания курдского государства проблемы. В настоящее время сохранение территориальной целостности Сирии позволяет в наибольшей степени учитывать интересы всех сторон, вовлеченных в конфликт, в том числе и внешних игроков.

Ключевые слова: курдский вопрос, Курдистан, Турция, Сирия, турецко-сирийские отношения, сирийский кризис

Для цитирования: Геворгян А.Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 615—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Abstract. The article is devoted to the Kurdish issue in the context of bilateral relations between Turkey and Syria after the start of the 2011 Syrian crisis. Particular attention is paid to the role of the Kurdish issue in the Turkish-Syrian relations. The author describes the Turkish policy on the Kurdish problem and its place in the context of Turkey's national interests. The article covers gradual development of the Syrian—Kurdish policy of Turkey and dynamics of relations between Ankara and Damascus in the context of strengthening the Kurdish national movement in Syria. The activities of the Kurdish political parties and organizations in the northern and northeastern part and the development perspective of the Kurdish issue are especially analyzed.

© Геворгян А.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Turkey's relations with Syria, Iran, Iraq, where Kurds live, have always been based on the Kurdish issue. Contrary to the differences and conflicts between Kurdish parties in the Middle East, the Kurdish issue is regional in nature. In addition to being a domestic political problem, Turkey considers the Kurdish issue as a foreign policy problem. Turkey presents its fight against the Kurdish PKK forces as a fight against terrorist forces, seeing the intensification of political and military activities of the Syrian Kurds as a direct threat to its national security.

Over the past years, Turkish—Syrian relations have substantially changed and transformed from strategic partnership to military-political confrontation. Despite the existing contradictions, Turkey and Syria have common interests, including the Kurdish issue, the stability of the region, the predictability of the development of political events in the Middle East region, and economic relations. However, regardless of the outcome of the Syrian war, Turkey needs a predictable Syria without a strong Kurdish element.

The Syrian crisis has given new opportunities to the Kurds of Syria in terms of strengthening their positions, but clearly demonstrated the problems existing in the way of creating a Kurdish state. Currently, the preservation of the territorial integrity of Syria allows taking into account the interests of all parties involved in the conflict, including external players.

Key words: Kurdish issue, Kurdistan, Turkey, Syria, Turkish-Syrian relations, Syrian crisis

For citation: Gevorgyan, A.G. (2019). The Kurdish Issue in Turkish—Syrian Relations in the Context of the Syrian Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 615—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624

Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, необходимостью анализа новой роли курдского фактора на Ближнем Востоке, что является следствием трансформации международных отношений в регионе после событий «арабской весны». В условиях поиска подходов к постконфликтному восстановлению и обеспечению государственной целостности Сирии проблема будущего созданной в марте 2016 г. «Демократической Федерации Рожава — Северная Сирия», этого курдского де-факто автономного образования, становится одной из центральных. Это также один из ключевых вопросов в отношениях между Турцией и Сирией, во многом определяющих перспективы общего разрешения ближневосточного узла противоречий, возникшего в связи с сирийским кризисом.

Целью статьи является выявление особенностей формирования позиции Турции в отношении Сирии и сирийского конфликта в условиях актуализации курдского фактора на Ближнем Востоке.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, который позволил достаточно полно и достоверно провести многофакторный анализ курдской проблемы как одной из центральных в отношениях между Турцией и Сирией. На основе системного анализа отношений между Турцией и курдами, между Турцией и Сирией в целом оказалось возможным более точно определить особенности учета курдского фактора при формировании турецко-сирийских отношений. Следует отметить, что курдский вопрос традиционно является одним из важнейших и обсуждаемых между Турцией и Сирией.

Речь идет о проблеме обретения курдами политических прав в рамках так называемого этнического Курдистана, который охватывает населённые курдами территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Сегодня курды являются самой большой этнической группой на Ближнем и Среднем Востоке, не имеющей собственного государства. В ходе сирийского кризиса, в условиях войны, курдское национальное движение сохранило свое значение и претендует на участие в процессах посткризисного обустройства в Сирии.

Турецко-сирийские отношения: от конфронтации к сотрудничеству

Отношения между Турцией и Сирией в XX в. были далеки от добрососедских, между сторонами существовал ряд вопросов, основными из которых являлись: 1) территориальный вопрос, связанный со спорной провинцией Хатай (Александреттский санджак); 2) вопрос распределения вод реки Евфрат; 3) курдский вопрос и вопрос поддержки Сирией Рабочей партии Курдистана (РПК).

В XX в. одной из основных проблем в турецко-сирийских отношениях была аннексия в 1939 г. Турецкой Республикой Александреттского санджака, осуществленная при поддержке Франции, которая стремилась предотвратить возможное вступление Турции в союз с Германией и Италией. Проблема Александреттского санджака является нерешенной, так как Сирия де-юре не признала принадлежность санджака Турции [Сулейманов 2015].

«Евфратский вопрос» между Турцией и Сирией обострился в 1970—1980 гг., когда турецкая сторона приступила к осуществлению проекта

«Юго-Восточной Анатолии» (GAP — Güneydoğu Anadolu Projesi). Этот проект предоставляет Турции возможность полностью контролировать водные ресурсы реки Евфрат [Olson 1997].

Курдский фактор в ряде вышеупомянутых вопросов стал самым острым, в 1998 г. Турция и Сирия оказались на грани войны из-за оказываемой Сирией поддержки курдам. Сирия в 1990-е гг. превратилась в некий плацдарм для деятельности курдских повстанческих боевых организаций, лидер РПК А. Оджалан вплоть до 1998 г. находился в Сирии [Gunes, Lowe 2015]. После долгого переговорного процесса Анкара и Дамаск подписали Аданское соглашение, согласно которому на территории Сирии были закрыты несколько баз и тренировочных лагерей РПК, были заблокированы все счета организации¹.

Курды и курдский вопрос в Сирии до начала «арабской весны»

Курды являются крупнейшим этническим меньшинством в Сирии, составляют около 10—15% населения страны (от 1,5 до 2,5 млн чел.) [Дюрре 2017].

24 июня 1923 г. в Лозанне был зафиксирован раздел территорий проживания курдов, в результате которого юго-западная часть этнического Курдистана окончательно отошла к Сирии.

Курды, проживающие на территориях подмандатной Сирии, настаивали на том, чтобы Франция как мандатарий приступила к решительным действиям по созданию автономии. Само понятие автономии включало следующее: управление данным районом представителями курдского народа; формирование воинских подразделений и отрядов полиции из курдов; перевод делопроизводства на этой территории на курдский язык; в учебных заведениях обязательное преподавание курдской филологии, литературы, истории, культуры и т.д. [Загорнова 2004].

Курдам не были предоставлены привилегии широкой автономии. После приобретения независимости Сирией в 1941 г. курды также не получили никаких национальных прав, курды признавались или арабами, или чуждыми элементами.

¹ См.: Гурьев А.А. О турецко-сирийских отношениях // Институт Ближнего Востока. 17.06.2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3651> (дата обращения: 27.08.2018).

В частности, в 1962 г. сирийское правительство провело перепись населения на северо-западе страны, по итогам которой было принято решение о лишении гражданства 120 тыс. курдов. Таким образом, значительное количество курдов Сирии (около 20%) остались без гражданства. На 2008 г. в Сирии числилось не менее 280 тыс. курдов — не граждан и «скрытых» граждан [Radrey 2016].

В 1963 г. пришедшая к власти партия «Баас»² пошла по пути ограничений и политики ассимиляции: начались переселения арабского населения в пограничные курдские районы, преследовались курдские политические деятели, образование на курдском языке было запрещено, право на проведение празднеств и собраний было ограничено.

Несмотря на проводимую по отношению к курдам политику Сирии, курды делают шаги для самоорганизации, и движение постепенно набирает обороты. Успехи курдских сил в северной части Сирии в контексте «арабской весны» вынудили сирийское правительство предоставить 200 тыс. курдам гражданство, стремясь предотвратить переход курдов на сторону оппозиции.

Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях после начала сирийского кризиса

Турецко-сирийские отношения в начале XXI в., после беспрецедентного обострения в 1998 г., развивались довольно быстро. Экономические и политические связи укреплялись, особенно после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г.

Этот процесс усиливался и после прихода к власти в Сирии Башара Асада. Особенно важным считается исторический визит в Турцию сирийского президента в январе 2004 г. Этот визит был первым со времен завоевания Сирией независимости. В интервью арабским СМИ Б. Асад подчеркнул, что «нынешнее состояние сирийско-турецких отношений отличается пе-

² Партия арабского социалистического возрождения — Баас — политическая партия, идеологией которой является баасизм, представляющий собой синтез арабского социализма, панарабизма и антиимпериализма. Имеет отделения в Сирии, Ираке, Алжире, Бахрейне, Египте, Иордании, Кувейте, Ливане, Ливии, Мавритании, Палестине, Судане, Тунисе и Йемене.

реходным состоянием от обоюдного недоверия к атмосфере полного взаимного доверия»³.

Проводимая сирийская политика Турции была частью внешней политики, которая была основана на концепциях «архитектора» внешней политики Турецкой Республики Ахмета Давутоглу. По своей сути это означало стремление Турции вернуться к той лидирующей роли в регионе Ближнего и Среднего Востока, которая была у Османской империи [Davutoğlu 2011: 408].

Сирийская политика Турции также была частью той внешней политики, которая основана на концепции «стратегической глубины», подразумевающей формирование внешнего пояса безопасности. Турция напрямую заявила, что стремится руководить процессом демократизации в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Турецкое руководство также заявляло, что «турецкая модель» демократизации и модернизации будет распространяться по всему региону и превратит Ближний Восток в более стабильный, безопасный и мирный регион [Аватков 2012b].

Анализ развития турецко-сирийских отношений и проводимой курдской политики Турции в Сирии позволяет разделить турецкую курдскую политику на три этапа.

Первый этап

До начала гражданской войны в 2011 г. сирийская политика Турции считалась крупным успехом турецкой внешней политики. Поэтому, когда началось восстание, Турция оказалась в неловкой ситуации. С одной стороны, она хотела сохранить экономические и политические достижения, полученные в предыдущие годы, с другой — поддержка так называемого «авторитарного режима» Б. Асада повлияла на престиж страны в арабской общественной среде [Öniş 2014].

Изначальная реакция Турции на сирийский кризис заключалась в попытке убедить Дамаск пойти навстречу требованиям народа. Р.Т. Эрдоган объявил, что с Б. Асадом обсуждались вопросы скорой реализации социальных, экономических и политических реформ, Турция предложила

³ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству // Институт Ближнего Востока. 17.01.2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3433> (дата обращения: 28.08.2018).

соседу свою помощь для достижения эффективных изменений [Taşpınar 2012].

По мере усиления так называемой оппозиции Турция резко изменила подход. Она начала принимать и вооружать членов сирийской оппозиции, в частности «Братьев-мусульман». Разрывая связи с Дамаском, Турция призывала к смене режима и поддерживала оппозицию, полагаясь на то, что режим баасистов скоро падет [Bishku 2012]. Турция начала приближаться к суннитским странам региона (Саудовская Аравия и Катар) и к наиболее активным в регионе западным странам (США, Франция и Великобритания), но при этом Турция отдалась от Ирана и России, которые поддерживали сирийский режим.

Несмотря на сильное давление на Б. Асада, его режим устоял в основном благодаря поддержке Ирана и России, а Сирия восстановила контроль над частями ранее утраченной территории. Конфликт продолжался, провоцируя собой ряд серьезных рисков для Турции. Когда Сирия летом 2012 г. сбивала самолет F4 Phantom турецких ВВС⁴, Анкара попросила НАТО о военной помощи [Hinnebusch 2015]. Это решение означало ухудшение отношений с соседями. Комментируя просьбу Турции, начальник штаба иранских вооруженных сил Хасан Фирузабади предупредил, что развертывание ракетной системы НАТО в Турции может спровоцировать новую мировую войну⁵.

В результате войны с террористическими организациями усиливались позиции сирийских курдов. Ключевую роль в национальном движении сирийских курдов играл Демократический союз Курдистана [Багдасаров 2016: 123—149], который по многим данным был очень тесно связан с Рабочей партией Курдистана⁶.

Фактически курдские военные силы на территории Сирии и Ирака на протяжении послед-

⁴ См.: МИД Сирии: Турецкий самолет был сбит ствольной системой ПВО // РБК. 25.06.2012. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/06/2012/5703f9819a7947ac81a695be> (дата обращения: 26.08.2018).

⁵ См.: Patriot Missiles in Turkey Threaten 'World War:' Iran Army Chief // Reuters. December 15, 2012. URL: <http://reut.rs/U0MkSA> (accessed: 25.08.2018).

⁶ См.: Иванов С. Федерализация Сирии — путь к ее спасению // Kurdistan.ru. 27.06.2012. URL: http://kurdistan.ru/2016/04/27/articles-26363_Federalizaciya_Sirii_put_k_ee_spaseniyu.html (дата обращения: 25.08.2018).

них лет оставались наиболее эффективным противником в борьбе с региональным терроризмом. На севере Сирии против ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство»)⁷ боролись курдские ополчения Отряд народной защиты — YPG (далее — YPG) и Отряды по защите женщин — YPJ (далее — YPJ), которые по разным данным тесно связаны с РПК и получают поддержку от нее.

До сирийского кризиса ПСР использовала примирительный подход к курдским требованиям в Турции, в том числе к предоставлению права на использование родного языка. Партия также стремилась договориться о прочном мире с РПК. Прекращение огня и мирный процесс начался в 2013 г., когда была разработана дорожная карта, где курдская сторона и власти Турции брали на себя обязательства, направленные на решение затяжного конфликта, но впоследствии стороны не раз обвиняли друг друга в невыполнении соглашений.

На начальном этапе сирийского кризиса Турция занимала умеренную позицию в отношении партии «Демократического союза» — PYD⁸ (далее — PYD). Анкара позволила PYD и ее членам работать на турецкой территории и поддерживала диалог с группой. В то же время Р.Т. Эрдоган использовал свою личную связь с Масудом Барзани, президентом Регионального правительства Курдистана (КРГ) на севере Ирака, чтобы предотвратить установление полного контроля PYD над северо-восточной Сирией [Вертяев, Жигалина, Иванов 2013: 103—104].

В 2013 г. были предприняты первые попытки взаимодействия с представителями курдов. Так, в июле 2013 г. лидер «Демократического союза» Салих Муслим встретился в Стамбуле с представителями турецких властей для обсуждения сирийского кризиса⁹.

После вывода центральными властями сирийских сил из курдских регионов курды создали самоуправляющуюся администрацию. 21 июля

2013 г. PYD объявила о создании курдской конституции из 96 статей. Согласно этой конституции, Сирия является независимой, демократической страной с федеративной системой управления, а «Западный Курдистан» — частью федерации [Radpey 2015].

В январе 2014 г. курды Сирии объявили о создании на севере Сирии курдской автономии под названием Рожава (курд. «запад», то есть Западный Курдистан). Провозглашенная автономия включала в себя три кантона — Джазира, Кобани и Африн, которые не связаны между собой. Ключевую роль в управлении кантонами продолжала играть PYD и ее вооруженные отряды, что было воспринято другими курдскими партиями и лидером Иракского Курдистана М. Барзани как узурпация власти. Под влиянием этих событий позиция Турции подверглась изменениям.

Турция, 12 млн населения которой составляют этнические курды, увидела в этом угрозу возможного объединения сил турецких и сирийских курдов, а также создания независимого курдского государства [Halhalli 2018].

Впоследствии Анкара ужесточила риторику в отношении «Демократического союза», причислив его к террористическим организациям. В свою очередь, курды обвинили Анкару в поддержке террористов¹⁰.

Эти события стали определяющими в политике Турции по курдскому вопросу. Турция перешла к новой, более жесткой политике по отношению к сирийским курдам, так как замечала усиление позиций курдов на своей границе.

Второй этап

В 2014—2015 гг. положение сирийских курдов ухудшилось в связи с участвовавшими атаками террористических группировок, в частности ДАИШ. В этих условиях курды заключили перемирие с правительственными войсками, чтобы получить возможность сосредоточить ресурсы для борьбы с террористами. Благодаря поддержке

⁷ Организация запрещена в РФ.

⁸ Партия «Демократический союз», также Партия демократического единства (курд. Partiya Yekîtiya Demokrat, сокращенно PYD).

⁹ См.: Warning to the PYD // Daily Sabah. July 28, 2013. URL: <https://www.dailysabah.com/world/2013/07/28/warning-to-the-pyd> (accessed: 27.08.2018).

¹⁰ См.: Spencer R. Turkey Accused of Allowing Islamic State Fighters to Cross Its Border in Kobane Attack // The Telegraph. June 25, 2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/11699969/Turkey-accused-of-allowing-Islamic-State-fighters-to-cross-its-border-in-Kobane-attack.html> (accessed: 28.08.2018).

стран коалиции во главе с США, а также отрядам иракских курдов «пешмерга» сирийским курдам удалось добиться успехов [Stansfield 2017].

Наиболее значимой победой стало освобождение в январе 2015 г. города Кобани, который на протяжении четырех месяцев находился под осадой боевиков. Но уже с начала июня 2015 г., после парламентских выборов, прокурдская Демократическая партия народов получила значительное число мест в турецком парламенте, не позволив Партии справедливости и развития получить парламентское большинство [Gunes, Lowe 2015].

Турецко-курдское относительное «перемирие» изменилась после теракта 20 июля 2015 г. в уезде Суруч турецкой провинции Шанлыурфа. Вооруженные силы Турции нанесли несколько авиационных ударов по позициям боевиков ДАИШ вдоль сирийско-турецкой границы. Однако, как утверждают курды, под предлогом атаки позиций террористов турецкая авиация нанесла удары и по позициям курдов¹¹.

Доказательством того, что Турция рассматривала усиление курдов как угрозу реального создания независимого курдского государства, является заявление Р.Т. Эрдогана от 27 июня 2015 г. о том, что Турция никогда не допустит создания государства на границе с Турцией и готова бороться любой ценой¹².

Турция всегда выступала с той позиции, что ее атаки против курдских сил имеют целью защитить национальные интересы Турции. После этих событий последовало сообщение РПК, согласно которому соглашение о прекращении огня потеряло всякий смысл в сложившейся политической ситуации. После этого заявления РПК многочисленные курдские силы начали контрдействия. Оппозиционные настроения в Турции начали усиливаться, и это уже означало конец перемирия¹³.

¹¹ См.: Курды в Сирии обвиняют Турцию в агрессии против них // BBC News. Русская служба. 27.07.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150727_turkey_syria_no_ground_troops (дата обращения: 28.08.2018).

¹² См.: Turkey Will 'never allow' Kurdish State in Syria // Middle East Eye. June 27, 2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-will-never-allow-kurdish-state-syria-erdogan> (accessed: 28.08.2018).

¹³ См.: Mohammed A. S. How Renewed Turkey — PKK Conflict Threatens the KRG // ALMONITOR — The

В октябре 2015 г. вооруженные формирования РYD и ряда арабских и ассирийских партий сообщили о создании военного альянса «Силы демократической Сирии» (СДС), а в декабре 2015 г. — о создании политического совета этой структуры [Phillips 2015].

Официально СДС является полиэтническим, многоконфессиональным альянсом, действующим на севере Сирии и поддерживаемым США для борьбы с ДАИШ. Однако усиление курдских ополченцев обеспокоило Анкару, считавшую, что СДС станет «дочерней компанией» РПК.

Третий фактор, влияющий на политику Турции, — приток беженцев из Сирии. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев по состоянию на 16 августа 2018 г., в результате затяжной войны в Сирии около 5 184 000 людей стали беженцами¹⁴.

Обострение отношений привело к тому, что турецкие власти в январе 2016 г. заявили о намерении бойкотировать женевские мирные переговоры по Сирии, если на них будут приглашены курдские представители. В результате лидер РYD — Салах Муслим не получил приглашения на эту встречу.

В начале 2016 г. курды Сирии продолжили продвижение по направлению к Евфрату вдоль турецкой границы. Расширение их влияния могло привести к слиянию территории курдских кантонов Африн и Кобани. Анкара, выступая против такого усиления позиции курдов, обвинила их в намерении изменения демографической структуры в свою пользу, что способствовало бы вытеснению арабской и туркменской (туркоманской) частей населения из регионов, прилегающих к сирийско-турецкой границе. Власти Турции продолжали заявлять о необходимости создания буферной зоны вдоль границы с сирийской территорией.

Обвинив сирийских курдов в нападении на турецкий пограничный пункт, турецкая артиллерия 13 февраля 2016 г. начала наносить удары по позициям курдов. Кроме того, власти Турции

Pulse of the Middle East. November 24, 2015. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/11/iraqi-kurdistan-turkey-akp-pkk-conflict.html> (accessed: 25.08.2018).

¹⁴ См.: Syria Regional Refugee Response // UNHCR website. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (accessed: 26.08.2018).

заявили, что теракт 17 февраля 2016 г. в Анкаре, жертвами которого стали около 30 человек, был организован сирийскими курдами. Курды опровергают эти обвинения и заявляют о готовности противостоять любому турецкому вторжению на севере Сирии¹⁵.

Окончанием второго этапа сирийской курдской политики Турции можно считать создание курдской автономии в Сирии, которая с марта 2016 г. официально называлась не автономия Рожавы, а Федерация Северной Сирии, что стало новым вызовом.

Третий этап

Летом 2016 г. Турцию потрясли неожиданные события в виде неудачной попытки военного переворота. В ночь с 15 на 16 июля 2016 г. в Турции группа мятежников совершила попытку военного переворота. Утром 16 июля мятежные военные начали сдаваться. Власти Турции заявили, что попытка путча провалилась, и обвинили в организации мятежа оппозиционного исламского проповедника Фетхуллага Гюлена, проживающего в США.

Реджеп Тайип Эрдоган на фоне этих событий попытался изменить подход страны к сирийскому конфликту, оставив идею свержения Б. Асада. Соответственно, Анкара прекратила использовать риторику смены режима и начала более активно участвовать в борьбе против ДАИШ и курдских отрядов, а также согласилась участвовать в переговорах с Россией и Ираном для нахождения путей решения сирийского конфликта. Иными словами, Турция пересмотрела стратегические приоритеты, признавая, что свержение Б. Асада не следует рассматривать как главную цель в контексте борьбы с ДАИШ, которое представляет серьезную угрозу для Турции. Напротив, усиление РYД в Северной Сирии рассматривалось как угроза территориальной целостности Турецкой Республики.

Турция начала предпринимать необходимые шаги для углубления сотрудничества с ключевыми внешними игроками. Она продолжила процесс нормализации отношений с Израилем¹⁶,

¹⁵ История сирийских курдов. Досье // ТАСС. 20.02.2016. URL: <http://tass.ru/info/2685549> (дата обращения: 25.08.2018).

¹⁶ Отношения с Израилем пережили драматический спад после инцидента Мави Мармара в 2010 г. Кризис

уменьшила напряженность с Ираном и извинилась перед Россией за сбитый Су-24 [D'Alema 2017: 12]. На этом фоне ухудшались отношения с Европой и США. Президент Турции Р.Т. Эрдоган призвал своего американского коллегу Б. Обаму выдать Турции оппозиционного исламского проповедника — Фетхуллага Гюлена, которого турецкие власти обвиняли в организации мятежа.

Сближение с Москвой и Тегераном позволило Анкаре начать борьбу с ДАИШ и РYД одновременно. Наземная операция «Щит Евфрата» началась 24 августа. Широкомасштабную военную операцию начали ВС Турции и силы коалиции. Как утверждалось, операция проводилась для освобождения Джараблуса (города на севере Сирии) от боевиков террористической группировки ДАИШ¹⁷, но одна из основных целей военного вмешательства заключалась в стремлении вбить клин между курдами Сирии, которые надеялись контролировать этот район для создания связи между кантонами Африн и Кобани, обеспечивая таким образом «территориальную целостность» Рожавы. Хотя Дамаск, Москва и Тегеран официально критиковали турецкую инициативу, сложно представить, что Анкара начала свои действия без предварительной договоренности со всеми сторонами. В качестве доказательства служит тот факт, что сирийская армия и ее союзники ничего не предприняли, чтобы остановить Турцию.

Операция была объявлена завершенной 29 марта 2017 г. Турция заявила, что турецкие силы очистили от террористов 2015 кв. км территории, где размещалась Свободная сирийская армия. Турция также предупреждала, что если в дальнейшем что-то будет угрожать Турции, то она может возобновить военные действия¹⁸. Но ситуация вокруг Мандбиджа заблокировала действия турецких сил по расширению буферной

был частично разрешен только тогда, когда израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху согласился извиниться перед Р.Т. Эрдоганом после давления со стороны Вашингтона.

¹⁷ См.: Геворгян А. Кому выгодна операция «Щит Евфрата» // ИА REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/53020.html> (дата обращения: 27.08.2018).

¹⁸ См.: Yıldırım: Fırat Kalkanı Harekâtı sona erdi // GÜNDEM. March 29, 2017. URL: <https://www.dw.com/tr/y%C4%B1ld%C4%B1r%C4%B1m-f%C4%B1rat-kalkan%C4%B1-harek%C3%A2t%C4%B1-sona-erdi/a-38199641> (accessed: 28.08.2018).

зоны и движение их по западному берегу р. Евфрат к Ракке. Вероятно, проблема была в том, что в Мандбидж ввели американский спецназ в качестве миротворцев. Затем на юго-западе разместились так называемые сирийские пограничники, появились также российские военные. Анкара оказалась заблокированной [D'Alema 2017: 13—14].

В целях решения «курдской проблемы» почти год спустя Анкара начала в Сирии крупномасштабную военную операцию «Оливковая ветвь» против курдских военизированных формирований в районе сирийского города Африн. Турция официально объявила о своей главной и, возможно, согласованной с Москвой, Тегераном и Вашингтоном цели — создать 30-километровую зону безопасности и уничтожить там «террористические организации».

Атака на территории YPG последовала за жесткими высказываниями Р.Т. Эрдогана в адрес сирийского президента Башара Асада, свержения которого турецкий лидер добивается с начала сирийского кризиса. По словам турецкого лидера, терпеть Б. Асада в Сирии больше нельзя. «Как мы должны представлять себе будущее Сирии с президентом, который убил почти миллион своих сограждан?» — заявил президент Турецкой Республики¹⁹. Анкара таким образом предпринимала ответные шаги против намерения Вашингтона создать из курдских отрядов «силы безопасности границы» численностью 30 тыс. человек, которым предстояло предотвратить новые вспышки насилия со стороны террористов²⁰. Для Турции формирование таких отрядов является неприемлемым.

Заключение

Анализ процесса развития турецко-сирийских отношений после начала «арабской весны» и роль курдского фактора в этом контексте позволили разделить турецко-сирийские отношения на три основных этапа развития в контексте курдского

вопроса. Первый этап включает в себя исследование курдского вопроса с начала «арабской весны» до объявления сирийскими курдами о создании курдской автономии на севере Сирии. Второй этап развития характеризуется ужесточением политики Турции по курдскому вопросу, с одной стороны, и усилением позиции курдов — с другой. Начало третьего этапа обусловливается неудачной попыткой военного переворота в Турции и изменением американской политики Турции, которая способствовала усилению курдов на границе с Турцией. На этом этапе Турция перешла к военным операциям для борьбы с ДАИШ и курдскими отрядами PYD на территории Сирии.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Выстраивание региональной политики Турции в основном исходило из курдского вопроса. Курдский вопрос для Турции является не только внутривосточной, но и внешнеполитической проблемой. Несмотря на разногласия между курдскими партиями по всему региону, курдский вопрос носит региональный характер. Турция характеризовала свою борьбу с курдскими силами РПК как борьбу с террористическими силами. Курдский вопрос всегда лежал в основе взаимоотношений Турции с соседними государствами, где проживают курды (Сирия, Иран, Ирак).

Турции важно не допускать возможности курдской автономии на территории Сирии или Ирака, где Иракский Курдистан де-факто независим, что и подтвердили результаты референдума от 25 сентября 2017 г. Региональное правительство Курдистана имеет крайне серьезные намерения для приобретения де-юре независимости.

Усиление политических и военных движений сирийских курдов рассматривается Турцией как угроза национальной безопасности страны, а военные движения считаются террористическими.

В ходе сирийского кризиса Турция стремилась изменить баланс сил на Ближнем Востоке в пользу Турции. Турция также приложила большие усилия для создания так называемой «буферной зоны», которая имеет для Анкары стратегическое значение. Турция, создавая «буферную», подконтрольную ей территорию, стремится препятствовать созданию курдской автономии на границе с Турцией и иметь рычаги управления событиями в соседнем государстве.

¹⁹ Эрдоган назвал Асада террористом // Lenta.ru. 27.12.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/12/27/erdoganacused/> (дата обращения: 28.08.2018).

²⁰ См.: Erdoğan Accuses US of Planning to Form 'Terror Army' in Syria // The Guardian. January 15, 2018 URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/15/turkey-condemns-us-plan-for-syrian-border-security-force> (accessed: 28.08.2018).

Независимо от результатов завершения сирийской войны Турции нужна предсказуемая Сирия, без сильного курдского элемента.

В долгосрочной перспективе возможное признание в марте 2016 г. самопровозглашенного автономного управления, Федерации Северной Сирии, противоречит национальным интересам Турецкой Республики.

За последние 15 лет отношения между Турцией с Сирией кардинально изменились — от стратегического партнерства до военно-политической конфронтации. Несмотря на существующие противоречия, у Турции и Сирии имеются общие интересы, которые могут стать основой для восстановления взаимоотношений после окончания сирийского кризиса.

В заключение следует подчеркнуть, что сирийский кризис дал новый импульс и возможности для усиления позиций сирийских курдов, однако четко показал и проблемы на пути создания курдского государства. На современном этапе сохранение территориальной целостности Сирии позволяет в наибольшей степени учесть интересы всех сторон конфликта, в том числе и внешних.

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2018

Принята к публикации / Accepted: 30.04.2019

Библиографический список

- Аватков В.А.* Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО-Университета. Серия: Политология. 2012. № 2 (23). С. 128—133.
- Аватков В.А.* Турецко-сирийское конфликтное взаимодействие в глобальном контексте: из 2011 г. в 2012 г. // Современный Ближний Восток — зона конфликтов: сборник научных статей. М.: МГИМО МИД России, 2012.
- Багдасаров С.А.* Ближний Восток. Перегрузка. М.: Издательство «Э», 2016.
- Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М.* Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Дюрре М.* Самоопределение курдов в Сирии: истоки, формы и международные перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 183—193. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193
- Загорнова Е.В.* Курдский вопрос в Сирии // Восточный сборник Института востоковедения РАН. 2004. № 6. С. 182—191.
- Сулэйманов А.В.* Турецко-сирийские отношения: вчера и сегодня // Азия и Африка сегодня. 2015. № 12 (701). С. 32—38.
- Шореш А.* Сирийский кризис и курдский фактор // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 165—174.
- Bishku M.B.* Turkish—Syrian Relations: A Checkered History // Middle East Policy. 2012. Vol. 19. P. 36—53. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00546.x
- D’Alema F.* The Evolution of Turkey’s Syria Policy // IAI Working Papers. 2017. P. 17.
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik. Türkiye’nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2011. (На турецком яз.).
- Gunes C., Lowe R.* The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East // Chatham House, the Royal Institute of International Affairs. July 2015. URL: <https://syria.chathamhouse.org/assets/documents/20150723SyriaKurdsGunesLowe.pdf> (accessed: 17.09.2018).
- Halhalli B.* Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations // Comparative Kurdish Politics in the Middle East / Ed. by E. Tugdar, S. Al. Springer International Publishing, 2018. P. 27—53. DOI: 10.1007/978-3-319-53715-3
- Hinnebusch R.* Back to Enmity: Turkey — Syria Relations since the Syrian Uprising // Orient, Journal of German Orient Institute. 2015. Vol. 56. No. 1. P. 14—22.
- Olson R.* Turkey — Syria Relations since the Gulf War: Kurds and Water // Middle East Policy. 1997. Vol. 5. No. 2. P. 168—193. DOI: 10.1111/j.1475-4967.1997.tb00272.x
- Öniş Z.* Turkey and the Arab Revolutions: Boundaries of Regional Power Influence in a Turbulent Middle East // Journal Mediterranean Politics. 2014. Vol. 19. No. 2. P. 203—219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392
- Phillips D.L.* The Kurdish Spring. A New Map of the Middle East. New Brunswick, New Jersey, 2015.
- Radpey L.* The Kurdish Self-Rule Constitution in Syria // Chinese Journal of International Law. Vol. 14. No. 4. December 2015. P. 835—884. DOI: 10.1093/chinesejil/jmv057
- Radpey L.* Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A New Model of Statehood and its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq // Japanese Journal of Political Science. Vol. 17. No. 3. 2016. P. 468—488. DOI: 10.1017/S1468109916000190
- Stansfield G., Shareef M.* The Kurdish Question Revisited. Oxford University Press, 2017.

- Taşpınar Ö. Turkey's Strategic Vision and Syria // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 127—140. DOI: 10.1080/0163660X.2012.706519
- Բայբուրդյան Վ. Քրդական հարցի ներկա վիճակը և զարգացման միտումները // «Բաների Երևանի համալսարանի. Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն» [Байбуртян В. Современное состояние и перспективы развития Курдского вопроса // Вестник Ереванского государственного университета. Серия: Международные отношения, Политология]. 2017. № 2 (23). С. 3—18. (На армянском яз.).

References

- Avatkov, V.A. (2012). Kurdish Issue on Turkish Field. *Vestnik MGIMO-University. Political Science*, 23 (2), 128—133. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2012). Turkish—Syrian Conflict Interaction in a Global Context: from 2011 to 2012. *The Contemporary Middle East — a Conflict Zone: Whole Edition of Scientific Articles*. Moscow: MGIMO MID Rossii publ. (in Russian).
- Bagdasarov, S.A. (2016). *Near East. Reboot*. Moscow: Izdatelstvo E publ. (In Russian).
- Bayburdyan, V. (2017). K'rdakan harts'i nerka vichaky yev zargats'man mitummery [The Current State and Prospects for Development of the Kurdish Issue]. *Banber Yerevani hamalsarani. Mijazgayin haraberut'yunner, K'aghak'agitut'yun* [Vestnik YSU.Politics], 2 (23), 3—18. (In Armenian).
- Bishku, M.B. (2012). Turkish—Syrian Relations: A Checkered History. *Middle East Policy*, 19 (3), 36—53. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00546.x
- D'Alema, F. (2017). The Evolution of Turkey's Syria Policy. *LAI Working Papers*.
- Davutoğlu, A. (2011). *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. Istanbul. (In Turkish).
- Dyurre, M. (2017). Self-Determination of the Kurds in Syria: Origins, Forms and International Prospects. *MGIMO Review of International Relations*, 55 (4), 183—193. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-183-193 (In Russian).
- Gunes, C. & Lowe, R. (2015). *The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East*. Chatham House, the Royal Institute of International Affairs. URL: <https://syria.chathamhouse.org/assets/documents/20150723SyriaKurdsGunesLowe.pdf> (accessed: 17.09.2018).
- Halhalli, B. (2018). Kurdish Political Parties in Syria: Past Struggles and Future Expectations. In: Tugdar, E. & Al, S. (Eds.). *Comparative Kurdish Politics in the Middle East*. Springer International Publishing. P. 27—53. DOI: 10.1007/978-3-319-53715-3
- Hinnebusch, R. (2015). Back to Enmity: Turkey — Syria Relations since the Syrian Uprising. *Orient, Journal of German Orient Institute*, 56 (1), 14—22.
- Olson, R. (1997). Turkey — Syria Relations since the Gulf War: Kurds and Water. *Middle East Policy*, 5 (2), 168—193. DOI: 10.1111/j.1475-4967.1997.tb00272.x
- Öniş, Z. (2014). Turkey and the Arab Revolutions: Boundaries of Regional Power Influence in a Turbulent Middle East. *Journal Mediterranean Politics*, 19 (2), 203—219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392
- Phillips, D.L. (2015). *The Kurdish Spring. A New Map of the Middle East*. New Brunswick, New Jersey.
- Radpey, L. (2015). The Kurdish Self-Rule Constitution in Syria. *Chinese Journal of International Law*, 14 (4), 835—841. DOI: 10.1093/chinesejil/jmv057
- Radpey, L. (2016). Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A New Model of Statehood and Its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq. *Japanese Journal of Political Science*, 17 (3), 468—488. DOI: 10.1017/S1468109916000190
- Shoresh, A. (2017). The Syrian Crisis and the Kurdish Factor. *Svobodnaya mysl'*, 6, 165—174. (In Russian).
- Stansfield, G. & Shareef, M. (2017). *The Kurdish Question Revisited*. Oxford University Press.
- Suleymanov, A.V. (2015). Turkish—Syrian Relations: Yesterday and Today. *Asia and Africa Today*, 12 (701), 32—38. (In Russian).
- Taşpınar, Ö. (2012). Turkey's Strategic Vision and Syria. *The Washington Quarterly*, 35 (3), 127—140. DOI: 10.1080/0163660X.2012.706519
- Vertyaev, K.V., Zhigalina, O.I. & Ivanov, S.M. (2013). Political Processes in the Kurdish Areas of Western Asia (Iraq, Turkey, Syria, Iran). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Геворгян Анна Гарнуковна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: gevorgyan-ag@rudn.ru).

About the author: Gevorgyan Anna Garnukovna — Assistant, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: gevorgyan-ag@rudn.ru).

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-625-631

Research article

War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps

Z.A. Malik¹, He Zhilong¹, M. Rafay²

¹School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Shaanxi, Xi'an, China

²University of Sargodha, Punjab, Pakistan

Научная статья

Война с терроризмом в Пакистане: вызовы и стратегические шаги

З.А. Малик¹, Хе Жилонг¹, М. Рафай²

¹Школа истории и цивилизации, Университет Шэньси, Шэньси, Сиань, КНР

²Университет Саргодха, Пенджаб, Пакистан

Abstract. The incident of 9/11 is said to be a watershed event in the history of international relations. After this ferocious incident Pakistan was forced to join the Global War on Terrorism in September 2001 and since then it has faced a lot of challenges. After joining this war, the security situation has become worse within few years, and military forces had to start several operations to fight and eliminate the menace of terrorism. The War on Terror (WOT) has greatly affected the economic growth, political and social situation of the country. This paper discusses the reasons behind the terrorism, the ways it has affected the national security, education and economy, and the steps for its elimination. The general conclusion made by the author is that Pakistan like other countries cannot cure this menace alone by the use of force. The government should adopt a complex and wide strategy focusing in priority on the factors that are responsible for igniting terrorism, and by solving the problems being faced by the poor masses of the country.

Key words: security, terrorism, War on Terror (WOT), economic growth

For citation: Malik, Z.A., He Zhilong & Rafay, M. (2019). War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 625—631. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-625-631

По мнению ряда исследователей, инцидент 11 сентября 2001 г. стал переломным моментом в истории международных отношений. После этого Пакистан был вынужден присоединиться к глобальной войне с терроризмом в сентябре 2001 г., с тех пор столкнувшись с множеством проблем. После вступления в эту войну ситуация с безопасностью ухудшилась в течение нескольких лет, и вооруженным силам пришлось начать несколько операций, чтобы бороться с угрозой терроризма и устра-

© Malik Z.A., He Zhilong, Rafay M., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

нить ее. Война с террором сильно повлияла на экономический рост, политическую и социальную ситуацию в стране. В статье обсуждаются причины терроризма, его влияние на национальную безопасность, образование и экономику, а также шаги по его ликвидации. Общий вывод, сделанный автором, заключается в том, что Пакистан, как и другие страны, не может искоренить эту угрозу в одиночку с помощью силы. Правительству следует принять сложную и широкую стратегию, в которой приоритетное внимание уделяется факторам, способствующим разжиганию терроризма, и решению проблем, с которыми сталкиваются бедные слои населения страны.

Ключевые слова: безопасность, терроризм, война с террором, экономический рост

Для цитирования: *Malik Z.A., He Zhilong, Rafay M. War on Terrorism in Pakistan: Challenges and Strategic Steps // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 625—631. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-625-631*

Introduction

Since the beginning of the 21st century, many changes have taken place in the world politics and global diplomacy. The biggest threat faced by international community nowadays is terrorism which heavily affects the security, safety and confidence of people all over the world. However, this is not a new phenomenon, it has happened since ancient times. After the terrorist attacks on the World Trade Center in New York on September 11, 2001 the issue of terrorism came to limelight. Obviously, September 11, became a global dogmatic crisis that altered policies at the internal, territorial and worldwide level [Afzal, Iqbal, Inayay 2012]. The 9/11 incident pushed the international community to regard terrorism as a truly transnational security threat. This event is not only a turning point in the US foreign policy; as it has triggered the start of a new phase around the globe. Shortly after the attack the Bush administration identified Al-Qaeda behind the attack, declared war against terrorism, demanded the surrender of Osama bin Laden from Afghanistan or get ready to face terrible punishment. Pakistan, due to its geographical location, was forced to join this war.

Since the 9/11 incident, terrorism in Pakistan has converted into a severe and highly damaging event. The number of deaths caused by terrorist attacks has risen from 38 in 2001 to 11,704 in 2009, 5496 in 2014 [Afridi, Yousufi, Khan 2014] and 691 in 2018. After the incident, the United States attacked Afghanistan, and Pakistan became the first ally of the United States. As president Pervez Musharraf pointed out in his book 'In the Line of Fire: A Memoir', United States clearly told Pakistan that if it would not join the global war on terrorism, then it should instead be prepared to be bombed back to Stone Age [Musharraf 2006]. The Pakistani government fully supported the United States, and the US used Pakistani territory to carry out its attacks.

Most of the people, religious groups, human rights organizations, etc. were dissatisfied with the following government's decision. In particular, religious parties and political groups began to strike and oppose it. As a result of joining this War on Terror, the country faced severe consequences. Terrorism in the country increased and due to this new wave of terrorism the armed forces were forced to launch operations in the tribal areas of the country against the terrorist organizations. Since then several operations have been fought which resulted in massive damage in terms of lives, infrastructure, etc. At times the security situation improved in the country, but from time to time the country becomes the target of these nefarious activities. It seems like the seeds of terrorism have taken a permanent abode in the roots of the country.

Terrorism: A Constant Threat to the Stability of Pakistan

Today, terrorism is the hottest and most controversial issue faced by the world. As majority of states are facing this threat, they had to revise their national security and foreign policy strategies and consequently adopt a series of practical measures to protect their nationals. This is not only about rather strict airport entry and exit inspection systems, but also about stricter visa rules and regulations. This policy is successful in the short term, but in the long run, success cannot be achieved in controlling and eliminating terrorism and its threats [Ali, Li 2016]. The government of Pakistan strongly tightened up its anti-terrorist policy after the attack on the Army Public School in the North-Western Pakistani city of Peshawar (2014) and introduced certain policies against terrorism which up to date are not fully implemented.

Reasons behind the Terrorism

Pakistan is facing serious threats from traditional and non-traditional violent extremism, sectarianism, terrorism and armed conflict. This has had a negative impact on economic stability and social harmony and continues to unsettle the general public. Subversive activities and the modalities of terrorist and non-governmental armed groups targeting national security organizations and key facilities complicate the whole situation. The terrorist network lurks in the shadows and thrives on invisibility and ambiguity. Terrorism not only affects the socio-cultural environment, but also undermines existing scarce infrastructure in Pakistan through frequent attacks on educational institutions, medical facilities, communications networks and the country's energy supply [Chishti 2014]. The geographical location of Pakistan, sectarian issue, involvement of state actors, political instability, Pak—Indo and Pak—US conflicts and negative role of media form key reasons behind the terrorism.

Geographical Location

Pakistan is surrounded by India, Afghanistan, Iran and China, which all hold quite important place in world geopolitics. Traditionally, Pakistan has very unstable relations with India, Kashmir being a bone of contention between them. Pakistan and Afghanistan share the similar culture, religion and history, but the rise of terrorist attacks has ruined the friendly character of interaction. After the end of the Cold War, the relations of Pakistan with Afghanistan deteriorated. When the United States attacked Afghanistan to seize the Taliban regime, this danger was multiplied several times. Pakistan was forced to participate in the war which resulted in the conversion of the Federally Administered Tribal Area (FATA) into the land of terrorists due to the low security at the Pakistani border, resulting in enlarged aggressiveness in the Khyber Pakhtunkhwa (KPK) [Shah, Ayaz 2015]. Pakistan enjoys very good relations with China. Bilateral interaction with Iran is very unhealthy because of pressure from Saudi Arabia and the United States. So, geographical location of Pakistan is quite a serious hurdle in assuring security. If Pakistan wants to improve its security situation for decreasing the terrorism incidents, it should improve its relations with neighboring countries and contribute to its foreign policy. Moreover, it should also increase the security of its borders,

especially those with Afghanistan and India, as the main influx of terrorists is taking place from there.

Sectarian Issue in Pakistan

Background of the sectarian divide in Pakistan and the confessional differentiation between the Sunni and the Shite communities affect the country and society; religious radicalism and intolerance lead to sectarian issue in Pakistan, which failed to eliminate sectarian conflicts and social polarization. The feelings of hatred among different religious groups are mostly fueled by foreign forces which provide funding of different religious schools. People in the backward areas cannot afford the school fees whereas the madrassas provide free education, shelter and food. The religious education greatly affects the minds of small children and shapes their thinking according to the particular religious school approach. These sectarian differences are somehow acting as proxy war instrument between different schools. So, strategies should be developed to address the challenges of sectarian violence in Pakistan [Ahmar 2007].

Involvement of State-Actors in Pakistan

State actors are basically involved to a great extent in deteriorating the security situation. The menace of terrorism is spread by the state actors which are funded by foreign states with the purpose of destabilization of peace and internal dynamics. Attacks on so far above-ground targets in Pakistan as President, Prime Minister, Marriott Hotel, Sri Lankan Cricket Team, Army GHQ, PNS Mehran base, police stations, drone strikes and FC training centers etc. are mainly done by the state actors. Their final goal is to spread fear among the masses. These actions are part of an immensely colossal game of new regional players, trying to damage the image of Pakistan on the international level and make it a failed state [Javaid, Haq 2016].

Political Instability in Pakistan

The main cause of terrorism in Pakistan is a weak governance and political instability. Political turbulences and excessive dependency on military resolutions have led to the higher level of radicalism. Al Qaeda troops and their allies are still active in Pakistan. This link between Al Qaeda and the Pakistani Taliban serves a founding cause of uncertainty, which results in suicide bombings and bomb attacks throughout Pakistan [Sahill 2017].

Pak—US Conflict

The United States believes that Pakistan is a terrorist base and supports the terrorists operating in India, Kashmir and Afghanistan [Zeb 2006]. This served as a reason for the drone strikes inside the territory of Pakistan. The US government do drone strikes inside the territory of Pakistan without taking an official permission of the government, which resulted in high death toll in Pakistan. These drone attacks killed civilians more than extremists in the tribal areas. These drone attacks not only violated the sovereignty and territorial integrity of Pakistan but also violated the human rights charter of the United Nations, international laws and humanitarian laws [Anwar, Rafique 2012].

When the United States military killed Usama bin Laden inside the territory of Pakistan in 2011, there emerged a clash between Pakistan and the United States and the international community. The murder of Osama bin Laden led many to speculate that the Pakistani intelligence services are either accomplices or incompetent. The various conflicts in Pakistan and the Taliban violence in the country are still killing thousands of lives. Economic growth is still not enough to provide job opportunities for the growing population. Civilian and military leaders seem hesitant to carry out structural economic reforms in order to claim important international development assistance [Fair 2012].

Pak—India Conflict

Pakistan and India, the two immediate neighbors are having conflict with each other from the very beginning of their creation. Pakistan is a peaceful country and opts for a peaceful international order. It adheres firmly to the provisions of the UN Charter and the UN Declaration of Human Rights. It upholds the principle that any violent access to its territories is totally unacceptable. Up till now both the countries have fought four wars. Kashmir is the main bone of contention between the two countries. Shortly after partition in 1947 both the countries fought war over Kashmir. The 1965 war also dealt with the Kashmir issue. The third war was an armed confrontation between India and Pakistan which occurred during the partition of West Pakistan with East Pakistan in 1971. The fourth war was fought in 1999 in Kargil. Pakistan wants to solve all the conflicts with India but India time and again accuses Pakistan of having relations with militants in Kashmir.

Negative Role of Pakistani Media

Media plays a vital role as it is used to inform people about the problems and anti-plans of the country. Unfortunately, the current coverage of the internal situation in mass media does not take into account the possible effects on the public. The media must use more responsible reporting in the area of national interests, rather than representing its direct business interests. A well-organized media job can easily eliminate the very modest role of the public, leading to atrocities committed by combatants [Malik, He Zhilong 2018]. One should recognize that media has portrayed quite negative image of Pakistan on the international level. Pakistan is a country having gigantic natural assets and beautiful places. The negative image portrayed by media has resulted in the damage of tourism industry, as foreign tourists have stopped visiting Pakistan. No one is willing to invest in Pakistan because of the worse law and order situation portrayed by the media.

How Terrorism Has Effected Pakistan

Pakistan with the help of the United States produced Taliban during the Cold War, but these very Taliban turned against Pakistan in 2001 when United States attacked Afghanistan with the help of Pakistan. The Taliban started attacking the government institutions and its masses after the incident and has produced a culture of terrorism in Pakistan. Tehrik-e-Taliban Pakistan (TTP) attacked religious, political and civil society, scholars and doctors, schools and NGO offices, suicide bombings in universities, mosques and other important places increased to an unimaginable extent. More than 85,000 Pakistanis have been killed in various terrorist attacks, including 10,000 armed men there were 2,113 sectarian attacks, resulting in 2,913 deaths and 5,824 injuries [Syed, Javed 2017]. The main goal of the Taliban is to dwindle state power, hurt the morale of the armed forces, and avenge FATA's military operations. The Taliban launched suicide attacks in various parts of Pakistan, especially in Punjab, KPK and Islamabad, in FATA and Swat. Their main purpose is to hit the security forces [Fair 2015]. The main objective is to create fear, create massive victims, and destabilize the whole situation. Terrorism has deeply affected the education, economy and security of Pakistan.

Effect of Terrorism on Education

Education in Pakistan has also been affected by the war on terror. As a result of operations in contradiction of the Taliban and Al Qaeda, these rebels and radicals have ruined more than 190 schools in the tribal areas of Pakistan. Pakistan has the highest illiteracy rate. The Taliban prohibits the education of women in tribal areas. In addition, 42% of the boys educational institutes were demolished. Almost 150,000 students were underprivileged of education and 8,000 teachers were unemployed. Illiteracy is also a big issue for Pakistan. This has dire consequences for the constancy of the government and the future of education [Hoffman 2017].

Effect of Terrorism on the Security

After September 11, slowly and gradually, terrorism and radicalism increase and the security situation became dreadful. Thousands of people were killed in terrorist attacks and many more injured. The situation across the country was alarming, but in FATA and KPK, the security situation was even worst. In this awful situation, Pakistan needed domestic support and solidarity. In general, the security condition in Pakistan got deteriorated and the military forced were compelled to start military operation against the terrorists residing in North Western part of the country [Malik 2009]. Poverty in FATA is on the increase, leading to militancy and a feeble legal and regulatory form in Pakistan. This state was misused by the Taliban and Al Qaeda. They engaged these underprivileged youths and used them in their interests in contradiction of the country to weaken the protection of the country [Rabbi 2012].

Effect of Terrorism on the Economy

According to the World reports Pakistan is among the top ten countries which have been greatly affected by terrorism [Global Terrorism Index 2018]. Pakistan is the most important frontline country against the “war on terror”, the loss of the Pakistan’s economy is an obvious outcome. The Pakistani economy is affected at almost all economic fronts, including foreign, industrial, agricultural, commercial and service industries. The continued increase in terrorist activity has also affected the self-confidence of foreign investors, who have stopped foreign direct investment [Gul, Hussain, Bangash, Khattak 2010]. The effect of terrorism was felt to unpredictable

degrees in all economic sectors. The most prominent regions include tourism, hotels, manufacturing, trade, etc. These industries are interlinked with each other. Different factors such as Afghan immigrants, especially the influx of the Taliban, porous Pakistan-Afghanistan border; political turmoil, conspiracy from outside, population weaknesses and geographic attractiveness have exacerbated the terrorist process in Pakistan. All these factors are related to the “war on terror” and have worsened the overall economic situation in Pakistan [Khan 2018]. Terrorism has negatively affected the economy and the economic growth of Pakistan. One percent increase in terrorist incidents results in decreasing the per capita GDP growth to 0.39%. So the terrorists incidents have significantly affected the economy of the country [Hyder, Akram, Padda 2015].

Basic Interests of Pakistan

Pakistan is facing many challenges, but the issue of security is one which cannot be compromised. In order to fight terrorism Pakistan should review its national security policy and adapt it to the current conditions in order to protect its core values and national interests. The national purpose is democratic Pakistan based on the principles of Islamic social justice and sovereignty. The government of Pakistan should improve the national security by introducing reforms. The main policy goals of the internal and external security of Pakistan should be based on the following principles:

1. The government should emphasize on the state sovereignty and territorial integrity. This should include not only the four provinces of Pakistan but also Azad Jammu and Kashmir and Gilgit — Baltistan.

2. National unity should be determinant in the security assuring. Patriotic spirit should be inculcated through mass media, national days should be celebrated with full zeal and devotion. The nation should be united against all threats to the state integrity.

3. The menace of terrorism, extremism and radicalism are the biggest threats to the security which should be eliminated by introducing true reforms. Strict punishment should be given to those spreading these evils. Special emphasis should be given on improving the educational system. Madrassas which are spreading hatred in the society should be banned.

4. Good governance plays a crucial role in the internal development, reaching social and economic

prosperity and obtaining general stability. The government with the help of judiciary, military and bureaucracy must play a leading role in achieving these goals.

5. The biggest threat to a country is the evil of corruption that should be eliminated as soon as possible because it is a big hurdle in development process.

6. Appropriate planning for response to natural disasters, including environmental protection, population planning, tourism development and cultural and sports promotion is necessary to solve the basic challenges. A comprehensive national strategy should be the next step to ensure the fulfillment of goals in the mid and long term [Khan 2013].

There are two important developments that can determine the historical process. The first is that Pakistan has addressed the paradigm shift of jihadists through a comprehensive war on terrorism code-named Zarb-e-Azb, and has announced the development of National Action Plan (NAP) to combat terrorism in order to eradicate extremists as a national policy. The current president of Pakistan, Ashraf Ghani also wants to promote this change in Pakistan-Afghan politics. After winning the elections in 2014 he can be considered as the right candidate at the right time. Recent events have shown that Pakistan and Afghanistan are finally aware that their economic development depends on regional peace and mutual cooperation. In connection with India's strengthening

of the security infrastructure in Afghanistan, Pakistan's military operations on the western border have attracted Pakistan's security forces. However, the new Afghan government has removed this view by building a more friendly relationship with Pakistan, thereby reducing its geographical and historical burden [Syed, Saeed, Martin 2015].

Conclusion

No doubt, Pakistan cannot cure the menace of terrorism by force. To bring prosperity in Pakistan the government should adopt an appropriate strategy in order to win the hearts and mind of its citizens. It should provide loans to the masses on easy basis. Presently the government is spending just 2% of its GDP on education. It should increase this amount to 4% and try to eradicate poverty by giving jobs to the people especially in the tribal areas. It should also bring an end to the madrassa culture in Pakistan. The main reason behind the terrorism in terms of creating special culture and traditions is madrassas which get funds from international enemy states of Pakistan. The national media should also play a vital role to educate and inform people. The purpose of terrorist is to frighten society and to destroy peace. The government should also improve its relations with neighboring countries and the US. This would lead to stabilization of security situation and hence will bring prosperity to the country.

Received / Поступила в редакцию: 08.08.2019

Accepted / Принята к публикации: 16.10.2019

References / Библиографический список

- Afridi, M.K., Yousufi, M. & Khan, M. (2014). Military Operation as a Response to Terrorism : A Case Study of Malakand Division Pakistan. *Mediterranean Journal of Social Science*, 5 (20), 2000—2006.
- Afzal, S., Iqbal, H. & Inayay, M. (2012). Terrorism and Extremism as a Non-Traditional Security Threat Post 9/11: Implications for Pakistan's Security. *International Journal of Business and Social Science*, 3 (24), 194—203.
- Ahmar, M. (2007). Sectarian Conflicts in Pakistan. *Pakistan Vision*, 9 (1), 1—19.
- Ali, G. & Li, Z. (2016). Role of Economic Factors in Terrorism in Pakistan. *Quality & Quantity*, 50 (5), 2237—2250. DOI: 10.1007/s11135-015-0260-7
- Anwar, M.A. & Rafique, Z. (2012). Defense Spending and National Security of Pakistan : A Policy Perspective. *Democracy and Security*, 8 (4), 374—399. DOI:10.1080/17419166.2012.739551
- Chishti, N.A. (2014). Pakistan's National Security: An Analytical Study. *Journal of Asian Developmental Studies*, 3 (3), 94—98.
- Fair, C.C. (2012). Pakistan in 2011: Ten Years of the War on Terror. *Asian Survey*, 52 (1), 100—113.
- Fair, C.C. (2015). Explaining Support for Sectarian Terrorism in Pakistan: Piety, Maslak and Sharia. *Religions*, 6 (4), 1137—1167.
- Gul, T.G., Hussain, A.H., Bangash, S.B. & Khattak, S.W. (2010). Impact of Terrorism on Financial Markets of Pakistan. *European Journal of Social Sciences*, 18 (1), 98—108.
- Hoffman, B. (2017). Rethinking Terrorism and Counterterrorism Since 9/11. *Journal of Studies in Conflict & Terrorism*, 25 (5), 303—316.

- Hyder, S., Akram, N. & Padda, I.U.H. (2015). Impact of Terrorism on Economic Development in Pakistan. *Pakistan Business Review*, 1 (1), 704—722.
- Global Terrorism Index. (2018). *Global Terrorism Index 2018: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace.
- Javaid, U. & Haq, M.A.U. (2016). Political Challenges and Security Issues in FATA and Its Impact on Economic Development. *A Research Journal of South Asian Studies*, 31 (1), 367—380.
- Khan, H. (2013). Pakistan's Contribution to Global War On Terror After 9/11. *IPRI*, XIII (1), 37—56.
- Khan, I.A. (2018). Understanding Pakistan's Pro-Taliban Afghan Policy. *Pakistan Horizon*, 60 (2), 141—157.
- Malik, S. (2009). Security Sector Reforms in Pakistan: Challenges and Future Prospects. *South Asian Survey*, 16 (2), 273—289. DOI: 10.1177/097152310901600207
- Malik, Z.U.A. & He Zhilong. (2018). Present Scenario of Central Asia with Respect to Pakistan and Afghanistan in the Light of Security Challenges. *International Journal of Political Science*, 4 (1—4). DOI: 10.20431/2454-9452.0403001
- Musharraf, P. (2006). *In the Line of Fire: A Memoir*. Free Press.
- Rabbi, F. (2012). War against Terrorism and its Repercussions for Pakistan. *Pakistan Journal of History and Culture*, XXXIII (2), 72—90.
- Sahill, P.H. (2017). The Terror Speaks: Inside Pakistan's Terrorism Discourse and National Action Plan. *Studies in Conflict & Terrorism*, 41 (4), 319—337. DOI: 10.1080/1057610x.2017.1284448
- Shah, S.A.A. & Ayaz. (2015). International Security Assistance Force Drawdown from Afghanistan: Challenges and Opportunities. *FWU Journal of Social Sciences*, 9 (1), 1—8.
- Syed, F.Z. & Javed, S. (2017). Deterrence : A Security Strategy against Non Traditional Security Threats to Pakistan. *International Journal of Social Sciences and Management*, 4 (4), 267—274.
- Syed, S.H., Saeed, L. & Martin, R.P. (2015). Causes and Incentives for Terrorism in Pakistan. *Journal of Applied Security Research*, 10 (2), 181—206.
- Zeb, R. (2006). Cross Border Terrorism Issues Plaguing Pakistan — Afghanistan Relations. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4 (2), 69—74.

About the authors: *Malik Zain Ul Abiden* — PhD Scholar, School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Shaanxi, China (e-mail: zainulabiden@snnu.edu.cn).

He Zhilong — Professor, School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Shaanxi, China.

Rafay Mubeen — Masters in International Relations, University of Sargodha, Pakistan.

Сведения об авторах: *Малик Зайн уль-Абиден* — соискатель степени PhD, Школа истории и цивилизации, Шэньсийский педагогический университет, Шэньси, Китай.

Хе Джилонг — профессор Школы истории и цивилизации, Шэньсийский педагогический университет, Шэньси, Китай.

Рафай Мабин — магистр международных отношений, Университет Саргодха, Пакистан.

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Научная статья

Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма

А.Э. Яшлавский

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Research article

Myths and Reality of “Lone Wolf” Terrorism in the Context of Islamist Extremism

A.E. Yashlavskii

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Одной из наиболее опасных тенденций в современном терроризме является рост количества террористических актов, совершаемых одиночными акторами, не связанными напрямую с существующими террористическими организациями. В случае террористических проявлений, мотивированных салафитско-джихадистскими идеями, эту тенденцию можно рассматривать в контексте трансформации террористических группировок в организации с «плоской иерархией» и использования тактики «автономного джихада».

В статье анализируются особенности терроризма «одиночек», действующих под влиянием воинствующей исламистской идеологии. Хотя по сравнению с крупными террористическими группировками потенциал одиночных экстремистов выглядит не столь впечатляющим, террористы-одиночки не менее опасны, что обусловлено, прежде всего, особой трудностью предотвращения терактов, осуществляемых ими. В то же время террористические группировки, с одной стороны, используют действия одиночных акторов в своих пропагандистских целях, а с другой — пытаются воодушевить потенциальных единомышленников на действия в одиночку. Таким образом, действия террористов-одиночек оказываются вписанными в более широкий контекст экстремистского движения («глобального джихада»).

В статье делается вывод, что хотя борьба с терроризмом «одиночек» крайне затруднена, противодействие этой угрозе не только необходимо, но и возможно. В то же время эта борьба требует максимальной гибкости и ответственности.

Ключевые слова: террористы-одиночки, терроризм, джихадизм, автономный джихад, ИГИЛ («Исламское государство»), ИГ — организация запрещена в РФ), «Аль-Каида» (организация запрещена в РФ)

Для цитирования: Яшлавский А.Э. Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 632—642. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Abstract. One of the most dangerous trends in present-day terrorism is the growth of terrorist acts perpetrated by lone actors, not directly connected with existing terrorist organizations. In the case of terrorist manifestations motivated by Salafi-jihadist ideas, this trend can be viewed in the context of the transformation of terrorist groups in organizations with a “flat hierarchy” and the use of tactics of “autonomous jihad”.

© Яшлавский А.Э., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The article analyzes the peculiarities of the terrorism of “lone actors”, acting under the influence of militant Islamist ideology.

Although the potential of lone actors does not look so impressive compared to large terrorist groups, “lone wolves” terrorists are not becoming less dangerous.

The danger of the phenomenon is due to the particular difficulty of preventing terrorist acts carried out by lone terrorists. At the same time, existing terrorist groups (e.g. ISIS), on the one hand, use the actions of lone terrorists for their propaganda purposes, and, on the other, try to inspire potential like-minded people to act alone. Thus, the actions of lone terrorists are included in the wider context of the extremist movement (“global jihad”).

The article concludes that countering this threat is not only necessary, but possible. But this struggle requires both flexibility and responsibility.

Key words: lone terrorists, lone wolf terrorism, lone actor terrorism, terrorism, jihadism, autonomous jihad, leaderless jihad, ISIL (ISIS, Islamic State, IS — organization is prohibited in the Russian Federation), Al-Qaeda (organization is prohibited in the Russian Federation)

For citation: Yashlavskii, A.E. (2019). Myths and Reality of “Lone Wolf” Terrorism in the Context of Islamist Extremism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 632—642. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642

Введение

Терроризм, остающийся одной из самых главных угроз, с которыми приходится сталкиваться современному миру, демонстрирует способность развиваться, приспосабливаться к новым условиям и противостоять вырабатываемым контртеррористическим мерам. Особую остроту эта проблема приобретает в свете военно-политического разгрома крупных террористических группировок, сумевших в середине 2010-х гг. установить контроль над крупными территориями в ряде стран Ближнего Востока (прежде всего в Сирии и Ираке), что снижает финансовые, организационные и логистические возможности экстремистских сетей для организации и проведения терактов. В этом контексте одной из тенденций начала XXI в. становится возрастающее число атак, осуществленных «террористами-одиночками» или маленькими автономными группами, не связанными организационно и напрямую с террористическими группировками.

Авторы доклада *Global Terrorism Index 2017* указывают, что за период с 2008 по июнь 2017 г. наблюдается рост количества терактов, осуществленных одиночками. Если в 2008 г. в странах, входящих в ОЭСР, был зафиксирован один такой теракт, то за первую половину 2017 г. — 58 [*Global Terrorism Index 2017*: 69]. Устроенная в Норвегии террористом А. Брейвиком в 2011 г. серия кровопролитных терактов «породила глубокое осмысление опасности, представляемой „волками-одиночками“, и способности существующих контртеррористических мер противостоять такому типу нападений» [Spaaij 2012: 1].

В англоязычном пространстве наряду с понятиями *lone terrorism*, *lone actor terrorist* используется также форма *lone wolf terrorism* (терроризм

волков-одиночек). Использование этого термина (как потенциально прославляющего террористов или улучшающего их имидж) нередко оспаривается представителями академического сообщества и СМИ [Gill 2015: 11]. Заметим, что вышеперечисленными терминами не исчерпывается круг названий, который используется различными авторами для описания феномена: *freelancers* («внештатники»), *lone operator terrorists* («одиночно действующие террористы»), *solo terrorists* («соло-террористы»), *loners* («одиночки»), *stray dogs* («бродячие псы»), *leaderless terrorism* («терроризм без руководства»), *individual terrorism* («индивидуальный терроризм»), *self-activated terrorism* («самоактивируемый терроризм») и т.д. Такое многообразие свидетельствует, прежде всего, о сложности и неоднозначности этого феномена, который с трудом поддается четкому и бесспорному определению (впрочем, то же самое можно сказать и о терроризме в целом).

Так, например, голландские исследователи Э. Баккер и Я. де Рой ван Зюйдевийн определяют «терроризм одиночных акторов» как «угрозу или использование насилия единственным исполнителем (или маленькой ячейкой), не действующим исключительно по персонально-материальным причинам с целью воздействовать на широкую аудиторию, а также действующим без всякой прямой поддержки при планировании, подготовке и осуществлении нападения, и чье решение действовать не направляется какой-либо группировкой или другими индивидуумами (хотя, возможно, и вдохновлены другими)» [Brynielsson et al. 2012: 42]. В свою очередь, исследователи Дж. Гленн и Т. Дж. Гордон определяют террористов-одиночек как «отдельных индивидов, действующих преимущественно в одиночку, убивающих

или ранивших людей или причиняющих значительный ущерб важной инфраструктуре в отдельном инциденте или в течение продолжительного времени, или планирующих совершить это — в целях политических, религиозных или идеологических. Террористическими „одинокими волками“ не руководят внешние иерархии. Мишенями их могут быть конкретные отдельные группы или недифференцированные массы людей» [Glenn, Gordon 2014: 207]. В целом схожее определение дает канадский исследователь Б. Беннет: «Терроризм „одиночных волков“ включает индивидуальных экстремистов, которые обычно действуют в одиночку или на периферии существующих экстремистских группировок, причиняя серьезный ущерб или вызывая значительный урон. Как правило, „одиночные волки“ не имеют прямых связей с террористическими группировками. Их деятельность может вдохновлять других на действия и часто выражается в подражательных преступлениях» [Bennet 2007: 46].

На наш взгляд, феномен «терроризма одинок» можно определить как использование отдельным человеком (или микрогруппой), не связанным напрямую с террористическими группировками, преднамеренного, политически и идеологически мотивированного насилия, как правило, в отсутствии состояния войны (особенно конвенциональных военных действий).

Целью статьи является не только вычленение особенностей феномена «терроризма одинок», вдохновленных салафитско-джихадистской идеологией, но и попытка «нащупать ахиллесову пяту» этого опасного явления и продемонстрировать, что, несмотря на одиночный характер явления, оно может быть вписано в более широкий контекст «глобального джихада», под знаменами которого выступают религиозно мотивированные экстремисты.

Новый старый феномен

Проблема «терроризма одинок» весьма широка, как широка и ее география. Следует заметить, что феномен террориста-одиночки не нов. Правда, в прошлом мишенью действующих в одиночку террористов становились, как правило, конкретные лица (главы государств и правительств, политики и т.д.), тогда как в современных условиях жертвами террористов-одинок чаще всего становятся самые обычные люди (как гражданские лица, так и представители силовых структур).

Еще в конце 1990-х гг. эксперт по терроризму Б. Хоффман фактически писал о террористах-одиночках (не упоминая их напрямую) как о новой тенденции: «Ранее терроризм был не просто вопросом воли и побуждения к действию, но обладанием способностью совершить теракт — соответствующей подготовкой, доступом к вооружению и тактическими знаниями. Все это не было широко доступно, и такие знания приобретались посредством обучения в лагерях, созданных другими террористическими организациями, либо в содействии с государствами, спонсирующими террористов. Однако сегодня информацию о средствах и методиках терроризма можно с легкостью получить в книжном магазине, через почтовый заказ от издателя, на компакт-диске или даже во Всемирной сети... Таким образом, терроризм стал доступным средством действия для любого, кто испытывает недовольство, имеет какую-либо программу, цель или все вышеперечисленное в произвольной комбинации» [Хоффман 2003: 250—251].

Можно констатировать, что обозначенная два десятилетия назад тенденция действительно оформилась в значительную угрозу, причем благодаря развитию информационных технологий террористы-одиночки получили в лице Интернета источники «вдохновения» как в идеологическом, так и в «техническом» смысле. Как замечает Э.Г. Соловьев, сопутствующая глобализации «информационная революция и революционные технологические изменения позволили негосударственным субъектам играть существенно более заметную роль в международной политике. При этом возникновение новых субъектов действия... нередко выглядит как подъем и активизация маргиналов в глобальном масштабе, *the rise of "global idiots"*» [Соловьев 2006: 10]. Во многом именно небывалое развитие и повсеместная доступность информационных технологий подстегнули и разрастание феномена одиночных акторов в сфере терроризма.

Приметой современности стало использование террористами джихадистского толка зачастую «подручных средств», получить которые для одинок не составляет больших — а то и вовсе никаких — усилий. Это, например, транспортные средства (личные, взятые напрокат или угнанные), холодное оружие (вплоть до кухонных ножей) — или их сочетание. Так, террорист-одиночка Х. Масуд совершил теракт близ Вестминстер-

ского дворца в Лондоне 22 марта 2017 г., преднамеренно направив свой автомобиль на пешеходов, а потом нанеся смертельные ножевые удары полицейскому. И эта тенденция в последние годы становится, похоже, все более устойчивой. Купленные в магазине ножи стали орудием устроенного М. Арпоном 3 октября 2019 г. в полицейской префектуре Парижа нападения, жертвами которого стали 4 сотрудника полиции (по данным прокуратуры, нападавшего можно охарактеризовать как радикализировавшегося исламиста).

По данным исследований проекта *Countering Lone-Actor Terrorism (CLAT)*, наиболее часто одиночные исполнители терактов предпочитают огнестрельное оружие (31%), взрывчатку (17%) и холодное оружие (12%). При этом 92% террористических заговоров с использованием холодного оружия и 100% заговоров с применением огнестрельного оружия привели к реальным нападениям, в то время как в случае с заговорами с применением взрывчатых веществ лишь 45% оказались успешными. «Заговоры, использующие только огнестрельное или холодное оружие, требуют меньшего планирования и представляют мало возможностей для правоохранительных органов предотвратить их» [Ellis et al. 2016: 34].

Эволюцию феномена «терроризма одиночек» можно рассматривать двояко — как в историческом, когда терроризм помещался его апологетами в контекст «тираноборства» (убийство А. Линкольна Дж.У. Бутом (1865 г.), президента Дж.Ф. Кеннеди — Л.Х. Освальдом (1963 г.), сенатора Р. Кеннеди — С. Серханом (1968 г.), премьер-министра Израиля И. Рабина — И. Амиром (1995 г.)), так и в современном контексте продолжающегося размывания традиционных иерархических структур террористических организаций. Эту тенденцию ярче всего иллюстрируют такие радикально-исламистские группировки, как ИГИЛ¹ и «Аль-Каида», «которые принимают форму безлидерного джихада, не сулящую ничего хорошего в будущем. Обе группировки были некогда высокоцентрализованными иерархическими структурами, но сейчас переходят к стратегии, которая трансформирует их в текущие оперативные образования. И это играет им на руку» [Schori Liang 2017: 88].

¹ ИГИЛ, ИГ, ДАИШ («Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство») — террористическая организация, запрещенная в РФ и других странах.

В частности, можно говорить о том, что такие группировки, как ИГИЛ, все более трансформируются в террористические организации с «плоской иерархией» (что подразумевает минимизацию уровней управления, большую самостоятельность их ячеек и «филиалов» и возрастающую роль «симпатизантов», которые могут быть не связаны напрямую и организационно с конкретными группировками). Более того, наблюдается тенденция к смене террористической тактики в пользу «автономного джихада», при котором террористические группы или отдельные исполнители действуют независимо от центрального командования или координаторов экстремистского подполья, а в качестве непосредственных исполнителей используются не имеющие оперативной связи с кураторами и лидерами террористических организаций одиночки, вербуемые через Интернет.

Зачастую непосредственная связь террориста-одиночки с какими-либо экстремистскими группировками может отсутствовать. Однако она может наличествовать в виде идеологической «накачки» (например, через распространяемую в Интернете пропаганду). Не исключено, что тот или иной террорист-одиночка может заявить о своей приверженности какой-либо террористической группировке. Равно не исключается и другой вариант: когда террористическая группировка может приписать себе действия одиночки, что создает иллюзию «могущества и всеохватности» группировки.

Исследующий проблему «терроризма одиночек» Дж. Саймон выделяет пять основных типов террористов-одиночек в зависимости от их мотивации:

1) *секулярные «волки-одиночки»* (насильственные атаки в политических, этнонационалистических или сепаратистских целях);

2) *религиозные «волки-одиночки»* (насильственные действия осуществляются во имя той или иной религии; примером может служить американский майор Нидал Малик Хасан, расстрелявший сослуживцев на военной базе в Техасе в 2009 г.);

3) *«волк-одиночка» отдельной проблемы, single-issue lone wolf* (насилие осуществляется во имя какой-либо особой проблемы: аборты, права животных, окружающая среда и т.д.);

4) *криминальные «волки-одиночки»* (мотивацией для насильственных акций служит в основном стремление к получению финансовой выгоды);

5) *идиосинкразический «волк-одиночка»* (своеобразный, сугубо индивидуальный, экстравагантный, иногда психически нездоровый) — особенностью этой категории, согласно Дж. Саймону, является то, что хотя идиосинкразический террорист-одиночка действует во имя некоей цели, главным образом двигателем насилия служат его личностные и психологические проблемы (например, рассылавший в США бомбы по почте Т. Казински, известный как «Унабомбер») [Simon 2013: 6—7].

Такая типология не может не вызвать возражений, главные из которых следует отнести к категории «криминального» террориста-одиночки, поскольку большинство определений терроризма строятся на том, что террористическое насилие предполагает наличие политической и идеологической составляющих. Впрочем, Дж. Саймон, похоже, сам осознает шаткость своей классификации, указывая на то, что большинство аналитиков не расценивают «криминальных» одиночек как террористов.

Количество в «качество»

В рамках данной статьи основным предметом рассмотрения служат террористы-одиночки, действующие под влиянием радикально-исламистских идей, и не только потому, что именно салафитско-джихадистский экстремизм является «законодателем террористической моды» начала XXI в. Сама по себе концепция «одиночки» конфликтует с идеями общинности, традиционно сильными в салафитско-джихадистской среде, однако поддержка деятельности одиночных акторов со стороны экстремистских сетей выглядит «прагматической и зависящей от обстоятельств», в частности, в связи с тем, что террористы-одиночки лучше защищены от наблюдения со стороны спецслужб, чем члены подпольных ячеек (и, соответственно, труднее поддаются разоблачению, а замышленные одиночками теракты — предотвращению). Специфику «одиночек», действующих под флагом салафитско-джихадистских идей, составляет то, что их действия как объективно, так и субъективно включаются в контекст более широкого экстремистского движения.

Можно согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что «исламистский элемент феномена современного террориста-одиночки — то, что беспокоит правительства и спецслужбы. Десятилетняя война против террора снизила главную угрозу со стороны существовавших исламистских террористических группировок. „Центральная“ „Аль-Каида“, например, была вытеснена на периферию исламского мира, а ее лидеры оказались вынуждены жить в подполье в страхе перед тем, что следующая крылатая ракета упадет им на голову... От „Аль-Каиды“ остался третий элемент треножника „командование — контроль — коммуникация“, а именно коммуникация» [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 3]. Следует оговориться, что в случае радикализации потенциальных террористов-одиночек идеологи экстремистов не ставят целью наличие двусторонней коммуникации: обратная связь между идеологами и их аудиторией, как правило, и не нужна (хотя, само собой, есть и примеры иной ситуации).

Именно наличие коммуникации (прежде всего через Интернет) можно рассматривать в качестве одного из главных условий для взращивания террористическими сетями своих активных и пассивных сторонников, в том числе и вдохновленных экстремистскими идеями террористов-одиночек. В случае «Аль-Каиды» большую роль играла работа одного из ее идеологов, А. аль-Авлаки, чьи пропагандистские материалы оказали огромное воздействие на радикализацию целого ряда террористов-одиночек. Что касается конкурирующей с «Аль-Каидой» другой террористической группировки — ИГИЛ, то трудно не согласиться с мнением, что ею создан «новый вид терроризма, использующего инструменты маркетинга и цифровых коммуникаций не только для „социализации террора“ через общественное мнение (как это делали предшествовавшие террористические группировки), но и через делание террора популярным, востребованным и поддающимся воспроизведению»². И к проблеме «терроризма

² Lesaca J. On Social Media, ISIS Uses Modern Cultural Images to Spread Anti-modern Values // Brookings Institute. September 24, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/techtank/2015/09/24/on-social-media-isis-uses-modern-cultural-images-to-spread-anti-modern-values/> (accessed: 28.01.2019).

одинок» вышеприведенная цитата имеет, на наш взгляд, самое прямое отношение.

Исследовательница из Гарвардского университета Ф. Пандит не без оснований утверждает, что «экстремистские группировки сегодня искусно ориентируются в сложном цифровом пространстве, цементируя альянсы и распространяя идеологии „Мы против них“. Их цель: вербовать для своей идеологии легионы молодых людей. Принимает ли террористическая угроза форму фальшивых халифатов или одиночек, разрушающих наши спортивные мероприятия, праздники, концерты или железнодорожные вокзалы, они все используют молодежь. Как экстремистам известно, эта совокупность потенциальных рекрутов быстро растет» [Global Terrorism Index 2018: 69].

Террористические группировки могут обладать достаточно большим потенциалом для осуществления крупномасштабных терактов, что делает их особо опасными. По сравнению с ними возможности одиночных экстремистов выглядят не столь впечатляющими. Однако делает ли это обстоятельство террористов-одиночек менее опасными? Безусловно, нет.

По данным проекта CLAT, в период с 1 января 2000 г. по 31 декабря 2014 г. в странах ЕС (а также Норвегии и Швейцарии) было идентифицировано 98 террористических заговоров с участием одиночных акторов. В них были вовлечены 79 отдельных человек, 12 «двоек» и 7 «троек». Среди этих 98 заговоров успешными атаками оказались 72. Из них в 60 случаях действовали одиночки, в 6 — «двойки» и еще в 6 — «тройки» [Ellis et al. 2016: 34; De Roy van Zuijdevijl, Bakker 2016]. Хотя статистические данные говорят, что осуществленные одиночками нападения не выглядят, на первый взгляд, эффективными, однако жизнь показывает, что и действующие в одиночку террористы могут причинить огромный ущерб: достаточно вспомнить двойной теракт А. Брейвика (77 погибших), теракт в Ницце (87 погибших) или расстрел в мечетях в новозеландском Крастчёрче в 2019 г. (51 погибший).

Более того, есть основания опасаться, что количество террористических атак, устроенных экстремистами-одиночками, может перерасти в «качество». Опасность заключается не только в причинении смерти и увечий жертвам терактов. Можно с большой уверенностью говорить, что

«сверхзадачей» идеологов салафитско-джихадистского экстремизма, де-факто эксплуатирующих экстремистов-одиночек в своих целях, состоит в подогревании атмосферы страха и разжигании взаимного недоверия между людьми. Можно согласиться с мыслью, что целью экстремистов в Европе стало провоцирование чрезмерной реакции со стороны властей и общества, что послужило бы отчуждению и радикализации мусульманских сообществ: «ИГИЛ разработало кампанию по нагнетанию насилия в европейских обществах с целью дать резкий старт кампании атак низкой интенсивности против немусульманского населения в Европе, что должно поляризовать европейское общество» [Cafarella, Zhou 2017: 5].

В случае террористов-одиночек террористические действия мыслятся их вдохновителями скорее как «асимметричная война», как один из способов ведения «войны» против ненавистного им общества и ненавистного мира, нежели как средство принуждения и/или средство революционного преобразования мира. В ряде случаев такие действия преподносятся как акт возмездия (в частности, устроитель теракта на Вестминстерском мосту в Лондоне 22 марта 2017 г. Х. Масуд объяснил свою атаку действиями западных стран на Ближнем Востоке). Исламистские террористические сети, провозглашая одной из своих целей «священную войну» против Запада, активно продвигают идеи ведения этой войны, в том числе и силами террористов-одиночек (не отказываясь при этом, естественно, от крупномасштабных, хорошо спланированных, скоординированных операций).

«Аль-Каида» (в данном случае — ее ответвление «Аль-Каида на Аравийском полуострове»), начиная с 2010 г., делала ставку на возвращение одиночек — прежде всего, используя англоязычное онлайн-издание *Inspire*. В частности, в этом издании речь шла о тактике и технике мелкомасштабных, устроенных «кустарным» способом атак на Западе. «Этот журнал имел революционное значение для салафитско-джихадистского сообщества, поскольку он первым стал комбинировать религиозное оправдание джихада на обиходном английском языке с практическим руководством, — отмечают авторы доклада, подготовленного в 2016 г. Институтом военных

исследований (США). — Он предоставлял открытую линию коммуникаций со стороны руководства „Аль-Каиды“, в частности, покойного Анвара аль-Авлаки, не подвергая риску безопасность ни лидеров группировки, ни читателей. Целью „Аль-Каиды“ было расширение ее кампании насилия против Запада с помощью мелких, одноразовых атак» [Kagan, Kagan, Cafarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 24].

По словам эксперта Женевского центра политики безопасности К. Шори-Лян, онлайн-журнал *Inspire* породил в качестве формы безлидерного джихада так называемый «джихад в открытом доступе» и стратегию, «вдохновляющую одиночных акторов на проведение джихада». Ликвидация А. аль-Авлаки в 2011 г., продолжает исследовательница, произвела незначительный эффект: «Его идеи, подобно открыткам от мертвого человека, продолжают вдохновлять людей на джихад. Его проповеди вылились в 72 случая терроризма в США и вдохновили атаки „волков-одиночек“ в Соединенном Королевстве, Канаде и Франции» [Schori Liang 2017: 89]. Именно пропагандистская деятельность А. аль-Авлаки сильно повлияла на братьев Царнаевых, устроивших теракт на Бостонском марафоне (2013 г.). С рядом экстремистов, устроивших или пытавшихся устроить террористические акты, Анвар аль-Авлаки переписывался по электронной почте лично (в частности, с майором Н.М. Хасаном, устроившим бойню сослуживцев на базе Форт-Худ).

Что касается запрещенной в РФ организации ИГИЛ, то руководство этой террористической группировки также придает немалое значение действиям одиночек, используя их в пропагандистских целях. При этом приоритет отдается частоте атак, осуществленных во имя группировки. В частности, представитель ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани в сентябре 2014 г. призывал сторонников группировки осуществлять как можно больше терактов, не требующих экстенсивной подготовки ради эффективности. «ИГИЛ считает, что осуществленные ее сторонниками в индивидуальном порядке частые атаки в сочетании с существованием в материальной форме ее халифата создает уникальную „международную атмосферу террора“, превосходящую по своему эффекту широкомасштабные теракты „Аль-Каиды“ против Запада» [Kagan, Kagan, Cafarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 25].

Достаточно показательным служит пример использования «Исламским государством» действий предположительно террориста-одиночки в своих пропагандистских целях в случае теракта в Ницце 14 июля 2016 г., когда погибли более 80 человек. Направивший в толпу людей тяжелый грузовик М. Лахуаэдж-Бухлель родился в Тунисе, но имел вид на жительство во Франции. Ранее был замечен в случаях домашнего насилия, был известен полиции в связи с уголовными правонарушениями (включая вооруженное насилие). Тем не менее, он не был включен властями в список потенциальных экстремистов. Есть данные, что он употреблял алкоголь, наркотики, по словам родственников, обычно не отличался набожностью, не молился и не соблюдал пост в месяц Рамадан. Однако за несколько месяцев до нападения М. Лахуаэдж-Бухлель начал посещать мечеть и незадолго до теракта отрастил бороду, утверждая, что это имеет «религиозное значение». Начиная с 1 июля он практически ежедневно искал в Интернете стихи из Корана и нашиды, в его компьютере обнаружены изображения, связанные с радикальным исламом. По данным следствия, он также выражал поддержку ИГИЛ. В свою очередь, связанный с ИГИЛ онлайн-ресурс *Amaq News Agency* назвал его «одним из солдат „Исламского государства“».

Несмотря на то, что по делу о теракте в Ницце были задержаны несколько выходцев из Туниса и Албании, на наш взгляд, нападение устроено как теракт «одиночки», а не было спланировано и организовано группировкой ИГИЛ. Аналогичным образом был осуществлен и теракт на рождественской ярмарке в Берлине 19 декабря 2016 г., когда 24-летний тунисец А. Амри направил грузовик на посетителей предпраздничного базара. В отличие от М. Лахуаэджа-Бухлеля, А. Амри находился в поле зрения служб безопасности и попал в список потенциально опасных исламистов. Известно, что он искал контакты с другими исламистами, более того, записал видео с присягой на верность лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. Однако представляется сомнительным прямое участие ИГИЛ в организации теракта, что не помешало группировке взять на себя ответственность за него.

Как отмечает С. Теич, «одинокие волки мотивированы сочетанием личных обид и более широких целей. Почти у всех проанализирован-

ных преступников были огромные личные обиды: развод, проблемы опеки над детьми, потеря работы, психические заболевания, домогательства и многое другое. Во всех случаях преступники не были религиозно набожны всю свою жизнь — в большинстве случаев радикальный ислам использовался в качестве утешения после страданий от личных обид. Радикальный ислам стал привлекательным нарративом для этих людей: он снял вину с человека, вывел на поверхность их личные проблемы и обвинил западное общество» [Teich 2013: 22—23].

Некоторые сторонники ИГИЛ рассматривают тему террористов-одиночек в свете возможности слияния их в ячейки, которые со временем могут осуществлять повстанческие действия на Западе. Таким образом, «волки-одиночки расцениваются как первый шаг к организации, которая может по-настоящему принести войну в самое сердце Запада» [Kagan, Kagan, Safarella, Gambhir, Zimmerman 2016: 25]. С одной стороны, потенциально возникает ощутимая угроза со стороны таких террористических ячеек, объединяющих силы и ресурсы уже не одиночек, а групп террористов. С другой стороны, такое развитие событий само по себе «ставит крест» на одиночном характере террористов, превращая их в ячейку, что в каком-то смысле делает их более уязвимыми.

Одиночество в сети

В свете активных попыток салафитско-джихадистских сетей воодушевлять на совершение терактов как можно большее количество экстремистов-одиночек можно ли говорить о феномене «одиночек» в чистом виде, особенно если эти акторы заявляют о своей верности «Аль-Каиде» или ИГИЛ? Проблему можно сформулировать и более широко: действительно ли террористы-одиночки одиноки? И вообще, имеет ли смысл вычленять проблему террористов-одиночек в контексте салафитско-джихадистского терроризма, «играющего первую скрипку» в терроризме начала XXI в.?

Как верно заметил один из исследователей данного феномена, угроза терроризма «одиночек» предстает перед нами как одна из «самых сбивающих с толку, приводящих в замешательство и опаснейших форм насилия в наше время»: теоретически любой человек, вдохновленный экстре-

мистской идеологией, распространяемой через Интернет или благодаря личным контактам со сторонниками различных воинствующих идей, или даже просто решивший совершить теракт по личным или иным причинам, может стать террористом-одиночкой, при этом такой тип террористов находится «вне радаров» правоохранительных органов, из-за чего попытки предотвратить насильственные акты крайне сложны; опасность же связана с отсутствием ограничений уровня насилия у не связанного никакими сценариями одиночки (в отличие от террористических группировок, которые нередко ориентируются на то, какие последствия или реакцию вызовет тот или иной теракт) [Simon 2013: 1].

Как утверждают Р. Спаидж и М.С. Хамм, концепция террористов-одиночек, состоящая «в отсутствии сотрудничества с другими лицами или группами», не означает, что «одинокие волки» действительно одиноки в своем деле или действуют в социальном политическом вакууме [Spraaj, Hamm 2015: 170]. Иными словами, терроризм «одинокого волка» должен быть помещен в более широкий контекст личной истории человека, социальных отношений, а также политической или религиозной борьбы. Некая степень внешнего социального влияния часто используется во время цикла террористических атак, особенно на уровне идеологического формирования и (онлайн и/или офлайн) общения с посторонними, включая взаимодействие с экстремистскими материалами или «террористическим пиаром».

Как справедливо замечает О.Н. Новикова, «об абсолютной независимости террориста-одиночки вообще не может идти речь. Самостоятельность при проведении теракта не означает, что террорист не испытывает вообще никакого внешнего влияния при принятии решения о его совершении. Это влияние может быть не прямое, а опосредованное, что особенно очевидно, когда речь идет о приверженности идеологии, которая может подталкивать индивида к насильственным действиям» [Новикова 2017b: 190—191]. Ставят под сомнение «одиночество» террористов-одиночек и другие авторы, утверждающие, что «волки-одиночки не сидят в темных подвалах, занимаясь саморадикализацией (если использовать ставший популярным в ЕС термин) перед компьютером», а представляют собой «значительную часть более

широкого сообщества акторов со схожими взглядами» [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 4].

Канадский исследователь Д. Хофманн полагает, что радикализация, планирование и рабочие этапы одиночных акторов связаны (или подвержены влиянию) с комплексом многочисленных социодинамик межличностных или малых групп [Hofmann 2018: 6]. Наблюдается тенденция, при которой «одиночки» делятся информацией о террористических заговорах с друзьями и коллегами по работе. В ряде случаев «одиночки» при планировании и приведении в исполнение своих террористических замыслов искали помощи у посторонних отдельных лиц; знакомые одиночных акторов играют важную роль в идеологических дискуссиях, при этом родственники в идеологических сетях играют гораздо меньшую роль. Действительно, нередко террористы-одиночки «оповещают» о своем намерении совершить насилие. Около половины всех преступников перед терактом вольно или невольно допускают «утечку» свидетельств, указывающих на их экстремистские взгляды, причем иногда это даже откровенные угрозы совершить теракт. При этом для преступников с религиозной мотивацией характерна «утечка» информации друзьям и членам семей [Новикова 2017а: 14]. Безусловно, такие «утечки» не являются гарантией того, что спецслужбы и правоохранительные органы обратят внимание на потенциального террориста и сумеют предотвратить теракт. Более того, даже при наличии подобных сигналов в условиях демократического общества нелегко предпринимать превентивные меры.

«Одна из главных проблем, связанных с выявлением возможных террористов-одиночек, состоит в том, что отсутствует устойчивый или типичный профиль „волка-одиночки“, — справедливо отмечают авторы исследования, подготовленного Шведским агентством оборонных исследований. — Более того, террористов-одиночек трудно поймать, используя традиционные методы разведки, поскольку они не являются группами, куда можно проникнуть или которые можно прослушивать. Однако есть много конкретных действий, предпринимаемых отдельным лицом (не обязательно нелегальных), которые могут расцениваться как слабые сигналы и ко-

торые, будучи комбинированными, могут обозначить интерес к актам терроризма. Распознавание и анализ цифровых следов, оставленных онлайн-активностью возможных террористов-одиночек — один из аспектов в трудной проблеме обнаружения террористов-одиночек прежде, чем они нанесут удар» [Brynielsson et al. 2012: 204]. Действительно, многие эксперты по антитеррористической деятельности сходятся во мнении, что на сегодняшний день главное средство по обнаружению и надежному сдерживанию насильственных действий террористов-одиночек — это эффективное отслеживание Интернета на предмет признаков радикализации или нарождающегося насилия [Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism 2015: 4].

Заключение

Приходится констатировать, что в деле противодействия растущей угрозе со стороны террористов (и террористов-одиночек в частности) общество оказывается перед серьезной дилеммой: с одной стороны, необходимо обеспечить безопасность для граждан и эффективно противостоять замыслам экстремистов, а с другой — сохранить свою демократическую идентичность, основанную на соблюдении прав человека и т.д. Так, мониторинг онлайн-деятельности потенциальных террористов может быть воспринят как опасность для правового государства и демократических ценностей, а борьба с реальной террористической угрозой и экстремизмом в Интернете может незаметно перерасти в «охоту на ведьм». Безусловно, действия властей и спецслужб в этой сфере должны быть максимально ответственными — иначе возникает серьезный риск, что ни в чем не повинные люди могут попасть под пресс контртеррористической борьбы, тогда как настоящие экстремисты останутся вне поля зрения до тех пор, пока не совершат свои преступные действия. Бесспорно, противостояние террористической угрозе со стороны одиночных акторов жизненно необходимо, хотя и затруднено в силу специфики описываемого феномена, не лишеного, впрочем, «ахиллесовой пяты».

Наличие связей одиночных акторов с «внешним миром» не делает феномен «терроризма одиночек» чем-то призрачным. Другое дело, что рассматривать его, действительно, необходимо

в более широком контексте террористической и экстремистской активности, тем более что вольно или невольно террористы-одиночки становятся инструментом в руках идеологов экстремистских (в частности салафитско-джихадистских) идей. Это обстоятельство выделяет религиозно мотивированных одиночных акторов

терроризма в особую категорию, нуждающуюся в самом пристальном и всестороннем изучении. Хотя борьба с терроризмом «одиночек» крайне затруднена, противодействие этой угрозе не только необходимо, но и возможно. В то же время эта борьба требует максимальной гибкости и ответственности.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Новикова О.Н. Армия из одного человека // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2017b. № 45 (61). С. 12—15.
- Новикова О.Н. Терроризм «одиноких волков» // *Актуальные проблемы Европы*. 2017a. № 4. С. 188—207.
- Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Bennet B.P. Understanding, Assessing, and Responding to Terrorism: Protecting Critical Infrastructure and Personnel. New York: Wiley-Interscience, 2007.
- Brynielsson J., Horndahl A., Johansson F., Kaati L., Martenson Ch., Svenson P. Analysis of Weak Signals for Detecting Lone Wolf Terrorists // Swedish Defence Research Agency (FOI). 2012. European Intelligence and Security Informatics Conference. URL: https://www.foi.se/download/18.7fd35d7f166c56ebe0bffc0/1542623690297/Analysis-of-weak-signals_FOI-S-4093-SE.pdf (accessed: 10.01.2019). DOI: 10.1109/EISIC.2012.20
- Cafarella J., Zhou J. ISIS's Expanding Campaign in Europe // Institute for the Study of War. September 18, 2017. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed: 27.02.2018).
- De Roy van Zuijdewijn J., Bakker E. Analysing Personal Characteristics of Lone-Actor Terrorists: Research Findings and Recommendations // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10. Iss. 2. P. 42—49.
- Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Smith M., Gomis B. et al. Analysing the Processes of Lone-Actor Terrorism: Research Findings // *Perspectives on Terrorism*. 2016. Vol. 10. Iss. 2. P. 33—41.
- Gill P. Lone-Actors Terrorists: A Behavioral Analysis. London: Routledge, 2015.
- Glenn J.C., Gordon T.J. 2013—14 State of Future. Washington: The Millennium Project, 2014.
- Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2017. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Global Terrorism Index 2018. Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2018. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf> (accessed: 04.02.2019).
- Hofmann D. How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists // The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society (TSAS). Working Paper Series. Winter 2018. No. 18-02. URL: <http://www.tsas.ca/wp-content/uploads/2018/02/TSAS-Working-Paper-Hofmann-Lone-Actors-Final.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kagan F.W., Kagan K., Cafarella J., Gambhir H., Zimmerman K. Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe // Institute for the Study of War. January 2016. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/PLANEX%20Report%201%20--%20FINALFINALFINAL.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism* / Ed. by J. Kaplan, H. Loow, L. Malkki. London: Routledge, 2015.
- Schori Liang Ch. Leaderless Jihad in a Leaderless World: The Future of Terror // *Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November 2017. P. 88—91. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Simon J.D. Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat. NY: Prometheus Books, 2013.
- Spaaij R. Understanding Lone Wolf: Global Patterns, Motivations and Prevention. Dordrecht: Springer Verlag, 2012.
- Spaaij R., Hamm M.S. Key Issues and Research Agendas in Lone-wolf Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 167—178.
- Teich S. Trends and Developments in Lone Wolf Terrorism in the Western World: An Analysis of Terrorist Attacks and Attempted Attacks by Islamic Extremists. International Institute for Counter-Terrorism. October 2013. URL: <https://www.ict.org.il/Article/691/Trends%20and%20Developments%20in%20L#gsc.tab=0> (accessed: 20.01.2019).

References

- Bennet, B.P. (2007). *Understanding, Assessing, and Responding to Terrorism: Protecting Critical Infrastructure and Personnel*. New York: Wiley-Interscience.
- Brynielsson, J., Horndahl, A., Johansson, F., Kaati, L., Martenson, Ch. & Svenson, P. (2012). *Analysis of Weak Signals for Detecting Lone Wolf Terrorists*. Swedish Defence Research Agency (FOI). European Intelligence and Security Informatics Conference. URL: https://www.foi.se/download/18.7fd35d7f166c56ebe0bffc0/1542623690297/Analysis-of-weak-signals_FOI-S-4093-SE.pdf (accessed: 10.01.2019). DOI: 10.1109/EISIC.2012.20
- Cafarella, J. & Zhou, J. (2017). *ISIS's Expanding Campaign in Europe*. Institute for the Study of War. September 18. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed: 27.02.2018).
- De Roy van Zuijdewijn, J. & Bakker, E. (2016). Analysing Personal Characteristics of Lone-Actor Terrorists: Research Findings and Recommendations. *Perspectives on Terrorism*, 10 (2), 42—49.
- Ellis, C., Pantucci, R., de Roy van Zuijdewijn, J., Bakker, E., Smith, M., Gomis, B. et al. (2016). Analysing the Processes of Lone-Actor Terrorism: Research Findings. *Perspectives on Terrorism*, 10 (2), 33—41.
- Gill, P. (2015). *Lone-Actors Terrorists: A Behavioral Analysis*. London: Routledge.
- Glenn, J.C. & Gordon, T.J. (2014). *2013—14 State of Future*. Washington: The Millennium Project.
- Global Terrorism Index 2017. (2017). *Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Global Terrorism Index 2018. (2018). *Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf> (accessed: 04.02.2019).
- Hofmann, D. (2018). *How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists*. The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society (TSAS). Working Paper Series. Winter, 18-02. URL: <http://www.tsas.ca/wp-content/uploads/2018/02/TSAS-Working-Paper-Hofmann-Lone-Actors-Final.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kagan, F.W., Kagan, K., Cafarella, J., Gambhir, H. & Zimmerman, K. (2016). *Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe*. Institute for the Study of War. January. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/PLANEX%20Report%201%20--%20FINALFINALFINAL.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Kaplan, J., Loow, H. & Malkki, L. (Eds.). (2015). *Lone Wolf and Autonomous Cell Terrorism*. London: Routledge.
- Novikova, O.N. (2017a). “Lone Wolves” Terrorism. *Actual Problems of Europe*, 4, 188—207. (In Russian).
- Novikova, O.N. (2017b). One Person Army. *European Security: Developments, Evaluation, Prognosis*, 45 (61), 12—15. (In Russian).
- Schori Liang, Ch. (2017). Leaderless Jihad in a Leaderless World: The Future of Terror. In: *Global Terrorism Index 2017. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace. November, 88—91. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (accessed: 30.01.2019).
- Simon, J.D. (2013). *Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat*. NY: Prometheus Books.
- Solovyev, E.G. (2006). *Transformation of Terrorist Organizations in the Globalization Context*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).
- Spaaij, R. & Hamm, M.S. (2015). Key Issues and Research Agendas in Lone-wolf Terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*, 38 (3), 167—178.
- Spaaij, R. (2012). *Understanding Lone Wolf: Global Patterns, Motivations and Prevention*. Dordrecht: Springer Verlag.
- Teich, S. (2013). *Trends and Developments in Lone Wolf Terrorism in the Western World: An Analysis of Terrorist Attacks and Attempted Attacks by Islamic Extremists*. International Institute for Counter-Terrorism. October. URL: <https://www.ict.org.il/Article/691/Trends%20and%20Developments%20in%20L#gsc.tab=0> (accessed: 20.01.2019).

Сведения об авторе: Яшлавский Андрей Эдуардович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора теории политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: dossier@mail.ru).

About the author: Yashlavskii Andrei Eduardovich — PhD in Politics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (e-mail: dossier@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-643-653

Научная статья

Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе

С.А. Бокерия, В.В. Данилов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Cultural Diplomacy of Italy within the EU Cultural Strategy

S.A. Bokeriya, V.V. Danilov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

В статье анализируется культурная политика Италии, являющаяся одним из основных инструментов «мягкой силы» страны наряду с публичной дипломатией, итальянским языком, образованием и научной деятельностью. Несмотря на наличие большого количества исследований по реализации «мягкой силы», данная тема сегодня остается недостаточно изученной, поскольку концепция «мягкой силы» возникла в конце XX в. и подавляющее большинство исследований зарубежных авторов посвящены американской модели «мягкой силы», суть которой изложена в работах Дж. Ная-мл. Выявлено, что в научных исследованиях итальянской концепции уделяется недостаточно внимания. Авторы поставили задачу более основательного рассмотрения культурной модели Италии, используемой в качестве компонента «мягкой силы». По итогам проведенного структурного, сравнительного и институционального анализа выявлены ключевые проблемы в развитии культурной модели, а также взаимосвязь между успешной реализацией культурной дипломатии и экономическим кризисом. Рассмотрены основные наработки правящих кругов Италии в сфере реализации культурной дипломатии, проведен анализ деятельности специализированных институтов власти, ответственных за распространение культуры страны и итальянского языка за рубежом. Проанализированы основные рейтинги «мягкой силы», отражающие эффективность ее реализации, в частности, данные рейтинга национальных брендов Anholt-GfK Nation Brands Index и международного исследования The Soft Power 30. Предложены меры для обеспечения эффективности использования основных ресурсов «мягкой силы» в Италии, которые нацелены на объединение деятельности уполномоченных институтов и учреждений, а также направлены на создание единой комплексной стратегии популяризации, финансирования и продвижения компонентов «мягкой силы» как внутри государства, так и во внешнеполитическом курсе.

Ключевые слова: Италия, «мягкая сила», культура, политика, экономика, дипломатия, культурная стратегия ЕС

Для цитирования: Бокерия С.А., Данилов В.В. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 643—653. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-643-653

Abstract. The article analyzes the cultural policy of Italy, which is one of the key soft power instruments of the country, along with public diplomacy, the Italian language, education and scientific activities, through the prism of the cultural strategy of the EU. Despite the presence of a large number of articles on soft power implementation, this issue remains insufficiently covered

© Бокерия С.А., Данилов В.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

today, since the concept of soft power emerged at the end of the 20th century in the framework of the American international relations school (J. Nye) and the majority of academic foreign papers are still devoted to the American soft power model.

It is revealed that scientific community paid not enough attention to the Italian soft power phenomenon. The author's goal is to analyze the cultural model of Italy, used as one of soft power component. According to the results of the structural, comparative and institutional analysis, fundamental problems in the development of the Italian cultural model were identified, as well as the links between the successful adoption of cultural diplomacy and economic crisis. The governmental initiatives in Italy in realization of cultural diplomacy and the EU cultural strategy are thoroughly reviewed. The analysis of the activities of specialized government institutions responsible for the cultural promotion of the country and the Italian language abroad is carried out.

The soft power rankings, reflecting the effectiveness of cultural policy, in particular, Anholt-GfK Nation Brands Index and The Soft Power 30 are being analyzed. Measures to ensure the efficient use of the soft power resources in Italy are proposed. They are mostly aimed at combining the activities of existing institutions and forming an integrated strategy for popularizing, financing and broadening soft power components both within the state and foreign policy strategy.

Key words: Italy, “soft power”, culture, politics, economy, diplomacy, EU cultural strategy

For citation: Bokeriya, S.A. & Danilov, V.V. (2019). Cultural Diplomacy of Italy within the EU Cultural Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 643—653. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-643-653

Процесс глобализации международной политики, социальной сферы и экономики повлиял на взаимопроникновение культур, а также развитие межкультурной коммуникации. Культура как сфера сотрудничества государств стала интернационализироваться, воздействуя на межгосударственные отношения, а также внешнеполитический курс каждой страны.

Благодаря иммиграции, мобильности, размытию границ между регионами и столицами государств ЕС можно назвать поликультурным обществом. С одной стороны, это положительно влияет на обогащение культур и формирование толерантного отношения к нациям других стран. С другой стороны, данный факт спровоцировал определенные проблемы и риски для ЕС: как финансовые проблемы, так и неприятие странами, являющимися принимающей стороной, негативных последствий пребывания мигрантов (вандализм, насилие и т.д.).

Культура по своей природе двойственна: она выступает объединяющим началом народов Европы, что обусловлено общей историей и длительностью межкультурного диалога; также культура понимается как проявление уникальной идентичности каждого отдельного государства, его национального своеобразия. Примечательно, что согласно ЮНЕСКО культурное развитие Европы заключается в развитии культурной идентичности на основании сохранения культурного многообразия.

Основными механизмами «мягкой силы» государства является культурная сфера, а также применение инструментов культурной дипломатии

в целях экспорта культурных и национальных ценностей страны [Бокерия, Соколова 2014: 93]. Культурная стратегия ЕС реализуется на базе национальных культурных моделей государств-участников, являющихся инструментами «мягкой силы».

Несмотря на тот факт, что такого понятия, как «мягкая сила», в Италии ранее никогда не существовало и оно было заимствовано у Соединенных Штатов Америки, политика, характеризующая именно этот аспект внутренней и внешнеполитической деятельности Италии, прослеживалась на протяжении всей истории страны, со времен Римской республики и до сегодняшних дней. Более двух тысячелетий формируются и постоянно меняются внешняя и внутренняя политика Италии, а с ней и подходы, концепции и способы ее реализации. Подходы и методы реализации «мягкой силы» постоянно модернизируются в соответствии с требованиями эпохи. Несомненно, «мягкая сила» Италии — это важный социально-политический и культурно-цивилизационный фактор, активно влияющий на формирование взглядов не только внутри страны, но и за ее пределами. К негосударственным механизмам реализации «мягкой силы» относятся внутригосударственные рычаги управления и развития культуры, деятельность филантропических фондов и спонсорских организаций. В данной группе находятся и масс-медиа, которые частично находятся под государственным контролем.

В результате анализа среза научных статей и монографий как российских, так и зарубежных авторов, можно выделить несколько групп работ,

посвященных рассмотрению аспектов реализации «мягкой силы». К первой группе можно отнести монографии таких зарубежных авторов, как К. Хэйдэн [Hayden 2011], М.К. Донфрайд [Searching for a Cultural Diplomacy 2010], М. Каммингс [Cummings 2003], Ш. Риордан [Riordan 2003], Х.Б. Фейгенбаум [Feigenbaum 2001], Э. Пайтинка [Pajtinka 2014], посвященные культурной, а также публичной дипломатии, ее роли во внешнеполитическом курсе государства.

Вторую группу представляют труды исследователей «мягкой силы» и ее компонентов в Италии: в частности, отечественные авторы Т.В. Зонова [2004], Е.П. Бажанов и Н.Е. Бажанова [Бажанов, Бажанова 2011], К.М. Табаринцева-Романова [2014], Е.В. Василенко [2013] исследовали дипломатию Италии в различных аспектах; итальянские исследователи Г. Митидьери¹ и А. Теста² проанализировали воздействие итальянского языка на «мягкую силу» Италии, Е. Франчесчини³ рассмотрел роль итальянской культуры, туризма и научно-исследовательской деятельности, оказывающих влияние на позитивный имидж страны. Стоит отметить, что итальянские ученые поддерживают трактовку «мягкой силы», предложенную Дж. Наем [Nye 2017: 1—3], заключающуюся в том, что сила государства состоит в способности добиваться от других желаемых результатов, в то время как американские авторы в современных работах пытаются расширить понятие «мягкой силы», предложенное Дж. Наем, найти альтернативные трактовки.

Отдельную группу исследований составляют работы, посвященные структурному анализу «мягкой силы» в контексте культурного влияния [Звягина 2012; Ковба 2017].

¹ Mitidieri G. Il potere morbido della lingua italiana // Blog dei dipartimenti d'italiano delle EOI Sagunt. 2016. URL: <https://italiaeoisagunt.blogspot.ru/2016/10/il-potere-morbido-della-lingua-italiana.html> (accessed: 14.01.2018).

² Testa A. Il potere morbido della lingua italiana // Internazionale. 17 ottobre 2016. URL: <https://www.internazionale.it/opinione/annamaria-testa/2016/10/17/lingua-italiana-potere> (accessed: 16.01.2018).

³ Franceschini E. Cultura, turismo e ricerca ecco le nazioni del «potere morbido» // La Repubblica. 19 novembre 2012. URL: http://www.repubblica.it/economia/2012/11/19/news/cultura_turismo_e_ricerca_ecco_le_nazioni_del_potere_morbido-46985263/ (accessed: 18.01.2018).

Что же касается комплексного подхода к итальянской концепции «мягкой силы», то в научном сообществе ей уделяется недостаточно внимания, несмотря на множество исследований, которые освещают лишь отдельные компоненты данного феномена.

Италия в международных рейтингах

Согласно международному рейтингу Soft Power 30⁴, составленному агентством Portland и оценивающему по шести основным критериям (государственные институты, культура, дипломатия, образование, экономика, цифровая дипломатия) способности 30 государств использовать «мягкую силу», Италия с 2015 по 2018 г. находилась примерно на одной и той же позиции в пределах 11—13-го места (табл. 1). Суммарное количество баллов Италии с каждым годом повышается, что отражает рост эффективности предпринятых инициатив в рамках продвижения компонентов «мягкой силы». Несмотря на политические потрясения в Италии, связанные с экономическими и миграционными проблемами, безработицей среди молодежи, Италия смогла подняться с 13-й позиции в 2017 г. на 12-ю в 2018 г. во многом потому, что она занимает лидирующие позиции в международных рейтингах. По данным отчета по итогам рейтинга за 2018 г., богатая культура Италии обеспечивает огромный запас «мягкой силы». Страна является культурной сверхдержавой с объектами всемирного наследия ЮНЕСКО. Итальянская кухня — одна из самых популярных в мире, в стране находятся известные музеи и галереи, итальянский — это язык оперы. Кроме того, в стране сильна футбольная культура и конкурентоспособная индустрия моды. С одной стороны, результаты рейтинга отражают определенные успехи Италии в реализации «мягкой силы», с другой — указывают на неиспользованный в полной мере потенциал для работы.

Данные результаты связаны с экономическим кризисом, который по причине наплыва мигрантов усугубил социально-экономические проблемы в Италии.

⁴ The Soft Power 30. 2018 Overview. URL: https://softpower30.com/country/italy/?country_years=2018 (accessed: 01.04.2019).

Таблица 1 / Table 1

**Позиция Италии в рейтинге Soft Power 30 в 2015—2018 гг. /
Italy's ranking in the Soft Power 30 rating, 2015—2018**

Государство / Country	Год / Year	Позиция в рейтинге / Rank	Количество баллов / Index Score
Италия/Italy	2015	12	63,09
	2016	11	63,79
	2017	13	64,70
	2018	12	70,40

Источник / Source: Soft Power 30 Data. URL: https://softpower30.com/country/italy/?country_years=2018 (accessed: 20.03.2019).

Таблица 2 / Table 2

**Рейтинг национальных брендов Anholt-GfK Nation Brands Index за 2016—2018 гг. /
Rating of national brands Anholt-GfK Nation Brands Index, 2016—2018**

Государство / Country	Год / Year		
	2018	2017	2016
Германия / Germany	1	1	2
Япония / Japan	2	4	7
Великобритания / Great Britain	3	3	3
Франция / France	4	2	5
Канада / Canada	5	4	4
Италия / Italy	6	7	6
США / USA	6	6	1
Швейцария / Switzerland	8	8	8
Швеция / Sweden	9	10	10
Австралия / Australia	10	9	9

Источник / Source: составлено авторами по: Country Reputation: Key Findings Anholt-GfK Nation Brands Index 2016. URL: <https://placebrandobserver.com/results-anholt-gfk-nation-brands-index-2016/> (accessed: 20.03.2019); Germany Retains Top “Nation Brand” Ranking, U.S. Out of Top Five Again. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2018-10/nation_brands_index_final_10.25.18.pdf (accessed: 20.03.2019).

Согласно данным авторитетного британского журнала Monocle, бизнес и инновации являются неотъемлемой частью реализации «мягкой силы» государства⁵. В соответствии с ежегодным международным рейтингом национальных брендов Anholt-GfK Nation Brands Index Италия на протяжении трех последних лет устойчиво удерживает 6-е или 7-е место из десяти стран (табл. 2). Эта позиция была примерно схожа с американской в 2017 и 2018 гг.

В ходе заседания межведомственной рабочей группы по международной деятельности Италии (Sabina di Regia per l'Italia Internazionale) в октябре 2017 г. были обнародованы промежуточные итоги выполнения «Плана по продвижению про-

дукции с маркировкой “Made in Italy” («Сделано в Италии») и привлечению инвестиций». Отмечен постоянный рост экспорта товаров, который по итогам 2017 г. составил 7,6%. Кроме того, число проектов, реализованных с помощью зарубежных инвестиций, увеличилось на 62%. Также по результатам 2017 г. Италия улучшила свою позицию, переместившись с 18-го на 13-е место в рейтинге Foreign Direct Investment Confidence Index, рассчитываемом компанией A.T. Kearney, а в 2018 г. заняла 10-е место⁶.

Актуальная значимость полученных в результате анализа данных подтверждается тем, что

⁶ The 2018 A.T. Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index.2018. URL: <https://www.atkearney.com/foreign-direct-investment-confidence-index> (accessed: 06.03.2019).

⁵ About Monocle // Monocle. URL: <https://monocle.com/about/> (accessed: 29.03.2019).

не только продукция, производимая в государстве, может повышать рейтинг страны, но также и само государство может быть само по себе брендом [Anholt 2005].

Реализация культурной политики в Италии

Политика Италии в области охраны культурного достояния начала формироваться раньше, чем в других странах Европы [Миронова 2009: 48]. Среди основных приоритетов «мягкой силы» Италии следует выделить распространение культуры страны и итальянского языка за рубежом. С нормативно-правовой точки зрения эти вопросы находятся в ведении Министерства иностранных дел Италии, непосредственно в Генеральной дирекции по продвижению концепции «Система — Страна»⁷ Генеральной дирекции по вопросам итальянцев за рубежом и миграционной политики⁸ и Генеральной дирекции по содействию развитию⁹. Данные учреждения вносят огромный вклад в популяризацию достижений итальянской культуры и распространение национального языка.

Начиная с 2001 г. в рамках продвижения итальянской культуры за рубежом Итальянские институты культуры на ежегодной основе проводят Неделю итальянского языка в мире. Эта масштабная серия мероприятий в 2018 г. состоялась в 80 странах на базе 130 посольств Италии и Институтов итальянской культуры.

Помимо Институтов культуры продвижением итальянского языка на мировом уровне занимается Общество Данте Алигьери, основанное в Риме в 1889 г. Его миссия заключается не только в распространении итальянского языка и культуры, но и в налаживании связей с соотечественниками за рубежом. На данный момент Общество включает более 100 отделений в Италии и более

400 учреждений по всему миру. Культурные центры Данте Алигьери проводят курсы итальянского языка, организуют выставки, лекции, кинопоказы, литературные чтения, вечера итальянской песни и поэзии, гастроли театральных коллективов и показы мод. Общество является членом национальных институтов по культуре Европейского союза (*European Union National Institutes for Culture, EUNIC*) и курирует вопросы выделения грантов и стипендий для исследователей итальянской культуры.

Общество Данте Алигьери по соглашению с МИД Итальянской Республики имеет полномочия проводить сертификацию на уровень владения итальянским языком по собственной экзаменационной системе PLIDA (*Progetto Lingua Italiana Dante Alighieri*).

В 2011 г. в результате реформирования деятельности МИД Италии, заключающегося в переходе от традиционной системы взаимодействия между управлениями внешнеполитической службы страны по территориальному признаку к сотрудничеству на основе тематических сфер, появилась новая концепция «Система Италия» (с ит. *Sistema Paese*). «Система Италия» представляет собой синтез всех областей деятельности государства: культурной, экономической, научно-технологической, производственной и т.д. Среди ключевых стратегических целей Генеральной дирекции по продвижению данной концепции — продвижение интересов итальянских компаний, а также распространение итальянской культуры и языка за рубежом, наращивание экономических связей с развивающимися странами¹⁰. Согласно документу *La nuova Farnesina per il Sistema Paese*¹¹, опубликованному на сайте МИД Италии, новая концепция может дать скоординированный и эффективный ответ на вызовы, возникающие в связи с растущей конкурентоспособностью и новым измерением глобализированных рынков. Таким образом, «Система Италия» курирует сетевое взаимодействие всех субъектов «мягкой силы» в рамках вышеописанных направлений деятельности.

⁷ Direzione generale per la promozione del sistema Paese // Ministero degli Affari Esteri. URL: <http://www.esteri.it/MAE/IT/Ministero/Struttura/DGPromozioneSistemaPaese/> (accessed: 01.04.2019).

⁸ Direzione generale per gli italiani all'estero e le politiche migratorie // Ministero degli Affari Esteri. URL: <http://www.esteri.it/MAE/IT/Ministero/Struttura/DGItalianiEstero/> (accessed: 01.04.2019).

⁹ Direzione generale per la cooperazione allo sviluppo // Ministero degli Affari Esteri. URL: <http://www.esteri.it/MAE/IT/Ministero/Struttura/DGCoopSviluppo/> (accessed: 01.04.2019).

¹⁰ Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. *Diplomazia Culturale*. 2019. URL: <https://www.esteri.it/mae/it/> (accessed: 05.05.2019).

¹¹ *La nuova Farnesina per il Sistema Paese*. URL: https://www.esteri.it/mae/ministero/pubblicazioni/allegati/20110615_farnesina_sistema_paese.pdf (accessed: 15.05.2019).

Первая особенность модели сотрудничества субъектов, реализующих «мягкую силу» Италии (органы власти, бизнес, институты, гражданское общество), характеризуется децентрализацией. В частности, посольства с 2011 г. получили автономный статус, курируя вопросы финансирования проектов в странах присутствия, а также управления своей деятельностью.

Вторым аспектом является активное участие НПО в содействии международному развитию и поддержке итальянского правительства на данном направлении. Органы власти Италии успешно взаимодействуют с НПО, промышленными палатами, университетами и компаниями как внутри страны, так и за рубежом, в то время как посольства обеспечивают реализацию «мягкой силы», в том числе посредством сотрудничества с Итальянским институтом международной торговли (ICE)¹², Национальной ассоциацией итальянских коммун (ANCI)¹³, выполняя координирующую роль. В этом и заключается отличительная особенность итальянской политики «мягкой силы».

Как отмечено в распоряжении МИД Италии № 392¹⁴, национальные институты культуры, расположенные за рубежом, функционируют в соответствии с п. 8 Закона № 401¹⁵ на автономной основе и в связке с иными итальянскими институтами, аналогичными учреждениями в стране пребывания или представительствами третьих стран.

Бывший министр экономики Италии Д. Трёмonti, пытаясь объяснить сокращение расходов государства в области культуры в период кризиса, заявил, что «культурой сыт не будешь»¹⁶. Дейст-

вительно, обеспечение культурной дипломатии страны, как и прочие государственные проекты, требует капиталовложений и времени для получения ощутимых результатов. В период кризиса максимально сокращаются дотации в тех сферах, которые косвенно касаются экономического благополучия страны и граждан. По данным рейтинга стран по уровню расходов на культуру, сферу развлечений и религию, составленному агентством Eurostat, Италия потратила на нужды культуры в 2018 г. всего лишь 0,8% ВВП¹⁷, несмотря на то, что 2018 г. был объявлен Европейским годом культурного наследия. Это менее 1% от национального бюджета, что составляет лишь половину среднеевропейского показателя (2,2%) и существенно меньше, чем аналогичные показатели Эстонии (2,1%) и Венгрии (3,3%)¹⁸.

Итальянская модель культурной политики противоположна американской: имея потенциал, государство не использует его для укрепления личного влияния, а финансирует культурные программы по остаточному принципу. Так, в 2018 г. 0,28% государственного бюджета было направлено на реализацию культурной политики, что не соответствует реальным потребностям поддержания культурного наследия. В 2018 г. объем финансирования культуры Италии составил 2,4 млрд евро¹⁹.

В кризисное время создание условий по привлечению туристов является ключевой составляющей «мягкой силы» Италии в области культуры. Сектор туризма в значительной степени влияет на состояние экономики: согласно статистике Всемирной туристической организации, страна является пятым по популярности международным

¹² Agenzia ICE. Italian Trade & Investment Agency. URL: <https://www.ice.it/it> (accessed: 05.05.2019).

¹³ Associazione Nazionale Comuni Italiani. URL: <http://www.anci.it/> (accessed: 05.05.2019).

¹⁴ Regolamento recante norme sull'organizzazione, il funzionamento e la gestione finanziaria ed economico-patrimoniale degli istituti italiani di cultura all'estero. D.M. 27 aprile 1995, n. 392 (1). URL: https://www.esteri.it/mae/normative/normativa_consolare/attivita-culturali/cultura/istituti/dm392_1995.pdf (accessed: 15.05.2019).

¹⁵ Riforma degli Istituti italiani di cultura e interventi per la promozione della cultura e della lingua italiane all'estero. L. 22 dicembre 1990, n. 401 (1). URL: https://www.esteri.it/mae/normative/normativa_consolare/attivita-culturali/cultura/istituti/l_401_1990.pdf (accessed: 15.05.2019).

¹⁶ “Con la cultura non si mangia”. Lo diceva Tremonti, ora lo sottoscrive Obama. Studiate economia, non storia

dell'arte, dice ai giovani del Wisconsin. URL: <http://www.artribune.com/2014/02/con-la-cultura-non-si-mangia-lo-diceva-tremonti-ora-lo-sottoscrive-obama-studiate-economia-non-storia-dellarte-dice-ai-giovani-del-wisconsin/> (accessed: 05.04.2016).

¹⁷ См.: Венгрия — лидер по расходам на культуру, сферу развлечений и религию // Коммерсантъ. 22.09.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3750298> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ora la cultura vale lo 0,28% del bilancio dello Stato // Il Giornale delle Fondazioni. 03.11.2017. URL: <http://www.ilgiornaledellefondazioni.com/content/ora-la-cultura-vale-lo-028-del-bilancio-dello-stato> (accessed: 05.03.2019).

туристическим направлением. Кроме того, согласно данным ЮНЕСКО, Италия в списке стран — носителей культурного наследия занимает первое место (54 памятника культуры)²⁰. По данным, приведенным в отчете UNWTO Tourism Highlights 2018, за 2017 г. страну посетили 58,3 млн туристов²¹, в то время как в 2018 г. — 62,8 млн. Прирост туристов составил 4,5 млн человек за 1 год, что, безусловно, отражает положительную динамику по популярности и посещаемости Италии.

В начале XXI в. Италия в туристической сфере утратила позиции, отдав пальму первенства Испании и Франции. Согласно докладу Destination Italy 2020, который был подготовлен The Boston Consulting Group для Министерства туризма и спорта, туризм в Италии сталкивается с такими проблемами, как: слабая инфраструктура, низкая конкурентоспособность предложений, недостаточно эффективное управление отраслью, ощутимое различие уровня туризма в различных регионах страны. Объективно Италия проигрывает Франции и Испании в соотношении цены и качества туристического продукта²².

Аналитики международного центра исследований по экономике туризма Ciset отмечают, что для правительства Италии одной из приоритетных задач в туристической сфере является продвижение неизвестных направлений, таких как аутентичное ремесленное дело, винные и гастрономические туры, а также популяризация альтернативных видов туризма, что позволит разгрузить самые востребованные туристические маршруты, увеличить количество несезонных гостей и обеспечить постоянный приток средств в бюджет страны на протяжении всего года²³.

²⁰ Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <http://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 04.03.2019).

²¹ UNWTO Tourism Highlights: 2018 Edition. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876> (accessed: 06.03.2019).

²² См.: Turismo Italia 2020. Leadership, Lavoro, Sud. Roma, 2013. P. 20. URL: http://www.ontit.it/opencms/export/sites/default/ont/it/documenti/archivio/files/piano_strategico.pdf (accessed: 06.03.19).

²³ В 2017 году туристы потратили в Италии почти €40 миллиардов // Международные инвестиции. 15.06.2018. URL: <http://internationalinvestment.biz/tourism/689-v-2017-godu-turisty-potratili-v-italii-pochti-40-milliardov.html> (дата обращения: 06.03.2019).

Культурная дипломатия Италии получила новый виток развития в 2013 г., когда глава МИД Э. Бонино заявила, что огромный потенциал культуры Италии должен быть использован как инструмент в развитии экономики и внешней политики. С этой целью министерство выработало Стратегический план развития туризма «Италия 2020». В этом плане определены семь направлений развития:

- увеличение поддержки отрасли государством; повышение эффективности управления;
- создание современного туристического предложения, соответствующего новым требованиям;
- «перезагрузка» Национального агентства по туризму в новом формате;
- развитие инфраструктуры и транспорта;
- создание системы по подготовке кадров;
- увеличение притока инвестиций за счет бюрократических реформ.

В случае успешной реализации этого плана Министерство туризма обещает стране к 2020 г. полмиллиона новых рабочих мест для коренных жителей и вклад в ВВП страны в размере около 30 млрд евро²⁴. В этом случае туризм действительно будет важным инструментом обеспечения экономической силы государства, что еще раз доказывает необходимость предельного внимания к данной области в Италии.

Одну из ведущих ролей в сфере улучшения туристического имиджа страны играет ENIT — Национальное агентство по туризму. В 1919 г. декретом № 2099 от 12.11.1919 Виктора Эммануила III был учрежден ENIT — Национальное управление по развитию индустрии туризма.

²⁴ См.: В 2017 году туристы потратили в Италии почти €40 миллиардов // Международные инвестиции. 15.06.2018. URL: <http://internationalinvestment.biz/tourism/689-v-2017-godu-turisty-potratili-v-italii-pochti-40-milliardov.html> (дата обращения: 06.03.2019); Bonino, diplomazia culturale per valorizzare e rilanciare patrimonio ed economia Italia // Farnesina. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 13.06.2010. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/06/20130613_bonino_diplomazia.html (accessed: 02.04.2019); Gnudi P. Una strategia unica per il turismo // Il Sole 24 Ore. 19 gennaio 2013. URL: <https://st.ilsole24ore.com/art/commenti-e-idee/2013-01-19/strategia-unica-turismo-093612.shtml?uuid=AbD3vrLH&fromSearch=> (accessed: 02.04.2019).

Затем декрет был преобразован в закон № 610 от 07.04.1921. В 2005 г. на основании декрета № 35 от 14.03.05, который был преобразован в закон № 80 от 14.05.02, Национальное управление по развитию индустрии туризма было переименовано в Национальное агентство по туризму.

Основными современными задачами агентство определило:

— заботиться о комплексном продвижении туристических ресурсов регионов;

— поощрять различные виды национального туризма;

— создавать рекламные стратегии на национальном и международном уровне за рубежом и поддерживать информацию в области маркетинга итальянских туристических продуктов;

— проводить консультационную деятельность и поддержку государства, регионов и других государственных органов, участвующих в продвижении туристических продуктов, определять подходящие коммерческие стратегии, которые позволяют Италии эффективно представлять себя на зарубежных рынках;

— организовывать консультационные услуги, помощь и сотрудничество для государственных и частных организаций, в том числе офисов и региональных учреждений, поощрять и развивать процессы, направленные на согласование приема и регистрации информации для туристов;

— реализовывать формы сотрудничества с ведомствами дипломатической и консульской службами Министерства иностранных дел²⁵.

Изначально агентство создавалось с целью привлечения иностранных туристов в альпийский регион. ENIT фактически являлся инструментом «мягкой силы» королевской Италии для восстановления имиджа альпийского региона после окончания Первой мировой войны.

Туристическая ситуация на севере страны была катастрофическая, бывшие курортные зоны были заброшены. Среди целей, поставленных перед ENIT, было восстановление экономики региона, возобновление туристических потоков на прежнем уровне. Была определена задача создать в глазах мировой общественности образ Альп как спокойного, умиротворяющего края.

По инициативе, в первую очередь, Туристического клуба Италии агентству ENIT была дове-

рена миссия развития и продвижения туризма и культуры в Италии и за рубежом, работа со статистическими данными, учреждение собственных туристических и информационных офисов, а также развитие гостиничного бизнеса.

Первым партнером агентства стала Железная дорога Италии *Ferrovie dello Stato Italiane*, которая до основания ENIT была фактически единственной государственной организацией, пропагандировавшей образ Италии за рубежом. Первым делом ENIT способствовало открытию железнодорожного сообщения до Больцано и Мерано из Рима и Милана. На основании сотрудничества этих двух государственных агентств был создан Консорциум туристических офисов Италии, благодаря которому ENIT смог проводить свою деятельность через офисы ж/д Италии, а также офисы навигационных компаний и банков. В результате за 3 года своего существования ENIT обеспечивал деятельность в области продвижения туристического бизнеса с помощью 17 итальянских и 28 зарубежных агентств²⁶.

Значимым событием в развитии итальянской публичной дипломатии стала успешно проведенная Всемирная выставка ЭКСПО в Милане, которая состоялась в 2015 г. В выставке, длившейся полгода, приняли участие 145 стран. Застройка выставочной зоны включала 54 индивидуальных павильона и 9 тематических кластеров. ЭКСПО стала важным мероприятием в культурной жизни Италии, явилась своеобразной площадкой перекрестка культур и межнационального диалога. Более 20 млн человек посетили данное мероприятие, а значит, ознакомились с современными итальянскими достижениями в области продовольствия, технологий и культуры. Это привлекло интерес к стране, её культуре, что способствовало развитию национальной экономики за счет инвестиций в различные проекты.

Программа ЭКСПО-2015 базировалась на богатом опыте итальянской культуры, искусства. На выставке также было уделено внимание современным инновационным подходам, таким как экологическая ответственность и новые технологии. Благодаря данной инициативе значительно усилилась культурная составляющая «мягкой силы» Италии. Мероприятия такого уровня

²⁵ ENIT. URL: <http://www.enit.it/> (accessed: 02.04.2019).

²⁶ Ibid.

способствуют поддержанию и продвижению имиджа страны не только внутри государства, но и за рубежом.

Что касается сильных сторон публичной дипломатии Италии, можно отметить, что это страна богатейшего культурного наследия, которая внесла весомый вклад в мировую культуру (музыку, искусство и архитектуру). В Италии развита креативная индустрия (мода, архитектура, инженерия, дизайн, hi-tech). Слабыми сторонами культурной дипломатии Италии являются недостаточная оценка богатого культурного потенциала страны государством и низкий уровень государственного финансирования культуры в связи с экономической рецессией.

Несмотря на успех выставки ЭКСПО в Милане, отсутствие стратегического подхода в обеспечении «мягкой силы» и культурной дипломатии может поставить под угрозу дальнейшее перспективное развитие в данной области.

Заключение

Модель культурной дипломатии Италии характеризуется культурно-историческим и туристическим потенциалом, децентрализацией «мягкой силы», которая проявляется в автономии посольств и активном участии НПО в культурных инициативах, а также сетевым характером взаимодействия между субъектами «мягкой силы». Несмотря на то, что страна находится не в лучшем экономическом положении и приоритетом внешней политики является восстановление экономики,

как раз культурная сфера, в частности туризм, является одним из мощных инструментов обеспечения ее развития²⁷.

По результатам проведенного структурного, сравнительного и институционального анализа выявлены следующие ключевые проблемы в развитии культурной модели Италии: недостаточность финансирования области культуры по причине экономического кризиса, отсутствие единой комплексной стратегии продвижения и реализации всех компонентов «мягкой силы» как внутри государства, так и во внешней политике.

В качестве мер по усовершенствованию культурной дипломатии Италии представляется целесообразным предпринять следующие меры.

Во-первых, необходимо подготовить и принять в качестве официального документа концепцию национальной культурной безопасности Италии, которая позволила бы эффективно наращивать потенциал «мягкой силы» и повышать конкурентоспособность в данной сфере.

Во-вторых, создать единую систему финансирования, подотчетную соответствующему государственному органу власти, для систематизации, упрощения и повышения результативности в реализации политики «мягкой силы» страны.

²⁷ Bonino, diplomazia culturale per valorizzare e rilanciare patrimonio ed economia Italia // Famesina. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 13.06.2013. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/06/20130613_bonino_diplomazia.html (accessed: 01.04.2019).

Поступила в редакцию / Received: 08.05.2019
Принята к публикации / Accepted: 16.08.2019

Библиографический список

- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Эта грустно-весёлая Италия. Путевые заметки. М.: Восток — Запад, 2011.
- Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 129—135.
- Бокерия С.А., Соколова Н.В. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте культурно-лингвистической политики Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 93—100.
- Василенко Е.В. «Мягкая сила» имиджевой политики Италии // Мир и политика. The Scientist. 2013. № 10. С. 222—232.
- Елескина О.В. Некоторые аспекты культурной политики ЕС // Вестник КемГУ. 2015. № 3—2 (63). С. 115—119.
- Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135—137.
- Зонова Т.В. Дипломатия Италии // Дипломатия иностранных государств / под ред. Т.В. Зоновой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 103—127.
- Ковба Д.М. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке // Дискурс-Пи. 2017. № 1. С. 143—148.

- Миронова Т.Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики европейского региона: Италия // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 2. С. 41—48.
- Табаринцева-Романова К. М. «Italsimpatia» как элемент культурной дипломатии в развитии российско-итальянских отношений // *Итальянская республика в меняющемся мире: доклады Института Европы № 306*. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. С. 65—71.
- Табаринцева-Романова К.М. Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора // *Современная Европа*. 2017. Т. 4. № 76. С. 98—108.
- Anholt S. *Brand New Justice: How Branding Places and Products Can Help the Developing World*. Amsterdam: Butterworth Heinemann, 2005.
- Cummings M. *Cultural Diplomacy and the United States Government*. Center for Arts and Culture. 2003. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (accessed: 28.02.2019).
- Feigenbaum H.B. *Globalization and Cultural Diplomacy*. Center for Arts and Culture. 2001. URL: https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/globalization_0.pdf (accessed: 28.02.2019).
- Hayden C. *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts*. Lanham, MD, United States: Lexington Books, 2011.
- Nye Jr. J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: PublicAffairs, 2005.
- Nye Jr. J.S. *Soft Power: The Origins and Political Progress of a Concept*// Palgrave Communications. 2017. Vol. 3. P. 1—3. DOI: 10.1057/palcomms.2017.8
- Pajtinka E. *Cultural Diplomacy in Theory and Practice of Contemporary International Relations* // *Political Sciences*. 2014. No. 4. P. 95—108.
- Riordan S. *The New Diplomacy*. London: Polity, 2003.
- Searching for a Cultural Diplomacy* / Ed. by M.D. Donfried, J.C.E. Gienow-Hecht. NY, Oxford: Berghahn Books, 2010.

References

- Anholt, S. (2005). *Brand New Justice: How Branding Places and Products Can Help the Developing World*. Amsterdam: Butterworth Heinemann.
- Bazhanov, E.P. & Bazhanova, N.E. (2011). *Italy, Both Sad and Merry. Travel Notes*. Moscow: Vostok — Zapad publ. (In Russian).
- Bobylo, A.M. (2013). “Soft Power” in International Politics: Peculiarities of National Strategies. *Bulletin of Buryat State University*, 14, 129—135. (In Russian).
- Bokeriya, S.A. & Sokolova, N.V. (2014). Soft Power in the System of French Security (the Example of la Francophonie). *Vestnik RUDN. International Relations*, 2, 93—100. (In Russian).
- Cummings, M. (2003). *Cultural Diplomacy and the United States Government*. Center for Arts and Culture. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (accessed: 28.02.2019).
- Donfried, M.D. & Gienow-Hecht, J.C.E. (Eds.). (2010). *Searching for a Cultural Diplomacy*. NY, Oxford: Berghahn Books.
- Eleskina, O.V. (2015). Some Aspects of the EU Cultural Policy. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3—2 (63), 115—119. (In Russian).
- Feigenbaum, H.B. (2001). *Globalization and Cultural Diplomacy*. Center for Arts and Culture. URL: https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/globalization_0.pdf (accessed: 28.02.2019).
- Hayden, C. (2011). *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts*. Lanham, MD, United States: Lexington Books.
- Kovba, D.M. (2017). The Main Approaches to the Study of Soft Power in the Domestic Political Science. *Discourse-P*, 1, 143—148. (In Russian).
- Mironova, T.N. (2009). Preservation of Cultural and Natural Heritage as the Main Feature of Cultural Policy of the European Region Countries: Italy. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 41—48. (In Russian).
- Nye Jr., J.S. (2005). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: PublicAffairs.
- Nye Jr., J.S. (2017). Soft Power: The Origins and Political Progress of a Concept. *Palgrave Communications*, 3, 1—3. DOI: 10.1057/palcomms.2017.8
- Pajtinka, E. (2014). Cultural Diplomacy in Theory and Practice of Contemporary International Relations. *Political Sciences*, 4, 95—108.
- Riordan, S. (2003). *The New Diplomacy*. London: Polity.
- Tabarintseva-Romanova, K.M. (2014). “Italsimpatia” as an Element of Cultural Diplomacy in the Development of Russian-Italian Relations. *The Italian Republic in a Changing World: Reports of the Institute of Europe*, 306. Moscow: Institute of Europe RAS publ. P. 65—71. (In Russian).

- Tabarintseva-Romanova, K.M. (2017). Development of the EU's External Cultural Policy after the Treaty of Lisbon. *Contemporary Europe*, 4 (76), 98—108. (In Russian).
- Vasilenko, E.V. (2013). "Soft power" of the Image Policy of Italy. *World and Politics. The Scientist*, 10, 222—232. (In Russian).
- Zonova, T.V. (2004). Diplomacy of Italy. In: Zonova, T.V. (Eds.). *Diplomacy of Foreign Countries*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).
- Zvyagina, D.A. (2012). "Soft Power": Structural Analysis. *Initiatives of the 21st Century*, 3, 135—137. (In Russian).

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bokeria-sa@rudn.ru).

Данилов Валерий Витальевич — аспирант факультета гуманитарных и социальных наук кафедры истории и теории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: danucci@yandex.ru).

About the authors: Bokeriya Svetlana Aleksandrovna — PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: bokeria-sa@rudn.ru).

Danilov Valerij Vitalevich — Postgraduate Student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of History and Theory of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: danucci@yandex.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

Научная статья

О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году

Л.Л. Басангов¹, А.А. Игнатов²

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

Research article

Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020

L.L. Basangov¹, A.A. Ignatov²

¹Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

«Группа двадцати» относится к неформальным институтам глобального управления и является одним из наиболее представительных международных форумов, объединяющим крупнейшие развитые и развивающиеся экономики мира. Повестка «двадцатки» актуальна и обширна и в настоящее время включает вопросы международного налогообложения, развития цифровой экономики, поддержания макроэкономической стабильности, развития рынков труда, борьбы с коррупцией и трансграничной преступностью, внедрения эффективных и экологически чистых энергетических технологий и др. Принимаемые «двадцаткой» решения, даже не являясь юридически обязательными, зачастую становятся основой признаваемых международных инициатив и стандартов. В силу отсутствия постоянного секретариата страна-председатель обладает значительным влиянием на формирование рабочей повестки «двадцатки».

Королевство Саудовская Аравия — единственное из арабских государств, обладающих полным членством в «Группе двадцати». В 2020 г. Саудовская Аравия впервые станет председателем института, получив исключительное влияние на формирование повестки для обсуждения. В этом контексте является актуальным вопрос о том, каким образом Саудовская Аравия на правах страны-председателя будет обеспечивать продвижение в повестку «Группы двадцати» собственных приоритетов национального развития и сохранение преемственности достижений предшествующих председательств, а также о характере воздействия данного процесса на дальнейшее развитие повестки «двадцатки».

Авторы статьи провели анализ текущего положения и целей развития КСА и текущей повестки «Группы двадцати» и выдвинули прогноз относительно вероятных результатов грядущего председательства. Авторы считают, что в ходе председательства Саудовской Аравии наиболее востребованными темами для обсуждения станут проблемы цифрового развития, повышения энергоэффективности и смягчения вероятных последствий изменения климата, осуществления макроэкономической политики. Ожидается, что умеренные успехи будут достигнуты при обсуждении вопросов гендерной политики. Такие приоритеты работы «двадцатки», как реформа международных финансовых институтов и борьба с протекционизмом в мировой торговле, с меньшей вероятностью будут отражены в виде конкретных решений.

Ключевые слова: «Группа двадцати», глобальное управление, Саудовская Аравия, председательство, прогноз

© Басангов Л.Л., Игнатов А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Мониторинг и оценка уровня исполнения обязательств, принятых лидерами на саммитах «Группы двадцати» и БРИКС 2018 года» (2019 г.).

Для цитирования: *Басангов Л.Л., Игнатов А.А.* О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 654—662. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

Abstract. The G20 is an informal institute of global governance and one of the most prominent international forums for both — key developed and developing economies. The G20's agenda embraces various issues including international taxation, digital growth, macroeconomic stability, labor market development, fight against crime and corruption, implementation of effective and eco-neutral energy technologies, etc. The G20's decisions, even lacking legal force, tend to transform into international standards and joint initiatives. Due to the absence of a permanent secretariat, a host country exercises great influence on formulation of the G20's working agenda.

The Kingdom of Saudi Arabia is a key actor in the Middle East and the only Arab state with G20 membership. In 2020, Saudi Arabia will take the G20 presidency for the first time ever and thus take the leading role in shaping its agenda. In this context, several issues regarding Saudi Arabia's policy towards implementation of its national development agenda, promotion of previous presidencies' decisions and its influence over further development of the G20's agenda are of particular interest.

The authors analyze Saudi Arabia's current status and national priorities and recent developments of G20's agenda to forecast the results of the forthcoming presidency. The authors point out that discussion on digital growth, energy efficiency, climate change mitigation and macroeconomic policy would very likely result in concrete decisions. Modest success is expected in making decisions on gender-related agenda. The core items of G20's agenda such as reform of international financial institutions and fight against protectionism in global trade are less likely to attract much attention and lead to concrete decisions.

Key words: G20, global governance, Saudi Arabia, presidency, forecast

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the research work of the state task of the RANEPА “Monitoring and assessment of compliance with commitments adopted by the leaders at the G20 and BRICS summits in 2018” (2019).

For citation: Basangov, L.L. & Ignatov, A.A. (2019). Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 654—662. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

Введение

«Группа двадцати» на сегодняшний день входит в число авторитетных институтов глобального управления. Высокий статус «двадцатки» обусловлен тем, что члены института — ведущие экономики мира¹. «Группа двадцати» создавалась в условиях необходимости поиска эффективных путей выхода из экономических кризисов конца 1990-х гг. — в этом контексте для принятия совместных решений в 1999 г. впервые встретились министры финансов стран-членов. Новым импульсом к развитию института стал кризис 2008 г., после которого был создан формат встреч на уровне глав государств. С этого момента повестка «двадцатки» начала расширяться и к на-

стоящему моменту включает не только вопросы финансового регулирования, но и защиту прав человека, развитие рынка труда и обеспечение занятости, новые вызовы безопасности в условиях развития цифровой экономики, имплементацию Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. и др. Ежегодно для обсуждения указанной проблематики проводятся десятки встреч на уровне министров, высоких представителей по ключевым вопросам, а также членов экспертного и гражданского сообществ². Несмотря на высокий статус членов, «Группа двадцати» не принимает юридически обязательных решений, однако нередко инициативы «двадцатки» фактически становятся своего рода общепринятым стандартом, особенно в вопросах финансового регулирования [Ларионова, Игнатов, Шелепов, Сахаров, Попова 2019: 7].

¹ Членами «Группы двадцати» являются Австралия, Великобритания, США, Япония, Бразилия, Китай, ЮАР, Россия, Индия, Саудовская Аравия, Турция, Франция, Италия, Германия, Индонезия, Канада, Европейский Союз, Южная Корея, Мексика и Аргентина.

² Данные встречи проходят в формате «аутрич» — Молодежная, Женская, Деловая, Экспертная, Научная, Урбанистическая, Гражданская и Профсоюзная двадцатки.

Помимо неформального характера принимаемых решений еще одной характерной особенностью «двадцатки» является отсутствие постоянно действующих органов, в частности секретариата. В этой связи обязанности по организации встреч министров, экспертов и лидеров каждый год передаются новой стране-председателю, ротация которых определяется согласно введенным в 2003 г. страновым группам [Kharas, Lombardi 2012: 5].

С учетом данных обстоятельств именно страна-председатель становится ключевым актором, определяющим особенности повестки «двадцатки» на тот или иной период. Таким образом, повестка института формируется не только с учетом общемировых тенденций и логики ее развития в рамках самой «двадцатки», но и под сильным влиянием интересов и приоритетов принимающей страны. Тем не менее страна-председатель стремится, как правило, не только обеспечить представление собственных интересов, но и добиться высокого уровня согласованности с позициями стран-партнеров и сохранить преемственность ключевых достижений предыдущих председательств. Итоговые оценки степени успешности председательства учитывают все три указанных параметра [Ларионова 2012: 8].

Саудовская Аравия впервые будет председателем «Группы двадцати» в 2020 г., переняв эстафету от Японии. В этом контексте становятся актуальными вопросы о том, каким образом Саудовская Аравия на правах страны-председателя будет обеспечивать продвижение в повестку «Группы двадцати» собственных приоритетов национального развития и сохранение преемственности достижений предшествующих председательств, а также каков характер воздействия данного процесса на дальнейшее развитие повестки «двадцатки». Поиск ответов на указанные вопросы является целью подготовки и проведения представленного исследования.

Настоящая статья состоит из двух частей. Первый раздел работы посвящен результатам анализа авторами декларируемых Саудовской Аравией приоритетов развития. Второй раздел охватывает вопросы, связанные с обеспечением преемственности и баланса интересов стран — членов «Группы двадцати» в контексте реализации приоритетов страны-председателя.

О текущем положении и приоритетах развития Саудовской Аравии

Современный Ближний Восток характеризуется сложной и нестабильной политической обстановкой, что обусловлено наличием затяжных межнациональных конфликтов (арабо-израильское противостояние), очагов открытого военного противостояния с вовлечением нерегиональных игроков (сирийский конфликт), районов со сложной гуманитарной ситуацией (Йемен). Комплексный характер политического взаимодействия региональных и нерегиональных игроков на Ближнем Востоке [Ганиев, Карякин 2018: 16] обуславливает огромную значимость региональной повестки для всей системы международных отношений, что выражается в приоритизации ближневосточной проблематики ведущими державами мира и исключительном внимании к ней международных организаций [Ehteshami 2018: 77].

Королевство Саудовская Аравия на сегодняшний день является одним из главных игроков в рассматриваемом регионе как в политическом, так и в экономическом отношении. Королевство не только занимает ведущее положение в основных региональных и межрегиональных организациях — Организации исламского сотрудничества (ОИС), Совете сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), Лиге арабских государств (ЛАГ), но и является полноценным участником процесса принятия решений на площадке «Группы двадцати», что ставит это государство в один ряд с ведущими мировыми державами.

Текущие декларируемые приоритеты долгосрочного развития Саудовской Аравии продиктованы логикой противодействия угрозе внутреннего кризиса, вызванного экономическим спадом на фоне снижения цен на нефть и нефтепродукты в 2014—2015 гг., выявившего «болевы точки» хозяйственной системы Королевства. Среди них принято отмечать: чрезмерную зависимость (до 85%) экспортных поступлений от мировых цен на нефть, формирующих до 40% ВВП страны [Руденко 2018: 115]; коррумпированность государственного аппарата [Косач 2018: 85]; жесткое трудовое законодательство вкупе с недостаточной образованностью рабочей силы и налоговой нагрузкой [Науменко, Тимахов 2019: 152] и т.д.

Несмотря на существующие вызовы, роль Саудовской Аравии в качестве одного из ведущих региональных игроков не подвергается сомнению. В рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума Королевство занимает 3-е место среди стран региона (30-е в мире), несколько уступая по совокупным показателям Катару и Объединенным Арабским Эмиратам (ОАЭ) и опережая средний показатель арабских стран Ближнего Востока по всем рассматриваемым параметрам, в частности по уровню развитости институтов, инфраструктуры, емкости внутреннего рынка и технологической готовности³.

Кроме того, вооруженные силы (ВС) Саудовской Аравии рассматриваются в числе наиболее боеспособных в сравнении со странами региона [Науменко, Тимахов 2019: 150], что обуславливает значительное влияние Эр-Рияда на региональную повестку в сфере безопасности: например, Саудовская Аравия стала основным идеологом и исполнителем плана по силовому вмешательству во внутреннюю ситуацию в Йемене в 2015 г., которое оценивается как «неправомерное» с точки зрения международного права [Buys, Garwood-Gowers 2019: 2; Цветков 2018: 55].

Стремление устранить системные недостатки и укрепить сравнительные преимущества легло в основу главного программного документа по вопросам долгосрочного развития Саудовской Аравии — «Видения Королевства Саудовская Аравия—2030» (далее — «Видение—2030»), представленного в 2016 г.⁴ Программа была выдвинута на фоне текущих реформаторских процессов в саудовском обществе — например, «возвращения к умеренному исламу»⁵. Содержательно «Видение—2030» учитывает эту и другие тенденции, которые будут рассмотрены далее.

³ The Arab World Competitiveness Report 2018 // World Economic Forum, Geneva. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/Arab-World-Competitiveness-Report-2018/AWCR%202018.0724_1342.pdf (accessed: 12.08.2019).

⁴ Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019).

⁵ Тюкаева Т. Тяжелый год для Саудовской Аравии // Внешняя политика. 04.01.2018. URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/tyazhelyy-god-dlya-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 12.08.2019).

Несмотря на обширную повестку, «Видение—2030» ориентируется, прежде всего, на перестройку национальной экономики. Эта перестройка включает три основных направления: развитие *динамического общества* в качестве базиса для дальнейших реформ; создание стимулов для *процветания экономики*; наращивание *эффективности государственного сектора*. В практическом плане эти направления подразумевают такие меры, как перестройка механизма принятия и исполнения внешнеполитических решений, наращивание процесса импортозамещения в стратегических отраслях оборонной промышленности, удвоение добычи природного газа и развитие газоносной инфраструктуры, интенсификация развития отраслей обрабатывающей промышленности (промышленное оборудование) и туризма⁶.

Огромное внимание уделено вопросам повышения энергоэффективности и снижению экологического воздействия горнодобывающей промышленности⁷ и объектов энергетической инфраструктуры [Косач 2016: 116].

Наряду с развитием приоритетных отраслей промышленности программа реформ предполагает меры по улучшению инвестиционного климата Королевства. Для этой цели предусмотрены шаги по частичной приватизации крупнейших предприятий страны, прежде всего Saudi Aramco (SA). SA подвергнется структурной перестройке в интересах превращения компании в «глобальный промышленный конгломерат», который возьмет на себя роль локомотива индустриализации страны в целом. Приоритетом в данном контексте является увеличение доли нефтяных доходов в экономике страны⁸.

Реалистичный характер носят цели, поставленные в контексте стратегического развития социального сектора КСА. «Видение—2030» в данных вопросах обращается к трем направлениям — развитие малого и среднего предпринимательства, снижение безработицы, вовлечение женщин в трудовые отношения. Показатели, выдвинутые в этом контексте, представляются достижимыми в обозримой перспективе: так,

⁶ Saudi Arabia 2030 // Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid; см. также: [Дударев 2017: 41].

вклад малых и средних предприятий в ВВП страны планируется увеличить с 20 до 35%, женщины должны составить не менее 30% трудящихся (сейчас — около 22%), а безработицу планируется снизить с 11,6% до 7%, что по данному параметру значительно приблизит Саудовскую Аравию к средним показателям наиболее развитых стран мира⁹.

Принятие «Видения—2030» вносит соответствующие коррективы во внешнеполитическую повестку Саудовской Аравии. В общем смысле декларируемой целью внешней политики страны является создание условий, отвечающих цели реализации «Видения—2030», в частности, путем «установления долгосрочных партнерских отношений с соседними государствами»¹⁰. С этой точки зрения, следует рассмотреть приоритеты КСА в ключевых региональных и межрегиональных организациях для того, чтобы определить характер продвижения Саудовской Аравией национальных интересов во время председательства в «Группе двадцати».

Ведущая роль Саудовской Аравии в своем «домашнем» регионе во многом опирается на руководящую позицию Королевства в ключевых региональных организациях — Организации исламского сотрудничества (ОИС), Лиге арабских государств и Совете сотрудничества арабских стран Залива. Следует заметить, что Саудовская Аравия реализует на данных площадках цели, которые находятся в незначительной корреляции с повесткой «Группы двадцати»¹¹.

Саудовская Аравия, несмотря на попытку сформировать за рубежом положительный образ прогрессивной державы, использует свои финансовые и политические ресурсы для продвижения собственных геополитических интересов в духе «*realpolitik*». Так, КСА активно выделяет средства и квоты на обучение ученых-исламоведов из стран — членов Организации исламского сотрудничества, а также оказывает поддержку экономически уязвимым странам через каналы ОИС

⁹ Saudi Arabia 2030 // Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019); см. также: [Дударев 2017: 42].

¹⁰ Ibid.

¹¹ За исключением отдельных вопросов, обсуждаемых на площадке ОИС.

[Akbarzadeh, Ahmed 2017: 303], которая ощутимо усилилась на фоне обострения региональных кризисов в Сирии и Йемене.

Вмешательство коалиции во главе с КСА в события в Йемене в 2015 г. потребовало привлечения значительных дипломатических ресурсов для нивелирования ожидаемо негативной реакции мирового сообщества. Так, КСА оказывает давление на менее влиятельных членов ОИС для сплочения против Ирана, который рассматривается Саудовской Аравией в качестве спонсора йеменских «повстанцев» (хуситов) [Akbarzadeh, Ahmed 2017: 299—300]. Схожая повестка доминировала на экстренных саммитах ЛАГ и ССАГЗ, которые прошли 30 мая 2019 г. в Мекке¹². Итогом встреч, которые были инициированы Саудовской Аравией из-за атаки на нефтяные танкеры в Персидском заливе, стало единогласное осуждение действий Ирана, который был обвинен в дестабилизации ситуации в регионе.

Более того, Саудовская Аравия активно использует Организацию исламского сотрудничества для продвижения «антииранской» повестки: на 13-м саммите ОИС в Стамбуле Саудовской Аравии удалось добиться осуждения действий Ирана на международной арене¹³. На саммите ОИС в Мекке, который прошел 30 мая 2019 г., не удалось достичь аналогичного успеха: основной темой для обсуждения было ближневосточное урегулирование, а иранская проблематика не нашла такого единодушного отклика среди остальных стран-членов¹⁴.

Особое внимание стоит уделить де-факто главе страны, наследному принцу Саудовской Аравии Мухаммеду бин Сальману. В апреле 2015 г. ему был присвоен титул кронпринца, что определило его возросшее влияние в принятии ключевых политических решений. Решительность его действий характерна как для внутренней, так

¹² В Саудовской Аравии пройдут экстренные саммиты ЛАГ и ССАГПЗ // ТАСС. 30.05.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6487150> (дата обращения: 12.08.2019).

¹³ Встреча на высшем уровне была созвана после нападения на саудовскую дипмиссию в Иране.

¹⁴ См.: Щеглов Ю.Б. К итогам саммитов ССАГПЗ, ЛАГ и ОИС в Мекке // Институт Ближнего Востока. 01.06.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=56490> (дата обращения: 12.08.2019).

и для внешней политики: с ним связывают жесткое давление на хуситов в Йемене и крупномасштабную антикоррупционную кампанию в 2017 г. Отдельно стоит упомянуть ситуацию вокруг убийства оппозиционного журналиста Джамала Хашогги в Генеральном консульстве Саудовской Аравии в Турции. В июне 2019 г. были опубликованы результаты расследования Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях: Агнес Калламар обвинила Саудовскую Аравию в причастности к убийству Дж. Хашогги, что создает риск репутационных потерь для Королевства¹⁵.

Несмотря на возможный ущерб, Саудовская Аравия вряд ли лишится статуса члена «Группы двадцати»: даже инвестиционный форум в Саудовской Аравии, неформально известный как «Давос в пустыне», не был отменен в 2018 г., несмотря на отказ со стороны топ-менеджеров ряда крупных компаний, министров и представителей международных организаций принимать участие в мероприятии¹⁶.

В рамках цели работы определенными интересами вызывают отдельные пункты повестки Организации исламского сотрудничества, в частности, вопросы экологической политики, изменения климата, здравоохранения и эффективной энергетики. Так, в итоговой декларации саммита ОИС в Мекке указывается, что проблематика ухудшения состояния окружающей среды, включая недостаток водных ресурсов, а также низкий уровень распространенности экологических знаний, актуальна для всех стран-членов и может иметь негативные последствия для здоровья и благополучия граждан¹⁷. В целом этот тезис перекликается с целями и задачами развития, заявляемыми в рамках «Видения—2030».

¹⁵ The Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions: Investigation into the Unlawful Death of Mr. Jamal Khashoggi // Human Rights Council. 19 June 2019. URL: https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session41/Documents/A_HRC_41_CRP.1.docx (accessed: 12.08.2019).

¹⁶ См.: Alkhalisi Z., Mullen J. Who's at Saudi Arabia's 'Davos in the Desert' and Who's Staying Away // CNN. October 23, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/23/business/saudi-davos-in-the-desert-speakers/index.html> (accessed: 12.08.2019).

¹⁷ Final Communique of the 14th Islamic Summit Conference // Islamic Summit Conference. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=4496&refID=1251> (accessed: 12.08.2019).

Таким образом, рассмотрев в первом разделе работы декларируемые приоритеты развития Саудовской Аравии и то, как они преобразуются в повестку ключевых региональных организаций, членом которых является КСА, можно сделать промежуточный вывод о наиболее востребованных приоритетах, которые страна может представить в качестве основных в ходе председательства в «Группе двадцати».

Не будет преувеличением сказать, что одной из центральных тем будущего председательства с большой вероятностью станет комплексная климатическая и энергетическая повестка. Поиск эффективного инструмента обеспечения баланса между экономическим ростом в условиях доминирования доходов от экспорта сырья, потребности в структурной перестройке экономики и адаптации к климатическим изменениям был заложен в основу «Видения—2030» и отчасти трансформировался в коллективную позицию стран — членов ОИС. Наряду с указанными вопросами большое значение придается отдельным аспектам социального развития — например, несмотря на традиционно консервативный подход руководства страны к вопросам гендерного равенства, данная повестка включена в список приоритетов «Видения—2030» и, вероятно, получит ограниченное продвижение в ходе председательства Саудовской Аравии в «двадцатке».

В то же время превалирование повестки безопасности в решениях, продвигаемых Саудовской Аравией на ключевых региональных площадках, говорит о вероятности того, что КСА на правах председателя предпримет попытку обеспечить конвертацию данных вопросов в коллективную позицию «двадцатки», тем самым оказывая давление на другие мусульманские страны, а именно Турцию и Индонезию, которые также входят в ОИС, с целью расширить себе пространство для дипломатических маневров.

Текущая повестка «Группы двадцати» и приоритеты Саудовской Аравии

Анализ особенностей развития повестки «Группы двадцати» позволяет сопоставить их с выявленными в предыдущем разделе приоритетами повестки Саудовской Аравии в качестве страны-председателя.

Повестка «Группы двадцати», изначально включавшая преимущественно вопросы финан-

сового регулирования и макроэкономической политики, в настоящий момент отличается достаточно широким тематическим охватом, что отражает динамику международной ситуации. Так, начиная с председательства КНР в 2016 г., в повестке прочно закрепились вопросы, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровой экономики [Ларионова, Колмар 2017: 57]; на саммите в Гамбурге в 2017 г. огромное внимание было уделено отдельным аспектам охраны окружающей среды (борьба с морским мусором), гендерному равенству и содействию развитию [Ларионова 2017: 816—817]; во время председательств Аргентины (2018 г.) и Японии (2019 г.) активно обсуждались вопросы, связанные с ростом протекционизма¹⁸ и реформой Всемирной торговой организации [Сафонкина 2018: 25—27].

Отдельные вопросы, предлагаемые к обсуждению на платформе «двадцатки», тем не менее, не встречают должного внимания со стороны членов группы. Например, вопросы безопасности и поддержания мира обсуждаются только на уровне профильных министров стран «двадцатки» и зачастую не упоминаются в декларациях лидеров¹⁹. К числу «проблемных» тем относится реформа ВТО — по итогам нескольких последних саммитов, страны «двадцатки» согласовали ряд коллективных обязательств²⁰ о продвижении реформы, однако многие страны (Саудовская Аравия в том числе) не предприняли достаточно усилий для их выполнения²¹.

¹⁸ Osaka Leaders' Declaration // Центр исследований международных институтов. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (accessed: 12.08.2019).

¹⁹ Последняя актуальная на момент написания статьи встреча министров иностранных дел прошла в мае 2018 г. в Буэнос-Айресе; вопросы, связанные с региональными проблемами безопасности (ситуация в Венесуэле, на Корейском полуострове и т.п.), не получили на ней глубокого развития (см.: G20 Buenos Aires Foreign Ministers' Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. May 21, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_000841.html (accessed: 12.08.2019)).

²⁰ Подробнее об обязательствах «Группы двадцати», методологии их выявления и оценки уровня исполнения см.: [Kirton et al. 2016].

²¹ 2018 G20 Buenos Aires Summit Final Compliance Report // The G20 Research Group. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/compliance/2018buenosaires-final/2018-g20-compliance.pdf> (accessed: 12.08.2019).

В настоящий момент наиболее динамично развивающейся сферой взаимодействия стран «Группы двадцати» являются климат и энергетика. Япония, председательствовавшая в 2019 г., включила данное направление в список приоритетов, тем самым поддержав преемственность с решениями и инициативами германского председательства (2017 г.). Председательство Японии было отмечено рядом новаторских решений в данной области: в частности, страны «двадцатки» согласовали и приняли ряд важных документов, среди которых — План действий по адаптации и укреплению надежности инфраструктуры, План действий по внедрению инноваций в сфере энергетики и защиты окружающей среды и др.

О востребованности повестки и высокой степени готовности стран «Группы двадцати» к принятию и реализации коллективных решений говорит и то, что конкретные решения по вопросам энергетики и климата принимаются на высоком уровне даже с учетом отказа США — одного из основных эмитентов парниковых газов в мире — от выполнения условий Парижского соглашения по климату 2015 г., в пользу реализации которого «двадцатка» высказалась в Осаке [Ларионова 2019: 17—18].

Выдвигая прогноз относительно результатов предстоящего председательства Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 г., мы можем обоснованно предположить, что председательство окончится с умеренно-положительными результатами. Саудовская Аравия, вероятно, сумеет обеспечить баланс между основными компонентами «успешности» председательства, то есть добьется достаточно эффективного представления собственных национальных приоритетов с учетом позиций стран-партнеров и обеспечит преемственность с прошлыми председательствами.

С большой долей вероятности наиболее востребованными будут вопросы климатической повестки и развития эффективной энергетики. В пользу данного предположения говорит как факт приоритетности данных вопросов в рамках «Видения—2030», так и тренды развития повестки «Группы двадцати» в последние годы, особенно по итогам саммитов в Гамбурге и Осаке.

Еще одним востребованным направлением может стать блок вопросов макроэкономической политики, среди которых следует выделить про-

блематику содействия развитию малых и средних предприятий (МСП). Поддержка МСП, их включение в региональные и глобальные цепочки добавленной стоимости в интересах роста конкурентоспособности, создания рабочих мест и снижения неравенства отвечает как коллективной позиции «двадцатки», так и ключевым аспектам развития Саудовской Аравии согласно «Видению—2030».

Умеренных успехов можно ожидать в обсуждении вопросов гендерного равенства. Данная проблематика, вероятнее всего, будет рассматриваться в контексте обсуждения коллективных решений по вопросам занятости, что одновременно отражает и консервативный взгляд руководства Саудовской Аравии, и особенности повестки «двадцатки».

В 2020 г. на площадке «Группы двадцати» вряд ли будут достигнуты существенные успехи в деле продвижения программы реформ Всемир-

ной торговой организации. Саудовская Аравия как будущий председатель до сих пор не представила свое видение по этому вопросу; сохраняется достаточно низкий уровень исполнения решений по данной проблематике на площадке «Группы двадцати». Весьма проблемным представляется обсуждение и углубление повестки содействия свободе торговли и борьбы с протекционизмом на фоне продолжения «торговых войн».

Выдвижение Саудовской Аравией вопросов безопасности в списке приоритетных вопросов для обсуждения с большой вероятностью не будет иметь ожидаемого эффекта в виде согласованных коллективных решений. Определенные успехи по данному направлению могут быть достигнуты по смежной проблематике — в сфере цифровой безопасности и противодействия финансированию терроризма, что отвечает современным трендам на площадке «двадцатки».

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Ганиев Т.А., Карякин В.В.* Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // Архонт. 2018. № 4 (7). С. 15—28.
- Дударев К.П.* Ветры перемен над Саудовской Аравией // Азия и Африка сегодня. 2017. № 11 (724). С. 39—44.
- Косач Г.Г.* «Видение—2030». Саудовские реформы // Россия и мусульманский мир. 2016. № 6 (300). С. 107—123.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 83—96.
- Ларионова М.В.* Итоги саммита «Большой двадцатки»: смягчение рисков // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 7. С. 7—12.
- Ларионова М.В.* Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий, и национальных приоритетов для формирования предложений к повестке дня «Двадцатки», «Восьмерки» и БРИКС // Вестник международных организаций. 2012. № 4 (39). С. 7—17.
- Ларионова М.В.* Председательство ФРГ в «двадцатке»: испытание Трампом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823
- Ларионова М.В., Игнатов А.А., Шелепов А.В., Сахаров А.Г., Попова И.М.* Десять лет «Группе двадцати»: безусловные достижения, устойчивые вызовы, новые риски, будущие приоритеты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Ларионова М.В., Колмар О.И.* Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 3. С. 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53
- Науменко Т.В., Тимахов К.В.* Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 147—167. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167
- Руденко Л.Н.* Экономические проблемы Саудовской Аравии // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 3. С. 114—128.
- Сафонкина Е.А.* Председательство Аргентины в «Группе двадцати» в 2018 г. // Латинская Америка. 2018. № 3. С. 20—36.
- Цветков Ю.А.* Международно-правовая оценка саудовской интервенции в Йемене // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 48—56.
- Akbarzadeh S., Ahmed Z.S.* Impacts of Saudi Hegemony on the Organization of Islamic Cooperation (OIC) // International Journal of Politics, Culture and Society. 2017. Vol. 31. No. 3. P. 297—311.

- Buys E., Garwood-Gowers A. The (Ir)Relevance of Human Suffering: Humanitarian Intervention and Saudi Arabia's Operation Decisive Storm in Yemen // *Journal of Conflict & Security Law*. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 1—33. DOI: 10.1093/jcsl/kry019
- Ehteshami A. Saudi Arabia as a Resurgent Regional Power // *The International Spectator*. 2018. Vol. 5. No. 4. P. 73—94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722
- Kharas H., Lombardi D. The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance. Brookings Institutions, 2012. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/g20-global-governance-kharas-lombardi.pdf> (accessed: 12.08.2019).
- Kirton J. et al. Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments. G7 and G20 Research Groups. May 2, 2016. URL: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20(1).pdf) (accessed: 12.08.2019).

References

- Akbarzadeh, S. & Ahmed, Z.S. (2017). Impacts of Saudi Hegemony on the Organization of Islamic Cooperation (OIC). *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31 (3), 297—311.
- Buys, E. & Garwood-Gowers, A. (2019). The (Ir)Relevance of Human Suffering: Humanitarian Intervention and Saudi Arabia's Operation Decisive Storm in Yemen. *Journal of Conflict & Security Law*, 24 (1), 1—33. DOI: 10.1093/jcsl/kry019
- Dudarev, K.P. (2017). Winds of Change over Saudi Arabia. *Asia and Africa Today*, 11 (724), 39—44. (In Russian).
- Ehteshami, A. (2018). Saudi Arabia as a Resurgent Regional Power. *The International Spectator*, 53, 73—94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722
- Ganiev, T.A. & Karyakin, V.V. (2018). The Great Middle East: Geopolitical Regional Studies of Conflictogenic Center of World Civilization. *Arkhot*, 4 (7), 15—28. (In Russian).
- Kharas, H. & Lombardi, D. (2012). *The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance*. Brookings Institutions. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/g20-global-governance-kharas-lombardi.pdf> (accessed: 12.08.2019)
- Kirton, J. et al. (2016). Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments. G7 and G20 Research Groups. May 2. URL: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20(1).pdf) (accessed: 12.08.2019).
- Kosach, G.G. (2016). “Vision 2030”. Saudi Reforms. *Russia and the Muslim World*, 6 (300), 107—123. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2018). Saudi Arabia Today. *Svobodnaya mysl'*, 2 (1668), 83—96. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2017). Germany G20 Presidency. The Test by Trump. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823 (In Russian).
- Larionova, M.V. & Kolmar, O.I. (2017). The Hangzhou Consensus: Legacy for China, G20 and the World. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (3), 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53 (In Russian).
- Larionova, M.V. (2012). Supply-Demand Model for Developing a Presidency Proposals for Reform Agenda and Priorities in Informal International Institutions (G20, G8, BRICS). *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 4 (39), 7—17. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2019). Results of the G20 Summit: Mitigation of Risks. *Russian Economic Developments*, 26 (7), 7—12. (In Russian).
- Larionova, M.V., Ignatov, A.A., Shelepov, A.V., Sakharov, A.G. & Popova, I.M. (2019). *G20 at Ten: Conclusive Accomplishments, Persistent Challenges, New Risks, Future Priorities*. Moscow: Delo Publishing House. (In Russian).
- Naumenko, T.V. & Timahov, K.V. (2019). Saudi Arabia's Economic Competitiveness in the Middle East. *MGIMO Review of International Relations*, 1 (64), 147—167. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167 (In Russian).
- Rudenko, L.N. (2018). Economic Problems of Saudi Arabia. *Russian Foreign Economic Journal*, 3, 114—128. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2018). Argentina's 2018 G-20 Presidency. The Agenda and Objectives. *Latinskaia Amerika*, 3, 20—36. (In Russian).
- Tsvetkov, Yu.A. (2018). International Legal Assessment of Saudi Intervention in Yemen. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*, 3 (17), 48—56. (In Russian).

Сведения об авторе: Басангов Лари Лиджиевич — магистрант МГИМО МИД России (e-mail: laribasangov@gmail.com).

Игнатов Александр Александрович — младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

About the author: Basangov Lari Lidzhievich — Master Student, MGIMO University of the MFA of Russia (e-mail: laribasangov@gmail.com).

Ignatov Alexander Alexandrovich — Junior Researcher, Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

Научная статья

Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе

Ф.О. ТруновИнститут общественной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Российская Федерация*Research article*

Bilateral Relations between Germany and Saudi Arabia: Military-Political Dimension

Ph.O. TrunovInstitute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAS), Moscow, Russian Federation

Германия представляет собой пример державы, последовательно стремящейся к увеличению своей роли на мировой арене, в том числе в решении широкого круга военно-политических проблем. При этом в 2010-е гг. наблюдается существенный рост числа угроз безопасности самой ФРГ, исходящих из нестабильных государств Азии и Африки. В этой связи существенно возрастает внимание Германии к ближневосточному направлению, что влечет за собой поиск новых и укрепление связей с уже имеющимися партнерами в регионе. Задача данной статьи — исследовать динамику, проблемы и перспективы отношений Германии и Саудовской Аравии в военно-политической области в 2010-е гг. Традиционно официальный Эр-Рияд имел разветвленные контакты как с «коллективным» Западом в целом, так и с ФРГ в частности. Основным методом исследования избран инвент-анализ.

В статье рассматриваются особенности отношений Германии и официального Эр-Рияда на современном этапе. Показывается взаимная заинтересованность в расширении и углублении кооперации в условиях «Арабского пробуждения», в том числе по решению сирийской проблемы. Основное внимание уделяется растущим расхождениям сторон по урегулированию вооруженного конфликта в Йемене в контексте общего противостояния Королевства Саудовская Аравия (КСА) и Исламской Республики Иран (ИРИ).

Отслеживается динамика двусторонних переговоров ФРГ и КСА на высшем и высоком уровнях в середине 2010-х гг. В этой связи отмечаются рост частоты спадов (в связи с казнью шиитских проповедников в КСА, дипломатическим кризисом вокруг Катара и убийством Дж. Хашогги) в германо-саудовских отношениях в 2016—2018 гг. Показывается, что после заключения «ядерной сделки» между «шестеркой» посредников и Ираном (2015) Германия все более склонялась к тактике «балансирования» между официальным Тегераном и Саудовской Аравией, при этом подчеркивая неприемлемость прямого военного конфликта между ними. На фоне выхода США из «ядерной сделки» исследуется ужесточение давления ФРГ на КСА как в военно-технической, так и в общеполитической сферах с целью вывода группировки саудовских войск из Йемена.

Делается вывод о политизации двустороннего военно-технического сотрудничества и резком увеличении значения фактора Ирана в германо-саудовских отношениях. Очерчиваются перспективы их развития в зависимости от перспективной динамики противостояния КСА и ИРИ с выделением трех сценариев развития их отношений.

Ключевые слова: Германия, Саудовская Аравия, Иран, военный экспорт, вооруженный конфликт в Йемене, дипломатия

© Трунов Ф.О., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Трунов Ф.О. Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 663—674. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

Abstract. Germany is an example of power, which is consistently trying to increase its role in global politics, including more active part in the solution of a wide range of military-political questions. At the same time Germany is facing the growing number of challenges for its own security, coming mostly from unstable Asian and African states. This makes Germany pay more attention on the Middle East in searching of new and strengthening traditional links with the regional partners. In this regard the article covers the dynamics, problems and perspectives of the bilateral interactions between Germany and Saudi Arabia in political-military sphere during the 2010s. Traditionally Saudi Arabia was one of the key partners of the ‘collective West’ in the Middle East and has had rather good relations with Germany. The key research method used in the article is the event-analysis.

The research paper profoundly investigates the relations between Germany and Saudi Arabia during the first half of the 2010s. The article stresses the mutual interest in expanding and deepening cooperation in the context of the “Arab awakening”, including the solution of the Syrian problem. The key focus is paid to the growing discrepancies in positions of two parts regarding the Yemen conflict resolution in the context of confrontation between Saudi Arabia and Iran.

The article also describes the dynamics of negotiations between Germany and Saudi Arabia on the highest and high levels in the middle 2010s. The paper points out the growing recession periods in German-Saudi relations in 2016—2017 (taken into account the execution of Shiite preachers in KSA; Qatar diplomatic crises and the assassination of J. Khashoggi). After the signature and implementation of the Iranian ‘nuclear deal’ Germany has been increasingly inclined towards the tactics of “balancing” between Iran and Saudi Arabia. And in this regard has emphasized the unacceptability of a direct military conflict between them. After Trump’s administration withdrawal from Iranian nuclear deal the article stresses the tougher German pressure on Saudi Arabia both in military-technical cooperation and political spheres in order to assure the withdrawal of Saudi Arabian military forces from Yemen.

In the conclusion the author specifies the politicization of the bilateral military-technical cooperation and the sharp increase of the influence of Iranian factor over the German—Saudi relations. Three scenarios of future development of the confrontation between two states are proposed. Depending on each of them, the prospects for the development of German—Saudi relations are defined.

Key words: Germany, Saudi Arabia, Iran, military export, Yemen armed conflict, diplomacy

For citation: Trunov, Ph.O. (2019). Bilateral Relations between Germany and Saudi Arabia: Military-Political Dimension. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 663—674. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

С момента объединения (1990 г.) ФРГ демонстрировала в целом восходящую динамику укрепления своего влияния на мировой арене, постепенно двигаясь к положению полноправного глобального игрока. В связи с этим применительно к азиатскому и африканскому направлениям показательно расширение спектра используемого Германией внешнеполитического инструментария. Если в годы холодной войны Боннская республика ограничивалась применением исключительно экономических и дипломатических, но отнюдь не военных, возможностей (кроме военно-технической кооперации), то в реалиях постбиполярного миропорядка данная ситуация качественно изменилась. Окончание противостояния в рамках холодной войны позволило ФРГ перенаправить часть военных ресурсов с обеспечения территориальной обороны на решение проблем безопасности вне зоны ответственности Североатлантического альянса (НАТО). Иными словами, изменился характер внешней политики объединившейся Германии в пользу практически сугубо наступательной. Это выразилось в увеличении объемов и расширении географического диапазона применения бундесвера (в подавляющем большинстве случаев в небоевых формах)

за пределами Евроатлантического сообщества [Baikonyi, Jakobeit 2007; Von Bredow 2006, 2015, 2017; Deutsche Aussenpolitik... 2017; Gareis 2006; The Handbook of Global Security... 2014; Von Krause 2012; Meiers 2016].

Также следует отметить рост значимости ближневосточного направления в деятельности и планировании Германии в сфере обеспечения безопасности и обороны. С одной стороны, это обусловлено тем, что без упрочения и тем более удержания весомых военно-политических позиций в этом крайне значимом, в том числе с геополитической и геоэкономической точек зрения, регионе ФРГ будет крайне проблематично утвердиться в роли влиятельного глобального игрока. С другой — угрозы нестабильности, исходящие с Ближнего Востока — прежде всего, зоны сирийско-иракского конфликта¹, — уже поставили ФРГ

¹ Общим знаменателем, оказывающим параллельное дестабилизирующее воздействие на ситуацию как в Сирии, так и в Ираке на временном отрезке 2013—2014 гг. является деятельность запрещенной в РФ группировки «Исламское государство». С этой точки зрения, представляется возможным объединить развитие ситуации в Сирии и Ираке в рамках единого конфликта с точки зрения борьбы с международным терроризмом.

в 2015—2016 гг. в стратегическом плане в оборонительное положение.

Неконтролируемое перемещение масс беженцев в страны — участницы ЕС, помноженное на волну терактов на их территории, что вызвано укреплением позиций «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ)² и других террористических группировок в Сирии и Ираке, по сути, впервые столь явственно поставили ФРГ из положения субъекта, стремящегося бороться с угрозами нестабильности на дальних рубежах, в объект для их проецирования. Этот возврат к оборонительной стратегии на одном из важнейших направлений отразился на положении масс рядовых граждан Германии, ускорив процесс снижения электоральной поддержки партий — «китов» ФРГ — социал-демократов (СДПГ) и христианских демократов (блок ХДС/ХСС), что продемонстрировали итоги выборов в Бундестаг (24 сентября 2017 г.). Впервые в германском парламенте оказались крайне правые («Альтернатива для Германии»)³ и наблюдался симптоматичный полугодовой (!) кризис с формированием нового коалиционного правительства.

Совокупность указанных факторов обуславливает резкое возрастание интереса истеблишмента ФРГ к прочному ее встраиванию в качестве значимого внешнего игрока в региональную подсистему Ближнего Востока. В этой связи исключительное значение приобретает поиск государств-партнеров и тем более полноценных союзников из числа региональных игроков. Для большинства стран «коллективного» Запада, в том числе ФРГ, традиционно — со времени холодной войны — большое значение имели связи с монархиями Аравийского п-ова (прежде всего, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Королевством Саудовская Аравия) и Израилем.

С одной стороны, в XXI в. потенциально значимость этих направлений кооперации для ФРГ должна еще более увеличиться. С другой — нельзя не учитывать растущей изменчивой динамики, т.е. увеличения частотности и, главное, амплитуды колебаний двусторонних отношений Германии с данными странами в военно-политической об-

ласти. Прежде всего, это обусловлено наличием «фактора Ирана» — растущие амбиции Исламской Республики Иран на региональное лидерство, опирающиеся на увеличение ресурсных возможностей, все более воспринимаются в качестве угрозы, требующей жесткого противодействия как со стороны ОАЭ и КСА, так и Израиля.

Несмотря на наличие существенных расхождений с официальным Тегераном по региональной повестке дня (прежде всего по сирийскому вопросу) [Leemhuis 2018: 1—4], ФРГ демонстрирует незаинтересованность в дальнейшей эскалации военно-политической напряженности вокруг Ирана и тем более развязывании в отношении него полномасштабной войны [см.: Lohmann, Meier, Zamirirad 2017]. Так, на фоне растущего давления на ИРИ, особенно усилившегося после одностороннего решения администрации президента США Д. Трампа от 8 мая 2018 г. о выходе из «ядерной сделки» (Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), 2015 г.) с официальным Тегераном, ФРГ прилагает активные усилия для ее сохранения. Помимо регулярных профильных встреч представителей ЕЗ («евротройки» в составе Германии, Франции, Великобритании) с иранской стороной и публикаций в поддержку СВПД⁴ примечателен визит министра иностранных дел Х. Мааса в Тегеран 10 июня 2019 г.⁵ По итогам встречи со своим иранским коллегой глава МИД ФРГ подчеркнул, что германская сторона прилагает и будет прилагать максимум усилий для снижения санкционного давления на ИРИ⁶.

Показательно в этой связи и приглашение по инициативе официального Парижа — одного из ближайших союзников ФРГ в ЕС и НАТО, а также по ЕЗ — на саммит G7, проходивший во Франции 24—26 августа 2019 г., представителя Ирана. Причем для переговоров с лидерами стран «большой семерки» прибыл даже не глава государства, а министр иностранных дел Исламской

⁴ См.: E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July // Auswärtiges Amt. 14.07.2019. URL: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed: 16.08.2019).

⁵ См.: Maas im Iran. “Wir bemühen uns nach Kräften“ // Tagesschau. 10.06.2019. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed: 16.08.2019).

⁶ Ibid.

² Организация запрещена в РФ.

³ Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019 // Wahlrecht. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed: 16.08.2019).

Республики Иран. На данном фоне Германия выдвинула ряд инициатив в области деэскалации напряженности вдоль границ ИРИ (возможное развертывание мониторинговой военно-морской миссии ЕЗ/ЕС в акватории Персидского залива⁷, участие гражданских специалистов в миссии ООН по соблюдению режима прекращения огня в районе г. Ходейда в южной части зоны вооруженного конфликта в Йемене⁸).

Соответственно, иранский фактор не может не оказывать существенного влияния на отношения ФРГ с монархиями Аравийского п-ова, даже несмотря на имеющийся богатый «багаж» сотрудничества, особенно в сфере поставок германских вооружений и военной техники.

Задача данной статьи — исследовать проблемы, «точки роста» и перспективы развития отношений Германии и Саудовской Аравии в военно-политической области. Выбор для изучения КСА из числа монархий Аравийского п-ова обусловлен не только ее большими количественными характеристиками по сравнению с соседями (в том числе ОАЭ), но и неоднократно принимаемой ролью «авангарда» в процессе давления на ИРИ на различных направлениях. Основной временной промежуток для изучения — 2010-е гг.

В работах западных, прежде всего германских, исследователей прослеживается растущий интерес к особенностям диалога ФРГ и КСА на современном этапе — в первую очередь, сквозь призму вооруженного конфликта в Йемене, рассматриваемого в качестве прокси-войны между Саудовской Аравией и Исламской Республикой Иран [Steinberg 2017; Transfeld 2017]. Кроме того, исследуются особенности внутривосточного развития Саудовской Аравии на современном этапе [Roll 2019; Steinberg 2018]. Обладая практической значимостью, эти публикации имеют один общий недостаток — сегментарный характер освещения темы, не позволяющий говорить о наличии целостной «картинки» двусторонних

отношений применительно к военно-политической плоскости. Данный недостаток, притом в существенно большей степени, присущ и отечественным исследованиям. Соответственно, настоящая публикация направлена на восполнение данного пробела в исследованиях «узких» страновых аспектов внешней политики ФРГ.

Основным методом исследования избран инвент-анализ, то есть исследование содержания, значения и последствий реализации наиболее чувствительных шагов политико-дипломатического и военного (в т.ч. военно-экономического) характера.

На пути к продвинутому стратегическому партнерству: германо-саудовские отношения в начале 2010-х гг.

Крайне выгодное геополитическое (и геоэкономическое) положение Саудовской Аравии обуславливало интерес ФРГ к обретению ее поддержки — политической, а в ряде случаев и логистической — для обеспечения оперативного тыла при проведении ряда операций с участием бундесвера. Прежде всего, это относилось к усилиям Германии по стабилизации обстановки в Сомали (миротворческой операции UNOSOM II в 1992—1994 гг., военно-тренировочной миссии ЕС EUTM Somalia в 2010—2018 гг. и хронологически параллельной EUCAP Nestor для переподготовки сил охраны побережья). В этой же связи значимыми военно-морскими векторами использования бундесвера являлись операции Enduring Freedom (компонента в Аденском заливе и Красном море в 2002—2010 гг., под эгидой I западной антитеррористической коалиции) и Atalanta по борьбе с пиратством у берегов Сомали (с 2008 г., под эгидой ЕС) [Weber 2017]. Косвенным подтверждением тому является схема расположения дипломатических учреждений ФРГ на территории Саудовской Аравии: посольство в Эр-Рияде дополняется наличием генерального консульства в г. Джидда — стратегически значимом порту на побережье Красного моря⁹.

⁷ См.: “Chancen für die Diplomatie offen halten”. Außenminister Heiko Maas sagte gegenüber der Fun-ke-Medien-gruppe zur Lage am Persischen Golf // Auswärtiges Amt. 27.07.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-funke/2235780> (accessed: 16.08.2019).

⁸ См.: Deutsche UN-Beobachter im Jemen // Tagesschau. 09.04.2019. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/jemen-unmha-deutschland-101.html> (accessed: 16.08.2019).

⁹ См.: Deutsche Vertretungen in Königreich Saudi Arabien. 2019 // Auswärtiges Amt. URL: <https://saudi-arabien.diplo.de/ksa-de> (accessed: 16.08.2019).

При этом степень заинтересованности КСА в ФРГ была несоизмеримо большей, чем Германии в Саудовской Аравии. Показатель тому — три совершенных канцлером А. Меркель визита в Саудовскую Аравию во второй половине 2000—2010-х гг. (2007; 2010; 2017) по приглашению ее властей при одновременном отсутствии официальных поездок властей КСА в Германию, несмотря на настоятельно демонстрируемое желание официального Эр-Рияда.

Чем определяется столь повышенный саудовский интерес к Германии?

Во-первых, учитывая, что ФРГ — «восходящая держава» (притом де-факто единственная среди стран — участниц «коллективного» Запада), ее поддержка ценна для Саудовской Аравии для реализации своих амбиций на региональное лидерство — в том числе в имиджевом плане.

Во-вторых, это фактор наличия у Германии мощного промышленного потенциала (особенно на фоне наблюдаемой до второй половины 2010-х гг. в большинстве стран Евроатлантического сообщества деиндустриализации). Это делает привлекательным экономическое и прежде всего военно-техническое сотрудничество с Германией — военная продукция фирм ФРГ являлась одной из осевых составляющих процесса модернизации армии КСА. С учетом спорного уровня боеспособности ее личного состава (преимущественно укомплектованного наемниками) в условиях реальных боевых действий именно укомплектованию вооруженных сил современными и сверхсовременными вооружениями и военной техникой (ВиВТ) традиционно отводится исключительное внимание со стороны саудовского руководства (см. табл. 1).

Как следует из табл. 1, с 2008 г. на протяжении десятилетия ФРГ превратилась в модернизатора парка ВиВТ королевских войск — прежде всего, наземных, а также сил охраны побережья. В свою очередь, Саудовская Аравия прочно утвердилась в числе 20 наиболее значимых государств — импортеров военной продукции германских фирм. Показательно, что резкое увеличение объемов торговли ВиВТ наблюдается после первого визита А. Меркель в Саудовскую Аравию (2007), иллюстрируя возникавшее стратегическое партнерство. Его развитие еще более ускорилось в результате второго визита А. Мер-

кель (2010)¹⁰ и, что не менее важно, начавшегося «Арабского пробуждения». Оно придало мощный импульс как военно-техническому, так и политико-дипломатическому трекам кооперации сторон. Это объяснялось возрастающим вниманием обеих сторон к вооруженным конфликтам, вновь возникавшим на Ближнем Востоке — прежде всего сирийскому и йеменскому. При этом если официальный Берлин в целом придерживался оборонительно-наступательной тактики к их урегулированию, проявляя сдержанность в вопросах использования собственно военного инструментария, то КСА, напротив, наступательно-оборонительной — особенно в случае Йемена.

Для «сирийского вопроса» общим знаменателем линий Германии и Саудовской Аравии являлось неприятие действующих властей САР (и персонально президента Б. Асада) и поддержка оппозиции, с политической точки зрения достаточно фрагментированной. Обе страны вошли в состав «Группы друзей Сирии» (ГДС), «ядром» которой являлись наиболее крупные и влиятельные страны — участницы НАТО (включая Турцию) и монархии Аравийского п-ова. Так, в мае 2014 г. государства — члены ГДС заранее признали нелегитимными результаты назначенных на 3 июня выборов президента САР, де-факто призвав к их бойкоту¹¹.

На йеменском направлении Саудовская Аравия, с одной стороны, усиливала непосредственную охрану своих границ — как сухопутных, преимущественно в пустынной местности (в частности, именно эта статья расходов была основной в рекордном (более 1,2 млрд. евро) импорте германской продукции в 2012 г.), так и морских. Так, объектом постоянного интереса официального Эр-Рияда при закупках ВиВТ у ФРГ являлись катера. С другой стороны, с 2015 г. саудовские войска совместно с вооруженными силами части государств — партнеров по Совету сотрудничества

¹⁰ См.: Saudi-Arabien: Beziehungen mit Deutschland // Auswärtiges Amt. 08.01.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/aussenpolitik/laender/saudiarabien-node/deutschland-und-saudi-arabien--bilaterale-beziehungen/202304> (accessed: 16.08.2019).

¹¹ См.: «Друзья Сирии» призвали не признавать предстоящие выборы в Сирии // РИА Новости. 15.05.2014. URL: <https://ria.ru/20140515/1007930391.html> (дата обращения: 16.08.2019).

Таблица 1

Экспорт военной продукции ФРГ в КСА

Год	Объем экспорта (евро)	Наиболее значимые составляющие	Место КСА в топ-20 государств — импортеров продукции ФРГ
2006	56,9 млн	Части для боевых самолетов, средства связи и навигации, стрелковое оружие	—
2007	45,5 млн	Стрелковое оружие	—
2008	170,4 млн	Стрелковое оружие, автоматические пушки, запчасти для танков	8-е
2009	168,0 млн	Радары для морских судов, части для боевых самолетов, средства связи и навигации, стрелковое оружие	6-е
2010	262,5 млн	Средства связи и навигации, запчасти для катеров, в том числе патрульных, боевых и транспортных самолетов	10-е
2011	139,6 млн	Части для самолетов, тренажеры, средства для прокладки коммуникаций	12-е
2012	1 237,3 млн	Оборудование для организации охраны границы, артиллерия и средства ее наведения, радары, БТР	1-е
2013	361,0 млн	БПЛА, транспортные и заправочные самолеты, бронированные медицинские машины, запчасти для грузовиков и танков	4-е
2014	209,0 млн	Оборудование для прокладки коммуникаций, запчасти для фрегатов	6-е
2015	270,0 млн	Грузовики, БТР, запчасти для танков	7-е
2016	529,7 млн	Вертолеты, транспортные и заправочные самолеты	3-е
2017	254,5 млн	Патрульные катера, минные охотники, запчасти для патрульных катеров, БТР и грузовиков	6-е
2018	416,4 млн	Радары для наведения артиллерии, патрульные катера	4-е

Table 1

Germany's military products export to KSA

Year	The volume of military export, euro	The key elements	The place of Saudi Arabia in top-20 of German military production importers
2006	56.9 bln	Details for combat aircrafts, instruments of communications and navigation, small arms	—
2007	45.5 bln	Small arms	—
2008	170.4 bln	Small arms, automatic guns, details for combat tanks	8th place
2009	168.0 bln	Sea radars, details for combat aircrafts, instruments of communications and navigation, small arms	6th place
2010	262.5 bln	Instruments of communications and navigation, details for cutters (including patrol ones), details for combat and transport aircrafts	10th place
2011	139.6 bln	Details for aircrafts, trainers, communications organizing instruments	12th place
2012	1 237.3 bln	Equipment for borders guarding, artillery, instruments of navigation, radars, armoured troop-carriers	1st place
2013	361.0 bln	Drones, transport and tank aircrafts, armoured medical cars, details for military trucks and combat tanks	4th place
2014	209.0 bln	Communications organizing instruments, details for frigates	6th place
2015	270.0 bln	Military trucks, armoured troop-carriers, details for combat tanks	7th place
2016	529.7 bln	Helicopters, transport and tank aircrafts	3rd place
2017	254.5 bln	Patrol cutters, mine hunters, details for patrol cutters, armoured troop-carriers, trucks	6th place
2018	416.4 bln	Radars for artillery, patrol cutters	4th place

Источник / Source: составлено автором по: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2006 (Rüstungsexportbericht 2006). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2007. S. 138; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2007 (Rüstungsexportbericht 2007). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2008. S. 121; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2008 (Rüstungsexportbericht 2008). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2009. S. 21, 120; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2009 (Rüstungsexportbericht 2009). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2010. S. 24, 127; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2010 (Rüstungsexportbericht 2010). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2011. S. 22, 129; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011 (Rüstungsexportbericht 2011). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2012. S. 78, 108; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2013. S. 76, 107; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82, 110, 111; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 67, 112; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 108; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 17, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 74, 100.

арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) начали интервенцию в зону вооруженного конфликта в Йемене. Коалиция начала боевые действия против формирований хуситов (шиитов, неофициально поддерживаемых Ираном), декларируя поддержку свергнутому и эмигрировавшему в КСА президенту Йемена А.Р.М. Хади. Соответственно, активные закупки наступательных вооружений (главным образом танков, вертолетов и запчастей к ним), артиллерийских систем и различных боеприпасов были направлены прежде всего на наращивание возможностей саудовской группировки в Йемене, в том числе восполнение существенных потерь в технике и вооружении, которые несли королевские части.

Интересно, что в контексте подготовки и начала действий коалиции вновь начались дебаты о создании панарабских военных структур (прежде всего общих группировок войск, в том числе сил быстрого реагирования). С инициативой создания таковых (с первоначальной численностью в 40 тыс. военнослужащих) выступил египетский президент А.Ф. ас-Сиси. Ему оппонировали власти Саудовской Аравии, настаивавшие на создании коалиций *ad hoc* и сохранении максимальной самостоятельности сторон в решении сколько-нибудь значимых военных вопросов [Noll, Roll 2015: 1]. Насколько выдвижение и тем более реализация данных панарабских проектов в области строительства вооруженных сил отвечали интересам ФРГ? Это было бы невыгодно официальному Берлину как минимум в двух отношениях. Во-первых, развитие кооперации неизбежно охватит военно-техническую сферу, означая обмен технологиями, закупленными у третьих стран, в том числе ФРГ. Соответственно, это несет угрозу потенциального снижения как объемов военного экспорта [Noll, Roll 2015: 4], так и в целом заинтересованности в Германии как партнере в военно-политической сфере. Во-вторых, для официального Берлина влиять, особенно в чувствительных вопросах (в частности, прекращении интервенции в Йемене), на панарабскую позицию станет значительно сложнее, чем договариваться с небольшими группами государств (например, ССАГПЗ) и тем более отдельными странами Ближнего Востока. Таким образом, именно саудовская

позиция отвечала интересам ФРГ, что, безусловно, оказывало благоприятное влияние на двусторонние отношения в середине 2010-х гг.

На первых стадиях (2015—2016 гг.) военного вмешательства коалиции части стран — участниц ССАГПЗ во главе с КСА и ОАЭ в ситуацию в Йемене германская сторона отнеслась к этим действиям достаточно сдержанно. Лишь с 2017 г. германские аналитики из ведущих «мозговых трестов» (Фонд науки и политики, Федеральная академия политики в области безопасности) стали подчеркивать опасность вооруженного конфликта в Йемене не только для региональной, но и международной безопасности. Подчеркивалось, что йеменский вектор становится одним из ключевых в контексте нарастающей холодной войны между КСА и ИРИ [Steinberg 2017: 1, Transfeld 2017: 1—2]. Чем это обусловлено? Первоочередной причиной, по мнению автора, являлось то, что сирийско-иракский вооруженный конфликт, из зоны которого именно в середине 2010-х гг. проецировались мощные угрозы безопасности на территорию ФРГ, оттенял «йеменскую проблему». В декабре 2015 г. Германия в собственно военном отношении присоединилась (впрочем, продолжив избегать собственно боевого использования бундесвера) к деятельности II западной антитеррористической коалиции, созданной еще годом ранее по инициативе США, для борьбы с ИГ и дружественными ему силами в Сирии и Ираке. При этом, особенно в случае сирийского театра военных действий (ТВД), официальный Берлин не мог не обращать растущего внимания на весьма эффективные параллельные военные шаги правительства САР — РФ — ИРИ по борьбе с международным терроризмом [Asseburg, Kaim 2018: 1—2]. Именно их усилия привели к постепенному ослаблению и отступлению ИГ сначала в Сирии, а затем и в Ираке (тесно связанном географически) — ключевом направлении деятельности II западной антитеррористической коалиции. Лишь к 2017—2018 гг. был достигнут перелом в борьбе с ИГ (что отнюдь не означало его полного разгрома) и существенно сократились неконтролируемые потоки беженцев из зоны сирийско-иракского конфликта. Однако временно возник новый, уже внутривосточный, огра-

ничитель активности официального Берлина на йеменском направлении — это уже отмеченные сложности с формированием нового правительства.

Германо-саудовские отношения: нарастание зигзагообразности в 2016—2017 гг.

Несмотря на желательность для ФРГ развития кооперации с КСА по Сирии и в целом ближневосточной тематике и бесспорную выгодность экспорта больших объемов германских ВиВТ, с начала 2016 г. в двусторонних отношениях стала возрастать частотность спадов. Наиболее значимой причиной этого следует признать заключение 14 июля 2015 г. СВПД между «иранской шестеркой» (5 постоянных членов Совета Безопасности ООН, являющихся ядерными державами и ФРГ) и официальным Тегераном и его успешную имплементацию. На практике это означало переход ИРИ в разряд партнеров Германии, практическая ценность кооперации с которым также стала возрастать. Соответственно, в ответ на казнь в январе 2016 г. на территории КСА 47 шиитских проповедников по приказу властей страны федеральное правительство, справедливо рассматривая это как жесткую меру антииранской направленности, ввело полугодичное эмбарго на экспорт ВиВТ в Саудовскую Аравию. Данный запрет не был продлен — более того, резкий рост военных поставок во втором полугодии 2016 г. перекрыл их отсутствие в первом (см. табл. 1).

Уже в апреле 2016 г. состоялся визит в Саудовскую Аравию тогдашнего главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайера. Официально ключевой темой переговоров стало обсуждение планов глубоких социально-экономических реформ, детально изложенных наследным принцем Мухаммедом бин Сальманом¹². Официальный Берлин весьма положительно отнесся к самому факту их инициирования, рассматривая проведение реформ как предпосылку для будущего углубления партнерства (подробнее см.: [Roll 2019]). Примечателен факт не просто одобрения, но приглашения вла-

стями КСА германского руководства к обсуждению внутренних проблем в королевстве — это свидетельство особой заинтересованности официального Эр-Рияда в развитии двустороннего сотрудничества. В свою очередь, германская сторона сделала важный шаг навстречу пожеланиям руководства КСА — в июле 2016 г. послом ФРГ в Саудовской Аравии был назначен Д. Халлер, уже занимавший данный пост в 2011—2014 гг.(!)¹³. Это явление было крайне редким, если не сказать исключительным, в дипломатической практике Федеративной Республики. При этом в ходе апрельского визита 2016 г. в неофициальном порядке Ф.-В. Штайнмайер предостерег саудовскую сторону от новых провокационных шагов на иранском направлении, подчеркивая приверженность ФРГ развитию дружественных отношений с ИРИ. Тем самым официальный Берлин стал реализовывать тактику «балансирования» между КСА и ИРИ.

Вновь назначенный посол Д. Халлер, известный своими саудофильскими настроениями, прилагал активные усилия для организации нового, уже третьего по счету, визита канцлера ФРГ А. Меркель в КСА. Он состоялся 30 апреля 2017 г. в рамках турне главы федерального правительства по монархиям Аравийского п-ова. Состав германской делегации был представительным: канцлера сопровождала группа министров, включая глав военного и внешнеполитического ведомств. Сам факт этого визита, к проведению которого саудовское руководство проявляло исключительный интерес, свидетельствовал об очередной фазе подъема в двусторонних отношениях. Главы оборонных ведомств договорились об обучении и переподготовке солдат и офицеров королевских вооруженных сил на территории ФРГ¹⁴. На этом фоне достаточно динамично развивалось военно-техническое сотрудничество сторон (см. табл. 1). В то же время

¹³ См.: Deutsche Lobbyisten werben für die Saudis // FAZ. 25.11.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/ex-botschafter-involviert-lobbyisten-werben-fuer-saudis-15908457.html> (accessed: 16.08.2019).

¹⁴ См.: Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden // Tagesspiegel. 30.04.2017. URL: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed: 16.08.2019).

¹² См.: Steinmeier würdigt Reformen in Saudi-Arabien // Die Welt. 01.05.2016. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article154909854/Steinmeier-wuerdigt-Reformen-in-Saudi-Arabien.html> (accessed: 16.08.2019).

отчетливо видны его «раздражители». А. Меркель заявила о неприемлемости использования ВиВТ, закупленных Саудовской Аравией у Германии, в зоне йеменского вооруженного конфликта¹⁵. На данном примере видно, что официальный Берлин отстаивал свое право контроля над конечным использованием военной продукции летального назначения. Правовой основой для этого выступало положение «мира и только мира», должного исходить с германской земли в соответствии с договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (от 12 сентября 1990 г.)¹⁶. Формально официальный Эр-Рияд демонстрировал внимание к риторике канцлера А. Меркель, нуждаясь в германских ВиВТ в том числе для восполнения потерь в зоне йеменского вооруженного конфликта. Однако на деле саудовская сторона не собиралась сокращать объемы и тем более свертывать сам факт своего военного участия в интервенции на территории Йемена.

Тем самым официальный Берлин стремился не допустить эскалации напряженности в отношениях КСА и ИРИ, т.е. перерастания их противостояния из «холодной войны» в «горячую». Повышению вероятности реализации этого сценария весьма способствовало разрастание объемов прокси-войны в Йемене. В то же время официальный Берлин не пошел на реализацию практических мер давления на КСА. Почему? Одна из фундаментальных причин тому — казавшаяся успешной по состоянию на апрель 2017 г. имплементация иранской «ядерной сделки». По всей видимости, она рассматривалась официальным Берлином как возможность для параллельного сбалансированного развития отношений и с Ираном, и с Саудовской Аравией.

Однако уже с июня 2017 г. германо-саудовские отношения вступили в фазу спада. 5 июня 2017 г. группа арабских государств во главе с КСА, ОАЭ и Египтом разорвала дипломатиче-

ские отношения с Катаром, обвинив его в связях с международным терроризмом. Германские аналитики выделяли три сценария развития дипломатического кризиса: смена режима в Катаре (силовая, т.е. развязывание боевых действий), урегулирование, т.е. восстановление отношений в целом в той системе координат, которая существовала до кризиса, а также «холодная война» между Катаром и остальными монархиями Аравийского п-ова [Sailer, Roll 2017: 2—4]. ФРГ, равно как и ее государства-партнеры по «коллективному» Западу, стала прилагать активные усилия по урегулированию дипломатического кризиса, подчеркнув неприятие его перерастания в силовую фазу [Sailer, Roll 2017: 2]. Уже в июле 2017 г. новый глава МИД ФРГ З. Габриель совершил турне по монархиям Аравийского п-ова, демонстративно посетив Катар. Уже в сентябре 2017 г. в Германию для проведения переговоров прибыл эмир Катара шейх Т. бин Х. аль Тани — это был уже его второй визит в ФРГ (первый состоялся в 2014 г.)¹⁷. Тем самым, с одной стороны, Германия внесла весомый вклад в недопущение возникновения очага вооруженного насилия на Аравийском п-ове. С другой — официальный Берлин де-факто противодействовал устремлениям Саудовской Аравии, не допустив перехода ее давления в силовую фазу и тем самым продемонстрировав «красную линию», далее которой ФРГ не была готова поддерживать КСА.

Следующим «раздражителем» двусторонних отношений стало убийство саудовского оппозиционного журналиста Дж. Хашогги на территории Генерального консульства КСА в Стамбуле 2 октября 2018 г., то есть на территории страны — участницы НАТО (!). Германия достаточно жестко отреагировала на данный инцидент, вновь актуализировав находившуюся в значительной степени в тени тему соблюдения прав человека в КСА и за ее пределами. Сразу по завершении расследования, 21 октября 2018 г., последовало официальное осуждение действий Саудовской Аравии со стороны главы МИД ФРГ Х. Мааса совместно с его коллегами из Франции и Великобритании. Символично, что Германия действовала в фор-

¹⁵ См.: Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden // Tagesspiegel. 30.04.2017. URL: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed: 16.08.2019).

¹⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 34—37.

¹⁷ См.: Katar: Beziehungen zu Deutschland // Auswärtiges Amt. 11.02.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/aussenpolitik/laender/katar-node/-/202286> (accessed: 16.08.2019).

мате ЕЗ, т.е. основного переговорного формата, используемого официальным Берлином для сохранения СВПД. Тем самым в Эр-Рияд посылался недвусмысленный сигнал о готовности ослабить партнерские связи с Саудовской Аравией в случае сохранения ею линии на продолжение шагов провокационной направленности.

Траектория резкого спада в отношениях ФРГ и КСА

«Спусковым крючком» ужесточения ответной реакции Германии на меры, осуществляемые официальным Эр-Риядом, стало одностороннее решение администрации Д. Трампа о выходе из СВПД (8 мая 2018 г.), «развязывавшее руки» оппонентам Ирана, в том числе КСА, в наращивании на него военно-политического давления. Соответственно, военные действия коалиции в Йемене были активизированы. Действия коалиции во многом перечеркивали усилия ООН (в том числе германский вклад) по урегулированию ситуации в зоне вооруженного конфликта в Йемене, усугубляя гуманитарную катастрофу и содействуя росту потоков беженцев [Asseburg, Lacher, Transfeld 2018: 44—57]. В ответ на военную активность КСА в Йемене в сентябре 2018 г. федеральное правительство ввело временное — длительностью на полгода — эмбарго на поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию, продлив его еще на полгода в начале апреля 2019 г.¹⁸

В плане свертывания военно-технического сотрудничества с Саудовской Аравией, что сопровождалось спадом не только в торговле в целом, но и политическом взаимодействии, Германия заняла существенно более жесткую позицию, чем Франция или Соединенные Штаты Америки¹⁹.

Тактика ФРГ позволяла «высветить» подход ФРГ к экспорту ВиВТ в Саудовскую Аравию, принимая во внимание факторы существенной финансовой прибыли и политических преимуществ и издержек. Германия была готова участ-

вовать в наращивании военного потенциала КСА в принципе при условии неучастия Королевства в наступательно-интервенционистских действиях, т.е. для укрепления обороноспособности как самоцели. При нарушении этого правила, особенно в случае угрозы начала прямого конфликта с Ираном, Германия сначала де-юре (на декларативном уровне), а затем и де-факто сокращала, а затем и прекращала поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию с пролонгацией/отказом от таковой каждые полгода.

Еще одним значимым, и, что важно, «долгоиграющим» элементом влияния ФРГ на власти Саудовской Аравии стало игнорирование их настоятельных пожеланий об организации визита наследного Мухаммеда бин Сальмана в Германию и особенно его переговоров с федеральными президентом и канцлером. Ключевой фигурой среди лоббистов саудовских интересов в ФРГ стал вышедший в отставку (2018 г.) посол Д. Халлер²⁰.

Шаги официального Берлина свидетельствовали о деградации германо-саудовских отношений и их отхода от уровня стратегического партнерства.

Заключение

В германо-саудовских отношениях в 2010-е гг. прослеживается неуклонный рост частоты падений, увеличения их продолжительности и глубины, что, прежде всего, связано с переходом значительной части имеющихся и вновь возникающих проблем из латентного состояния в открытое. На примере КСА прослеживается политическая детерминированность развития двусторонней военно-технической кооперации (и тем более сотрудничества) со стороны ФРГ.

Фактор Ирана к началу 2020-х гг. стал наиболее значимым при определении настоящего и будущего германо-саудовских отношений. Соответственно, в зависимости от развития ситуации вокруг ИРИ автору видятся возможными три основных сценария развития диалога ФРГ и КСА.

¹⁸ Deutschland verlängert Waffenembargo gegen Saudi-Arabien // Human Rights Watch. 12.04.2019. URL: <https://www.hrw.org/de/news/2019/04/12/deutschland-verlaengert-waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed: 12.07.2019).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Deutsche Lobbyisten werben für die Saudis // FAZ. 25.11.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/ex-botschafter-involviert-lobbyisten-werben-fuer-saudis-15908457.html> (accessed: 16.08.2019).

При сохранении имеющегося объема вклада Саудовской Аравии в конфронтацию с иранской стороной на уровне, близком к современному, возможно определенное улучшение рассматриваемых двусторонних отношений. Скорее всего, официальный Берлин пойдет на «разморозку» (возможно, с несколькими моментами приостановки) военно-технического сотрудничества, но при этом будет избегать форсирования встреч на высшем уровне.

Потенциальная «разрядка» напряженности вокруг ИРИ обусловит готовность с германской стороны к восстановлению двусторонних отношений в полном или практически таком же объеме, включая продвинутое военно-техническое сотрудничество и проведение встреч на высшем уровне. Однако открытым, с учетом отказа руководства КСА от стратегических целей, останется вопрос о степени заинтересованности его самого в этих контактах.

В случае начала подготовки и тем более проведения полномасштабной войны между коалицией с участием КСА против ИРИ Германия как минимум де-юре ужесточит свою позицию по отношению к официальному Эр-Рияду. При этом следует отметить, что с учетом уже введенных ограничений потенциал для создания новых со стороны Германии достаточно ограничен. Вариант поддержки (даже условной) действий коалиции со стороны ФРГ в реалиях 2019 г. исключен. Военный конфликт, даже если он закончится ничьей (и тем более победой одной из сторон), создаст колоссальные угрозы для ФРГ — как в смысле сохранения ее позиций на Ближнем Востоке в целом, так и ее собственной безопасности. Поэтому от германской дипломатии следует ожидать гиперактивности, включая выдвижение неожиданных инициатив, по купированию и скорейшему урегулированию начинающегося конфликта.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2019
Принята к публикации / Accepted: 16.11.2019

References / Библиографический список

- Asseburg, M. & Kaim, M. (2018). Ein deutscher Militäreinsatz in Syrien Politische Ziele, Umsetzbarkeit, rechtliche Voraussetzungen, Effekte. *SWP-Aktuell*, 54. (In German).
- Asseburg, M., Lacher, W. & Transfeld, M. (2018). *Mission Impossible?* Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs.
- Baikonyi, J. & Jakobeit, C. (2007). Internationale Kriminalität / internationaler Terrorismus. In: Schmidt, S., Hellmann, G. & Wolf, R. (Eds.). *Handbuch zur deutschen Aussenpolitik*. Wiesbaden: Verlag fuer Sozialwissenschaften. S. 660—671. (In German).
- Gareis, S. (2006). *Handbuch Militaer und Sozialwissenschaften*. Opladen: Verlag Barbara Budrich. (In German).
- Kaldor, M. & Rangela, I. (Eds.). (2014). *The Handbook of Global Security Policy*. Sussex: Willey Blackwell.
- Leemhuis, R. (2018). Iran's Destructive Regional Policy. An Underrated Problem. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*, 27.
- Lohmann, S., Meier, O. & Zamirirad, A. (2017). *Irans Atomprogramm: Washington und Brüssel auf Kollisionskurs Warum die EU die Atomvereinbarung retten muss*. Juli, 53. (In German).
- Meiers, Fr.-J. (2016). *Bundeswehr am Wendepunkt: Perspektiven deutscher Aussen und Sicherheitspolitik*. Opladen: Springer Verlag. (In German).
- Noll, J. & Roll, St. (2015). Vom Jemen-Krieg zur gemeinsamen Armee? *SWP-Aktuell*, 47. (In German).
- Roll, St. (2019). *Ein Staatsfonds für den Prinzen. Wirtschaftsreformen und Herrschaftssicherung in Saudi-Arabien*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. (In German).
- Roos, U. (Eds.). (2017). *Deutsche Aussenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln*. Opladen: Springer Verlag. (In German).
- Sailer, M. & Roll, St. (2017). *Three Scenarios for the Qatar Crisis*. SWP Comments, 25.
- Steinberg, G. (2017). Saudi-Arabiens Krieg im Jemen. *SWP-Aktuell*, 51. (In German).
- Steinberg, G. (2018). Muhammad Bin Salman Al Saud an der Macht. *SWP-Aktuell*, 71. (In German).
- Transfeld, M. (2017). Kein Stellvertreterkrieg im Jemen. *SWP-Aktuell*, 13. (In German).
- Von Bredow, W. (2006). *Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschlands. Eine Einfuehrung*. Wiesbaden:Verlag fuer Sozialwissenschaften. (In German).

- Von Bredow, W. (2015). *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militaer*. Wiesbaden: Springer Fachmedien. (In German).
Von Bredow, W. (2017). *Die Geschichte der Bundeswehr*. Berlin: Palm Verlag. (In German).
Von Krause, U. (2012). *Die Bundeswehr als Instrument deutscher Aussenpolitik*. Wiesbaden: Springer Verlag. (In German).
Weber, A. (2017). Red Sea: Connector and Divider. *SWP Comments*.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН (e-mail: ltrunov@mail.ru).

About the author: Trunov Philipp Olegovich — PhD in Political Sciences, Senior Researcher, the Department of Europe and America, INION RAS; Senior Researcher, the Laboratory “Institutional History of the 21st century” (e-mail: ltrunov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689

Научная статья

Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999—2017 гг.)

А.Н. Атрашкевич

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Research article

Turkey and Greece: Political and Economic Relations within the Conflict Circumstances (1999—2017)

A.N. Atrashkevich

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Автор статьи выделяет четыре этапа эволюции турецко-греческих отношений в 1999—2017 гг.: 1999—2003 — «оттепель»; 2003—2009 — интенсификация сотрудничества и попыток урегулирования кипрского вопроса; 2009—2014 — создание правовой базы для расширения турецко-греческих связей; 2014—2017 — обострение политических отношений между двумя странами. Данная периодизация базируется главным образом на изменениях в политической сфере турецко-греческих взаимоотношений. В перспективе может быть проведена также периодизация экономических отношений Турции и Греции, так как двусторонние отношения на политическом и экономическом уровнях, несмотря на их взаимозависимость, подвержены разным факторам влияния.

Проанализировав выделенные четыре этапа, автор приходит к выводу, что в исследуемый период турецко-греческие отношения характеризуются неустойчивостью, хотя за последние два десятилетия удалось создать институциональную базу для плодотворного развития сотрудничества в таких сферах, как экономика, туризм, информационные технологии и др. Иными словами, впервые после высадки турецких военных на Кипр в 1974 г. между правительствами двух государств был выстроен отлаженный коммуникативный механизм. Однако при достаточно стабильном, периодически расширяющемся экономическом сотрудничестве на политическом уровне сохраняется ряд проблем, сдерживающих расширение двустороннего диалога. Основные из них — это кипрский вопрос и претензии Турции на часть греческого континентального шельфа. Урегулирование данных вопросов представляется обязательным не только для развития двусторонних отношений, но и для поддержания безопасности в целом, так как столкновение интересов этих двух государств в Эгейском море может привести к дестабилизации всего региона.

Ключевые слова: Греция, Турция, кипрский вопрос, «план Аннана», Европейский союз, политический диалог, турецко-греческие отношения, Эгейское море

Для цитирования: Атрашкевич А.Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 675—689. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689

Abstract. The author distinguishes four stages of bilateral relations between Turkey and Greece in 1999—2017: 1) the “thaw” of 1999—2003; 2) the period of the growing cooperation with attempts to resolve the Cyprus issue in 2003—2009; 3) the next one encompassing 2009—2014, when efforts to build a contractual-cum-institutional basis for the expansion of relations

© Атрашкевич А.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

took place: 4) and that of worsening the political relations in 2014—2017. After analyzing these phases, the author concludes that during the whole of study period, Ankara and Athens failed to improve their bilateral relations to the point of overcoming negative historical accounts and ethnic stereotypes. Despite the constant increase of the trade volume, at the political level there were a number of problems hindering the intensification of the bilateral dialogue. The main ones are the Cyprus issue and Turkey's claims on the Greek continental shelf. The solution of these issues is obligatory for the further development of bilateral political relations as well as for the maintenance of the security in the region.

Key words: Greece, Turkey, the Cyprus issue, the Annan Plan, the European Union, political dialogue, Turkish—Greek relations, Aegean Sea

For citation: Atrashkevich, A.N. (2019). Turkey and Greece: Political and Economic Relations within the Conflict Circumstances (1999—2017). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 675—689. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689

Двусторонние отношения Турции и Греции в XX — начале XXI в. отличает их перманентное пребывание в конфликтных условиях, — начиная с греко-турецкой войны 1919—1922 гг. и заканчивая нередко приводящими к локальным разовым столкновениям нарушениями воздушных и морских границ Греции турецкой стороной. Важно пояснить, что именно в данном случае подразумевается под «условиями конфликта». Это не обязательно военные действия, отсутствие дипломатических отношений или угроза их прерывания. После открытого конфликта на Кипре в 1975 г. отношения между Анкарой и Афинами не находятся в фазе, предполагающей открытое вооруженное противостояние. Однако, несмотря на отсутствие боевых действий и независимо от того, меняются ли эти отношения в худшую или лучшую сторону, они, как и в XX в., определяются устойчиво конфликтными условиями изменений. Одна из причин такого положения — историческая память¹, в особенности о таких событиях XX в., как уже упомянутая война, геноцид понтийских греков, двусторонние этнические чистки в 1914—1923 гг., принудительный обмен населением в 1923—1926 гг.², кипрский кризис. Еще

одна причина, находящаяся в постоянной взаимосвязи с первой, — это растущий национализм обществ в обоих государствах.

Вследствие географического положения Турции и Греции их роли крупных транспортных коридоров стабилизация двусторонних отношений представляется единственным путем к сохранению безопасности в Эгейском море. В то же время поиск путей разрешения турецко-греческих конфликтов — задача международного уровня, поскольку затрагивает интересы внешних акторов.

Это, во-первых, интересы НАТО: еще в 1960—1970-х гг. в силу расположения военных баз этой организации на Кипре, ее страны-участницы, в первую очередь США, стремившиеся сохранить свое присутствие на острове, оказались втянутыми в кипрский конфликт.

Во-вторых, это интересы Европейского союза, который после подачи Грецией в 1975 г. заявки о вступлении в ЕС и аналогичной заявки Турцией в 1987 г. оказался «между двух огней». Впрочем, поначалу это положение приносило Брюсселю определенные политические дивиденды. Осуществленный турецким исследователем Бахаром Румелили анализ роли ЕС в турецко-греческих отношениях убеждает в том, что до 1990-х гг. Брюссель преследовал цель «привязать» оба государства к Западу, управляя их соперничеством,

под сомнение его легитимность, так как с точки зрения существовавших уже в момент подписания договора стандартов международного права в отношении национальных меньшинств. Это был шаг назад. И дело не только в людских потерях вследствие высылки. Переселенцы стали политическими «заложниками», поскольку степень соблюдения их прав попала в зависимость от состояния турецко-греческих отношений [Pitsoulis 2010], что, в свою очередь, не способствует улучшению этих отношений.

¹ Согласно автору термина, М. Хальбваксу, историческую память можно определить как совокупность представлений о прошлом определённой социальной группы. Как писал М. Хальбвакс, «если же она (история. — *Прим. авт.*)... стремится сохранить тот образ прошлого, который, возможно, ещё присутствует в сегодняшней коллективной памяти, она удерживает из него лишь то, что по-прежнему интересует наше общество...» [Хальбвакс 2005: 23].

² Принудительный обмен населением между Турцией и Грецией — один из пунктов Лозаннского мирного договора, подписанного в 1923 г. и установившего современные границы Турции. Профессор университета Хильдесхайма (Германия) Афанасиос Питсулис ставит

и не был всерьез заинтересован в урегулировании турецко-греческого конфликта [Rumelili 2004]. Но после подачи в 1990 г. правительством греков-киприотов от имени Республики Кипр заявки на вступление в ЕС Брюсселю пришлось на деле заняться турецко-греческими отношениями. В любом случае, очевидно, что задача их урегулирования вышла за межгосударственные рамки. Другое дело, что попытки ведения переговоров как в двустороннем формате, так и при посредничестве третьих акторов не привели в конце XX в. к действенным результатам.

Длительность пребывания турецко-греческих отношений в конфликтных условиях ставит их в один ряд с такими «вечными» проблемными узлами международных отношений, как кашмирская проблема в отношениях между Индией и Пакистаном или палестинская — в отношениях Израиля почти со всем его мусульманским окружением.

Напрашивается необходимость взглянуть на турецко-греческие отношения как на составную часть более крупной проблемы долговременной конфликтности в межгосударственных отношениях, требующей использования методов сравнительно-исторического анализа. Вместе с тем известно, что необходимое условие проблематизации темы — это систематизированное изложение фактологического материала по ней. Одним из распространенных и важных способов такого рода систематизации является фазирование — распределение совокупности доступных нам фактов и событий по логически обособленным этапам эволюции вопроса. Именно такая задача и была нами поставлена во главу угла в настоящей статье. При этом, однако, в ходе самого выделения этапов мы не могли не руководствоваться рабочей гипотезой о проблемном содержании исследуемой темы.

На начало рассматриваемого нами периода основными пунктами противоречий между Турцией и Грецией были: вопрос о пересмотре Лозаннского договора; о пределах греческого континентального шельфа; кипрский вопрос. По сути своей все они — политические, поэтому и периодизация, предлагаемая далее с целью отследить с ее помощью основные вехи двусторонних отношений в 1999—2017 гг., основывается на политической парадигме. Были выделены четыре периода. Это, прежде всего, «оттепель» 1999—2003 гг. Затем — период интенсификации

сотрудничества и попыток урегулирования кипрского вопроса в 2003—2009 гг. Период создания правовой базы для расширения греко-турецких связей пришелся на 2009—2014 гг. Его сменил период обострения политических отношений в 2014—2017 гг.

В экономической сфере диалог развивался стабильно: происходило, хотя и не без колебаний, постепенное расширение сотрудничества. Далее каждый раздел статьи посвящен одному из выделенных нами периодов турецко-греческих отношений.

При написании статьи использовались преимущественно работы зарубежных исследователей и те труды отечественных авторов, которые, на наш взгляд, отличаются оригинальностью по постановке вопроса [Лубоцкая 2015; Шахин 2016] или по приводимым в них фактам [Поцхверия 1976; Улуян 1998].

1999—2003 гг.: «оттепель» в турецко-греческих отношениях

Точкой отсчета для анализа турецко-греческих отношений на современном этапе мы считаем 1999 г., когда на саммите ЕС в Хельсинки греческое правительство поддержало стремление Турецкой Республики интегрироваться в европейское сообщество. В Афинах считали, что перспектива интеграции поспособствует «европеизации» Турции, ускорению решения кипрской проблемы. При этом, поскольку для самой Греции принципиальное значение имело вступление в Европейский союз Кипра³, 29 ноября 1999 г. греческое правительство направило в Хельсинки меморандум, содержащий условия для присвоения Турции статуса кандидата. Важнейшим из них было условие о полноправном членстве Республики Кипр еще до окончательного урегулирования кипрской проблемы [Шахин 2016]. Участники хельсинкского саммита с этим согласились, что стало важным моментом подготовки к вступлению

³ По мнению профессора политологии Западного университета Онтарио Т. Бахчели, правительство греков-киприотов преследовало посредством вступления в ЕС исключительно политические цели. В Никосии надеялись, что давление ЕС станет эффективным инструментом создания единого кипрского государства в виде суверенной федеральной республики, а не федерации двух суверенных государств, как того хотели турки-киприоты [Bahcheli 1997].

Кипра в ЕС⁴, позиция же Греции сыграла решающую роль в признании Турции кандидатом в члены ЕС.

Итоги саммита в Хельсинки рассматривались европейскими исследователями того времени как обнадеживающие. Так, немецкий профессор Ю. Ройтер высказал мнение, что обретение Турцией статуса государства-кандидата приведет к расширению диалога с Грецией. И что при условии выполнения Турцией Копенгагенских критериев (критерии принятия государств-претендентов в Европейский союз, установленные на его заседании в Копенгагене в июне 1993 г.⁵) Анкара «вряд ли станет угрожать безопасности или территориальной целостности Греции» [Reuter 1999].

Хельсинкский саммит действительно положил начало стабилизации турецко-греческих отношений⁶. Для их улучшения и, соответственно, ускорения процесса вступления Турции в ЕС вскоре после саммита страны по предложению греческого правительства учредили в ЕС специальный совместный комитет. Первое заседание комитета с участием представителей министерств иностранных дел обоих государств состоялось 28 февраля 2000 г. в Анкаре. Его конкретным результатом стало проведение в 2000—2001 гг. ряда семинаров: по вопросам таможенного, финансового и судебного сотрудничества и в сфере обеспечения безопасности и по соотнесению национального законодательства с законодательством ЕС (при основополагающей роли второго),

а также по кооперации в сельскохозяйственной сфере⁷. Комитет рассмотрел и долгосрочные вопросы расширения ЕС, проведения межправительственной конференции и др.

Как видим, на рубеже веков Греция однозначно показала себя активным сторонником расширения и углубления отношений с Турцией на основе принципов международного права. Но и турецкое правительство также было весьма заинтересовано в том, чтобы двусторонние турецко-греческие отношения вышли на качественно новый уровень. Это было обусловлено как изменившимся политическим статусом Турции в европейском регионе, так и внутренними процессами.

Во-первых, в 2001 г. Турецкую Республику охватил экономический кризис. Его предпосылками стали аналогичные кризисы 1997—1998 гг. в Азии и в России. Они привели к сокращению притока иностранного капитала в Турцию и, как следствие, к значительному замедлению ее экономического роста — с 7,5% в 1997 г. до 2,5% в 1998 г.⁸ Еще одна причина — землетрясение в августе 1999 г.⁹, поразившее индустриальный центр страны. Как следствие, в 2000—2001 гг. произошло бегство иностранного капитала из страны, был отменен фиксированный курс национальной валюты, быстро рос внешний долг, Турция остро нуждалась в притоке иностранных инвестиций. Все это и послужило благоприятной почвой для развития более тесных экономических связей со странами ЕС, в том числе с Грецией.

⁴ Кипр и ЕС // Посольство Республики Кипр в Москве. URL: http://www.mfa.gov.cy/mfa/embassies/embassy_moscow.nsf/moscow_embassy14_ru/moscow_embassy14_ru?OpenDocument (дата обращения: 18.09.2018).

⁵ Accession criteria // European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations, European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/glossary/terms/accession-criteria_en (accessed: 28.02.2019).

⁶ За точку отсчёта турецко-греческих отношений в XXI в. он принимается многими исследователями, в том числе российскими. Так, отправной точкой политики «малых дел» в отношениях Анкары и Афин называет 1999 г. А.С. Лубоцкая [2015: 24—39]. Заметим попутно, что в ее статье дан обстоятельный анализ экономического и энергетического аспектов турецко-греческих отношений и вопросов безопасности, но практически выпали такие важные аспекты, как характерные для турецкого и греческого обществ национализм и историческая память.

⁷ Joint Declaration on Turkey-Greece Cooperation in EU Matters Ankara // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Turkey. April 6, 2001. URL: http://www.mfa.gov.tr/joint-declaration-on-turkey-greece-cooperation-in-eu-matters-ankara_-april-6_-2001.en.mfa (accessed: 22.09.2018).

⁸ The Turkish 2000—01 Banking Crisis. Economic Report // RaboResearch — Economic Research. September 4, 2013. URL: <https://economics.rabobank.com/publications/2013/september/the-turkish-2000-01-banking-crisis/#51d1cd5f-6231-4605-8aa8-3e53f3675850> (accessed: 28.08.2018).

⁹ Как подчеркивает Д. Керидис, оказанная греческим государством гуманитарная помощь «бросила вызов националистическим стереотипам в отношении Греции как врага», заложниками которых были двусторонние отношения [Keridis 1999]. Но нельзя согласиться с автором в том, что странам удалось освободиться от «конфронтационного дискурса прошлого» [Keridis 1999]. Произошел лишь «новый поворот» в развитии турецко-греческого диалога.

Важную роль в этом призваны были сыграть Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций от 20 января 2001 г., двустороннее соглашение об избежании двойного налогообложения от 2 декабря 2003 г. и Протокол о сотрудничестве, подписанный 5 февраля 2003 г. на первом заседании Объединенного комитета по туризму Греции и Турции.

Во-вторых, претерпела изменения внешнеполитическая доктрина Турецкой Республики. Знаковой в этом отношении явилась вышедшая в 2001 г. книга будущего министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» (*Stratejik derinlik*). В ней провозглашалась и обосновывалась цель на переориентацию внешнеполитического курса страны. С приходом к власти Партии справедливости и развития Анкара стала претендовать на качественно новую роль в регионе, связанную первым делом с обеспечением безопасности. Как писал А. Давутоглу, «Турция должна обеспечивать безопасность и стабильность не только себе, но и соседним регионам»¹⁰. Была провозглашена новая внешнеполитическая концепция Турции «Ноль проблем с соседями», что означало не только готовность Анкары к конструктивному диалогу с Грецией, но и подпитывало надежду Афин на разрешение кипрского вопроса согласно принципам мирного урегулирования конфликтов.

2003—2009 гг.: интенсификация сотрудничества, попытки урегулирования кипрского вопроса

В этот период огромную роль в турецко-греческих отношениях сыграли новые премьер-министры обоих государств: Костас Караманлис и Реджеп Тайип Эрдоган. В октябре 2003 г. К. Караманлис, будучи лидером оппозиции, направил приветствие в адрес первого съезда Партии справедливости и развития. В ноябре Р.Т. Эрдоган, сменив своего соратника Абдуллу Гюля на посту премьер-министра Турции, заявил, что настало время решить кипрскую проблему. В марте 2004 г., за два дня до парламентских выборов в Греции,

он пожелал в телефонном разговоре К. Караманлису победы на них. В конце того же месяца оба премьера участвовали в переговорах по кипрскому вопросу в Люцерне, где обсуждался план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана¹¹.

План предусматривал уменьшение турецкой территории и репатриацию греческих беженцев, создание разделенной на греческую и турецкую автономии Объединенной Кипрской Республики с коалиционным правительством из представителей греческой и турецкой общин, избираемых пропорционально занимаемым автономиями территориям. В Люцерне греко-кипрской и турецко-кипрской сторонами были внесены финальные корректировки, и 24 апреля 2004 г. на острове был проведен референдум. Турки-киприоты поддержали «план Аннана» («за» — 64,9%), греки-киприоты высказались против него (75,83%)¹² [Chadjipadelis, Andreadis 2007]. В качестве основной причины неприятия ими «плана Аннана» их лидер Тассос Пападопулос назвал отсутствие в этом плане пункта об обязательной высылке с острова турецких военных¹³.

Несмотря на провал «плана Аннана», тогда же в апреле произошло важное для двусторонних отношений событие: впервые за 16 лет Грецию с официальным визитом посетил премьер-министр Турции. Своим визитом Р.Т. Эрдоган продемонстрировал, что отказ греко-кипрской стороны от «плана Аннана» не испортил личных отношений между лидерами двух стран. И хотя 1 мая 2004 г. Республика Кипр официально стала членом Европейского союза, благодаря чему греко-кипрская сторона получила преимущество на переговорах по кипрскому урегулированию

¹¹ The Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem. March 31, 2004. URL: http://www.hri.org/docs/annan/Annan_Plan_April2004.pdf (accessed: 10.09.2018).

¹² Тассос Пападопулос показал себя активным противником плана Аннана, и его победа на президентских выборах 2003 г. повлияла, согласно анализу голосования греков-киприотов греческими исследователями, на исход референдума [Chadjipadelis, Andreadis 2007].

¹³ Турецкое военное присутствие на острове началось ещё в 1959 г. Тогда Цюрихско-Лондонскими соглашениями была согласована высадка на острове гарнизонов Англии, Греции и Турции. Турецкий гарнизон насчитывал 650 солдат [Поцхверия 1976: 210—211]. В ходе кипрского кризиса 1974—1975 гг. присутствие турецких военных на острове увеличилось и сохраняется до сих пор.

¹⁰ Турция в новой политике Ирана // IRAN.RU. 03.02.2014. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92375/Turciya_v_novoy_politike_Irana (дата обращения: 02.10.2018).

под эгидой ЕС. Это, по видимости, не отразилось на отношениях Турции и Греции. Более того, в июле 2004 г. они обрели «семейную» коннотацию: К. Караманлис стал шафером на свадьбе дочери Р.Т. Эрдогана. Учитывая давнее взаимное недоверие в отношениях двух государств, следует признать, что жест этот имел яркий политический подтекст¹⁴. Наконец, в июле 2005 г. во исполнение подписанного в 2003 г. соглашения о поставках природного газа из Турции в Грецию К. Караманлис и Р.Т. Эрдоган запустили строительство газопровода от турецко-греческой границы до г. Комотины в номе Эврос. Открытие газопровода состоялось в 2007 г.¹⁵

Однако после 2005 г. в турецко-греческих политических отношениях наметился некоторый спад. Начался он с того, что в 2006 г. А. Гюль, бывший тогда министром иностранных дел Турции, представил собственный план по урегулированию кипрского вопроса, которым в качестве важного условия предусматривалось открытие турецких морских портов и аэропортов для кораблей и самолетов Республики Кипр при условии отмены соответствующих ограничений и запретов в отношении турецких киприотов. Правительство Республики Кипр тут же его отвергло. Это событие, а также столкновение самолетов над о. Карпатос¹⁶ и недовольство Р.Т. Эрдогана возведением в Салониках памят-

ника геноциду понтийских греков¹⁷ негативно сказались на политических отношениях Анкары и Афин. К 2009 г. стало очевидным, что программа «Ноль проблем с соседями» провалилась и перед турецким правительством встала необходимость поиска новой внешнеполитической концепции. Турция переориентировалась на восточный вектор, ее позиции по ряду внешнеполитических вопросов (курдская проблема, поддержка Ирана в вопросе о его ядерной программе, сирийский кризис и др.) ужесточилась, отношения со странами Запада ухудшились. Как результат кипрский вопрос был снова отложен в долгий ящик.

Зато на экономическом направлении в 2003—2009 гг. отношения развивались достаточно динамично¹⁸. Главной их особенностью было значительное превышение турецкого экспорта в Грецию над импортом. И если греческий экспорт в Турцию ограничивался в основном нефтепродуктами (29,9%), хлопком (23,7%) и пластмассами (14,3%), то турецкий в Грецию был более диверсифицированным: железо и изделия из него (14,4% и 5,5%), транспортные средства (10,3%), котельные установки (7,1%), электромагнитные звуковые устройства (6,5%), одежда (3,5%) и др. [Γκουζέλος, Κωνσταντοπούλος 2010].

В 2004 г. Турецкая Республика занимала седьмое место среди основных торговых парт-

¹⁴ Κώστας Καραμανλής και Ταγίπ Ερντογάν το 2008... [Костас Караманлис и Тайип Эрдоган в 2008 году...] // Η ΚΑΘΗΜΕΡΙΝΗ. April 22, 2007. URL: <http://www.kathimerini.gr/283898/article/epikairothta/politikh/kwstas-karamanlhs-kai-tagip-erntogan-to-2008> (accessed: 16.09.2018).

¹⁵ С новыми нефтепроводами энергетические войны продолжают // ИноСМИ.ру. 17.07.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170717/239815952.html> (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁶ 23 мая 2006 г. турецкие самолеты F-4 и F-16 нарушили воздушное пространство Греции. Для их перехвата были подняты два истребителя F-16 ВВС Греции. Над о. Карпатос турецкий и греческий самолеты столкнулись, турецкому лётчику удалось спастись, греческий погиб. См.: Битва за эгейское небо. Необъявленная греко-турецкая война // Флот — XXI век. 2016. URL: http://blackseafleet-21.com/news/18-02-2016_bitva-za-egejskoe-nebo-neobjavlennaja-greko-turetskaja-vojna (дата обращения: 15.10.2018).

¹⁷ С 1914 по 1923 г. младотурки и кемалисты уничтожили около половины от общего числа понтийских греков, проживавших в Малой Азии к началу Первой мировой войны. Некоторые аналитики указывают и на вину Афин в этой трагедии: греческое правительство ввязалось в войну с турками, недооценив мощь турецкого национализма. После поражения в августе 1922 г. греческая армия отступала столь стремительно, что не смогла организовать своевременную эвакуацию греков из Малой Азии [Theodoropoulos 1990]. Одновременно имело место массовое бегство греков из Турции в Грецию и другие страны. Оставшиеся в Турции греки были репатрированы в Грецию в ходе обмена населением между в 1923—1926 гг. Турецкая сторона факт геноцида отрицает, факт обмена населением признает.

¹⁸ Институциональные рамки греко-турецкого экономического сотрудничества регулировались Соглашением об экономическом партнёрстве от 4 февраля 2000 г. Основной его целью было развитие двустороннего сотрудничества в областях, представляющих интерес для обеих сторон [Aksu 2004].

неров Греции, тогда как Греция годом ранее находилась на 29-й позиции среди экспортеров в Турцию, обеспечивая лишь 0,6% от общего объема импорта Турции [Γκουζέλος, Κωνσταντοπούλος 2010]. В период с января по май 2007 г. греческий экспорт в Турцию составил 213 млн евро, а турецкий в Грецию приблизился к 483 млн евро. За аналогичный период 2008 г. их соотношение составило 270 млн евро к 703 млн евро [Γκουζέλος, Κωνσταντοπούλος 2010]. Налицо уверенный рост с заметным перевесом в сторону Турции. Вместе с тем в 2003—2009 гг. ежегодно росли греческие инвестиции в турецкую экономику (с 0,91 млрд долл. США в 2003 г. до 5,46 млрд долл. США в 2009 г. [Bitzenis, Makedos, Kontakos 2014]).

В 2006—2008 гг. Национальный банк Греции выкупил совокупную долю в 90,1% турецкого Finansbank за 5 271 млн долл. США; а в 2006 г. четвертый по величине банк Греции EFG Eurobank Ergasias приобрел за 182 млн долл. США 70% акций турецкого Tekfenbank [Kontakos 2010]. Увеличился и поток греческих туристов: в 2004 г. Турцию посетило 485 тыс. греков, в 2005 г. — 585 тыс. [Γκουζέλος, Κωνσταντοπούλος 2010]. Греция заняла четвертое место среди стран, граждане которых посещают Турцию.

В целом в структуре турецко-греческой торговли в 2003—2009 гг. существовал заметный дисбаланс с положительным сальдо для турецкой стороны. Одной из причин тому послужил экономический кризис 2009 г. в Греции: ВВП страны сократился на 3,3%, дефицит бюджета достиг почти 13% ВВП, а государственный долг превысил 300 млрд евро, что поставило греческую экономику на грань дефолта¹⁹. Тем не менее в рассматриваемый период наблюдался устойчивый рост объема двусторонней торговли, причем экономическое сотрудничество продолжало набирать обороты и в период политического охлаждения 2006—2009 гг.

¹⁹ Греческий кризис и европейская помощь, История вопроса, причины и последствия экономического кризиса в Греции // ТАСС. 12.08.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1885915> (дата обращения: 24.09.2018).

2009—2014 гг.:

расширение турецко-греческих связей

В октябре 2009 г. в Греции был избран новый премьер-министр — Георгиос Папандреу-младший. Это событие дало толчок возобновлению политического диалога между двумя правительствами. В том же месяце Г. Папандреу отправился в Стамбул для участия в неофициальной встрече министров иностранных дел. Накануне он высказал позитивные взгляды на турецко-греческие отношения, отметив, что Р.Т. Эрдоган демонстрирует готовность к совместному поиску решения проблем двустороннего сотрудничества, и, указав на прогресс в отношениях Турции и ЕС, выразил согласие на продолжение поисков решения кипрской проблемы²⁰.

В июне 2010 г. в Стамбуле состоялась встреча Р.Т. Эрдогана и Г. Папандреу и обмен официальными письмами. Было принято решение о создании Высшего совета сотрудничества Греции и Турции под председательством глав правительств. Его основной целью должно было стать формирование институциональной основы двусторонних отношений. Предполагалось, что Совет будет созываться поочередно в Турции и Греции. Первая встреча Совета состоялась в Афинах 14—15 мая 2010 г., вторая — в Стамбуле 4 марта 2013 г., третья — в Афинах 6 декабря 2014 г. На встречах было подписано более 50 соглашений и меморандумов о двустороннем сотрудничестве [Yazgan 2016], в рамках третьего заседания Совета был проведен греко-турецкий бизнес-форум.

Деятельность Совета отразилась на экономических отношениях стран уже в 2011 г.: совокупный экспорт греческих товаров в Турцию

²⁰ Καραμανλής Κ., Παπανδρέου Γ., Σαμαράς Α. Οι επισκέψεις των Ελλήνων πρωθυπουργών στην Τουρκία. Οι Έλληνες ηγέτες αλλάζουν, ο Ерτογάν μένει και λέει πάντα τα ίδια // Μηχανή του χρόνου [Καραμανλής Κ., Παπανδρέου Γ., Σαμαράς Α. Визиты премьер-министра Греции в Турцию. Греческие лидеры меняются, Эрдоган остается и всегда говорит одно и то же // Машина времени]. 2013. URL: <http://www.mixanitouxronou.gr/k-karamanlis-giorgos-papandreou-antonis-samaras-i-episkepsis-ton-ellinon-prothipourgon-stin-tourkia-i-ellines-igetes-allazoun-o-ertnoganmeni-ke-lei-panta-ta-idia/> (accessed: 15.09.2018).

достиг 1,8 млрд евро²¹. Произошла и диверсификация греческого экспорта. Основными его статьями по-прежнему оставались нефтепродукты (36%), хлопок (18%) и пластмассы (10%), но к ним добавились глина (4%), электрооборудование (2,5%), медь (2%) и др.²² В результате дальнейшего роста экспорта Греция заняла в 2014 г. третье место среди поставщиков в Турцию нефтепродуктов (79% греческого экспорта) и хлопка [Yazgan 2016]. Турецкий экспорт в Грецию вырос до 1,2 млрд евро в 2011 г., составив 21 экспортную позицию²³. В целом в 2009—2014 гг. наблюдалось расширение и углубление экономического сотрудничества. Двусторонний товарооборот увеличился более чем вдвое, при этом торговое сальдо изменилось в пользу Греции. Ключевыми областями сотрудничества являлись энергетика, информационные технологии, медицинское оборудование, строительство (совместные проекты греческих и турецких компаний в третьих странах, преимущественно в Центральной Азии), сфера услуг (главным образом в финансовом секторе) и туризм (создание совместных туристических пакетов, упрощение в 2012 г. процедуры получения визы турецкими гражданами для посещения семи греческих островов у берегов Турции)²⁴.

Что касается политических отношений, то в течение всего этого периода в них каких-либо позитивных подвижек не происходило. Сдерживающим фактором оставался кипрский вопрос, тем более что после неудачной попытки его решения в 2006 г. он стал использоваться Брюсселем как *sine qua non* вступления Турции в ЕС.

²¹ Ελλάδα — Τουρκία: Το εμπόριο με αριθμούς — Δασμούς μέχρι 121% αντιμετώπιζουν οι ελληνικές εξαγωγές [Греция — Турция: греческая торговля столкнулась с ростом таможенных пошлин на 121% на экспортные товары] // Bank wars. January 20, 2013. URL: <https://www.bankwars.gr/%CE%95%CE%9B%CE%9B%CE%91%CE%94%CE%91-%CE%A4%CE%9F%CE%A5%CE%A1%CE%9A%CE%99%CE%91-%CE%A4%CE%BF-%CE%B5%CE%BC%CF%80%CF%8C%CF%81%CE%B9%CE%BF-%CE%BC%CE%B5-%CE%B1%CF%81%CE%B9%CE%B8%CE%BC%CE%BF%CF%8D%CF%82/> (accessed: 15.09.2018).

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

В итоге уже в 2011 г. премьер-министр Турции четко обозначил возврат к традиционной политике Турции, заявив: «Нет государства под названием Кипр. Для нас существуют Турецкая Республика Северного Кипра и Южный греческий Кипр» [Шахин 2016].

2015—2017 гг.: обострение политических отношений Анкары и Афин

В августе 2014 г. Эрдоган победил на президентских выборах в Турции. В следующем году на парламентских выборах в Греции победила партия СИРИЗА (Συνασπισμός Ριζοσπαστικής Αριστεράς — Коалиция радикальных левых), возглавляемая Алексисом Ципрасом. Ее основной целью была заявлена отмена режима жесткой экономии, наложенного на Грецию Евросоюзом, в связи с чем возросла роль других экономических партнеров Греции, в том числе и Турции, и новый греческий премьер-министр выступил за дальнейшее развитие двусторонних отношений с Турцией, придание им системного характера. В то же время глава греческого правительства четко обозначил свою позицию относительно самой сложной проблемы турецко-греческих отношений — кипрского вопроса: во время визита в президентский дворец в Анкаре в ноябре 2015 г. он, поблагодарив Р.Т. Эрдогана за подаренный тем галстук, заявил, что повяжет его во время совместного визита на Кипр после урегулирования кипрского вопроса.

8 марта 2016 г. в Измире состоялось четвертое заседание Высшего совета сотрудничества Греции и Турции. Обсуждались меры по урегулированию потока сирийских беженцев и двусторонних отношений в целом. Результатом встречи стало подписание шести документов: совместной декларации о сотрудничестве в сфере туризма, соглашения о сотрудничестве информационного агентства Афин и турецкого агентства «Анадолу», протокола о сотрудничестве греческой и турецкой компаний телерадиовещания (ЕРТ и ТРТ), меморандума о взаимопонимании по вопросам нелегальной иммиграции и меморандума о взаимопонимании между портами г. Салоники и г. Измира, об установлении паромной связи между

ними и строительстве высокоскоростной железной дороги, которая свяжет Стамбул и Салоники. А 15 июля 2016 г. сразу же после попытки государственного переворота в Турции греческое правительство поддержало турецкое и выразило свою солидарность с турецким народом в его борьбе на основе демократических принципов и верховенства закона²⁵. Однако последовавшие события, когда восемь пилотов ВВС Турции, обвиняемых в причастности к попытке государственного переворота, бежали в Грецию, оказали заметное влияние на отношения между странами. Несмотря на просьбу Турции о выдаче беглецов, в январе 2017 г. Верховный Суд Греции принял решение об отказе в их экстрадиции. В ответ Р.Т. Эрдоган заявил, что это решение подрывает доверие между властями двух государств и наносит ущерб двусторонним отношениям²⁶.

Охлаждение политических отношений стало очевидным уже во время исторического визита президента Турции в Афины. 19 июня 2017 г. Грецию с официальным визитом посетил премьер-министр Турции Бинали Йылдырым. Затем, 24 октября 2017 г., в Анкару прибыл министр иностранных дел Греции Никас Кодзиас, от имени президента Греции Прокописа Павлопулоса пригласивший президента Турции в Афины. И в декабре 2017 г. произошло одно из самых значимых событий в истории греко-турецких отношений — первый за последние 65 лет визит президента Турецкой Республики в Грецию. В рамках визита на повестку дня были поставлены вопросы экономического сотрудничества и основные политические проблемы: кипрский вопрос, нарушение границ на Эгейском море, беженцы.

Накануне визита Р.Т. Эрдогана А. Ципрас дал интервью турецкому информационному агентству «Анадолу», в котором выразил оптимистич-

ный взгляд на предстоящий визит: «Я считаю, что первый визит президента Турции в Грецию после стольких десятилетий — это возможность предпринять смелые шаги вперед»²⁷. Высказался он и по поводу кипрского вопроса: «Нам необходимо возобновить переговоры на основе резолюций ООН... Переговоры должны начаться, когда обе стороны будут готовы гарантировать успех»²⁸.

Однако эффективных результатов визит Р.Т. Эрдогана не принес. Более того, президент Турции вновь заявил о необходимости пересмотра Лозаннского договора, аргументировав свое заявление тем, что в договоре есть нерешенные вопросы и он требует «обновления». П. Павлопулос ответил, что Лозаннский договор не подлежит обсуждению, а А. Ципрас подчеркнул, что договор не следует ставить под сомнение²⁹.

Систематическая политика территориальных претензий в адрес Греции была инициирована турецкой стороной еще в начале 1970-х гг.³⁰ Ее целью было изменение территориального статуса, предусмотренного международными договорами, прежде всего ключевым в вопросе определения турецко-греческих границ Лозаннским договором. С тех пор территориальные претензии Турции регулярно приводят к двусторонним столкновениям в Эгейском море из-за нарушений воздушных и морских границ Греции военными самолетами и кораблями Турции, как это случилось в июне 1992 г. во время упомянутого выше столкновения самолетов над о. Карпатос. На сегодняшний день позиция по данному вопросу является для Турции столь же принципиальной, как и по Северному Кипру.

²⁷ Η συνέντευξη του Αλέξη Τσίπρα στο πρακτορείο ANADOLU // Ελληνική Ραδιοφωνία Τηλεόραση ([Интервью А. Ципраса турецкому агентству «Анадолу» // ЕРТ]. December 6, 2017. URL: <http://www.ert.gr/eidiseis/ellada/politiki/synentefxi-tou-alexi-tsipra-sto-praktorio-anadolu/> (accessed: 17.09.2018).

²⁸ Ibid.

²⁹ Επίσκεψη Ерτογάν: «Ο Πρόεδρος που γύρισε από το κρύο» [Визит Эрдогана: «Президент, который вернулся с холода»] // CNN Greece. December 9, 2017. URL: <http://www.cnn.gr/focus/apopseis/story/108962/episkepsi-erntogan-o-proedros-poy-gyrisse-apo-to-kryo> (accessed: 16.09.2018).

³⁰ Причиной притязаний Турции на часть греческого континентального шельфа стало открытие в 1973 г. нефтяных месторождений на о. Тасос [Улуныя 1998: 290].

²⁵ Τουρκία, Πολιτικές Σχέσεις // Υπουργείο εξωτερικών της Ελληνικής Δημοκρατίας [Турция, политические отношения // Министерство иностранных дел Греческой Республики]. URL: <https://www.mfa.gr/blog/dimereis-sheseis-tis-ellados/tourkia/> (accessed: 20.09.2018).

²⁶ Erdogan Expresses Anger over Turkish Officers, Suggests Tsipras Promised Their Return // Ekathimerini.com. January 27, 2017. URL: <http://www.ekathimerini.com/215665/article/ekathimerini/news/erdogan-expresses-anger-over-turkish-officers-suggests-tsipras-promised-their-return> (accessed 21.05.2019).

На охлаждение политических отношений в 2017 г. повлиял провал проходивших в Швейцарии переговоров по кипрскому вопросу. Первый их раунд состоялся 9—11 января, второй — с 27 июня по 7 июля 2017 г. Стороны не смогли достичь соглашения ни по одному из ключевых вопросов урегулирования — ни о выводе турецких войск с северной части острова, ни о механизме обмена территориями, ни об отмене права на вмешательство во внутренние дела Кипра стран-гарантов и замене самой системы стран-гарантов. Фактически переговоры свелись к взаимным обвинениям и показали неготовность сторон идти на компромиссы; переговорный процесс зачастую использовался ими лишь для демонстрации силы и влияния на лидеров общин острова³¹. Участие стран-гарантов в переговорах тоже не способствовало их успеху.

Таким образом, дипломатические усилия сторон в 2014—2017 гг. привели к тому, что можно назвать протокольным успехом: впервые за 65 лет президент Турции с официальным визитом посетил Грецию. Однако куда важнее другое: на почве так и нерешенных основных политических проблем между Анкарой и Афинами сохранялась и даже нарастала определенная напряженность в сфере политических отношений.

Ситуация в области экономических отношений не может оцениваться столь же однозначно.

С одной стороны, наметилась некоторая их стагнация. Так, стоимость товаров и услуг, импортируемых Грецией из Турции, снизилась по сравнению с 2011 г., однако все равно оставалась внушительной: 1,037 млрд евро³². Грече-

ский экспорт в Турецкую Республику в 2015 г. тоже сократился, но опять-таки незначительно: в стоимостном выражении он равнялся 1,71 млрд евро³³ вместо 1,8 млрд четырьмя годами ранее. В 2016 г. по причине девальвации турецкой лиры на 25% по отношению к евро, а также из-за продолжавшейся рецессии греческой экономики этот показатель упал на 21% (до 1,35 млрд евро)³⁴.

С другой стороны, в 2017 г. экспорт Греции в Турцию снова стал расти: 1,25 млрд евро с января по сентябрь³⁵, то есть за девять месяцев он практически достиг объема всего предыдущего года. Инвестиции греческих компаний в турецкую экономику тоже значительны: их совокупный объем к 2017 г. составил 6 млрд евро³⁶, или 6,8 млрд долл. США (против 4,4 млрд в 2011 г. [Bitzenis, Makedos, Kontakos 2014]). Основными отраслями, привлекающими греческих инвесторов, являются информационные технологии, сельское хозяйство, производство пластмасс, фармацевтика, косметология, рыболовство, туризм и строительство³⁷. Турецкие инвестиции в экономику Греции в том же году составили около 500 млн долл. США³⁸, их основными направлениями были развитие морских портов и туризм. Крупнейший турецкий банк Зираат (Ziraat Bank) обзавелся филиалами в Афинах, Ксанти и Комотины³⁹. 2017 г. стал также рекордным по количеству турецких туристов в Греции: свыше 1,5 млн человек⁴⁰. Согласно данным Национального банка Греции, по туристическим расходам турки заняли первое место, обогнав американцев, австралийцев и французов. В целом же можно заключить, что даже с учетом временного падения греческого экспорта в Турцию в 2016 г., в сфере экономического

³¹ Так, премьер-министр Турции Б. Йылдырым заявил, что греческая сторона изначально не была готова идти на компромиссы. Об этом, по его мнению, свидетельствовало принятое кипрским парламентом решение о праздновании в школах годовщины референдума 1950 г. по энзису, после чего лидер тукок-киприотов М. Акынджи в знак протеста в конце февраля 2017 г. покинул переговоры. См.: Премьер Турции обвинил греков в неискренности на переговорах по Кипру // РИА Новости. 11.03.2017. URL: <https://ria.ru/20170311/1489796313.html> (дата обращения: 21.05.2019); Кипр: провал нового раунда переговоров изменит саму основу диалога // ИА REGNUM. 20.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2486138.html> (дата обращения: 21.05.2019).

³² Ἀνω τῶν 6 δις. ευρώ οἱ ἐλληνικὲς ἐπενδύσεις στὴν Τουρκία [Более 6 миллиардов евро греческих инвестиций в Турцию] // CNN Greece. 09.12.2017. URL:

<http://www.cnn.gr/oikonomia/story/108919/ano-ton-6-dis-eyro-oi-ellinikes-ependyseis-stin-toyrkia> (accessed: 24.08.2018).

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Relations between Turkey and Greece // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Turkey. URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-greece.en.mfa> (accessed: 10.09.2018).

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ἀνω τῶν 6 δις. ευρώ οἱ ἐλληνικὲς ἐπενδύσεις στὴν Τουρκία [Более 6 миллиардов евро греческих инвестиций в Турцию] // CNN Greece. 09.12.2017. URL: <http://www.cnn.gr/oikonomia/story/108919/ano-ton-6-dis-eyro-oi-ellinikes-ependyseis-stin-toyrkia> (accessed: 24.08.2018).

сотрудничества двух стран в 2014—2017 гг. ситуация была куда более благоприятной, чем в области политических отношений, и определялась она в первую очередь взаимной заинтересованностью Турции и Греции друг в друге как в экономических партнерах, а не их политическими разногласиями.

Факторы, влиявшие на турецко-греческие отношения

В турецко-греческих отношениях очень четко выражено разделение на отношения экономические и политические. У них не только разная природа — они различаются и по факторам влияния на них.

Экономические отношения. Состояние экономического сотрудничества Анкары и Афин в значительной мере определяется — и стороны это понимают — процессами, либо вовсе не регулируемые на национальном уровне (общемировые кризисные тенденции), либо поддающимися регулированию с большим трудом (экономический кризис в Турции 2001 г., кризис в Греции 2009 г.)⁴¹. Поэтому они воспринимаются правительствами двух стран как нечто стихийное, не несущее в себе злонамеренного вызова национальной безопасности. Соответственно, какой бы ущерб они ни наносили экономическому взаимодействию двух стран, само взаимодействие не ставится под сомнение. Вместе с тем существует определенная зависимость экономических отношений между Турцией и Грецией от развития политического диалога между ними, на что обращают внимание и авторы из этих стран. Например, турецкий исследователь Ахмет Эвин считает, что «меняющиеся экономические отношения между Турцией и Грецией часто воспринимаются как лакмусовая бумажка, показывающая степень политической стабильности, достигнутой в процессе разрядки» [Evin 2004].

С этим утверждением трудно не согласиться: политическая нестабильность действительно подрывает доверие в экономической области. Но нельзя игнорировать и тот факт, что, несмотря на длительные политические споры, генеральной тенденцией экономических отношений между Турцией и Грецией в 1999—2017 гг. был в целом

стабильный рост, и значит, не стоит переоценивать степень влияния политических отношений на экономическую сферу сотрудничества.

Политические отношения. Они разворачиваются между акторами, обладающими выраженной политической волей. В потенциале их воля способна к изменению; на деле в случае турецко-греческих отношений она у обеих сторон фактически остается неизменной, потому что подвержена то ослабевающему, то усиливающемуся, но никогда не исчезающему воздействию внешних по отношению к ней факторов. Это в первую очередь устойчивые, хотя и относительно недавние по происхождению и в этом смысле современные факторы. Для Турции и Греции таковыми являются не просто состояние, а само наличие *кипрского вопроса*, и, в меньшей мере, *отношения Турции с ЕС*.

Если поиск причин, по которым не удается достичь необратимого прогресса в турецко-греческих отношениях, ограничить периодом от начала конфликта на Кипре и вокруг него и до наших дней, то трудно отрицать, что главным препятствием является кипрская проблема. В полном соответствии с теорией конфликтологии, переговорный процесс по ней между Анкарой и Афинами — это позиционный торг, не ведущий к решению. Ибо «когда участники переговоров спорят по поводу позиций, они обычно сами ограничивают себя рамками этих позиций... Ваше „я“ отождествляется с вашей позицией. У вас появляется новая заинтересованность в „спасении лица“ — в примирении будущего действия с прошлыми позициями, — что делает все более и более невозможным достижение любого соглашения» [Фишер, Юри 1992: 8].

Иными словами, позиции греческого и турецкого правительств по кипрскому вопросу ими самими воспринимаются как принципиальные, не подлежащие значительному изменению, и потому изначально препятствуют решению конфликта вокруг Кипра.

Если, однако, мы расширим ретроспективу поиска причин, то увидим, что «принципиальная» жесткость позиций сторон обусловлена факторами историческими — длительным, на протяжении всего XX в., воздействием на общества Турции и Греции феномена исторической памяти. Именно историческая память формирует предпосылки и конечные доводы националистического взгляда на исторические факты, ко-

⁴¹ Например, экономические кризисы в Азии и в России в 1997—1998 гг. стали причиной оттока иностранного капитала из Турции, что привело к экономическому кризису 2001 г.

Таблица 1

**Динамика представительства националистических партий
в парламентах Турции и Греции в 2007—2018 гг. (% голосов / количество мест)**

Турция			Греция		
Выборы (год)	Партия	голосов / мест	Выборы (год)	Партия	голосов / мест**
2007	Партия национального действия (МНР)	14,27 / 71*	2007	Народный православный призыв	3,8 / 10
2011		13,01 / 53	2009		5,62 / 15
2015		16,29 / 80	2012 (июнь)	Независимые греки	7,51 / 20
2018	МНР	11,15 / 49	2015 (сент.)	Христи Авги	6,92 / 18
	Хорошая партия	9,96 / 43		Независимые греки	3,69 / 10
				Христи Авги	6,99 / 18

* Из 550 в 2007—2017 гг., из 600 — после конституционного референдума 16 апреля 2017 г.

** Из 300 мест.

Table 1

**Representation of Nationalist Parties in the parliaments of Turkey and Greece:
dynamics in 2007—2018 (% of votes / number of seats)**

Turkey			Greece		
Elections (year)	Party	votes / seats	Elections (year)	Party	votes / seats**
2007	Nationalists Movement Party (MHP)	14,27 / 71*	2007	Popular Orthodox Rally or People's	3,8 / 10
2011		13,01 / 53	2009	Orthodox Alarm (LAOS)	5,62 / 15
2015		16,29 / 80	2012 (June)	Independent Greeks	7,51 / 20
2018	МНР	11,15 / 49	2015 (September)	Golden Dawn	6,92 / 18
	Good Party	9,96 / 43		Independent Greeks	3,69 / 10
				Golden Dawn	6,99 / 18

* Out of 550 in 2007—2017, out of 600 after a constitutional referendum on April 16, 2017.

** From 300 places.

Источник / Source: Составлено и подсчитано автором по: Turkey's Past Election Results // Daily Sabah. URL: <http://www.dailysabah.com/election-results> (accessed: 08.07.2019); Election Results // Hellenic Parliament. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/en/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Ekloges/Eklogika-apotelesmata-New/#Per-17> (accessed: 08.07.2019); Выборы в Греции: побеждает оппозиционная «Новая демократия» // BBC News. 08.07.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48903794> (accessed: 08.07.2019).

торым определяется восприятие греками турок и турками греков. Следует отметить, что националистические настроения, характерные для обществ обоих государств, находят выход и на политическом уровне, что хорошо продемонстрировано данными табл. 1.

Более того, как пишет греческий исследователь Алексис Гераклидис, для обоих государств характерен феномен «демонизации» другого [Heraclides 2011]. Мотивы и детали этого процесса могут различаться. Греческая сторона делает упор на представлении о Турции как о «вечном» агрессоре, турецкая — руководствуется восприятием Греции как «разового» агрессора, чьи действия, тем не менее, чуть было не привели к материа-

лизации так называемого севрского синдрома⁴². При этом и Турция, и Греция одинаково испытывают, по мнению А. Гераклидиса, высокомерие по отношению друг к другу, за которым скрываются их политические страхи.

Равным образом, расходясь в собственной апологетике — греческий национализм апеллирует к богатому культурному прошлому Визан-

⁴² Это упорно сохраняющиеся в турецком политическом сознании преувеличенные опасения по поводу территориальной целостности Турции, восходящие к Севрскому мирному договору 1920 г., в соответствии с которым от Турции предполагалось отторгнуть свыше 2/3 ее современной территории, в том числе и в пользу Греции [Guida 2008].

тии, а турецкий — к памяти о былом величии Османской империи, рождающей чувство собственного превосходства и неявно, но при этом эффективно оправдывающей агрессивную политику, — оба они держатся на представлении о враждебном окружении и поэтому подходят под определение «оборонительный национализм» [Heraclides 2011].

Вместе и современные, и исторические факторы способствуют росту национализма в обеих странах. Об этом свидетельствуют результаты парламентских выборов, проходивших в исследуемый период. Так, с 2007 г. присутствие представителей националистических партий в правительствах обеих стран стало постоянным, о чем свидетельствуют данные таблицы. Если судить по ним, националистические настроения в обеих странах, при всех их колебаниях, отражающихся на результатах выборов в том или ином году, утихают лишь временно и ненадолго. Постоянное присутствие представителей националистических партий в обоих парламентах само по себе говорит о значительной распространенности во второй

половине 2000-х гг. националистических взглядов в обществах Турции и Греции.

Заключение

Чем же в политической сфере оборачивается соединение именно таких факторов и акторов с такой волей и таким взаимным восприятием? На наш взгляд, тем, что при всех их краткосрочных колебаниях в сторону улучшения или ухудшения политические отношения между Турцией и Грецией можно определить как стабильно нестабильные. В пользу этого свидетельствует хотя бы та закономерность, что каждый раз со сменой правительства в Афинах турецко-греческий политический диалог интенсифицируется, но долго его поддерживать на высоком уровне не удается и действительно значимых и прочных результатов он не приносит. Несмотря на стремление правящих кругов обеих стран к разрешению конфликта, идти на уступки друг другу они не готовы, и это неизменное качество турецко-греческих отношений лишает Анкару и Афины шансов на окончательное примирение в обозримом будущем.

Поступила в редакцию / Received: 20.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 01.10.2019

Библиографический список

- Лубоцкая А.С. Особенности греко-турецких отношений на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. Вып. 1. М., 2015. С. 24—39.
- Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М.: Наука, 1976.
- Улуян А.А. Политическая история современной Греции. Конец VIII в. — 90-е гг. XX в.: курс лекций. М.: ИВИ РАН, 1998.
- Фишер Р., Юри У., Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М.: Наука, 1992.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. С. 8—27.
- Шахин Э. Кипрский вопрос в переговорах о вступлении Турции в Европейский союз (1990-е — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Aksu F. Confidence Building, Negotiation and Economic Cooperation Efforts in Turkish-Greek Relations (1990—2004) // Turkish Review of Balkan Studies. 2004. P. 31—109. URL: <http://www.turkishgreek.org/yayinlar/makaleler/makaleler-1/item/120-confidence-building-negotiation-and-economic-cooperation-efforts-in-turkish-greek-relations> (accessed: 25.09.2018).
- Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold War Era: Moving Toward a Settlement? // Bahcheli T., Couloumbis T.A., Carley P. Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. United States Institute of Peace, 1997. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks17.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Bitzenis A., Makedos I., Kontakos P. The Presence of Greek Multinational Enterprises in Southeastern Europe: the Influence of Shadow Economy and Corruption in the Investment Expansion of Greek Multinationals. 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/319932948_The_presence_of_the_Greek_Multinational_Enterprises_in_South-Eastern_Europe_The_influence_of_shadow_economy_and_corruption_in_the_investment_expansion_of_Greek_multinationals (accessed: 15.01.2019).
- Chadjipadelis T., Andreadis I. Analysis of the Cyprus Referendum on the Annan Plan. 2007. URL: http://www.polres.gr/en/sites/default/files/PSA_2007.pdf (accessed: 20.01.2019).
- Evin A.O. 2 Changing Greek Perspectives on Turkey: An Assessment of the Post-Earthquake Rapprochement // Turkish Studies. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 4—20. DOI: 10.1080/14683849.2004.9687239

- Guida M. The Sèvres Syndrome and “Komplo” Theories in the Islamist and Secular Press // *Turkish Studies*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 37—52. DOI: 10.1080/14683840701813994
- Heraclides A. The Essence of the Greek-Turkish Rivalry: National Narrative and Identity // *GreeSe Paper*. No. 51. Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe, 2011. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/45693/1/GreeSE%20No51.pdf> (accessed: 10.01.2018).
- Keridis D. Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization // A NATO Fellowship Final Report. Cambridge, 1999. URL: <https://www.nato.int/acad/fellow/97-99/keridis.pdf> (accessed: 05.10.2018).
- Kontakos P. Greek Direct Investments in Turkey: the Past Decade and the Future // 5th Biennial Hellenic Observatory PhD Symposium on Contemporary Greece & Cyprus, London School of Economics (LSE), London, 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/319213085_Greek_Direct_Investments_in_Turkey_the_past_decade_and_the_future (accessed: 10.06.2019).
- Pitsoulis A. Vertreibung und Diplomatie: Hintergründe und Umdeutungen des griechisch-türkischen «Bevölkerungsaustauschs» von 1923 // IMIS-Beiträge, 36. Osnabrück: IMIS, 2010. URL: https://www.imis.uni-osnabrueck.de/fileadmin/4_Publikationen/PDFs/imis36.pdf (accessed: 19.01.2019).
- Reuter J. Reshaping Greek—Turkish Relations: Developments before and after the EU-summit in Helsinki // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP). 1999. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/23223/Reshaping%20Greek-Turkish%20Relations.pdf> (accessed: 15.01.2019).
- Rumelili B. The European Union’s Impact on the Greek—Turkish Conflict // Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies. Bogazici University, University of Birmingham, 2004. URL: <http://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-social-sciences/government-society/polsis/research/2006/eu-border-conflict/wp06-eu-impact-on-the-greek-turkish-conflict.pdf> (accessed: 12.01.2019).
- Theodoropoulos B. Griechenland und Griechentum Gedanken zur Gestaltung der griechischen Außenpolitik // Die Entwicklung Griechenlands und die deutsch-griechischen Beziehungen im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von B. Hänsel. München: Südosteuropa-Ges. 1990. S. 113—122. URL: https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs2/object/display/bsb00055622_00002.html?prox=true&phone=true&context=“Griechenland+und+Griechentum+“&ngram=true&hl=scan&fulltext=“Griechenland+und+Griechentum+“&mode=simple (accessed: 17.01.2019).
- Yazgan N. Politics of Interdependence: An Analysis of Turkish-Greek Economic Relations. Department of International Relations, 2016. URL: <http://repository.bilkent.edu.tr/bitstream/handle/11693/29166/10112152.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 18.09.2018).
- Γκουζέλος Δ., Κωνσταντοπούλος Δ. Ελληνοτουρκικές οικονομικές σχέσεις από τον Παγκόσμιο πόλεμο / Τει Καβάλας σχολή διοίκησης και οικονομίας [Гузелос Д., Константиноулос Д. Турецко-греческие отношения после Второй мировой войны / Технологический образовательный институт Кавала]. 2010. URL: <http://digilib.teiemt.gr/jspui/bitstream/123456789/1861/1/022010196.pdf> (accessed: 14.10.2018). (На греческом яз.).

References

- Aksu, F. (2018). Confidence Building, Negotiation and Economic Cooperation Efforts in Turkish-Greek Relations (1990—2004). *Turkish Review of Balkan Studies*, 31—109. URL: <http://www.turkishgreek.org/yayinlar/makaleler/makaleler-1/item/120-confidence-building-negotiation-and-economic-cooperation-efforts-in-turkish-greek-relations> (accessed: 25.09.2018).
- Bahcheli, T. (1997). Cyprus in the Post-Cold War Era: Moving Toward a Settlement? In: Bahcheli, T., Coulombis, T.A., Carley, P. *Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability*. United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks17.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Bitzenis, A., Makedos, I. & Kontakos, P. (2014). *The Presence of Greek Multinational Enterprises in Southeastern Europe: the Influence of Shadow Economy and Corruption in the Investment Expansion of Greek Multinationals*. URL: https://www.researchgate.net/publication/319932948_The_presence_of_the_Greek_Multinational_Enterprises_in_Southeastern_Europe_The_influence_of_shadow_economy_and_corruption_in_the_investment_expansion_of_Greek_multinationals (accessed: 15.01.2019).
- Chadjipadelis, T. & Andreadis, I. (2007). Analysis of the Cyprus Referendum on the Annan plan. URL: <http://www.polres.gr/en/sites/default/files/PSA2007.pdf> (accessed: 20.01.2019).
- Evin, A.O. (2004). Changing Greek Perspectives on Turkey: An Assessment of the post-Earthquake Rapprochement. *Turkish Studies*, 5, 1, 4—20. DOI: 10.1080/14683849.2004.9687239
- Fisher, R. & Yury, W.L. (1992). *Getting to Yes: Negotiating Agreement without Giving in*. Moscow: Nauka publ. (in Russian).
- Gkouzelos, D. & Konstantopoulos, D. (2010). *Ellinotoukikes oikonomikes scheseis apo ton v pankosmio polemo*. Tei Kavalas scholi dioikisis kai oikonomias [*Greek-Turkish Economic Relations after the World War*. Technological Educational Institute of Kavala]. URL: <http://digilib.teiemt.gr/jspui/bitstream/123456789/1861/1/022010196.pdf> (accessed: 14.10.2019). (In Greek).

- Guida, M. (2008). The Sèvres Syndrome and “Komplo” Theories in the Islamist and Secular Press. *Turkish Studies*, 9, 1, 37—52. DOI: 10.1080/14683840701813994
- Halbwachs, M. (2005). Historical Memory and Collective Memory. *Emergency Store*, 2—3, 8—27. (In Russian).
- Heraclides, A. (2011). The Essence of the Greek-Turkish Rivalry: National Narrative and Identity. *GreeSe Paper*, 51. Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/45693/1/GreeSE%20No51.pdf> (accessed: 10.01.2018).
- Keridis, D. (1999). *Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization*. A NATO Fellowship Final Report. Cambridge. URL: <https://www.nato.int/acad/fellow/97-99/keridis.pdf> (accessed: 05.10.2018).
- Kontakos, P. (2010). *Greek Direct Investments in Turkey: the Past Decade and the Future*. In: 5th Biennial Hellenic Observatory PhD Symposium on Contemporary Greece & Cyprus, London School of Economics (LSE), London. URL: https://www.researchgate.net/publication/319213085_Greek_Direct_Investments_in_Turkey_the_past_decade_and_the_future (accessed: 10.06.2019).
- Lubotskaya, A.S. (2015). Features of Contemporary Greek—Turkish Relations. *National Strategy Issue*, 1 (28), 24—39. (In Russian).
- Pitsoulis, A. (2010). Vertreibung und Diplomatie: Hintergründe und Umdeutungen des griechisch-türkischen «Bevoelkerungsaustauschs» von 1923. *IMIS-Beiträge*, 36. Osnabrück: IMIS, 2010. URL: https://www.imis.uni-osnabrueck.de/fileadmin/4_Publikationen/PDFs/imis36.pdf (accessed: 19.01.2019). (In German).
- Potzheriya, B.M. (1976). *Turkey's Foreign Policy after the World War II*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Reuter, J. (1999). *Reshaping Greek—Turkish Relations: Developments before and after the EU-summit in Helsinki*. Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP). URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/23223/Reshaping%20Greek-Turkish%20Relations.pdf> (accessed: 15.01.2019).
- Rumelili, B. (2004). *The European Union's Impact on the Greek—Turkish Conflict // Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies*. Bogazici University, University of Birmingham. URL: <http://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-social-sciences/government-society/polsis/research/2006/eu-border-conflict/wp06-eu-impact-on-the-greek-turkish-conflict.pdf> (accessed: 12.01.2019).
- Shahin, E. (2016). The Cyprus Issue in the Negotiations on Turkey's Accession to the European Union (1990s — early 21st Century): PhD thesis. (In Russian).
- Theodoropoulos, B. (1990). Griechenland und Griechentum Gedanken zur Gestaltung der griechischen Außenpolitik. In: Hänsel, B. (Eds.). *Die Entwicklung Griechenlands und die deutsch-griechischen Beziehungen im 19. und 20. Jahrhundert*. S. 113—122. München: Südosteuropa-Ges. URL: [https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs2/object/display/bsb00055622_00002.html?prox=true&phone=true&context=""Griechenland+und+Griechentum+""&ngram=true&hl=scan&fulltext=""Griechenland+und+Griechentum+""&mode=simple](https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs2/object/display/bsb00055622_00002.html?prox=true&phone=true&context=) (accessed: 17.01.2019). (In German).
- Ulunyan, A.A. (1998). *Political History of Modern Greece (End of 8th Century — 1990s)*. Lecture course. Moscow: IVI RAN publ.
- Yazgan, N. (2016). *Politics of Interdependence: An Analysis of Turkish-Greek Economic Relations*. Department of International Relations. URL: <http://repository.bilkent.edu.tr/bitstream/handle/11693/29166/10112152.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 18.09.2018).

Сведения об авторе: Атрашкевич Александра Николаевна — аспирант Института востоковедения РАН (Центр исследования общих проблем современного Востока) (e-mail: alexandra.atra13@gmail.com).

About the author: Atrashkevich Alexandra Nikolaevna — graduate student of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (The Centre for the Study of Common Problems of the Contemporary East) (e-mail: alexandra.atra13@gmail.com).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ POLITICAL PORTRAIT

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701

Научная статья

Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет

Н.Н. Морозова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II: Political Portrait

N.N. Morozova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II в 2019 г. отметил 20-летие своего восхождения на трон. В статье показаны особенности социально-политической и экономической жизни государства и роль короля Абдаллы II в развитии Хашимитского Королевства.

История Иордании насыщена важными событиями, многие из которых остаются значимыми до сих пор. Одним из основных вопросов для Иордании и его главы — короля Абдаллы II была и остается палестинская проблема. Учитывая, что большую часть населения Иордании составляют палестинцы, которые представлены как коренными жителями Королевства, так и политическими беженцами, переселившимися на территорию хашимитского государства в результате палестино-израильских войн и конфликтов. В настоящее время Королевство сталкивается с тяжелыми реалиями и последствиями международного терроризма и экстремизма, а также ростом идей радикального исламизма внутри государства.

Цель автора — не просто дать жизнеописание короля, но через его биографию высветить историю и тенденции современного развития Иорданского Хашимитского Королевства. Образ короля помогает более точно проанализировать многогранную жизнь Иордании и события сегодняшнего дня.

Особой страницей в истории Иордании представляются отношения между Хашимитским Королевством и Российской Федерацией. Регулярные встречи короля Абдаллы II и президента В.В. Путина показывают схожесть позиций двух стран по многим внешнеполитическим вопросам, в частности по ближневосточному урегулированию и ситуации в Сирии, что подчеркивает значимость и приоритетность сотрудничества двух стран.

В статье также говорится о роли личности короля Абдаллы II, его стремлении привести в баланс внутривнутриполитическую ситуацию Иордании, а также его действиях в отношении международной безопасности и мирного сосуществования народов и религий.

Ключевые слова: Иордания, Абдалла II, ислам, роль личности, Ближний Восток, внешняя политика, внутренняя политика

© Морозова Н.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Морозова Н.Н. Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 690—701. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701

Abstract. King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II in 2019 celebrated the 20th anniversary of his ascension to the throne. The article covers the features of the socio-political and economic life of the state and the role of King Abdullah II in the development of the Hashemite Kingdom.

The history of Jordan is full of important events, many of which remain significant to this day. One of the main issues for Jordan and its head, King Abdullah II, has been and still remains the Palestinian problem. Considering that the majority of the Jordanian population is Palestinians, represented by both the indigenous inhabitants of the Kingdom and political refugees who have moved to the territory of the Hashemite state as a result of the Palestinian-Israeli wars and conflicts. Currently, the Kingdom is facing quite challenging realities and consequences of international terrorism and extremism, as well as the growth of ideas of radical Islamism within the state.

The author's research goal is not just to present the biography of the king, but through his biography to highlight the history and trends of the modern development of the Hashemite Kingdom of Jordan. The political portrait of the king helps to analyze more accurately the multifaceted life of Jordan and present events.

A special part of the history of Jordan is the bilateral relationship between the Hashemite Kingdom and the Russian Federation. Regular meetings of King Abdullah II and President V.V. Putin demonstrate the similarity of positions on many foreign policy issues, in particular the situation in the Middle East and in Syria, which emphasizes the importance and priority of cooperation between the two countries.

The article also describes the role of the personality of King Abdullah II, his desire to balance the internal political situation of Jordan, as well as his actions regarding international security and the peaceful existence of peoples and religions.

Key words: Jordan, King Abdullah II, Islam, the role of the individual, the Middle East, foreign policy, domestic policy

For citation: Morozova, N.N. (2019). King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II: Political Portrait. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 690—701. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-690-701

Изучение роли личности в современном востоковедении

В исторической науке многократно поднимался вопрос о том, как подходить к освещению роли и места личности в истории. В регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ) изучение роли личности приобретает особое значение в связи с необходимостью понимания особенностей исторического развития. Проблема личности и ее влияния на политические процессы стран БСВ имеет большую как научно-теоретическую, так и практическую значимость. Необходимость показать заслуги, раскрыть значение личности в историческом процессе всегда остается актуальной задачей историков-исследователей.

О роли личности в истории писали многие российские и зарубежные ученые и исследователи, отмечая, что лидер государства зачастую играет одну из решающих ролей в принятии решений. Однако политических портретов короля Абдаллы II практически нет в российской историографии. Работы, посвященные политической деятельности короля Иордании, чаще всего касаются определенных аспектов, посвящены его внутренней или внешней политике, однако не говорят о личности короля и его личном вкладе в процесс

принятия внутри- и внешнеполитических решений [Демченко 2007; Крылов 2013]. В случае с зарубежной историографией существует такая же особенность: основные работы затрагивают общий политический фон в стране в годы правления короля Абдаллы II [Csicsmann 2007; Köprülü 2014; Yitzhak 2017].

Особенно явной представляется роль личности в странах Ближнего Востока, где в традиции политического уклада государства — сильный лидер [Политические портреты... 2015; Политические портреты... 2018; Пономаренко, Чикризова 2016: 387]. В этой связи важно отметить высказывание профессора С.А. Воронина относительно лидерства на Востоке: в своей работе он подчеркивает, что демократический тип политического режима на Востоке не представлен в качестве «устойчивой и функционирующей модели» [Воронин 2007: 114]. Однако необходимо заметить, что в настоящее время многие страны БСВ стремятся к демократизации политического пространства государства, несмотря на историческую и политическую специфику региона.

Роль личности является одним из важных факторов в формировании истории государства. Ближний и Средний Восток стал родиной многих

лидеров, которые внесли вклад в развитие собственных стран; некоторые из них стали значимыми не только для своих государств, но и для целого региона и даже мира. Личность в политике может сыграть очень важную положительную или отрицательную роль, однако, затрагивая тему роли личности в политике и истории, чаще всего принято говорить о выдающихся людях, оставивших в большей степени положительный след в истории своей страны.

Лидерство в политике — это способность влиять на деятельность огромных масс людей. И здесь необходимы незаурядные качества.

Роль личности в политике, в первую очередь, связана с лидером, имеющим силу и власть в прошлом или в настоящем. Рассматривая личностный фактор политиков на БСВ, важно отметить преемственность многих династий. В арабских странах в роли преемника главы государства зачастую выступают дети или ближайшие родственники лидера. В случае с иорданской монархией преемником короля Хусейна стал его сын, нынешний монарх Иорданского Хашимитского Королевства король Абдалла II.

Особенности исторического развития Иорданского Хашимитского Королевства

Иорданское Хашимитское Королевство — государство уникальное по целому ряду причин.

Во-первых, с точки зрения его геополитического расположения. Королевство находится под сильным влиянием соседства с очагами международных проблем, которые всегда имели место в истории развития региона Ближнего Востока.

Во-вторых, этнически Иордания представляет собой многонациональное государство, большую часть населения которого, безусловно, представляют этнические арабы иорданского и палестинского происхождения, однако на территории Королевства также проживают многочисленные общины других народов, которые переехали в Иорданию много лет и даже веков назад. В этой связи важно отметить большую северокавказскую общину Иордании, среди которой существует несколько диаспор, такие как вайнахская диаспора (представители чеченского и ингушского народов) и черкесская диаспора (включающая в себя народы адыгского этноса, в основном черкесов

и кабардинцев)¹; именно представители черкесской диаспоры всегда входили в охрану иорданских монархов и представляли собой самых преданных сторонников короля, что до сих пор является неотъемлемой частью иорданской армии и системы безопасности.

В-третьих, важно отметить особенности религиозно-социального устройства страны, что подчеркивается многоконфессиональностью общества, а также сочетанием, с одной стороны, сильной приверженности иорданского населения исламской религии, а с другой — светского пути развития, включая и политический вектор страны, и образовательную систему Иордании.

И наконец, с точки зрения исторической значимости Иордании для региона Ближнего Востока и для ислама в целом. В иорданском обществе сложилась необычная ситуация, когда в основе отношений между людьми существует не единая система законов, а сложная совокупность обычаев, мусульманских установок, а также современного права. Следует отметить, что в Иордании наблюдается синтез племенной организации, мусульманского характера устройства государства и особенности современной жизни. В этой связи можно согласиться с оценкой выдающегося востоковеда А.М. Хазанова, который отмечает, что Иордания представляет собой «страну с маленькой географией и большой историей» [Хазанов 1996: 69]. Иорданское Королевство играет важную роль в истории региона Ближнего Востока и является значимой территорией для трех монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама.

В 1946 г. Иордания получила статус независимого государства в результате заключения договора между эмиратом Трансиордания и Великобританией. Иордания провозглашалась монархией; титул монарха передавался по наследству. Бывший эмир Трансиордания Абдалла стал королем Иорданского Хашимитского Королевства. С 1946 г. Иордания является одним из немногих государств, сохранивших монархическую форму правления; кроме того, иорданская правящая ди-

¹ Важно отметить, что, несмотря на то что большинство представителей северокавказской общины в Иордании не имеют четкого разделения по национальному признаку, в Королевстве все же выделяются две конкретные этнические группы — это «шаркасий», т.е. «черкес», и «щищаний», т.е. «чеченец».

настия — на сегодняшний день единственная династия мусульманского мира, которая восходит к Хашиму, прадеду пророка Мухаммада, пра-родителю рода Хашимитов.

Первые годы независимости оказались особо тяжелыми для Королевства в связи с возникшим острым палестино-израильским конфликтом, который не прекращен по сей день. 15 мая 1948 г. на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г. было объявлено о создании Государства Израиль², что послужило началом первой арабо-израильской войны.

Иорданское Королевство было вовлечено в боевые действия в составе коалиции арабских государств; главнокомандующим объединенных арабских сил был назначен король Иордании Абдалла I. Однако для Иордании ситуацию усложняло как создание нового Государства Израиль, так и образование нового палестинского государства под управлением муфтия Иерусалима Хаджа Амина аль-Хусейни, который выступал в качестве противника хашимитской династии [Аганин, Соловьева 2003: 80].

В 1949 г. король Иордании Абдалла I объединил земли Западного берега р. Иордан с территорией Иорданского Королевства, что привело к покровительству иорданской монархии над третьей святыней мусульманского мира — Иерусалимом и его святыми местами [Аганин, Соловьева 2003: 16]. Однако одно из регулярных посещений мечети Аль-Акса стало для короля Абдаллы I в конечном итоге последним и роковым: 20 июля 1951 г. он был убит у входа в мечеть. В тот день с ним был его внук — будущий король Хусейн ибн Талал, который взошел на трон после смерти Хусейна, однако он исполнял обязанности монарха всего год, и в 1952 г. престол занял 16-летний Хусейн.

Король Хусейн постепенно менял политический курс страны с консервативного на либерально-демократический, однако позиция по сохранению Иордании в пределах границ оставалась прежней: в частности, Иерусалим был помещен под международную юрисдикцию как священный и важный город не только для иудаизма, но также

для христианства и ислама [Wagner, Schlesinger-Jr. 2005: 51]. В отношении Иерусалима позиция Иорданского Хашимитского Королевства всегда оставалась четкой — статус города должен быть нейтральным, принимая во внимание его историческую и религиозную ценность для всего мира.

Король Абдалла II: утверждение во власти

Его Величество король Абдалла II взошел на престол 7 февраля 1999 г. после кончины своего отца короля Хусейна ибн Талала, который был бессменным правителем Иордании в течение 47 лет (1952—1999 гг.).

Иорданская монархия является одной из самых устойчивых династий на Ближнем Востоке, с ней сравнимы только монархии Марокко и Саудовской Аравии. Прежний король Иордании Хусейн был сильной личностью не только в Иордании, но и в масштабах всего Ближнего Востока; в первую очередь, это подтверждается продолжительностью правления Хусейна. Нынешний иорданский монарх Абдалла II, как и его отец, столкнулся с трудной политической ситуацией, полной напряженности и нестабильности. В сложившихся обстоятельствах кандидатура Абдаллы, наследующего престол, была наиболее взвешенным и точным решением. К 1999 г. король Абдалла II уже получил достойное образование и имел опыт военной службы, что подразумевало поддержку его политического курса иорданской армией.

В 2019 г. Его Величество король Иордании Абдалла II отмечает двадцатилетие своего правления, что дает повод произвести оценку деятельности монарха и подвести промежуточные итоги его правления. За 20 лет Иордания пережила много трудностей, взлетов и падений.

В отличие от своего отца король Абдалла II взошел на престол в более зрелом возрасте — 37 лет, это не было спонтанным событием в его жизни; будучи еще наследным принцем, Абдалла преуспел в военной службе. Он получил отличное образование как в Иордании, так и на Западе, что позволило нынешнему королю быть всесторонне развитым и образованным. Его Величество получил начальное базовое образование в Иордании в Исламском колледже, после чего направился в США для обучения в Иглбрукской школе, а за-

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 «Будущее правительство Палестины» от 27.11.1947. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/210008?ln=ru> (дата обращения: 20.07.2019).

тем в Академии в Диерфилде. В 1980-х гг. король Абдалла II продолжил свое обучение уже в Великобритании, сперва в Королевской военной академии Сандхерст, а затем в Оксфордском университете и в колледже Пембрук. В Оксфорде иорданский монарх прослушал специализированный курс по изучению региона Ближнего Востока. Важно отметить, что все иорданские монархи получили качественное образование. На момент интронизации король Иордании Абдалла II уже был в звании фельдмаршала Вооруженных сил Иордании и маршала Королевских Иорданских ВВС.

Король Абдалла II является разносторонним человеком, имеющим большое количество интересов и увлечений. Как и король Хусейн, король Абдалла II — любитель скоростной езды и хороших машин, в Иордании был создан большой музей автомобилей. Начало королевской коллекции автомобилей было положено еще королем Хусейном и продолжено нынешним правителем Иордании. Его Величество отлично владеет боевыми искусствами и является очень метким стрелком. Абдалла II со своим сыном наследным принцем Хусейном бин Абдаллой регулярно принимает участие в учениях и тренировках по стрельбе и ведению боя, что активно освещается в социальных сетях на странице короля и наследного принца.

Благодаря своему образованию и происхождению (мать иорданского лидера была британского происхождения) король Абдалла II известен также как «иностранец» в информационном поле Ближнего Востока, однако при этом важно отметить, что король предан своему народу и стране и всячески поддерживает особый статус арабского языка и культуры внутри государства, что подтверждается государственной языковой политикой Иорданского Хашимитского Королевства.

Монарх получил в наследство от отца страну в не самый благоприятный для нее момент. В 1999 г. Иордания вновь стала прибежищем для многочисленных потоков беженцев из Палестины. Палестино-израильский конфликт разгорелся с новой силой в 2000-х гг. По данным 2011 г., около 40% населения Иордании составляли палестинцы из Газы и Западного берега. Несмотря на достаточно стабильную политическую жизнь, в Королевстве всегда была напряженная ситуация, связанная с безопасностью государства,

в первую очередь, по причине географически близкого расположения иорданских границ к очагам конфликтности на Ближнем Востоке. Важно отметить, что Иордания никогда не оставалась вдалеке от конфликта, какой бы ни была политическая ситуация в то или иное время. При этом Королевство всегда представляло собой стабильное государство, не занимающее активную позицию в конфликтах, Иордания старалась выступать в качестве нейтрально ориентированного актора. Однако в условиях последнего десятилетия особенно сложно выстраивать стабильную политическую доктрину, укрываясь от ветров напряженности и революций, проходящих через Иорданию, что время от времени вызывает у населения опасения о будущем страны [Pelham 2011: 2]. Тем не менее события «арабской весны» затронули Иорданию с наименьшими негативными последствиями.

Нынешний король Иордании Абдалла II, несмотря на сохранение в основном политической доктрины своего отца короля Хусейна, все же внес некоторые изменения во внешнеполитический курс страны. В первую очередь, речь идет о более активном сотрудничестве со странами Запада, чем в эпоху правления короля Хусейна. Король Абдалла II активно развивает торговые и экономические связи с западными странами, в основном с США и Великобританией, которые исторически имели сферы влияния в Иордании. В этой связи важно отметить отличие монарха от его предшественника — король Хусейн делегировал решение экономических проблем своему брату, наследному принцу Хасану, в то время как король Абдалла II лично принимает участие в реализации всех экономических задач Королевства [Abduayyah 2001: 15]. Именно проведение политических и экономических реформ стало приоритетным направлением политики короля Абдаллы II. В первые годы своего правления король стремился создать единую социально-политическую основу, вовлекая население в политический процесс. В этой связи была разработана концепция «Иордания превыше всего», целью которой было сплотить подданных в решении внутренних социально-экономических задач Королевства [Демченко 2014: 145].

Внутриполитическая обстановка в Королевстве всегда была сложной, что вызвано рядом

факторов. Население Иордании часто выражает свою обеспокоенность безопасностью своей страны, при этом также вызывает серьезное опасение высокий уровень инфляции и снижение уровня жизни в Королевстве [Csicsmann 2007: 110]. Помимо социально-экономических трудностей и этнических особенностей в Иордании существует проблема роста идей радикального исламизма. Несмотря на выстроенный диалог с умеренной исламской оппозицией, среди населения все чаще получают распространение и экстремистские настроения. Особый рост радикализации общества на почве исламизма произошел в 2000-е гг., когда король Абдалла II только взошел на престол. Наибольший резонанс вызвали события 2003 г. в Ираке, когда воинствующие салафиты объявили джихад вооруженным силам США в Ираке. В Багдад направилось большое количество радикально настроенной молодежи, чтобы принять участие в борьбе с американскими военными, среди молодежных сил радикалов было и большое количество иорданских молодых людей [Robbins, Rubin 2013: 10]. Иорданскому монарху пришлось принимать срочные меры по дерадикализации молодежи Королевства.

Иордано-палестинские взаимоотношения исторически не были гладкими. Особенно в период правления короля Хусейна, на долю которого выпали тяжелые испытания, Иордания столкнулась с этноконфессиональным дисбалансом населения. На сегодняшний день большое количество палестинцев имеют подданство Иордании. Еще в 1949 г. был издан декрет, который предоставлял возможность палестинцам получить иорданское подданство [История Востока 2008: 188]. Однако при этом в Иордании осталось проживать большое количество палестинцев, которые не получили подданство в соответствии с данным декретом. В этой связи лица, проживающие в Иордании в качестве переселенцев и беженцев, зафиксированы как лица, имеющие статус проживающих в Королевстве [Oroub 2004: 10].

Несмотря на непростые взаимоотношения с палестинским населением, Иордания всегда стремилась поддержать статус нейтральной территории, безопасной для всех. В этой связи характерным событием стало нападение в иорданской столице на одного из руководителей палестинского движения ХАМАС со стороны Израиля.

Правивший в то время король Хусейн находился на грани разрыва отношений с Израилем в связи с произошедшим в Аммане, он также отказался принять с визитом премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, который направлялся в Иорданию. В результате решительных действий короля Израиль освободил 70 палестинцев из тюрем и прислал противоядие для пострадавшего деятеля ХАМАС [Примаков 2016: 405].

Однако единая общность народов Палестины и Иордании всегда существовала, это хорошо подчеркивается высказыванием короля Абдаллы II в его книге: «У палестинского народа всегда будет 110 процентов моей поддержки в поисках палестинского государства. И однажды палестинцы и иорданцы палестинского происхождения будут иметь право выбирать, где они хотят жить. Те, кто хочет быть палестинскими гражданами, смогут свободно переехать в Палестину, так же как и все наши граждане, которые решили остаться в Иордании, независимо от их происхождения, останутся гражданами Иордании»³.

Интересным фактом является и то, что супруга короля Абдаллы II королева Рания принадлежит к одному из влиятельнейших палестинских кланов, что, в свою очередь, также периодически становится дополнительным поводом для критики короля со стороны подданных, которые время от времени выражают недовольство властью монарха. Тем не менее в настоящее время отношение к первой леди Иордании можно охарактеризовать как теплое и позитивное.

Несмотря на критику в адрес королевской семьи, важно заметить, что Его Величество король Иордании Абдалла II, как и его супруга и наследный принц Хусейн бин Абдалла, ведут активную деятельность в социальных сетях, участвуют в мероприятиях, направленных на улучшение имиджа королевской династии и поддержание позитивного настроения населения в отношении короля и его политики.

Как уже отмечалось, Иорданское Хашимитское Королевство остается одним из немногих государств в регионе Ближнего и Среднего Востока с монархической формой правления. Сохра-

³ Цит. по: King Abdullah II of Jordan Our Last Best Chance. The Pursuit of Peace in a Time of Peril. London: VikingPenguin, 2011. P. 153.

нение монархии — одна из ключевых задач короля Иордании, однако в современном мире на фоне революционных и экстремистских настроений, активно распространяющихся в мире, сложно сохранить устои монархии. Иордания, окруженная зонами постоянных конфликтов, всегда находится непосредственно под угрозой свержения правящей династии и подвержена опасности стремительной революции.

Иордании удается оставаться устойчивой с точки зрения внутренней политики благодаря тому, что король Абдалла II разработал многогранный подход к общественному недовольству. Король ведет активную деятельность для сохранения имиджа монархии в условиях частых обвинений в адрес властей, в первую очередь, в коррупции. В этой связи Абдалла II, стремясь улучшить свое взаимодействие с населением, выступает с комментариями в отношении ряда проблем внутри государства. Так, было решено показать по телевидению судебное разбирательство по одному из коррупционных скандалов [Sharp 2019: 1]. Подобные действия Его Величества направлены на то, чтобы в сложившихся обстоятельствах постоянной критики и обвинений в адрес властей Иордании, связанных с ростом коррупции, показать свое отношение к этой проблеме.

Как уже было отмечено, король Абдалла II, как и члены королевской семьи, ведут активную деятельность в социальных сетях, сокращая таким образом дистанцию между королевским двором и подданными, при этом сохраняя канал взаимодействия как со старшим поколением, так и с молодежью. Важной особенностью также является факт роли личности Короля в формировании имиджа правящей династии. Король Абдалла II всячески стремится к сближению с народом, что проявляется даже в самых мельчайших нюансах, таких как совершение молитвы в мечети вместе с подданными Королевства, поездки по городам, общение в рамках конференций и выступлений и др.

Внешнеполитическая деятельность короля Иордании

Иорданский монарх, как официальный глава государства, наделен многообразными функциями, правами и обязанностями. В первую очередь — это руководство страной, ее представле-

ние в политических союзах, объединениях, а также в международных и региональных организациях. Король имеет право объявить войну, выразить протест или согласие с тем или иным событием на политической арене, как связанным с его государством, так и не касающимся Иордании вовсе. В полномочия короля Иордании также входит право назначать глав правительства и других внутривластных ведомств и зарубежных дипломатических представительств. Все права монарха прописаны в Конституции Иорданского Хашимитского Королевства⁴. Поправки, внесенные в Основной закон в 2016 г., подтверждают также единоличный контроль короля над сферой безопасности, обороны, внешней политики, а также судебной системы [Сардарова 2019: 81].

Одной из важных задач власти стало сохранение диалога со всеми слоями общества и оказание поддержки всем возрастным и социальным группам Королевства. В этой связи король Иордании всячески вовлекает наследного принца Хусейна бин Абдаллу в диалог с молодежными организациями Иордании, а также поддерживает его выступления в ООН, на заседаниях Совета Безопасности, где члены иорданской королевской семьи часто фигурируют в качестве спикеров. Наследный принц Хусейн также зачастую присутствует на переговорах короля Абдаллы II с делегациями разного уровня и значимости.

Представители иорданской правящей династии являются потомками пророка Мухаммада в 41-м поколении⁵. Важно отметить, что в настоящее время на Ближнем Востоке существует только две правящие династии, ведущие свою генеалогию от пророка — это династия Алауитов в Марокко и династия Хашимитов в Иордании. Это придает сакральный характер правлению короля Абдаллы II, дает дополнительное, религиозное основание его светской и духовной власти [Mashaqaba 2005: 8], а также делает иорданского монарха фигурой, безусловно почитаемой как в своей стране, так и в мусульманском мире в целом.

⁴ Конституция Иорданского Хашимитского Королевства 1952 г. (с поправками 2012 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=82> (дата обращения: 25.07.2019).

⁵ Profile // King Abdullah II Official website. URL: <https://kingabdullah.jo/en/page/profile> (accessed: 01.12.2019).

Важным аспектом является статус короля Абдаллы II как защитника мусульманских святых мест в Иерусалиме, что было закреплено в договоре, подписанном как сторонами арабо-израильского конфликта, так и посредниками в 1994 г. Именно благодаря данному статусу Абдалла II ведет активную деятельность по предоставлению Иерусалиму статуса города, свободного от политики.

В 2018 г. произошло одно из громких событий, касающихся статуса Иерусалима. Речь идет о скандальном заявлении президента США Д. Трампа о переносе американского посольства в Иерусалим, что, несомненно, противоречит всем правилам признания независимого статуса Иерусалима, который закреплен международным правом. Несмотря на многочисленные предупреждения и критику в адрес Д. Трампа, посольство США все же было перенесено в Иерусалим, что подчеркнуло американскую позицию в отношении статуса города. Король Иордании, так же как его коллеги из других арабских стран, выступил с жесткой критикой подобных действий администрации американского президента.

Еще одним громким и важным событием стало обсуждение «сделки века» — проекта США, предусматривающего урегулирование палестино-израильского конфликта, в том числе проблемы Иерусалима. Текст «сделки века» до сих пор не обнародован, однако известен факт о возможной передаче статуса хранителя мусульманских святых мест в Иерусалиме королю Саудовской Аравии, что полностью изменило бы ситуацию не только в Иерусалиме, но и в регионе в целом. В связи с этим планом действий король Иордании Абдалла II неоднократно озвучивал опасения и предупреждения в адрес администрации Дональда Трампа. Король Абдалла II был очень обеспокоен планами США предоставить первую роль в охране главных мусульманских святынь Иерусалима Саудовской Аравии. Иорданский монарх активно борется за мирное урегулирование палестино-израильского конфликта, а также за сохранение иорданского присутствия в Иерусалиме, выражая свою позицию следующим образом: «У нас есть исторические обязательства перед Иерусалимом и его святыми местами»⁶.

⁶ A Battle Royal // Israel Hayom. 18.06.2019. URL: <https://www.israelhayom.com/2019/06/18/a-battle-royal/> (accessed: 25.07.2019).

За последнее время Иордания столкнулась с большим количеством проблем, в том числе касательно изменения двусторонних отношений с другими арабскими государствами. Речь идет, в первую очередь, о странах Персидского залива. Как известно, Иорданскому Хашимитскому Королевству оказывается большая финансовая поддержка со стороны государств Персидского Залива и США [Васильев 2018: 553].

Важно отметить серьезные разногласия Иорданского Хашимитского Королевства с Королевством Саудовская Аравия, обострившиеся из-за отказа Иордании разорвать отношения с Катаром, а также отказа поддержать войну в Йемене, которая в последнее время в больших масштабах развернулась в этой стране. Более того, действия короля Абдаллы II относительно укрепления внутренней стабильности государства, также воспринимаются соседними странами как негативные изменения. В частности, речь идет о назначении в мае 2019 г. офицера черкесского происхождения Ахмада Хусни на должность руководителя разведывательной службы Королевства⁷. Известно, что черкесская община представляет собой значительную часть населения Иордании. В окружении короля всегда находились представители черкесов, которые сформировали блок самых преданных последователей монархии. В этой связи неожиданные и стремительные перестановки в органах государственной власти могут быть охарактеризованы как стремление короля Абдаллы II окружить себя преданными сторонниками, чтобы быть готовым к любым угрозам извне.

Король Абдалла II ведет активную внешнюю политику, решительно продвигая идеи мирного сосуществования разных религий и национальностей, за что в 2018 г. был удостоен премии Темплтона⁸. Иорданский монарх стал 27-м лауреатом, а также первым мусульманином, который получил данную премию. В апреле 2019 г. король Абдалла II получил Лампаду мира святого Фран-

⁷ См.: Riedel B. Jordan's King Abdullah is Facing New Risks — from His Own Friends // Brookings. June 14, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/06/14/jordans-king-abdullah-is-facing-new-risks-from-his-own-friends/> (accessed: 02.08.2019).

⁸ См.: Jordan's King Abdullah Wins the 2018 Templeton Prize // The National. 29.06.2018. URL: <https://www.thenational.ae/world/mena/jordan-s-king-abdullah-wins-the-2018-templeton-prize-1.745462> (accessed: 02.08.2019).

циска из рук канцлера Германии А. Меркель за вклад в продвижение прав человека, мира между религиями и работу по приему беженцев⁹. Король Абдалла II стал вторым мусульманином в истории, который был удостоен права получить эту награду.

Король Абдалла II периодически выступает с трибуны ООН перед делегатами стран — участниц Организации. Доклады Его Величества освещают разные вопросы, связанные как с проблемами Иордании, так и с трудностями региона и мира в целом. Основной темой докладов короля в ООН является урегулирование палестино-израильского конфликта и решение вопроса о статусе Иерусалима. Глубина выступлений подчеркивает широту его взглядов на проблемы диалога культур и взаимодействия религий. Именно работа по продвижению идеалов межрелигиозного и межкультурного мирного диалога была отмечена международным сообществом и послужила поводом к присуждению королю Абдалле II вышеназванных наград.

Отношения с Российской Федерацией

Король пользуется большим уважением в арабо-мусульманском мире, а также среди политиков неарабского сообщества. Так, король Абдалла II состоит в хороших отношениях с президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Важно отметить, что взаимоотношения с Российской Федерацией также подкрепляются фактом наличия в Иордании исторически крупной северокавказской общины. Иордания поддерживает связи с Российской Федерацией также в рамках сотрудничества с мусульманскими субъектами Российской Федерации, в том числе с Чеченской Республикой.

Для Иорданского Хашимитского Королевства Российская Федерация представляется важным стратегическим партнером. В первую очередь, это связано с российской помощью в развитии и укреплении крупной промышленности и инфраструктуры Иордании [Демченко 2013: 102].

Король Иорданского Хашимитского Королевства — частый гость в Москве. Впервые Аб-

далла II прибыл в Москву в августе 2001 г., второй визит Короля состоялся осенью того же года — 20—21 ноября. В период с 2002 по 2011 г. Его Величество посетил Российскую Федерацию девять раз. Следующая встреча Абдаллы II и В.В. Путина прошла 19 февраля 2013 г., а в 2014 г. было осуществлено два визита Короля в Москву. В 2015 г. Абдалла обсудил перспективы торгово-экономического сотрудничества Иордании и России, включая строительство АЭС в Королевстве. Абдалла II вновь посетил Россию уже в 2017 г.¹⁰, а затем в феврале 2018 г.

Монарх подтвердил, что позиции Иордании и России в отношении развития региона Ближнего и Среднего Востока весьма схожи; в частности, речь идет о конфликте в Сирии, в урегулировании которого заинтересованы оба государства.

Как известно, король Абдалла II выступает в качестве защитника истинных ценностей ислама, о чем свидетельствуют его многократные заявления и высказывания. К примеру, важно отметить его мнение относительно терроризма и экстремизма, прикрывающегося религией: «Сегодня мы столкнулись с тем, что представляет серьезную угрозу для нашей религии — среди нас появились отщепенцы ислама. Они призывают к сектантству, мятежу, они распространяют свое насилие... Мир столкнулся с жестокой атакой отщепенцев ислама. Радикальные группировки, в том числе „Исламское государство“¹¹, представляют серьезную угрозу, прежде всего, для ислама. В мире проживает 1,5 млрд праведных мусульман, но и капли яда достаточно, чтобы отравить все. Экстремисты манипулируют Словом Божьим, чего не может позволить себе ни один праведный мусульманин»¹². С такой речью король Иордании выступил на V Съезде лидеров мировых и традиционных религий в Астане в 2015 г.

3 октября 2019 г. король Абдалла II прибыл с визитом в Россию с целью участия в пленарном заседании дискуссионного клуба Валдай. Иорданский монарх подчеркнул, что Россия является

¹⁰ См.: Визиты короля Иордании Абдаллы II в Россию. Досье // ТАСС. 15.02.2018. URL: <https://tass.ru/info/4960185> (дата обращения: 15.06.2019).

¹¹ Организация запрещена в РФ.

¹² Король Иордании назвал радикалов отщепенцами Ислама // ТАJWEEK.TJ. 11.06.2015. URL: <http://news.tajweek.tj/view/korol-iordanii-nazval-radikalov-otschepencami-islama/> (дата обращения: 15.06.2019).

другом Иордании, и отметил важную роль РФ во многих регионах, в том числе на Ближнем Востоке. «Россия и Иордания остаются привержены ключевым ценностям, которые объединяют нас, и мы действуем в их духе. Это самое важное оружие, которое у нас есть, против экстремизма и разделения. Иордания и Россия продолжают добиваться мира и стабильности на Ближнем Востоке», — заявил Его Величество. Также Абдалла II обозначил проблему отрицания государственности Палестины, назвав данный вопрос «сердцем кризиса региона Ближнего Востока»¹³.

Заключение

Проблема политического лидерства имеет исключительное значение для стран Ближнего и Среднего Востока. К сожалению, данная проблематика, зачастую, оказывается вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных авторов. В отличие от политических портретов других видных лидеров БСВ, изучение личности иорданского монарха в мировой историографии все же не представлено обширно. В 2019 г. король Иордании Абдалла II отметил 20-летие своего восхождения на трон Иорданского Хашимитского Королевства. Следуя политике преемственности, он сумел сплотить подданных Королевства под

лозунгом «Иордания превыше всего» и завоевал авторитет как в стране, так и за ее пределами благодаря своей прагматичной внутренней и внешней политике, что дает пример сбалансированного управления государством.

С точки зрения внутренней политики король добился устойчивости в социально-экономической сфере, несмотря на вызовы и угрозы стабильности государства, безработицу, распространение радикального исламизма и др. Во внешнеполитической деятельности иорданский монарх ставит во главу угла форму всемирного диалога и сотрудничества между различными странами и культурами.

Король Иордании является противником распространяющейся радикализации ислама, разжигания межнациональной и межэтнической розни, выступает в поддержку мирного урегулирования палестинской проблемы. Эти действия короля высоко оценены мировым сообществом, что подтверждается награждением короля Абдаллы II премиями мира.

Абдалла II, несомненно, сильный лидер современности, который, несмотря на большое количество угроз миропорядку и безопасности, стремится поддерживать хрупкий баланс внутри Иорданского Хашимитского Королевства, а также выступает с активной пропагандой мирного сосуществования всех религий и народов не только в регионе Ближнего и Среднего Востока, но и во всем мире.

¹³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт пресс-службы Кремля. 03.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 05.10.2019).

Поступила в редакцию / Received: 15.10.2019
Принята к публикации / Accepted: 21.11.2019

Библиографический список

- Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. М.: ИИИиБВ, 2003.
- Васильев А.М. От Ленина по Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.
- Воронин С.А. Политическая культура, массовое сознание и проблемы лидерства на Востоке. (Теоретический дискурс). М.: Изд-во Лабиринт, 2007.
- Демченко А.В. Иордания // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9 (267). С. 144—167.
- Демченко А.В. Королевская власть в Иордании и исламистская оппозиция // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 10. С. 64—71.
- Демченко А.В. Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 100—138.
- История Востока: в 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945—2000) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, Восточная литература, 2008.
- Крылов А.В. Особенности демократических реформ в Иордании // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 113—119.

- Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки* / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки: книга вторая* / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Феномен лидерства в национально-освободительном движении на Арабском Востоке и в Африке // Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия самоидентификации в современном мире: материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 21 апреля 2016 г. М.: РУДН, 2016. С. 386—393.
- Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016.
- Сардарова М.А. Иордания после «арабской весны» // Восточный альманах: сборник научных статей. Вып. 3. М.: Квант Медиа, 2019. С. 75—85.
- Хазанов А.М. Иордания. Маленькая география и большая история // Азия и Африка сегодня. 1996. № 11 (472). С. 65—69.
- Abduayyah S. Al-urdun ma beyna ‘ahdeyni ‘ahd al-malik ‘Abdallah ath-thani bin al-Huseyn wa ‘ahd al-malik Huseyn bin Talal tayib Allah tharahu [Абдуайях С. Иордания между двумя эпохами: эпохой Короля Абдаллы Второго бин Хусейн и эпохой Короля Хусейна ибн Талала (упокой, Всевышний, его душу)]. Абу-Даби, ОАЭ: Центр координации и контроля, 2001. (На арабском яз.).
- Csicsmann L. Responsible Freedom and National Security: Liberalisation in Jordan under King Abdullah II // *Society and Economy*. 2007. Vol. 29. No. 1. P. 103—122.
- Köprülü N. Consolidated Monarchies in the Post-‘Arab Spring’ Era: The Case of Jordan // *Israel Affairs*. 2014. Vol. 20. No. 3. P. 318—327.
- Mashaqaba A. Dawr al-qiyyadat al-hashimiya fi ad-diblumasiyya al-urdunniyya “djalal al-malik ‘Abdallah ath-thani wa as-siyasat al-haridjiya [Аль-Машкаба А. Роль хашимитского лидерства в иорданской дипломатии. «Его Величество Король Абдалла II и внешняя политика»] // Материалы конференции «Иордания: арабская дипломатия на Ближнем Востоке». Хашимитский университет Аз-Зарка, 1—3 декабря 2005. С. 5—8. (На арабском яз.).
- Oroub A. Palestinian Refugees in Jordan. University of Oxford, FMO, February 2004.
- Pelham N. King Abdullah of Jordan and the Arab Spring. Norwegian Peacebuilding Resource Centre, NOREF Article, December 2011.
- Robbins M., Rubin L. The Rise of Official Islam in Jordan // *Politics, Religion & Ideology*. 2013. Vol. 14. No. 1. P. 59—74.
- Sharp J.M. Jordan: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. Report. April 9, 2019.
- Wagner H.L., Schlesinger-Jr. A.M. King Abdullah II. Philadelphia: Chelsea House Publishers, A Hights Cross Communications Company, 2005.
- Yitzhak R. Between Reform and Islam: The Arab Spring in Jordan 2011—2014 // *Democracy and Security*. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 1—21. DOI: 10.1080/17419166.2017.1408464

References

- Abduayyah, S. (2001). *Al-urdun ma beyna ‘ahdeyni ‘ahd al-malik ‘Abdallah ath-thani bin al-Huseyn wa ‘ahd al-malik Huseyn bin Talal tayib Allah tharahu* [Abduayyah, S. *Jordan between Two Eras of the Era of King Abdullah the Second bin Hussein and the Era of King Hussein bin Talal (peace, Almighty, his soul)*]. Abu Dhabi, OAE: Center of Coordination and Control. (In Arabic).
- Aganin, A.R. & Solovyeva, Z.A. (2003). *Contemporary Jordan*. Moscow: IIIiBV publ. (In Russian).
- Belokrenitsky, V.Ya. & Naumkin, V.V. (Eds.). (2008). *The History of the East: in 6 vol. Vol. 6: The East in the Newest Period (1945—2000)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, Vostochnaya literatura publ. (In Russian).
- Csicsmann, L. (2007). Responsible Freedom and National Security: Liberalisation in Jordan under King Abdullah II. *Society and Economy*, 29, 1, 103—122.
- Demchenko, A.V. (2007). Royal Power in Jordan and Islamic Opposition. *World Economy and International Relations*, 10, 64—71. (In Russian).
- Demchenko, A.V. (2013). Russian—Jordanian Relations at the Beginning of the 21st Century: Achievements, Problems and Prospects. *Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, 3, 100—138. (In Russian).
- Demchenko, A.V. (2014). Jordan. *Russia and the Muslim world*, 9 (267), 144—167. (In Russian).
- Khazanov, A.M. (1996). Jordan. Small Geography and Big History. *Asia and Africa Today*, 11 (472), 65—69. (In Russian).
- Köprülü, N. (2014). Consolidated Monarchies in the Post-‘Arab Spring’ Era: The Case of Jordan. *Israel Affairs*, 20, 3, 318—327.
- Krylov, A.V. (2013). Features of Democratic Reforms in Jordan. *Vestnik MGIMO University*, 2 (29), 113—119. (In Russian).

- Mashaqaba, A. (2005). Dawr al-qiyadat al-hashimiya fi ad-diblumasiyya al-urdunniyya “djalal al-malik ‘Abdallah ath-thani wa as-siyasat al-haridjiya [Mashaqaba, A. Role of Hashemite leadership in Jordanian diplomacy “His Majesty King Abdullah II and Foreign Policy]. In: *Materials of the conference “Jordan: Arab Diplomacy in the Middle East”*. Hashemite University of Az-Zarqa, December 1—3. P. 5—8. (In Arabic).
- Naumkin, V.V. & Popov, V.V. (Eds.). (2015). *Political Portraits of Figures of the Near and Middle East: Essays*. Moscow: MGIMO-Universitet publ.
- Naumkin, V.V. & Popov, V.V. (Eds.). (2018). *Political Portraits of Figures of the Near and Middle East: Essays: Book Two*. Moscow: MGIMO-Universitet publ.
- Oroub, A. (2004). *Palestinian Refugees in Jordan*. University of Oxford, FMO, February.
- Pelham, N. (2011). *King Abdullah of Jordan and the Arab Spring*. Norwegian Peacebuilding Resource Centre, NOREF Article, December.
- Ponomarenko, L.V. & Chikrizova, O.S. (2016). The Phenomenon of Leadership in the National Liberation Movement in the Arab East and Africa. In: *Languages and Cultures in the Era of Globalization: Features of Functioning, Development Prospects and Interaction of Self-identification in the Modern World*. Materials of the interuniversity scientific-practical conference. Moscow, April 21, 2016. Moscow: RUDN University publ. P. 386—393. (In Russian).
- Primakov, E.M. (2016). *Confidential: Middle East on Stage and behind the Scenes*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (In Russian).
- Robbins, M. & Rubin, L. (2013). The Rise of Official Islam in Jordan. *Politics, Religion & Ideology*, 14, 1, 59—74.
- Sardarova, M.A. (2019). Jordan after the “Arab Spring”. In: *Eastern Almanac*. Collection of scientific articles. Iss. 3. Moscow: Kvant Media publ. P. 75—85. (In Russian).
- Sharp, J.M. (2019). *Jordan: Background and U.S. Relations*. Congressional Research Service. Report. April 9.
- Vasiliev, A.M. (2018). *From Lenin to Putin, Russia in the Near and Middle East*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (In Russian).
- Voronin, S.A. (2007). *Political Culture, Mass Consciousness and Leadership Problems in the East. (Theoretical discourse)*. Moscow: Labyrinth publ. (In Russian).
- Wagner, H.L. & Schlesinger-Jr., A.M. (2005). *King Abdullah II*. Philadelphia: Chelsea House Publishers, A Heights Cross Communications Company.
- Yitzhak, R. (2017). Between Reform and Islam: The Arab Spring in Jordan 2011—2014. *Democracy and Security*, 14, 1, 1—21. DOI: 10.1080/17419166.2017.1408464

Сведения об авторе: Морозова Надежда Николаевна — ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: morozova-nn@rudn.ru).

About the author: Morozova Nadezhda Nikolaevna — Assistant, the Department of Foreign Languages, Faculty of ties and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: morozova-nn@rudn.ru).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-702-712

«Религия выполняет очень важную миссию...»

Интервью с ДАМИРОМ ВАЙСОВИЧЕМ МУХЕТДИНОВЫМ,
первым заместителем председателя Духовного управления мусульман
Российской Федерации (ДУМ РФ)

“Religion Carries Out a Very Important Mission...”

Interview with DAMIR MUKHETDINOV,
First Vice-Chairman of the Spiritual Administration
of Muslims (SAM) of the Russian Federation

Мухетдинов Дамир Ваисович получил высшее образование в Институте арабского языка Университета «Умм аль-Кура» в г. Мекке (Саудовская Аравия). Затем окончил факультет международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, получил степень магистра, защитил кандидатскую диссертацию по политологии.

В настоящее время является первым заместителем председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, членом Президиума Совета муфтиев России, членом Общественной палаты РФ, ректором Московского исламского института, профессором Санкт-Петербургского государственного университета, членом Комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, членом рабочей группы Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, членом Общественного совета при Федеральном агентстве по делам национальностей.

Д.В. Мухетдинов награжден медалями Духовного управления мусульман Европейской части России «За заслуги», «За духовное единение»; указом муфтия Р. Гайнутдина — высшей наградой мусульман России орденом Почета «Аль-Фахр», орденом мусульман России «За заслуги».

В интервью осмысливается роль ислама в современном мире, в том числе в поддержании мира и стабильности в регионах распространения ислама [Мухетдинов 2009]. Особое внимание уделяется сотрудничеству и развитию отношений Российской Федерации со странами Востока, включая государства СНГ, по религиозным каналам [Мухетдинов 2011]. Д.В. Мухетдинов подчеркивает важность совершенствования исламского образования в России, а также развития таких научных направлений, как востоковедение, исламоведение, теология.

Ключевые слова: ислам, исламская умма, Россия, СНГ, сотрудничество, международные проекты, религиозное образование, Московский исламский институт, востоковедение, исламоведение, теология

Для цитирования: «Религия выполняет очень важную миссию...». Интервью с Дамиром Ваисовичем Мухетдиновым, первым заместителем председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 702—712. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-702-712

© Мухетдинов Д.В., Савичева Е.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. Damir Mukhetdinov got his higher education at the Institute of Arabic Language of Umm al-Qura University in Mecca (Saudi Arabia). Then he graduated from the Department of International Relations of Nizhny Novgorod State University and got a master's degree, then — PhD (Political Science). He is the first deputy chairman of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation, a member of the Presidium of the Council of Muftis of Russia, a member of the Public Chamber of the Russian Federation, rector of the Moscow Islamic Institute, professor of St. Petersburg State University, a member of the Commission on Improving Legislation and Law Enforcement Practice of the Council for Cooperation with Religious Associations under the President of the Russian Federation, a member of the working group of the Commission on Religious Associations under the Government of the Russian Federation, a member of the Public Council of the Federal Agency for Nationalities.

He was awarded the medals of the Spiritual Administration of Muslims of the European part of Russia “For Merit” and “For Spiritual Unity”; by Mufti Ravil Gainutdin decree was awarded the highest award of Muslims of Russia — the Order of Honor “Al-Fakhr”, the Order of Muslims of Russia “For Merit”.

The interview comprehends the role of Islam in the modern world, including its role in maintaining peace and stability in regions of Islam. Particular attention is paid to cooperation and development of relations between the Russian Federation and the Eastern countries, including the CIS states, through religious channels. Damir Mukhetdinov emphasizes the importance of improving Islamic education in Russia, as well as the development of such scientific areas as Oriental studies, Islamic studies, Theology.

Key words: Islam, Islamic Ummah, Russia, CIS, cooperation, international projects, religious education, Moscow Islamic Institute, Oriental Studies, Islamic Studies, Theology

For citation: “Religion Carries Out a Very Important Mission...”. Interview with Damir Mukhetdinov, First Vice-Chairman of the Spiritual Administration of Muslims (SAM) of the Russian Federation. (2019). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 702—712. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-702-712

— **Уважаемый Дамир Ваисович, вы глубоко вовлечены в дела исламской уммы России. Какую роль может сыграть «исламский фактор» в выстраивании отношений РФ со странами мусульманского мира в столь непростой геополитической ситуации, которая сложилась в настоящее время?**

— Отвечая на ваш вопрос, отмечу, что с момента принятия и распространения ислама на территории современной Российской Федерации, прежде всего на Кавказе и в Поволжье, — будь то в период Золотой Орды, или в постордынский период, или в имперскую или советскую эпохи, — ислам всегда играл очень важную роль в налаживании многосторонних отношений как с соседями, так и со странами дальнего зарубежья. Вспомним активные дипломатические контакты Золотой Орды и мамлюкских султанов. Другой пример — царские власти Российской империи создавали и поддерживали мусульманские образования на границах государства, как, например, это было в Оренбуржье, где поселение Татарская Каргала играло роль своеобразной торговой ярмарки, тем самым содействуя развитию торговых и деловых отношений с народами Востока — казахами, киргизами и др., а также вовлечению этих народов в подданство русского царя.

Хорошие отношения Советской России с соседними мусульманскими странами — кемалист-

ской Турцией и Афганистаном, поддержка их освободительных движений — способствовали складыванию позитивного имиджа нашего государства в мусульманском мире. Хотелось бы напомнить, что именно советское руководство первым приняло и признало такое новое государство, как Саудовская Аравия. Уже тогда в укреплении связей с мусульманскими странами большую роль сыграли выпускники традиционных татарских мусульманских учебных заведений; некоторые из них стали послами. Полученное ими религиозное образование способствовало выстраиванию дружеских и доверительных отношений с правящими элитами упомянутых стран.

В 1943—1944 гг., в трудные военные годы, советское руководство пошло на создание — вдобавок к уже существовавшему Духовному управлению мусульман Европейской части СССР и Сибири — новых муфтиятов: Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана; Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Духовного управления мусульман Закавказья, тем самым во многом мобилизовав мусульманское население на защиту Родины, а в дальнейшем — на распространение идеалов социализма в стране.

В современной России проживает более 25 млн мусульман, они — часть исламского мира. Это в свое время позволило президенту нашей

страны обозначить, что Российская Федерация также является мусульманским государством наравне с тем, что она — и христианское государство. РФ вступила в качестве наблюдателя в Организацию исламского сотрудничества (ОИС).

Московская Соборная мечеть, главная мечеть столицы, стала своего рода визитной карточкой российских мусульман. Здесь осуществляются духовная и светская миссии, принимают известных политиков с мусульманского Востока — королей, наследных принцев, президентов, премьер-министров. В ее стенах проходит и духовный, религиозный, и светский диалог. Главный муфтий России шейх Равиль Гайнутдин во время встреч рассказывает не только о делах духовных, о том, какими нуждами и потребностями живут российские мусульмане, как выстраивается диалог между традиционными религиями в нашей стране и представителями органов власти, но и о видении ситуации в мире, о реалиях и возможностях сотрудничества в рамках исламской уммы.

Не случайно во время исторического визита президента РФ В.В. Путина в Саудовскую Аравию в октябре 2019 г. были достигнуты важные договоренности между профильными министерствами — Министерством по делам ислама Королевства Саудовской Аравии и Духовным управлением мусульман Российской Федерации¹. Эти договоренности стали серьезным дополнением к заключенным между Москвой и Эр-Риядом соглашениям в различных сферах — энергетической, торговой, инвестиционной, военно-политической, культурно-гуманитарной.

Подобного рода дружественные отношения складываются со многими мусульманскими странами, и в основе таких отношений — равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. Вместе с тем они — результат огромной практической работы: это и выставки, и обмен опытом, и халяль-индустрия, и многочисленные проекты, связанные со строительством и инвестициями.

Как видим, религия, мечеть выполняют очень важную миссию, которая действительно сближает

сердца и позиции верующих во всем мире. Поэтому я уверен, что роль исламского фактора будет только возрастать пропорционально росту численности российских мусульман. Чем дальше мы от той эпохи, когда люди были лишены возможности получать религиозное образование, приобщаться к своим традициям и культурным корням, тем образованнее становится наша молодежь, которая прекрасно говорит на арабском, турецком, персидском и других восточных языках. А если владеете разными языками, вы в принципе настроены на то, чтобы коммуницировать с окружающим миром и выстраивать тесные взаимоотношения.

— С 2010 по 2012 г. вы являлись спецпредставителем ДУМ России и Совета муфтиев России по работе со странами СНГ. Главный муфтий России шейх Равиль Гайнутдин в своих выступлениях неоднократно обращал внимание на то, что российские исламские высшие учебные заведения должны выполнять благородную духовную миссию подготовки высокообразованных и квалифицированных кадров не только для мусульманских организаций России, но и для всего пространства СНГ. Как вы оцениваете ситуацию в исламской умме постсоветского пространства? По каким основным направлениям осуществляется сотрудничество со странами СНГ? Какой резонанс может иметь такое сотрудничество в более широком международном контексте?

— После распада Советского Союза, к сожалению, у нас были достаточно прохладные отношения в рамках СНГ. Каждая республика, каждое Духовное управление мусульман, соответственно, пытались найти свою нишу, свое место в новом миропорядке. Происходила борьба разных направлений внутри ислама; на место людей с советским прошлым, с их взглядами и традициями приходили новые кадры — имамы, представители духовенства, получившие образование за рубежом и придерживавшиеся совершенно иного видения развития мира.

А вот в последние, скажем, лет 10 сложились достаточно тесные контакты с коллегами из постсоветских стран, наметилась тесная кооперация

¹ Новая веха в истории мусульман России и Саудовской Аравии // Совет муфтиев России. Ноябрь 2019 г. URL: <https://muslim.ru/articles/279/25607/> (дата обращения: 22.11.2019).

[Мухетдинов, Хайретдинов 2011]. Эта тенденция стала заметна не только в ходе проведения многочисленных конференций с участием муфтиев стран Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Беларуси, Украины и даже стран Балтии, которые не входят в Содружество Независимых Государств. Реализуются многочисленные совместные проекты, в частности в сфере студенческой мобильности.

Много молодых людей по линии Духовных управлений мусульман Казахстана, Киргизской Республики, Таджикистана и Узбекистана обучаются в учебных заведениях в Москве, Казани, Нижнем Новгороде и других российских городах. Затем выпускники получают назначение и трудоустраиваются в Духовных управлениях мусульман уже в своих странах. Многие становятся имамами, муфтарисами, муфтиями, то есть мы, в каком-то смысле, являемся кузницей кадров, готовим священнослужителей для всего постсоветского пространства. В дополнение к этому мы предоставляем возможность пройти переподготовку, повышение квалификации, причем на русском языке (хотя сейчас, в том числе и у нас в национальных республиках, наметилась тенденция развивать богословие и теологию, прежде всего, на своих родных языках — татарском, чеченском, ингушском и т.д.).

Мы здесь, в Москве, несем ответственность за всю русскоговорящую умму и поэтому уделяем много времени и сил переводам религиозной литературы именно на русский язык. В постсоветских странах значительная часть мусульман владеет русским языком. Например, в Казахстане, Киргизии с огромным удовольствием читают религиозную литературу именно на русском языке. Так, большой популярностью пользуются труды заместителя муфтия России Р. Гайнутдина, известного проповедника Шамиля-хазрата Аляутдинова [2010; 2017]. Он собирает большие аудитории, издает сейчас уже миллионными тиражами свои работы по исламской тематике, и если это востребовано, значит, есть заинтересованность, есть обратная связь.

Недавно у нас стартовал очень важный проект — «Духовный Шелковый путь»², благодаря

² Доклад Муфтия Шейха Рафиля Гайнутдина на IV Международной научно-богословской конферен-

которому в республиках Центральной Азии и КНР проходят ежегодные конференции, направленные на объединение усилий мусульман постсоветского пространства.

Реализуются и международные проекты, среди них — международный мусульманский форум, который мы проводим в европейских городах — Лондоне, Париже, Берлине и других столицах. Многие западноевропейские чиновники и религиозные деятели честно признаются, что благодаря этим мероприятиям они буквально открыли для себя жизнь российских мусульман и мусульман постсоветского пространства, познакомившись с их традициями и культурой. Им казалось, что в нашей стране — «наследнице коммунизма» — мусульмане являются неравноправной частью населения и не имеют фактически никаких прав.

Присутствие на торжественном открытии Московской Соборной мечети президентов России и Турции, открытие Булгарской исламской академии (Татарстан) или мечети в Чечне показали, что ислам — активная и динамично развивающаяся религия в России. Наши коллеги из стран СНГ говорят, что они у нас учатся, набираются опыта, модернизируют свои духовные центры. Я думаю, что в этом и состоит большая роль ислама в объединении огромного постсоветского пространства.

— У вас престижное разностороннее образование. Вы — международник, за спиной — один из лучших вузов РФ — Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, вы — и политолог со степенью кандидата наук. Арабский язык, язык Священного Корана, вы изучали в Университете «Умм аль-Кура» в г. Мекке. Но начинали вы свой путь со среднего исламского образования в медресе «Нур аль-Ислам» в Республике Башкортостан. В настоящее время вы возглавляете Московский исламский институт. Как ректор такого вуза каким вы видите исламское образование в России? С какими зарубежными

ци «Духовный Шелковый путь. Ислам и молодежь: вызовы современности». Нур-Султан, 11—12 апреля 2019 г. // Совет муфтиев России. URL: <https://muslim.ru/articles/279/23666/> (дата обращения: 22.11.2019).

центрами исламского образования вы тесно сотрудничаете?

— К перечисленному не в качестве самовосхваления, но справедливости ради добавлю, что являюсь профессором Санкт-Петербургского государственного университета. Закончил работу над докторской диссертацией по теологии, представил ее буквально на днях и намерен защитить ее в начале 2020 г. Кстати, это будет практически первая в Российской Федерации защита диссертации по исламской теологии в стенах государственного вуза.

Что касается исламского образования в нашей стране, и в частности деятельности Московского исламского института³, следует отметить, что Институт в этом году отметил свое 20-летие. На самом деле создание такого образовательного центра стало большим и неординарным событием, хотя бы уже потому, что это произошло в Москве. Одно дело, когда такие события происходят в Уфе, Махачкале, Татарстане или на Кавказе, другое дело — в Златоглавой столице...

25 лет назад муфтий-хазрат Гайнутдин основал высший исламский духовный колледж. На его базе в 1999 г. возник Московский исламский университет, ныне — Московский исламский институт, имеющий государственную лицензию, прошедший государственную аккредитацию и готовящий студентов по теологии. Мы пока не пытаемся расширять спектр направлений подготовки, так как в настоящее время нам не позволяют это сделать имеющиеся материально-технические возможности. Однако наш вуз востребован, он пользуется достаточно большой популярностью, особенно среди абитуриентов из Кавказского региона, других российских регионов, республик СНГ.

С самого начала обучения мы пытаемся ввести студентов в сферу профессиональной деятельности. Так, уже первокурсники допускаются к самостоятельному проведению пятничной проповеди. Студент, стоящий в мечети на минбаре (кафедре. — *Прим. ред.*) в чалме и чапане (головной убор и плащ имама. — *Прим. ред.*), испытывает необыкновенные чувства — ответственности

и гордости, но главное — он погружается в эту особую среду...

По окончании очередного курса студенты на 2 месяца отправляются на практику в города и села Центральной России (например, Ярославской, Ивановской или Нижегородской областей), где обыкновенные прихожане задают самые простые вопросы из области религии и веры в Бога. И тогда обучающиеся в исламском институте начинают осознавать, что это — их миссия, которая реально нужна, что люди нуждаются в духовной поддержке и помощи. Вот такая работа помогает формировать очень активных граждан мусульманского вероисповедания, которые смысл своей жизни видят именно в служении. И не важно, где, в каком уголке планеты, окажутся наши выпускники, они должны нести свое послушание, свою миссию.

Хотелось бы обратить внимание еще на один важный момент в системе исламского образования. Самых одаренных и талантливых детей, благодаря поддержке Российского государства, мы направляем на учебу в ведущие российские университеты — МГУ и СПбГУ. Государство предоставляет уникальный шанс — наши ребята, получившие теологическое образование, дополняют его отличным востоковедческим образованием.

Светское востоковедение и исламоведение дают тот необходимый багаж, который полноценно формирует личность человека. Академическая среда учит студентов очень многому — как написать ВАКовскую статью, чтобы она соответствовала требованиям, как ее опубликовать, как результативно завершить работу над магистерской или кандидатской диссертацией. Я могу с удовлетворением констатировать, что абсолютное большинство центрального аппарата Духовного управления мусульман Российской Федерации — это выпускники одновременно и исламских учебных заведений, и ведущих светских вузов, таких, как МГУ и СПбГУ. Причем важно, что и в среде светских востоковедов наши выпускники узнаваемы и воспринимаются как хорошие специалисты-исламоведы.

Но мы идем дальше и развиваем тесные взаимоотношения с европейскими научными центрами. Это, к примеру, университеты Рима. У нас была очень интересная экспериментальная прак-

³ Московский исламский институт. URL: <http://miu.su/> (дата обращения: 22.11.2019).

тика направления нашего имама, теолога в крупнейший религиозный центр — Папский Григорианский университет⁴. Наши студенты в самом центре католицизма, возможно, вместе с будущими кардиналами, а, может быть, и Папой Римским, проходят обучение и подготовку по такому важному вопросу, как межрелигиозный диалог, совместно осмысливают процесс и принципы межрелигиозного диалога. Они готовят свои работы на разных языках, что в данном контексте имеет особое значение.

Участие обучающихся в международных проектах дает возможность постоянно практиковать иностранные языки, выступать, вести дискуссию на арабском, турецком или персидском языках и достойно отстаивать честь нашего института и страны в целом.

Мы благодарны Правительству Москвы, которое оказывает огромную помощь в модернизации и реконструкции здания Московского исламского института. Уверен, что в Москве мы можем иметь подлинно духовный научно-образовательный центр по подготовке и теологов, и будущих исламоведов и востоковедов.

— В марте этого года в стенах Государственной Думы прошла международная конференция «История ислама в России: осмысление со взглядом в будущее»⁵, которая была приурочена к 25-летию создания Духовного управления мусульман России, 115-летию Московской Соборной мечети и 20-летию возглавляемого вами Московского исламского института. Это был форум с широким международным участием. Фактически вы в своем лице объединяете такие важнейшие сферы нашего общества, как наука и образование. Вместе с тем значительную часть своей энергии вы отдаете издательской деятельности, будучи главным редактором «Издательского

дома «Медина»⁶, журнала «Ислам в современном мире», а также международного мультиязычного журнала мусульманской общественной мысли «Минарет Ислама»⁷. В течение ряда лет вы готовили издания по исламу в России и ее регионах. Есть ли аналогичные проекты по изучению ислама в зарубежных странах, в различных регионах распространения ислама?

— Честно признаюсь, что в последнее время все больше и больше углубляюсь в работу главного редактора, хотя, казалось бы, все мои должности требуют активно заниматься, прежде всего, административной деятельностью. Сам являюсь автором многочисленных учебных пособий и изданий. Будучи ректором и одновременно преподавателем как в исламском, так и в светском вузах, я на практике вижу и осознаю те проблемы и пробелы, которые имеются в теологическом и исламоведческом образовании.

Через меня как главного редактора за 11 лет прошло порядка 1500 единиц книг, журналов и других изданий, которые мне просто в силу своих должностных обязанностей приходилось вычитывать и редактировать. И у меня сложилось твердое мнение, что, к сожалению, состояние исламоведения в нашей стране не на самом высоком уровне. Я уже не говорю о теологии, которая не развивалась десятилетиями. Сравнение с американской или западноевропейской школами также не в нашу пользу. Например, моя докторская диссертация посвящена теме исламского неомодернизма конца XX — начала XXI в., и по этой проблематике публикации на русском языке отсутствуют. Если братья, например, за тему исламского феминизма, то опять-таки работ не найти, есть лишь отдельные упоминания. И таких пробелов множество. Да, есть пока еще активно действующие коллеги, которые не живут достоянием 1980—1990-х гг., а постоянно трудятся, творят и радуют нас своими великолепными трудами. К таковым можно отнести

⁴ Pontifical Gregorian University. URL: <https://www.unigre.it/en/> (accessed: 22.11.2019).

⁵ Конференция «История Ислама в России: осмысление со взглядом в будущее» открылась в Госдуме России // Совет муфтиев России. 4 марта 2019 г. URL: <https://www.muslim.ru/articles/287/23333/> (дата обращения: 22.11.2019).

⁶ Издательский дом «Медина». URL: <http://www.idmedina.ru/> (дата обращения: 22.11.2019).

⁷ Журнал «Минарет Ислама». URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?107 (дата обращения: 22.11.2019).

профессора Тауфика Ибрагима [Ефремова, Ибрагим 1998] и некоторых других.

Редакторская работа, конечно, занимает массу времени, но она дает представление о степени развития различных научных направлений, о том, в каком состоянии находится, например, изучение арабского и других языков. Ко мне на финальное редактирование приходят переводы, сделанные учеными, кандидатами наук (причем до меня работы проходят многократную редакцию специалистами-филологами, теологами, литературоведами), и, прочитав многие работы, я понимаю, как непросто идет становление русскоязычной традиции изучения ислама. Давайте честно скажем, что она в России, по сути, не сложилась, во всяком случае в советский период. Да, была мощная востоковедческая традиция, выходили ставшие классикой труды академиков В.В. Бартольда [2012], И.Ю. Крачковского [1946; 1948], Е.Э. Бертельса [1928] и др. А можно ли назвать имена выдающихся исламских теологов? Они писали традиционно на татарском, старотатарском, арабском, османском языках, и только теперь мы начинаем осмысливать, что ими было сделано в течение столетий и что они оставили нам в наследство.

Западноевропейская школа ушла далеко вперед. Например, по теме гендера и феминизма изданы десятки трудов в Англии, США, Канаде и других странах, причем подобные работы написаны как исламскими теологами, живущими в Европе и пишущими на европейских языках, так и востоковедами и религиоведами.

Мы выстраиваем тесное сотрудничество с западными коллегами. Самый последний яркий пример такого взаимодействия — перевод на русский язык и презентация фундаментального труда известного в Германии исламоведа, я бы сказал, исламоведа № 1 — Матиаса Роэ «Исламское право: прошлое и современность» [Роэ 2019]. Честно скажу — это лучшая работа по данной проблематике за последние несколько десятилетий. Это плод пятилетней работы, которая проводилась Московским исламским институтом совместно с немецкими коллегами.

Переводческая деятельность специализированной литературы — очень важное направление,

которым заняты наши специалисты, в настоящее время в работе десятки переводов как с европейских языков — английского, немецкого, французского, так и с других — старотатарского, османского, арабского, персидского, а также языков народов Средней Азии — узбекского, казахского, киргизского, таджикского и др.

Работа над серией энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации» [Ислам на Нижегородчине 2007; Ислам в Москве 2008; Ислам в Санкт-Петербурге 2009; Ислам в Центрально-Европейской части России 2009; Ислам на Урале 2009; Ислам в Поволжье 2013] объединила всех ведущих ученых нашей страны, начиная от археологов и заканчивая специалистами — социологами, политологами, этнологами. Новый проект энциклопедического словаря по исламу на всем евразийском пространстве — от океана до океана — объединит лучших отечественных и зарубежных специалистов XXI столетия. Мы уже начали работу с коллегами из стран Средней Азии и Восточной Европы, формируются рабочие группы в этих странах — на Украине, в Белоруссии, в среднеазиатских странах, ведутся переговоры с Литвой и Польшей. Надеясь на успех этого совместного большого проекта.

В России существует довольно сильная исламоведческая школа, основы которой заложили такие крупные ученые, как В.Ф. Розен, А.Э. Шмидт, И.Ю. Крачковский, В.В. Бартольд и др. Традиции этой школы продолжают уже наши современники — С.М. Прозоров, Е.А. Резван, М.Б. Пиотровский, Д.В. Фролов, Л.Р. Сюкияйнен (список можно было бы продолжить). Как вы оцениваете состояние дел в российском, да и в мировом исламоведении? В чем вы видите особенности отечественной традиции изучения ислама?

— Если вы помните, относительно недавно дискутировалась идея упразднения востоковедения как научного направления. Хорошо, что она не была принята и реализована. В свое время Михаил Борисович Пиотровский, Виталий Вячеславович Наумкин и другие аксакалы российского востоковедения обратили внимание вышестоящих российских чиновников на то, что, если мы раз-

ворачиваемся на Восток и хотим сотрудничать с этими странами, необходимо развивать востоковедение и исламоведение. Однако не могу сказать, что на этом направлении произошел какой-то прорыв...

Я часто бываю в Германии, где внимательно наблюдаю за тем, какие шаги предпринимало руководство страны, когда начались проблемы с мультикультурализмом. Сначала в университетах четырех немецких городов, среди которых Тюбинген, были учреждены исламские факультеты с привлечением специалистов мирового уровня из разных стран, причем проект хорошо финансировался. Немецкие служители ислама должны были пройти обучение или стажировку именно в этих центрах. Но 4 факультета не справились с поставленной задачей, и тогда их число увеличили до 7 государственных факультетов, последний был открыт в Берлинском университете им. Гумбольдта⁸.

Это — в Европе, где мусульмане — в основном мигранты второго или третьего поколений. А российские мусульмане являются автохтонным коренным населением страны, сооснователями российской государственности. И в России, обращенной в сторону мусульманского Востока, как я полагаю, необходимо уделять должное внимание и выделять больше средств на поддержку развития исламоведения и шире — востоковедения, готовить высококвалифицированные кадры, прекрасно владеющие восточными языками и имеющие широкие контакты в мире ислама.

Вы назвали имена выдающихся современных востоковедов, среди них — С.М. Прозоров, Е.А. Резван, М.Б. Пиотровский, Д.В. Фролов, Л.Р. Сюкияйнен, Т.К. Ибрагим, В.В. Наумкин и др. Но ведь это все люди уже преклонного возраста. Встает вопрос — а много ли остается достойных продолжателей их дела, много ли подготовлено учеников? Смогут ли они продолжить эту традицию на таком же высоком профессиональном уровне? Я сам воспитан на работах упомянутых востоковедов, в частности работах В.В. Наумкина, его блестящем переводе «Воскрешение наук о вере» имама ал-Газали [1980].

⁸ Berliner Institut für Islamische Theologie. URL: <https://www.islamische-theologie.hu-berlin.de/de> (accessed: 22.11.2019).

Сейчас, в век Интернета, мир становится все более открытым. Нельзя закрыться от внешнего влияния, пусть борются разные взгляды, разные мнения, не надо этого бояться, да победит сильнейший. Больше плюрализма, больше конкурентоспособности, больше открытости. Это позволит создать подлинно научную востоковедческую традицию и будет способствовать расширению контактов с мусульманским миром и в целом укреплению позиций России в регионе.

— Пару лет назад в России был создан Международный центр исламских исследований, в работе которого участвует и ваш институт. Во многом ученые центра продолжают традиции петербургской исламоведческой научной школы — их исследования основываются на таких «китах», как серьезная филологическая подготовка, изучение рукописных и архивных первоисточников в сочетании со специальными знаниями, полученными в ходе полевой работы. Центр ведет исследования в тесной взаимосвязи с отечественными и зарубежными специалистами. С какими ведущими зарубежными исламооведами сотрудничает центр?

— Я уже частично ответил на этот вопрос. Действительно, мы постоянно расширяем границы нашего сотрудничества и с отечественными, и с зарубежными коллегами. Однако мы осознаем, что встречи и проведение конференций — это лишь начальный уровень взаимодействия. Безусловно, для установления и развития научных и иных контактов имеется определенная польза от мероприятий, когда мы принимаем партнеров из других стран, публикуем результаты их исследований, когда имеем возможность продемонстрировать плоды своего труда вовне. Однако полагаю, что более важной составляющей международного сотрудничества является системное преподавание или чтение лекций. Например, я в свое время имел возможность выступить с лекциями в Кембриджском исламском колледже⁹, выступал в Институте политических исследований при Сорбонне. Приглашал также зарубежных коллег читать лекции в Московском исламском

⁹ Cambridge Islam College. URL: <https://www.cambridgeislamiccollege.org/> (accessed: 22.11.2019).

институте, в Болгарской исламской академии в Республике Татарстан¹⁰, а также в других российских исламских образовательных заведениях.

В настоящее время мы проводим большую работу по изданию переводной литературы с целью ознакомления русскоязычного читателя с выдающимися современными мыслителями исламского мира. В частности, готова к изданию работа Насра Хамида Абу Зайда о мусульманских реформаторах XX в. [Абу Зайд 2018], труды Фазлура Рахмана [Rahman 1982, 2000], работавшего в Чикагском университете в XX в., и известного мыслителя алжирского происхождения, трудившегося во Франции, Мухаммада Аркуна [Arkoun 2002, 2007]. Это выдающиеся зарубежные специалисты, они — иконы в зарубежном востоковедении и исламоведении, они самые читаемые, самые публикуемые. Они оказали наибольшее влияние на все последующее развитие исламской мысли, на дискурс как таковой.

Мы изучаем их труды, но зачастую физически пригласить их не можем. Приглашаем молодых талантливых ученых и, чтобы у нас не происходил застой, постоянно ищем новые лица, новых людей. А если люди не готовы к тесному сотрудничеству, если наши совместные планы носят лишь декларативный характер и не переходят в категорию совместного написания книг, пособий, переводов, преподавательской деятельности, то тогда наше взаимодействие сведется к приглашению таких коллег лишь на какие-то крупные мероприятия, проходящие, скажем, раз в десять лет. Мы — за реальную действенную коммуникацию, дающую конкретные плоды. И наши студенты, проходящие практику за рубежом, становятся хорошим связующим звеном, своеобразным мостиком в таком сотрудничестве.

Приведу еще один пример плодотворного сотрудничества. Профессор Санкт-Петербургского университета и одновременно профессор Мичиганского университета Александр Кныш, один из ведущих в мире специалистов по суфизму, по творчеству исламского богослова и крупнейшего теоретика суфизма Ибн Араби [Knysh 1998; 2017], читает лекции нашим студентам в Санкт-

Петербургском университете, а также выступает в качестве рецензента и редактора наших изданий.

Мы продолжаем налаживать тесные контакты с научными центрами постсоветского пространства, в частности с Азербайджанским институтом теологии¹¹, а также с узбекскими коллегами. Однако здесь мы сталкиваемся с определенными сложностями и ограничениями, связанными с тем, что в странах СНГ религиозная тематика разрабатывается на национальных языках. Вот, допустим, в Узбекистане было немало интересных защит диссертаций по теологической проблематике. А я внимательно отслеживаю такие работы, и некоторые темы действительно вызывают интерес. Но если исследование подготовлено на узбекском языке и никак не адаптировано для русскоязычного читателя, то такие работы не всегда вводятся в научный оборот, так как ознакомление с ними требует значительно больше усилий и времени. Отмечу, что в настоящее время мы с узбекскими коллегами-востоковедами готовим ряд интересных совместных изданий по суфизму в Мавераннахре и Узбекистане.

В целом же объем выполняемой нами на этом направлении работы очень большой; в некотором смысле он даже превосходит масштабы деятельности некоторых государственных университетов и академических центров.

— Для многонациональной России с весомым компонентом мусульманского населения многие события и процессы, происходящие в исламских странах, например, в таком конфликтогенном регионе, как Ближний Восток и Северная Африка, имеют не только внешнеполитическую значимость, но и внутривнутриполитическое измерение. К сожалению, мир все более погружается в состояние напряженности и турбулентности. Как вы полагаете, какую роль может сыграть ислам в восстановлении стабильности, безопасности и доверия в международных отношениях?

— Отвечая на ваш вопрос, я, может, не столько хотел бы сказать об исламе, сколько о религии

¹⁰ Болгарская исламская академия. Официальный сайт. URL: <https://bolgar.academy/> (дата обращения: 22.11.2019).

¹¹ Азербайджанский институт теологии. Официальный сайт. URL: <https://ait.edu.az/ru/> (дата обращения: 22.11.2019).

в целом. Как показывает история, она — точнее, даже не сама религия, а ее интерпретация и использование, может нести в себе, с одной стороны, разрушительный потенциал. Вспомним Крестовые походы, которые сопровождалась не только борьбой с мусульманами, но и разграблением европейцами-католиками завоеванных территорий, к примеру Константинополя в 1204 г., и уничтожением православного населения, что уже само по себе вызывает много вопросов.

С другой стороны, были и примеры созидания, причем в сложные для нашей страны исторические эпохи. Например, в золотоордынский период, при Узбек-хане и Джанибек-хане наблюдалось укрепление православия на Руси. Как раз на XIV в. приходится активное церковное строительство, возведение храмов и монастырей. Хотя в каком-то смысле завоеватели насаждали на Руси ислам, они позволяли православному духовенству укреплять христианские ценности, изничтожать в обществе остатки древних славянских языческих поверий, элементов языческой культуры и традиций.

Можно вспомнить ситуацию в Азербайджане после распада Союза, когда в стране сменился у власти целый ряд президентов и стоял

вопрос существования государства. Действующий ныне муфтий шейх Аллахшукюр Гуммет оглы Пашазаде всем своим религиозным авторитетом поддержал кандидатуру Г.А. Алиева. И к чему это привело? Как мы видим, к стабильности в азербайджанском обществе в последние три десятилетия и к поступательному развитию государства.

Так в свое время было и в России в ельцинскую эпоху, когда патриарх Алексей II обратился к народу с нужными словами, с нужным посылом — с призывом к созиданию и терпению, что во многом помогло уберечь общество от погромов и насилия.

Религиозные деятели должны быть преисполнены мудрости и придерживаться главного кредо, которое несет в себе религия, — всеми силами, всеми правдами и даже неправдами сохранить мир, ибо Пророк Мухаммед сказал, что есть случаи, когда вам разрешено обмануть для того, чтобы примирить людей. И это самый высочайший императив — сохранение мира. А все остальные: религиозные, этнические, политические предпочтения — это все надо оставить на суд Божий, одному Единственному судье в Судный час.

Интервью провела Е.М. Савичева / Interviewed by E.M. Savicheva

Поступила в редакцию / Received: 23.11.2019

Библиографический список

- Абу Зайд Н.Х.* К пониманию коранического мировоззрения: автобиографическое размышление // Исламская мысль: традиция и современность: религиозно-философский ежегодник. Вып. 3. М.: ИД «Медина», 2018. С. 245—302.
- Ал-Газали А.Х.* Воскрешение наук о вере. М.: Главная редакция восточной литературы, 1980.
- Аляутдинов Ш. Р.* Путь к вере и совершенству. СПб.: Диля, 2010.
- Аляутдинов Ш.Р.* Священный Коран. Смыслы. СПб.: Диля, 2017.
- Бартольд В.В.* Культура мусульманства. М.: URSS, 2012.
- Бертельс Е.Э.* Очерк истории персидской литературы. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А.С. Енукидзе, 1928.
- Ефремова Н.В., Ибрагим Т.К.* Путеводитель по Корану. М.: Б.м., 1998.
- Ислам в Москве:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2008.
- Ислам в Поволжье:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2013.
- Ислам в Санкт-Петербурге:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009.
- Ислам в Центрально-Европейской части России:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009.
- Ислам на Нижегородчине:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2007.
- Ислам на Урале:* энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2009.
- Крачковский И.Ю.* Арабская литература в XX веке. Л.: Изд-во Ленинградского гос. института, 1946.

- Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
- Мухетдинов Д.В. Вокруг Центральной Азии: горизонты сотрудничества // Ислам в современном мире: внутри-государственный и международно-политический аспекты. 2011. № 1—2. С. 46—49.
- Мухетдинов Д.В. Коранический вклад в обоснование многополярного мира: принципы договора и совета // Диалог цивилизаций и международные отношения / под ред. О. А. Колобова. М., Нижний Новгород, Бейрут: ИД «Медина», 2009.
- Мухетдинов Д.В., Хайретдинов Д.З. Духовная составляющая евразийской интеграции // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2011. № 3—4. С. 80—83.
- Роз М. Исламское право: история и современность. М.: ИД «Медина», 2019.
- Arkoun M. Islam: To Reform or to Subvert? London: Saqi Books, 2007.
- Arkoun M. The Unthought in Contemporary Islamic Thought. London: Saqi Book, 2002.
- Knysh A. Ibn 'Arabi in the Later Islamic Tradition: The Making of a Polemical Image in Medieval Islam. SUNY Press, 1998.
- Knysh A. Sufism: A New History of Islamic Mysticism. Princeton: Princeton University Press, 2017.
- Rahman F. Islam and Modernity: Transformation of an Intellectual Tradition. Chicago, 1982.
- Rahman F. Revival and Reform in Islam: A Study of Islamic Fundamentalism. Oxford: Oneworld Publications, 2000.

References

- Abu Zayd, N.H. (2018). Understanding the Qur'anic Worldview: An Autobiographical Thinking. In: *Islamic Thought: Tradition and Modernity: Religious and Philosophical Yearbook*. Iss. 3. Moscow: Medina publ. P. 245—302. (In Russian).
- Al-Ghazali, A.H. (1980). *Resurrection of the Sciences of Faith*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury publ. (In Russian).
- Alyautdinov, Sh. R. (2010). *The Path to Faith and Perfection*. St. Petersburg: Dilya publ. (In Russian).
- Alyautdinov, Sh.R. (2017). *Holy Qur'an. The Meanings*. St. Petersburg: Dilya publ. (In Russian).
- Arkoun, M. (2002). *The Unthought in Contemporary Islamic Thought*. London: Saqi Book.
- Arkoun, M. (2007). *Islam: To Reform or to Subvert?* London: Saqi Books.
- Bartold, V.V. (2012). *Culture of Islam*. Moscow: URSS publ. (In Russian).
- Bertels, E.E. (1928). *Essay on the History of Persian Literature*. Leningrad: Leningrad Eastern Institute named after A.S. Yenukidze publ. (In Russian).
- Efremova, N.V. & Ibrahim, T.K. (1998). *Guide to the Qur'an*. Moscow. (In Russian).
- Khayretdinov, D.Z. (Eds.). (2008). *Islam in Moscow: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Medina publ. (In Russian).
- Khayretdinov, D.Z. (Eds.). (2009). *Islam in Saint-Petersburg: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Medina publ. (In Russian).
- Khayretdinov, D.Z. (Eds.). (2009). *Islam in the Central European Part of Russia: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Medina publ. (In Russian).
- Khayretdinov, D.Z. (Eds.). (2013). *Islam in the Volga Region: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Medina publ. (In Russian).
- Knysh, A. (2017). *Sufism: A New History of Islamic Mysticism*. Princeton: Princeton University Press.
- Knysh, A. (1998). *Ibn 'Arabi in the Later Islamic Tradition: The Making of a Polemical Image in Medieval Islam*. SUNY Press.
- Krachkovsky, I.Yu. (1946). *Arabic Literature in the 20th Century*. Leningrad: Leningrad State Institute publ. (In Russian).
- Krachkovsky, I.Yu. (1948). *Over Arabic Manuscripts*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR publ. (In Russian).
- Mukhetdinov, D.V. & Khayretdinov, D.Z. (2011). The Spiritual Component of Eurasian Integration. *Islam in the Modern World: Domestic and International Political Aspects*, 3—4, 80—83. (In Russian).
- Mukhetdinov, D.V. (2009). Qur'anic Contribution to the Justification of a Multipolar World: Principles of Contract and Advice. In: Kolobov, O.A. (Eds.). *Dialogue of Civilizations and International Relations*. Moscow, Nizhny Novgorod, Beirut: Medina publ. (In Russian).
- Mukhetdinov, D.V. (2011). Around Central Asia: Horizons of Cooperation. *Islam in the Modern World: Domestic and International Political Aspects*, 1—2, 46—49. (In Russian).
- Mukhetdinov, D.V. (Eds.). (2007). *Islam in Nizhny Novgorod Region: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Medina publ. (In Russian).
- Mukhetdinov, D.V. (Eds.). (2009). *Islam in the Urals: Encyclopedic Dictionary*. Moscow — Nizhny Novgorod: Medina publ.
- Rahman, F. (1982). *Islam and Modernity: Transformation of an Intellectual Tradition*. Chicago.
- Rahman, F. (2000). *Revival and Reform in Islam: A Study of Islamic Fundamentalism*. Oxford: Oneworld Publications.
- Roe, M. (2019). *Islamic Law: History and Modernity*. Moscow: Medina publ. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-713-714

Рецензия

**Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление
и новый миропорядок. — М.: ИАФр, 2018. — 376 с.**

В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

**Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2018). Islam, Global Governance
and the New World Order. Moscow: IAfr publ., 376 p. (In Russian)**

V.I. Yurtaev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Юртаев В.И. Рецензия: Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. — М.: ИАФр, 2018. — 376 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 713—714. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-713-714

For citation: Yurtaev, V.I. (2019). Book review: Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2018). Islam, Global Governance and the New World Order. Moscow: IAfr publ., 376 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 713—714. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-713-714

Рецензируемая монография посвящена исследованию одной из ключевых проблем современности — вопросу формирования нового миропорядка — и предлагает читателю увидеть и оценить этот глобальный процесс сквозь призму участия «мусульманского сегмента» в становлении полицентричного мира. В центре внимания авторов находятся практически все аспекты заявленной темы, такие как исламский мир в глобальном управлении, вызовы «джихадистского этатизма», трансграничная миграция и трансконтинентальный сетевой терроризм. Работа, несомненно, актуальна и в связи с тем, что на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной и Тропической Африке сохраняется высокая политическая тур-

булентность, связанная с активизацией сил международного терроризма, выступающих в том числе и под флагом ислама. Поэтому так востребованы сегодня анализ роли и места мира ислама в процессах формирования полицентричной системы мироустройства и в возникающей глобальной экономике, комплексная оценка вызовов конфликта между пространственной экспансией традиционного ислама и неолиберальным миропорядком, изучение опасности региональной дестабилизации и угрозы глобальной безопасности и интересам России.

Работа Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой основана на научном обобщении результатов многолетних полевых исследований в странах Африки

© Юртаев В.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и Азии. Большой интерес представляют материалы проведенных интервью с представителями мусульманских диаспор Западной и Восточной Европы, что позволяет глубже понять специфику применяемых здесь различными политическими силами технологий управления массами. Следует отметить также логичность и цельность подачи материала, четкую структурированность монографии.

К несомненным достоинствам данного труда следует отнести разделы, посвященные глобальной экономике (гл. 1), «всемирному халифату» (гл. 4) и феномену «восточного общества» в современной Европе (гл. 5), в которых дан прогноз развития ситуации, что особенно востребовано, учитывая расширяющуюся вовлеченность детей и подростков в экстремистскую и террористическую деятельность ИГИЛ¹ и других подобных организаций сил международного терроризма. Особое внимание здесь уделено рассмотрению причин и последствий «арабской весны», при этом сделан принципиальный вывод о трансформации политических парадигм под воздействием дея-

тельности агрессивных негосударственных акторов и «джихадистского этатизма», что позволяет увидеть «фронт Халифата» в стратегической перспективе, например, как отмечают авторы, в пространственной экспансии ИГИЛ в Африке [Фитуни, Абрамова 2018: 214].

Данное исследование вносит весомый вклад в изучение роли исламского фактора в мировой политике и экономике в условиях глобализации. Авторы ставят вопрос о множественности моделей участия исламских государств и выступающих под знаменем ислама различных социальных и политических сил в мировой политике, анализируя опыт войны против террористических групп в Ливии, Алжире, Западной Африке, Сомали, Афганистане и Южной Азии. В работе показывается необходимость формирования новой повестки дня для объединения международных усилий по обеспечению мира и безопасности в Азии и Африке.

Монография адресована ученым, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется странами Азии и Африки, исламом, мировой экономикой и международными отношениями.

¹ Организация запрещена в РФ.

Поступила в редакцию / Received: 27.09.2019
Принята к публикации / Accepted: 08.10.2019

Библиографический список

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. М.: ИАФр, 2018.

References

Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2018). *Islam, Global Governance and the New World Order*. Moscow: IAfr publ.

Сведения об авторе: Юртаев Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru).

About the author: Yurtaev Vladimir Ivanovich — PhD in History, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of the Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: yurtaev-vi @rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-715-717

Рецензия

**Ислам в мировой политике в начале XXI века:
учебное пособие / под ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. —
М.: МГИМО-Университет, 2016. — 346 с.**

Е.М. Савичева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

**Efimova, L.M. & Sapronova, M.A. (Eds.). (2016).
Islam in World Politics at the Beginning of the 21st Century:
A Textbook. Moscow: MGIMO-University publ., 346 p. (In Russian)**

E.M. Savicheva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Савичева Е.М. Рецензия: Ислам в мировой политике в начале XXI века: учебное пособие / под ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 346 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 715—717. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-715-717

For citation: Savicheva, E.M. (2019). Book review: Efimova, L.M. & Sapronova, M.A. (Eds.). (2016). Islam in World Politics at the Beginning of the 21st Century: A Textbook. Moscow: MGIMO-University publ., 346 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 715—717. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-715-717

Рецензируемый труд является первым в серии учебных пособий по преподаваемому в МГИМО курсу «Ислам в мировой политике», уже получивших высокую экспертную оценку [Валиахметова 2019]. Работа, несомненно, актуальна в связи с возросшим влиянием конфессионального фактора на международные отношения, а также на социальные и общественно-политические процессы в самих мусульманских странах [Ислам в государственной и общественно-политической системах... 2018]. При разработке и реализации внешнеполитического курса к исламскому фактору зачастую апеллируют как лидеры традиционалистских режимов, так и руководители

националистической и реформаторской ориентации¹. В связи с динамичностью и напряженностью политических процессов в регионах и странах с мусульманским населением и их существенным влиянием на международную ситуацию данное пособие представляет значительный академический и практический интерес.

Последовательность и логичность подачи материала, постепенное усложнение аналитиче-

¹ Подцероб А.Б. Исламский фактор и процесс принятия внешнеполитических решений // Институт изучения Ближнего Востока. 8 декабря 2007. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6549> (дата обращения: 20.05.2019).

© Савичева Е.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ской информации по различным аспектам заявленной темы позволяет подвести читателя к серьезному изучению важной научной проблемы. Использование данной работы в учебном процессе позволит учащимся освоить навыки интерпретации наиболее значимых исторических, социально-экономических, политических и других процессов, событий и явлений в мусульманских странах.

Весьма логичным выглядит структурирование работы — в ней представлены два раздела. В первом разделе рассматривается комплекс фундаментальных понятий, доктрин и норм мусульманской уммы. Авторы анализируют различные подходы к сопряжению религиозных норм и принципов демократии, проблем экологии и ислама, а достаточно подробный анализ концепции «исламской экономики» даст читателю возможность понять причины успеха одних реформ и преобразований и неудачи других.

«Красной нитью» в первом разделе пособия проходит идея о необходимости поиска «третьего пути», который стал бы практическим воплощением исламских догматов и норм, не вступающих в противоречие с западными идеями демократии, против чего ведут активную борьбу фундаменталисты и радикалы. Стремление жителей мусульманских стран к поиску особого пути развития подтверждается приведенными в пособии данными социологических центров Gallup и Pew Research Center, согласно которым «население в странах распространения ислама не хочет жить при диктатуре, оно одновременно выступает за демократию и приведение законов в соответствии с нормами шариата и ислама» [Ислам в мировой политике... 2016: 65].

Во втором разделе пособия авторы уделили особое внимание влиянию ислама на различные сферы международных отношений, в частности, провели анализ деятельности Организации исламского сотрудничества (ОИС) и перспектив ее развития (глава 7), рассмотрели так называемый «европейский ислам» и проблему интеграции мусульманского населения в странах Европы (глава 8), изучили концепцию «черного ислама» и его влияния на социально-экономические и политические процессы на Африканском континенте (глава 9), осмыслили место ислама в истории Рос-

сийского государства (глава 10), исследовали взаимодействие и противоборство шиитов и суннитов на Ближнем Востоке (глава 11), а также исламские политические движения в регионе (глава 12), выявили влияние «исламского фактора» на внешнеполитическую стратегию стран Персидского залива, а также процессы радикализации ислама в контексте изменения геополитической обстановки на Ближнем Востоке (главы 13 и 14).

Для объективной оценки роли ислама в политических и общественных процессах авторы нередко обращаются к диаметрально противоположным точкам зрения, что, в свою очередь, отнюдь не нарушает логики и целостности повествования и проводимого анализа. Так, например, рассматривая феномен «европейского ислама», они предлагают читателю задуматься над результатами интеллектуального труда таких видных мусульманских мыслителей, как Тарик Рамадан, Бассам Тиби, Абденнур Бидар, Тарик Модуд, Юсеф Седдик, Ахмед Джабалла. Исследование их трудов позволило авторам сделать ряд глубоких выводов относительно перспектив интеграции мусульманского населения Европы и иммигрантов из арабских стран в социально-политическую, экономическую и культурную жизнь Европы. В частности, отмечается, что «европейские страны попали в своеобразную ловушку толерантности, предлагая быть толерантными к тем процессам и явлениям, которые несут в себе нетолерантность» [Ислам в мировой политике... 2016: 196].

Анализируя такое сложное явление, как «черный ислам», трактовка которого по сей день неоднозначна, и характеризуя значение религиозного фактора в африканских странах южнее Сахары, авторы справедливо отмечают, что «ислам интегрируется в трайбализм и национализм в качестве средства легитимизации власти и стабилизации политического положения» [Ислам в мировой политике... 2016: 210].

Отметим академичность и в то же время практическую и прикладную составляющие данного пособия, которое способствует формированию не только комплексного и фундаментального знания об исламе и его влиянии на международную сферу, но и прививает навык поиска причинно-следственных связей, закономерностей и логики

тех или иных внутри- и внешнеполитических решений, принимаемых в мусульманских странах.

Данное пособие не только вносит весомый вклад в формирование у начинающего специалиста комплексного представления о влиянии ислама на все сферы жизнедеятельности мусульманского общества, но и ставит вопрос о поливариативности развития исламских государств, акцентируя внимание на том, что влияние ислама на жизнь мусульманского социума, а также

региональные отношения и международную политику весьма неоднозначно.

Авторами осмыслены глобальные вопросы мирового развития, связанные с процессами глобализации и демократизации исламского мира, что в комплексе с представленным в данной работе богатым фактологическим материалом, несомненно, имеет ценность для образовательного процесса при подготовке специалистов-международников, политологов и регионоведов.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2019

Принята к публикации / Accepted: 28.07.2019

Библиографический список

- Валиахметова Г.Н. Рецензия на учебное пособие: Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 192 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 317—319. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319
- Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Ислам в мировой политике в начале XXI века / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016.

References

- Efimova, L.M. & Saproнова, M.A. (Eds.). (2016). *Islam in World Politics at the Beginning of the 21st Century*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian).
- Efimova, L.M. & Saproнова, M.A. (Eds.). (2018). *Islam in State and Socio-Political Systems of the Eastern Countries*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian).
- Valiakhmetova, G.N. (2019). Book Review: Efimova, L.M. & Saproнова, M.A. (Eds.). (2018). *Islamic Social and Political Thought Facing the Challenges of Today*. Moscow: MGIMO-University publ., 192 p. (in Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 317—319. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319 (In Russian).

Сведения об авторе: *Савичева Елена Михайловна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: savicheva-em@rudn.ru).

About the author: *Savicheva Elena Mikhailovna* — PhD in History, Associate Professor, Department of the Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: savicheva-em@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-718-720

Рецензия

**Алексеева Т.А. Теория международных отношений
как политическая философия и наука. —
М.: Аспект Пресс, 2019. — 608 с.**

А.Д. Богатуров

Журнал «Международные процессы», Москва, Российская Федерация

Book review

**Alekseeva, T.A. (2019). Theory of International Relations
as a Political Philosophy and Science.
Moscow: Aspect Press publ. 608 p. (In Russian)**

A.D. Bogaturov

International Trends Journal, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Богатуров А.Д. Рецензия: Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 608 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 718—720. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-718-720

For citation: Bogaturov, A.D. (2019). Book review: Alekseeva, T.A. (2019). Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science. Moscow: Aspect Press publ. 608 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 718—720. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-718-720

Т.А. Алексеева написала новую монографию о теории международных отношений (ТМО), которая стала наукой приблизительно 70 лет назад на Западе и около 50 лет назад в нашей стране. Книга завораживает своей современностью, стилем, подробностью изложения и главной мыслью «за кадром» — каким путем данная наука будет развиваться в России завтра? Будет традиционно следовать за Западом, пойдет нетрадиционным путем — на Восток или же как Россия — выберет среднюю «магистраль», больше опираясь на Запад и в меньшей степени на новые наработки Востока (Китая, Индии и арабских стран), при этом не упуская из повестки дня традиционно актуальные для России вопросы — баланс сил и пре-

имущества отдельных государств. Издание для российской науки очень своевременное!

Предпосылки данной работы в принципе были созданы еще в 2002 г. в «Категории политической науки» [Категории политической науки 2002], в рамках которой А.Ю. Мельвиль и М.В. Ильин заложили основы российской политической науки, смоделированной по образу западной. Имея этот образец перед глазами, Т.А. Алексеева, тем не менее, отошла от него смело и употребила собственные силы и фантазию, формулируя идеи и закладывая авторскую манеру изложения ТМО. Таким образом, опираясь на классиков, она представила обоснование нового канона, особого прочтения, новой трак-

© Богатуров А.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

товки теории международных отношений. Умная, кажется, законченная работа.

Т.А. Алексеева свободно сопоставляет людей, огромный пласт эпох и континенты. Автор проводит сравнение концепции Г. Моргентау (1904—1979) с его европейским содержанием в основе, но поправленным бытом на американской почве, с концепцией К. Уолтца (1924—2013), в трудах которого наблюдается американское понимание силы, пропущенное через системный подход, структура которого принуждает государства наращивать свою силу с целью обеспечения безопасности; в то же время система генерирует силовые сети на международном уровне, предотвращающие вооруженные конфликты, как отмечал К. Уолтц, рассматривая систему с точки зрения распределения силы между государствами.

И Г. Моргентау, и К. Уолтц могут сравниться с Х. Буллом (1932—1985), австралийско-британское становление которого было смягчено, скорректировано скрытной борьбой «новой земли» (Австралии) с метрополией (Британией). Х. Булл, так же как и большинство примкнувших к нему европейских ученых (прежде всего Б. Бузан), рассматривает международную систему как простое взаимодействие между атомистическими единицами в пустом пространстве. Государства вступают в контакт друг с другом, оказывают влияние на решения и принуждают друг друга в какой-то степени вести себя как часть некоего целого. Интересы одного государства мешают реализации интересов других. Следствием этого и становится перманентно конфликтное состояние международных отношений.

Системные исследования американского исследователя М. Каплана (1921—2017) заложили основу теории в западной части мира [Алексеева 2019: 447]. Автор правильно замечает, что его попытка рассматривать международные отношения как целостную систему, включающую множество переменных, заслуживает, безусловно, положительной оценки [Алексеева 2019: 435].

В ходе исторического развития система проходит через несколько последовательных состояний. «Состояние системы» есть выявленные переменные величины системы, то есть количество, тип и поведение государств, их военный и экономический потенциал, информационно-коммуникативные процессы. М. Каплан уделил вни-

мание также таким характеристикам системы, как «равновесие, стабильность» и «динамические изменения» системы.

Немного смущает, правда, отнесение К. Уолтца вместе с Дж. Миршаймером к «неореализму», которое стало самостоятельным направлением в рамках реалистической парадигмы ТМО. Однако это объясняется тем, что Т.А. Алексеева следует традиционному методу, подчеркивая, что *реализм* после Второй мировой войны был главным смыслом внешней политики США по отношению к СССР и странам «народной демократии», а в отношениях между свободными странами Запада они опирались на *либеральный интернационализм* [Алексеева 2019: 254—258, 403].

Вашингтонская конференция активистов науки 1954 г. стала рубежом в становлении ТМО, потому что ТМО была провозглашена новым направлением в науке. Хорошо показана разноплановость задач групп ученых накануне и после конференции, а также роль К. Уолтца, сделавшего один из докладов для участников мероприятия. Впоследствии развернулась полемика между «бихевиористами» (наиболее яркий представитель — Дж. Сингерс) и неореалистами, которую от лица неореалистов вел К. Уолтц.

Понравилось внимание, которое в книге уделяется И.Р. Пригожину (1917—2003), бельгийскому мыслителю русского происхождения, и его пришедшей из точных наук концепции «постнеклассической науки» [Алексеева 2019: 112] с ее философско-теоретическим обоснованием международных отношений. Он внес существенный вклад в разработку парадигмы изменяющегося эволюционирующего во времени мира. Это одна из значимых концепций неравномерности развития, получившая широкое распространение.

Незападным теориям в книге тоже уделено внимание [Алексеева 2019: 87—92]. Автор выделяет и российских экспертов, в том числе сотрудников МГУ им. М.В. Ломоносова (П.А. Цыганкова и Р.А. Сетова), ИМЭМО РАН (В.И. Гантмана, М.А. Чешкова, Н.А. Косолапова), ИСКРАН (Э.Я. Баталова), МГИМО (М.А. Хрусталева, В.Б. Тихомирова, И.Г. Тюлина, А.А. Злобина), а также новой кафедре прикладного анализа международных проблем (ПАМП МГИМО), созданной в 2006 г. В это число следовало бы добавить также В.А. Кременюка и Ю.П. Давыдова, внес-

ших значительный вклад в разработку теории международных отношений. Обратим внимание: А. Хрусталева, А.А. Злобин, М.А. Чешков, Э.Я. Баталов и я — это люди, начинавшие свою научную деятельность с востоковедения и со временем расширившие свою специализацию и сосредоточившиеся на более общих проблемах.

Американо-британская школа ТМО в настоящее время задает тренды, но что делать другим странам, когда у них пока только собираются силы, чтобы отвечать достойно на те вызовы, с которыми сталкивается Не-Запад? Д.А. Дегтерев, возглавляющий в РУДН кафедру теории и истории международных отношений, приоритетом которой является исследование незападных теорий и которая стала главной площадкой для обсуждения незападных теорий международных отношений, пока не дает четкого ответа на этот вопрос (коллективная монография по незападным

ТМО, которую готовит РУДН, выйдет в 2020 г. — *Прим. ред.*).

В этой связи фрагмент работы Т.А. Алексеевой о незападных теориях похож на полемику, приглашающую консолидировать силы, чтобы определить место незападных теорий в науке о международных отношениях. «„Западная“ гегемония в области исследований МО продолжает мощно влиять на иерархию знаний, перспектив, тем и методов» [Алексеева 2019: 91] и призывает сделать из этого правильные выводы.

Автором даны классификации, например, политических мнений: консервативно-реалистическое, либеральное, марксистское и т.д. За этим чувствуется масштаб! Хорошо написано, давно не встречалось такой работы, посвященной ТМО. Поэтому всем интересующимся теорией международных отношений эту книгу было бы нелишне иметь на полках.

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2019

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2019

Библиографический список

Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. Категории политической науки / под ред. А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002.

References

Alekseeva, T.A. (2019). *Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
Melville, A.Yu. (Eds.). (2002). *Categories of Political Science*. Moscow: MGIMO, ROSSPEN publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Богатуров Алексей Демосфенович — доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель редакционной коллегии журнала «Международные процессы» (e-mail: alebog@obraforum.ru).

About the author: Bogaturov Alexey Demosfenovich — Dr. of Sc. (Politics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Editorial Board, the “International Trends Journal” (e-mail: alebog@obraforum.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-721-723

Рецензия

**Global Governance and Muslim Organizations /
Ed. by L.A. Pal, M.E. Tok. Palgrave Macmillan, 2019. 388 p.**

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

**Pal, L.A. & Tok, M.E. (Eds.). (2019). Global Governance
and Muslim Organizations. Palgrave Macmillan, 388 p.**

М.М. Agazade

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Агазаде М.М. Рецензия: Global Governance and Muslim Organizations / Ed. by L.A. Pal, M.E. Tok. Palgrave Macmillan, 2019. 388 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 721—723. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-721-723

For citation: Agazade, M.M. (2019). Book review: Pal, L.A. & Tok, M.E. (Eds.). (2019). Global Governance and Muslim Organizations. Palgrave Macmillan, 388 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 721—723. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-721-723

Монография «Глобальное управление и мусульманские организации» написана коллективом авторов из разных университетов мира и организаций, которые поставили перед собой задачу рассмотреть конструктивное взаимодействие государств с мусульманским большинством и мусульманских организаций с институтами глобального управления.

Глобальное управление — это процесс совместного руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей¹. Возникновение этого термина датируется серединой 1970-х гг. Нынеш-

няя концепция «глобального управления» связана с распадом СССР и сопутствующим ощущением нового совместного мира, который возникнет для решения глобальных общественных проблем [Global Governance... 2019: 5].

Весьма логичным выглядит структурирование рецензируемого труда — в нем представлены 15 глав, в каждой из которых авторы рассматривают, несомненно, актуальные вопросы влияния мусульманских организаций на глобальное управление и мусульманское общество.

В первой главе дается общая информация о концепции «глобального управления», характеристике исламского мира и отмечается, что система, с которой взаимодействуют государства с мусульманским большинством и исламские организации, гораздо более разнообразна и сложна, более дезагрегирована и даже специфична для отдельных секторов, чем ООН или другие

¹ См.: Ботон Дж.М., Брэдфорд-мл. К.И. Глобальное управление: новые участники, новые правила // Финансы и развитие. Декабрь 2007. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf (дата обращения: 24.12.2019).

обычные органы, в которых доминирует государство [Global Governance... 2019: 7]. Хотя существует явно исламский мир, отличающийся верностью своей религии, цивилизация, основанная как на этой религии, так и на общей истории и культуре, столкнувшаяся с вызовами современности, — это мир государств и акторов с полным спектром интересов, идей и устремлений [Global Governance... 2019: 22].

Во второй главе анализируются программы реформирования управления под руководством Запада в государствах с мусульманским большинством, что является ключевым аспектом взаимодействия исламского мира с другими глобальными игроками, и отмечается, что усилия западных держав по реформированию систем управления в мусульманских государствах реализуются либо путем «продвижения демократии», либо, что часто встречается в последнее время, «хорошего управления» (смесь политической, а также административной реформы) [Global Governance... 2019: 47].

Особый интерес вызывает третья глава, где рассматриваются и исследуются философские истоки и генезис концепции «глобального управления» в исторических традициях ислама, а также потенциальный вклад ислама в современное понимание этой концепции. Прослеживаются источники исламских подходов к управлению через ключевые источники: Коран, хадисы (учение Пророка Мухаммеда) и Сунну (действия Пророка) — и подчеркивается, что хотя многие аспекты модернизации, по-видимому, противоречат исламской системе ценностей, такие как секуляризация, материальное развитие, индустриализация и технологии, современность не обязательно противоречит исламскому мировоззрению [Global Governance... 2019: 99].

Авторы уделяют особое внимание тому, как верховенство закона функционирует и как оно связано с управлением в государствах с мусульманским большинством (глава 4), анализируют деятельность Организации исламского сотрудничества (ОИС) как института, предоставляющего альтернативную поддержку в рамках многоуровневой системы глобальной помощи и развития (глава 5), и исламских благотворительных организаций, которые следуют по сложному пути после 11 сентября 2001 г. как в отношениях с мусульманскими государствами, так и с более широким кругом глобальных неправительствен-

ных организаций (НПО) (глава 6), рассматривают роль и подход ОИС к Парижскому соглашению 2015 г. (глава 7) и экологическую политику в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) с точки зрения как изменения климата, так и энергетической безопасности (глава 8), обсуждают вопрос первостепенной важности для всех современных государств — поощрение научных исследований как вклад в экономику знаний и социальное развитие, а также вовлечение национальных исследовательских стратегий в мировое научное сообщество (глава 9), выявляют влияние глобализации на систему государственного образования, особенно на сектор послешкольного обучения (глава 10).

Авторы подчеркивают, что шариат и исламские финансовые институты совместимы с общими нормами и стандартами глобального управления, несмотря на некоторые ключевые различия (глава 11), анализируют исламскую экономику и финансы как с глобальной точки зрения, так и через призму тематического исследования Пакистана (глава 12), описывают важность «цифрового состояния» мусульманского мира, а также социальных, экономических и культурных последствий информационных и коммуникационных технологий, включая социальные сети (глава 13), представляют исторический обзор трудовой миграции в ССАГПЗ, а также различные вопросы и реформы управления, руководствуясь структурой Индекса управления миграцией (глава 14).

В заключительной главе авторы справедливо отмечают: несмотря на то что под уммой явно понимается «исламский мир», между мусульманскими регионами и странами существуют важные внутренние разногласия и различия, и было бы большой ошибкой думать, что «исламский мир» говорит одним голосом [Global Governance... 2019: 368]. Однако мусульманская умма не отгораживается от внешнего мира, признает объективный характер процессов глобализации и своей вовлеченности в эти процессы [Фитуни, Абрамова 2018: 128].

Подчеркивая академичность, с одной стороны, и в то же время практическую и прикладную составляющие рецензируемой работы, которая способствует формированию комплексного и фундаментального знания об особенностях мусульманского мира — с другой, следует отметить, что данный труд имеет важное научное

и практическое значение и вносит весомый вклад в понимание роли мусульманских организаций на международной арене.

Монография представляет значительный интерес как для ученых, занимающихся проблематикой мусульманской уммы, так и для тех, кто

на практике взаимодействует с мусульманскими организациями в ходе урегулирования конфликтов исламского мира, а также будет полезна студентам, аспирантам и всем интересующимся проблемами мусульманского Востока.

Поступила в редакцию / Received: 23.10.2019

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2019

Библиографический список

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. М.: Ин-т Африки РАН, 2018.
Global Governance and Muslim Organizations / Ed. by L.A. Pal, M.E. Tok. Palgrave Macmillan, 2019.

References

Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2018). *Islam, Global Governance and the New World Order*. Moscow: Institute of Africa RAS publ. (In Russian).
Pal, L.A. & Tok, M.E. (Eds.). (2019). *Global Governance and Muslim Organizations*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: *Agazade Mirmekhti Mirkamil ogly* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: agazade-mm@rudn.ru).

About the author: *Agazade Mirmekhti Mirkamil ogly* — Assistant, Department of the Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: agazade-mm@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-724-727

Рецензия

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 2019. 364 p.

Н.А. Филин, А.С. Ходунов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Book review

Grinin, L., Korotayev, A. & Tausch, A. (2019). Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 364 p.

N.A. Filin, A.S. Khodunov

RSUH University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: *Филин Н.А., Ходунов А.С.* Рецензия: Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 2019. 364 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 724—727. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-724-727

For citation: Filin, N.A. & Khodunov, A.S. (2019). Book review: Grinin, L., Korotayev, A. & Tausch, A. (2019). Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. New York: Springer International Publishing, 364 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 724—727. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-724-727

Рецензируемая работа представляет собой исследование, посвященное характеристике исламистских течений на Ближнем Востоке в контексте политического, социально-экономического и демографического развития региона. Данная тема представляется чрезвычайно актуальной и значимой для современного мира, что связано как с очевидным ростом популярности исламистских движений на Ближнем Востоке в последние десятилетия, так и с общим ростом политического и особенно демографического веса и влияния данного региона на мировые процессы.

В отличие, например, от Западной Европы или Восточной Азии религия до сих пор играет исключительно важную роль в жизни Ближнего Востока¹, что обуславливает желание населения, чтобы к власти приходили правительства, руководствующиеся религией в своей политической деятельности.

¹ См.: Crabtree S. Religiosity Highest in World's Poorest Nations. 31 August 2010. URL: <https://news.gallup.com/poll/142727/religiosity-highest-world-poorest-nations.aspx> (дата обращения: 21.09.2019).

© Филин Н.А., Ходунов А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Из-за исключительного многообразия исламистских течений и многоаспектности влияния исламизма на ближневосточные общества целый ряд вопросов, связанных с данной идеологией, оказался недостаточно изучен. Рецензируемая работа ставит своей целью восполнить пробел в отечественной и мировой науке, исследовав различные аспекты, тенденции и перспективы развития исламизма, факторы и причины его превращения в доминирующую политическую силу на Ближнем Востоке в контексте политической и социально-экономической модернизации и демократизации региона.

Работа состоит из двух разделов, которые содержат различные подходы к исламизму, что объясняется сложностью и неоднозначностью темы; кроме того, такая структура позволяет увидеть рассматриваемые в тексте проблемы с разных сторон. Основное внимание в данной рецензии будет уделено первому разделу работы, посвященному феномену возникновения, распространения и эволюции ближневосточных исламистских партий и движений.

В первой (вводной) главе справедливо отмечается, что современный исламизм, подобно другим политическим направлениям, в частности социализму, представляет собой конгломерат исключительно разнообразных движений и практик — от радикальных и террористических до весьма умеренных и успешно встроившихся в демократический дискурс. Поэтому нельзя формировать мнение об исламизме на основе только лишь радикальных течений, не обращая внимания на успешные примеры модернизированного исламизма. Этим опровергается очень распространенное на Западе и в России (в том числе и среди высокообразованных людей) представление, что якобы исламизм всегда подразумевает отсталость, нищету, терроризм и физическое уничтожение инакомыслящих и инаковерующих. Касаясь известной проблемы большинства ближневосточных обществ (слабое развитие демократических институтов и преобладание авторитарных и диктаторских режимов в регионе), авторы, осознавая очень большую популярность основанных на религии партий, отмечают, что проблему демокра-

тизации региона можно решить только путем обеспечения конструктивного взаимодействия умеренных исламистов с секулярно настроенными силами, находя баланс между исламскими и демократическими ценностями.

Вторая глава исследования посвящена сравнению динамики разнообразных индикаторов развития Ближнего Востока с Индией и Китаем в рамках мир-системного подхода, набирающего все большую популярность в современной науке. Основное внимание при этом было уделено уровню религиозности населения в этих странах и регионах, а также роли нефти как фактора резкого роста доходов и влияния Ближнего Востока в мире (и в то же время фактора консервации политического развития и роста радикального исламизма). Тем не менее, как отмечают авторы, Ближний Восток в конечном счете отстал в развитии от Индии и тем более Китая и не сможет претендовать на роль одного из мировых центров, как они, а будет довольствоваться в лучшем случае лишь ролью полупериферии.

В третьей главе рассматривается сам исламизм как идеология и его роль в современных исламских обществах. Весьма интересной представляется параллель между подъемом исламизма, начавшимся в 1970-х гг., и Реформацией в Европе XVI—XVII вв., поскольку оба этих явления привели к серьезному ужесточению норм в культурной и политической жизни. Стоит согласиться с утверждением, что в умеренном исламизме (который поддерживает большинство мусульман) заключаются многие позитивные для общественного развития вещи: ограничение потребительства, необходимость помощи обездоленным членам общества, признание всех людей равными в религиозном смысле, уважение к вековым традициям, семейным ценностям (в то время как радикальный исламизм, порождающий деструктивные и опасные процессы, вплоть до массовых убийств невинных людей, уже превратился в предмет беспокойства во всем мире).

Ключевые вопросы, рассмотренные в главе, — это отношение исламизма к таким общечеловеческим ценностям, как права человека, в том числе права религиозных меньшинств, и демократия. Авторы убедительно доказывают,

что умеренный исламизм способен к модернизации (пусть и с существенными ограничениями и особенностями), и в нем обеспечиваются многие принятые на Западе права человека и элементы демократии (но многие отбрасываются из-за религиозного запрета). Важной особенностью проведенного анализа является очень глубокий и тщательный подход к проблеме, учитывающий современное состояние исламских обществ, что помогает определить реальное место ислама и исламизма, а также дать адекватные рекомендации по ускорению развития этих обществ с учетом весьма высокого уровня религиозности.

В четвертой главе исследования дана подробная характеристика причин и движущих сил «арабской весны». Отмечен особо масштабный и массовый характер революционного движения, охватившего подавляющее большинство арабских стран. При этом авторы отмечают, что, вопреки распространенному мнению, причинами революций были вовсе не бедность, недоедание или экономическая стагнация (проблема бедности и голода была решена, а экономика росла очень быстро), а слишком быстрый рост уровня ожиданий, за которым не поспевал фактический рост уровня жизни, а также рост численности и доли безработной молодежи, которая была недовольна авторитаризмом. Особое внимание уделено причинам синхронизации арабских революций. Главной из таких причин, как утверждается, стало резкое повышение цен на нефть в 1973 г., способствовавшее ускорению модернизации фактически всех арабских государств, что привело к быстрому падению в них смертности и, как следствие, ускорению роста численности населения и увеличению доли молодежи, которая и приняла наиболее активное участие в революции.

Пятая глава содержит анализ особенностей демократизации Египта и других стран Ближнего Востока. Основной мыслью главы, которая представляется чрезвычайно важной, является серьезная опасность поспешной демократизации в странах, неготовых к ней. Последствия такой необдуманной демократизации, особенно в исторически фрагментированных обществах со слабой государственной традицией (таких, как Ливия и Сирия), могут быть катастрофическими —

вплоть до кровавых гражданских войн. В других странах, например в Египте, попытка стремительной демократизации привела к прекращению экономического бума и началу стагнации.

В заключительной части первого раздела сделан представляющийся справедливым вывод, что «арабская весна» не смогла решить ни одну серьезную проблему, стоящую перед арабскими государствами, а, напротив, в значительной степени ухудшила и так непростую ситуацию в них. В главе также кратко говорится о режиме аятолы Хомейни в Иране, который назван «достаточно радикальным» [Islamism, Arab Spring... 2019: 161]. Этот режим действительно нес в себе существенные элементы радикализма. Однако по некоторым очень важным критериям (таким, как отношение к религиозным меньшинствам) он был гораздо ближе к умеренному исламизму, чем к радикальному. Так, при нем евреи централизованно обеспечивались кошерным мясом, и им (впрочем, как и христианам) не чинились препятствия для совершения религиозных обрядов и гарантировались места в парламенте [Алиев 2002: 678—679], что было бы немыслимо при правлении реально радикальных исламистов.

Второй раздел также содержит много весьма важных и интересных моментов (хотя некоторые утверждения и представляются спорными — например, недооценивается роль умеренного исламизма). Следует отметить приведение информации о ценностях и взглядах на Ближнем Востоке, содержащейся в различных базах данных. Автор раздела полагает, что по многим показателям данные по исламскому миру весьма тревожны и демонстрируют слабое развитие демократии и гражданского общества в нем. Очень интересным представляется использование «индекса исламскости» (*Islamicity Index*), который включает в себя разные показатели социально-экономического и политического развития и подразумевает степень соответствия общества идеальным исламским нормам. Он показывает, что страны Запада по этим статистическим показателям гораздо ближе к исламским идеалам, чем государства, принадлежащие к миру ислама. Поэтому стоит согласиться с утверждением автора о желательности обеспечить в исламском мире

равноправие, высокое качество политических институтов, безопасность, устойчивое экономическое развитие в срочном порядке.

Таким образом, авторы на базе очень богатого фактического материала иллюстрируют возникновение, развитие, проблемы и перспективы исламизма, сравнение динамики Ближнего Востока с Китаем и Индией, а также особенности, движущие силы и результаты арабских революций. В монографии содержится также множество

данных опросов. Очень глубокая проработка всех этих сюжетов делает рецензируемое издание весьма полезным для ученых-востоковедов и обычных читателей, интересующихся проблемами исламизма и развития Ближнего Востока. Серьезный позитивный вклад данной монографии в науку заключается также в развенчании многих стереотипов об исламизме и «арабской весне», присутствующих в публицистических и даже некоторых научных работах.

Поступила в редакцию / Received: 24.10.2019

Принята к публикации / Accepted: 04.11.2019

Библиографический список

Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. New York: Springer International Publishing, 2019.

References

Aliiev, A.A. (2002). *Iran vs Iraq: History and Modern Time*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).

Grinin, L., Korotayev, A. & Tausch, A. (2019). *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. New York: Springer International Publishing.

Сведения об авторах: *Филин Никита Александрович* — кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой современного Востока Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: n.filin@rggu.ru).

Ходунов Александр Сергеевич — преподаватель кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: nalim13s@mail.ru).

About the authors: *Filin Nikita Aleksandrovich* — PhD in History, Associate Professor, acting Head of the Department of the Modern East, Russian State University of Humanities (RSUH University) (e-mail: n.filin@rggu.ru).

Khodunov Aleksandr Sergeevich — Lecturer, the Department of the Modern East, Russian State University of Humanities (RSUH University) (e-mail: nalim13s@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

Рецензия

**Pan-Islamic Connections: Transnational Networks
between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër.
Oxford University Press, 2017. 304 p.**

А.В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Book review

**Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017).
Pan-Islamic Connections: Transnational Networks
between South Asia and the Gulf. Oxford University Press, 304 p.**

A.V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Куприянов А.В. Рецензия: Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër. Oxford University Press, 2017. 304 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 728—730. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

For citation: Kupriyanov, A.V. (2019). Book review: Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017). Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf. Oxford University Press, 304 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 728—730. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

В европейской географической традиции принято делить зарубежную Азию на регионы: Ближний и Средний Восток, Южную, Юго-Восточную, Северо-Восточную, Восточную, Центральную, Среднюю, Переднюю и прочие Азии. Эти воображаемые регионы, как правило, либо накладываются друг на друга, либо друг друга дублируют. Это не случайно: Азия слишком велика и сложна, чтобы ее можно было безболезненно разрезать на части. Подобное дробление, тем не менее, неизбежно — именно в силу огромности этой части света; но оно искусственно разрывает азиатскую общность, вынуждая ученых

обращать внимание преимущественно на региональные процессы.

Тем ценнее работы, которые демонстрируют, что Азия при всем своем разнообразии культур и политических и религиозных традиций пронизана сложной системой взаимных связей. Они не всегда видны невооруженным глазом, но при этом оказывают важное влияние на политические процессы, происходящие на огромном пространстве от Тихого океана до Средиземного моря. Рецензируемая монография принадлежит к числу таких работ: авторы представленных в ней статей исследуют незримые нити, связывающие воедино

© Куприянов А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

две части исламского мира — Южную Азию и страны Персидского залива [Pan-Islamic Connections... 2017].

На протяжении почти тысячелетия — от момента появления в Южной Азии первых мусульман и до гибели державы Великих Моголов — на полуострове Индостан и в ряде окружающих районов формировался отдельный, уникальный центр мусульманской подсистемы международных отношений. Правители Индостана подчеркивали свою независимость от Мекки и Медины, претендуя порой на титул халифа и пытаясь сформировать свой, альтернативный, центр с собственными святыми — суфийскими шейхами, местами паломничества и богословской традицией. Этот центр был тесно связан с Персией, что позволяет ряду исследователей говорить о персидско-индийском исламе как об отдельном течении в рамках мусульманской религии. Однако последнее столетие ознаменовалось возрождением связей почти всех государств Южной Азии с монархиями Залива. Это произошло как по политическим и культурным, так и по экономическим причинам. Вместе с тем Иран — крупнейшая шиитская держава региона, — пройдя через ряд кризисов, постепенно укрепляет свое влияние в исламском мире, противостоя суннитским монархиям.

Монография разбита на 10 глав, каждая из которых посвящена отдельному вопросу в рамках общей темы.

Первая глава [Pan-Islamic Connections... 2017: 21—48], написанная одним из редакторов монографии, Кристофом Жаффрело, носит в основном исторический характер и посвящена изменению характера межрегионального взаимодействия после сипайского восстания 1857—1859 гг. и ликвидации империи Великих Моголов, а вместе с ней — и попыток создать альтернативный центр в рамках мусульманской подсистемы международных отношений. После этого многие мусульмане в поисках религиозной опоры обратили взоры на запад, к древнему центру ислама в Мекке и Медине. При этом, как демонстрирует К. Жаффрело, индийские богословы, перебравшиеся в Мекку, сохранили приверженность специфическому южно-азиатскому пониманию ислама, а в самой Индии уже после Первой мировой войны возникло движение за деарабизацию ислама. Ситуация не изменилась и после создания Пакистана: его идеологи видели в новосозданном государстве или альтернативный центр исламского мира, своего рода «Новую Медину», или образец

исламского государства нового типа в противовес монархиям Залива. Однако сейчас, по мнению автора, мы видим крушение этой идеи: укрепление политических и финансовых связей Пакистана с Саудовской Аравией, начавшееся в 1979 г., постепенно ведет к распространению ваххабитской идеологии и арабизации пакистанского ислама.

Каким именно образом это происходит, демонстрирует Айеша Сиддика, анализирующая систему патронажа Саудовской Аравии над пакистанскими медресе [Pan-Islamic Connections... 2017: 49—71]. Если до 1979 г. диалог между пакистанскими и саудовскими богословами велся с примерно равных позиций, то теперь мы наблюдаем процесс экспансии салафитской идеологии в Пакистане через медресе, тесно связанные с движениями деобанди и ахль-и-хадис, близкими к военным кругам. Пока саудовское влияние в Пакистане относительно невелико; но в будущем распространение салафитских идей может привести к трансформации всего пакистанского общества.

Один из таких примеров разбирает Самина Ямин в главе, посвященной распространению в Пакистане изначально саудовского нарратива «глобального джихада» [Pan-Islamic Connections... 2017: 73—90]. Его пропаганда ведется через сеть движения «Джамаат-уд-Дава», которое адаптирует его под пакистанские реалии, обеспечивая охват не только мужской, но и женской части населения. С. Ямин демонстрирует, как при помощи «Джамаат-уд-Дава» нарратив «глобального джихада» распространяется среди пакистанской диаспоры в странах Залива.

Три главы посвящены Афганистану. Вахид Браун описывает историю исламского эмирата Кунар — квазигосударственного образования, созданного в одноименной провинции в 1990—1991 гг. при поддержке Саудовской Аравии и павшего год спустя под ударами соперничающих группировок боевиков [Pan-Islamic Connections... 2017: 91—116]. В последнее время ученые на Западе уделяют Кунару пристальное внимание: он рассматривается как прообраз «Исламского государства», где были отработаны многие идеи, модели и методы, позже реализованные в Сирии и в Ираке. Донн Расслер анализирует источники финансирования сети Хаккани в период Афганской войны и механизмы (прежде всего, частные контакты и религиозные сети), при помощи которых осуществлялись контакты между Джалалудином Хаккани и его спонсорами в странах За-

лива — Саудовской Аравии и ОАЭ [Pan-Islamic Connections... 2017: 117—139]. Наконец, Антонио Джустоцци изучает вопрос финансирования «Талибана» после 11 сентября 2001 г.; по его данным, талибы получали деньги из Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара, причем наблюдалась определенная конкуренция между спонсорами боевиков. Пакистан в этой ситуации стремился удержать афганский мирный процесс под своим контролем, заинтересовав в нем в то же время Саудовскую Аравию и не оттолкнув от себя Иран [Pan-Islamic Connections... 2017: 141—154].

Аликс Филиппон исследует деятельность религиозных сетевых сообществ непосредственно суфийских братств, ведущих активную деятельность в пакистанских диаспорах стран Залива и способствующих формированию новых религиозных элит в самом Пакистане [Pan-Islamic Connections... 2017: 155—175]. Стефан Дудойон изучает использование Ираном в качестве инструмента «мягкой силы» суннитских сетей и приходит к выводу, что Исламская Республика, вопреки своей репутации основного шиитского центра, играет роль «крупного суннитского хаба» в регионе [Pan-Islamic Connections... 2017: 177—193]. Радхика Гупта, в свою очередь, анализирует соперничество иранских и южноиракских религиозных центров, пользующихся в среде индийских шиитов большим авторитетом и борющихся за влияние на индийскую молодежь, которая обучается в медресе [Pan-Islamic Connections... 2017: 195—215]. И наконец, Симон Вольфганг Фукс рассматривает процесс формирования антишиитского движения в Пакистане, демонстрируя, с одной стороны, взаимосвязь аргументов паки-

станских и саудовских богословов, а с другой — явную обособленность пакистанского антишиитского дискурса [Pan-Islamic Connections... 2017: 217—232].

Даже по этому краткому обзору видна широта охвата предмета. Исторические и региональные исследования, собранные под одной обложкой, не только помогают по-новому взглянуть на происходящие в странах Южной Азии и регионе Персидского залива события, но и содержат огромный массив информации, который может и должен быть использован при принятии стратегических решений в отношении дальнейшей политики России в этих регионах. Это тем более важно в условиях противостояния двух ядерных держав — Индии и Пакистана, постепенной трансформации внешней и внутренней политики Индии под руководством Нарендры Моди и нарастания в Пакистане саудовского и эмиратского влияния.

Единственное, что можно поставить составителям монографии в упрек — чрезмерную концентрацию на Пакистане и Афганистане, которым суммарно посвящено более двух третей сборника. Другие страны региона, такие как Индия и Иран, где проживает в сумме примерно четверть миллиона мусульман, удостоились лишь пары глав, а еще для двух мусульманских стран — Бангладеш и Мальдив, отношения которых со странами Залива представляют большой интерес для исследователя, — в книге вообще не нашлось места. Хочется надеяться, что это упущение будет устранено в новой монографии, подготовленной теми же редакторами-составителями.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2019

Принята к публикации / Accepted: 24.09.2019

Библиографический список

Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër. Oxford University Press, 2017.

References

Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017). *Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf*. Oxford University Press.

Сведения об авторе: *Куприянов Алексей Владимирович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru).

About the author: *Kupriyanov Alexey Vladimirovich* — PhD in History, Research Fellow of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation, Staff Member of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru)

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-731-733

Рецензия

Bacon T. Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. 345 p.**И.А. Соков**

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Book review

Bacon, T. (2018). Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 345 p.**I.A. Sokov**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Для цитирования: Соков И.А. Рецензия: Bacon T. Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. 345 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 731—733. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-731-733

For citation: Sokov, I.A. (2019). Book review: Bacon, T. (2018). Why Terrorist Groups Form International Alliances. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 345 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 731—733. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-731-733

Монография доктора наук по международным отношениям Трисии Бэкон «Почему террористические группы формируют международные союзы» не только имеет научную и политическую актуальность, но и претендует на новое слово в теории международных отношений. Работая в Госдепартаменте США, включая Бюро разведки и исследования, Бюро противодействия терроризму и Бюро дипломатической безопасности и занимаясь вопросами противодействия терроризму больше десяти лет, Т. Бэкон провела систематизированное исследование и анализ террористических структур и их деятельности в Южной Азии, Северной Африке, Восточной Африке, Европе и Юго-Восточной Азии за вторую половину XX — начало XXI в.

По мнению автора книги, работа над выбранным направлением исследования была обуслов-

лена тем, что «правительство США не имело большого успеха в разрушении или предотвращении центров альянса или их сетей, хотя это было политическим приоритетом на протяжении более десяти лет» [Bacon 2018: 3].

Т. Бэкон, проводя исследование в традициях конструктивизма, разработала теорию сетевой организации терроризма с присутствием в ней террористических центров (хабов) и спутниковых террористических групп во многих странах мира. Такие сетевые организации имеют не только внутреннее взаимодействие, но и необходимые для них контакты с международными акторами. По мнению автора, террористические центры и группы разделяют «политический рынок, независимо от национальных границ» [Bacon 2018: 11], что позволяет говорить о развитии специфической области международных отношений в XXI в.

© Соков И.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Необходимость в теории сетевой организации современного терроризма вызвана, согласно позиции Т. Бэкон, наступлением «организационного века» (organizational age) в деятельности террористических групп и наступлением требований их самореформирования (self-reform). Более того, «существуют условия и мотивы, которые охватывают время, географию, идеологию и международные условия для создания созвездий альянсов, вращающихся вокруг хабов» [Wason 2018: 25].

Как указывает Т. Бэкон, в создании собственной теории она опиралась на уже существующие концепции: организационную теорию (organizational theory), деловую теорию союза (business alliance theory), теорию сети (network theory), теорию общественного движения (social movement theory) и конструктивизм (constructivism) [Wason 2018: 29], а также на ряд исследований современных ученых, занимающихся исследованием терроризма, в том числе работы Б. Хоффмана, Г. Маккормика, Дж. Поста, М. Креншоу, Э. Кир, Б. Филлипса, Р. Гулати, М. Горовица, Э. Кармона, М. Барнетта, М. Седжвика и др.

Композиционно монография состоит из введения, шести глав и заключения. Первая глава — «Теория союзных центров и формирование союзов» — посвящена изложению авторской теории, вторая глава содержит анализ деятельности Народного фронта освобождения Палестины как основоположника существующих центров, третья — посвящена террористической группировке «Красные бригады», четвертая и пятая главы — деятельности «Аль-Каиды»¹ до и после событий 11 сентября 2001 г., соответственно. В шестой главе автор анализирует египетские джихадистские группы. В заключении обобщается исследуемый материал, применимость представленной теории для современных международных отношений и предлагаются авторские рекомендации по осуществлению эффективной контртеррористической деятельности.

На наш взгляд, структура монографии Т. Бэкон не совсем удачна. Она построена по принятым нормам написания политологической диссертации, поэтому содержит повторы, которых можно было бы избежать. Так, первая глава со-

держит методологию исследования и содержание самой теории без указания ее применимости во временных и территориальных рамках, поэтому понять и принять ее достаточно сложно, не зная используемого автором исторического материала. Последующие главы посвящены генезису и эволюции террористических групп и созданию террористических союзов в исторической ретроспективе и приложению к каждому случаю положений представляемой автором теории. Такой подход вынуждает Т. Бэкон подготовить заключение, сравнимое по объему с текстом главы (на 31 страницу), в котором повторяются основные положения выдвигаемой теории. Поэтому знакомство с текстом монографии рецензент рекомендует начинать со второй главы по пятую, а затем вернуться к чтению первой главы, чтобы осмысленно понять аргументы автора теории.

Имеются и другие замечания.

Конструирование сетевой теории терроризма, исходя из одного, хоть и важного (организационного) или даже нескольких (идеологического, этнонационального, религиозного и др.) факторов, значительно обедняет ее, если изменения влияния этих факторов не рассматриваются в историческом контексте.

Автором предпринята попытка показать роль государственных образований или государств в развитии террористических сетей на примере Судана, Палестинской национальной администрации, Афганистана и Пакистана, но глубокий анализ этой роли автору не удался. Основное внимание уделено объяснению многочисленных внутренних условий и причин объединения террористических групп, а также выявлению факторов, влияющих на их присоединение к тем или иным террористическим союзам на конкурентной или неконкурентной основе.

Безусловно, с чем можно и нужно согласиться, так это авторские рекомендации по борьбе с международным терроризмом: «Политические рекомендации, вытекающие из этого исследования, не предлагают серебряной пули для устранения угрозы со стороны террористических союзов или предотвращения всех таких альянсов. На самом деле, многие из рекомендаций уже являются частью контртеррористических усилий США. Более широкое признание того, что определенная политика будет также препятствовать

¹ Организация запрещена в РФ.

альянсам, может способствовать более интенсивной концентрации и увеличению внимания, средств или энергии, выделяемых на эти усилия» [Bacon 2018: 279].

Т. Бэкон считает, что Соединенным Штатам необходимо сменить приоритеты в антитеррористической борьбе и обратить первостепенное внимание на те террористические группы, которые конкретно угрожают безопасности США. По мнению автора, такие группы, соединившись с центром (хабом) сетевого союза, получают большую возможность использования различных

ресурсов, становятся не только еще более опасными, но и более скрытными под сенью хаба сетевого союза [Bacon 2018: 279—280]. Поэтому «идея разрушения инфраструктуры центров союза должна стать разработанной частью антитеррористической стратегии США» [Bacon 2018: 281].

В заключение следует отметить безусловный вклад Т. Бэкон в теоретическую разработку проблемы сетевого расширения международного терроризма и признать практическую значимость ее исследования для принятия антитеррористических усилий.

Поступила в редакцию / Received: 02.07.2019
Принята к публикации / Accepted: 30.07.2019

Библиографический список / References

Bacon, T. (2018). *Why Terrorist Groups Form International Alliances*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Сведения об авторе: Соков Илья Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета (e-mail: sokov@volsu.ru).

About the author: Sokov Ilya Anatol'evich — PhD, Dr. of Sc. (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University (e-mail: sokov@volsu.ru).

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУДН

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР НА ТЕМУ «НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ МО В СТРАНАХ АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»

2-й год — Индия, Ближний и Средний Восток, Африка

*Координатор семинара — к.и.н., ст. преп. кафедры теории и истории международных отношений
РУДН О.С. Чикризова*

Предыстория: В 2018/2019 учебном году успешно прошел первый год научного семинара. Рассматривались евразийство как основа российской ТМО (30.10.2018); японские, корейские и монгольские концепции мироустройства (23.11.2018); китайские ТМО (01.03.2019) и концепции международных отношений стран Юго-Восточной Азии (26.04.2019). В мероприятии приняли участие ведущие международники и регионоведы РФ, зарубежных стран, в том числе в формате телемостов.

Проблематика: обсуждаются национальные школы международных отношений и основные концепции и теории мировосприятия в странах «Глобального Юга». В 2019/2020 учебном году акцент будет сделан на странах Ближнего и Среднего Востока (арабские страны, Турция, Иран), Африки, а также Индии. В конце 2020 года будет рассматриваться Латинская Америка.

Участники: представители ведущих вузов РФ (РУДН, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ), институтов РАН (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН), региональных вузов, ученые из стран «Глобального Юга» и ведущие западные исследователи (в формате телемостов).

Итог работы: коллективная научная монография на русском языке (издательство «Аспект Пресс»).

Темы семинаров на 2020 г.:

28 февраля 2020 г. — Исследования международных отношений в странах Африки

18 марта 2020 г. — Международные отношения в арабских странах

17 апреля 2020 г. — Иранская школа международных отношений

Контакты:

Чикризова Ольга Сергеевна: chikrizova-os@rudn.ru

Кафедра ТИМО РУДН: humanities.ir@rudn.ru

В 2020 г. в издательстве «Аспект Пресс» выходит коллективная монография «Незападные ТМО. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства». Это итог многолетней совместной работы коллектива кафедры ТИМО РУДН с представителями ведущих российских и зарубежных вузов, а также исследователями Российской академии наук.